Ю. В. Ильин, И. Ю. Смирнова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

НИЖЕГОРОДСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

Ю. В. Ильин, И. Ю. Смирнова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Монография

Нижний Новгород
НА МВД России
2022

УДК 802.0=20
ББК 81.2 Англ.
И46

Рецензенты:
доктор филологических наук, доцент *Е. А. Петрова*
(Уфимский юридический институт МВД России);
кандидат филологических наук, доцент *Н. А. Мартынов*
(Орловский юридический институт МВД России)

Ильин, Юрий Васильевич,
Смирнова, Ирина Юрьевна

И46 Онтологические и концептуальные истоки английской юридической терминологии : монография / Ю. В. Ильин, И. Ю. Смирнова. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2022. – 360 с.

В монографии изложен оригинальный взгляд авторов на формирование, развитие и функционирование англоязычной юридической терминологии в тесной связи со всеми перипетиями развития английского общества и с общей мыслительной способностью человека.

Адресовано всем, кто интересуется историей и философией права, связями языка и мышления, языка и права, историей английского права и английской юридической терминологии.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-188-0

© Ильин Ю. В., 2022
© Смирнова И. Ю., 2022
© Нижегородская академия МВД России, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ 5

ВВЕДЕНИЕ..... 6

ГЛАВА I. ВОПРОСЫ ПРАВА, СПРАВЕДЛИВОСТИ, ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИЯХ АВТОРИТЕТОВ..... 44
1.1. Цели государства 48
1.2. Основные типы государства 50
1.3. Государственное право как общечеловеческая и общенаучная проблема..... 53
1.4. Правовая коммуникация в обществе 68
1.5. Онтологичность и концептуальность как истоки права 74

ГЛАВА II. СИСТЕМА ПРАВОПОРЯДКА В ДРЕВНЕЙ АНГЛИИ 99
2.1. Судебная власть англосаксов 103
2.2. Казначейство. Система налогов в древнеанглийский период..... 112

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД..... 118
3.1. Нормандское завоевание и его правовые последствия 118
3.2. Жизнь в ширах..... 119

ГЛАВА IV. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ОСНОВА АНГЛИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА..... 143
4.1. Система землепользования после нормандского завоевания 143
4.2. Принципы землевладения 153

ГЛАВА V. ЗАРОЖДЕНИЕ ТРЕХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ 211
5.1. Исполнительная власть 211
5.2. Законодательная власть..... 220
5.2.1. Королевская власть. Большой Совет 220
5.2.2. Малый Совет..... 225
5.3. Местная власть 229
5.4. Судебная власть в действии..... 233
5.4.1. Закон о сиротах..... 233
5.4.2. Правовое положение женщины 235
5.4.3. Судебная власть на местах 244
5.4.4. Система подготовки и разновидности английских юристов..... 247

ГЛАВА VI. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 253

ГЛАВА VII. DOOMSDAY BOOK КАК ПРИМЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ МУДРОСТИ И РАЧИТЕЛЬНОСТИ..... 268

ГЛАВА VIII. ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АНГЛИЙСКОГО ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА 279
8.1. Правопорядок как образ мира, тишины и созидания 279
8.2. Беспорядок, нарушение закона как образ разрушения, войны и беспорядка в обществе..... 325

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 349

ЛИТЕРАТУРА 353

СОКРАЩЕНИЯ

ОИС – Оксфордский Исторический Словарь: *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Prepared by William Little, H.W Fowler, J, Coulson, Revised and Edited by C. T. Onions. Third Edition Revised with Addenda. Oxford at the Clarendon Press. 1965.*

AE *– American English.*

A–Fr *– Anglo-French.*

A–Ir *– Anglo-Irish.*

A–L *– Anglo-Latin.*

Black's *– Black's Law Dictionary with Pronunciation, Sixth Edition. Henry Campbell Black. St. Paul, Minn., West Publishing CO. 1990.*

IE *– Indo-European.*

Ir *– Irish.*

ME *– Middle English.*

OE *– Old English (or Anglo-Saxon).*

OFr *– Old French.*

OI *– Old Irish.*

OHG *– Old High German.*

Vs *– versus.*

ВВЕДЕНИЕ

Формулирование темы монографии «Онтологические и концептуальные истоки английской юридической терминологии» обусловлено теоретической и практической потребностью всестороннего, комплексного исследования предпосылок, фактов, функций и содержания правового сознания в единстве человека как индивида и члена общества, раскрытия сущности процессов становления и развития правового человека и правового общества с целью определения ими смысла своего существования в условиях постоянного соприкосновения с другими и в рамках меняющейся (живой) государственной структуры конкретного общества, обретения ими смыслов бытия в целом (онтологическая реальность) в единстве с мечтами, чувствами и логическими конструкциями идеального будущего (концептуальная реальность) на базе языкового материала, благодаря которому все это становится выполнимым.

Исследование проводилось с позиций антропокультурологии и когнитивной лингвистики. Его актуальность обусловлена тем, что проблемы формирования юридических терминов как языковых единиц, в которых закрепляются особые знания, полученные человеком креативным и деятельным в результате осмысления и претворения личного и общественного опыта взаимодействия с окружающей действительностью (природой и обществом), с другими индивидами в рамках одного сообщества и взаимодействия с другими обществами, все еще остаются открытыми и весьма перспективными для научной дискуссии.

В качестве объекта мы выбрали английское общество переломного периода его развития как в плане права, так и языка, а именно: XI в., конкретно – после нормандского завоевания 1066 г., радикально изменившего весь образ жизни Англии того периода и определившего дальнейший путь ее развития.

Конкретизация и уточнение объекта описания происходят благодаря тому, что из множества проблем правового характера, постоянно стоящих перед обществом, в качестве меченых атомов мы выбираем те, которые надолго определяют вектор развития

не только английского общества и английского права того времени, но и современного. Такими доминантными координатами общества мы избрали парадигму управления страной в той ее разновидности, которую сейчас называют единством трех ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной, на фоне формирования правоохранительной системы; развитие земельного права, определившего на долгие годы правовые формы пользования землей как основным источником существования человека.

На таком широком правовом фоне, заложившим систему того, что на современном правовом языке называют системой английского права, логично обратиться к роли и месту народа, короля и Церкви как основных движущих сил истории в формировании английского права и государства в современном их понимании. Исходя из основных принципов работы – человек не как абстрактное существо, а как активный и деятельный участник конкретной эпохи с ее идеалами и возможностями их реализации, человек как объект и субъект права – с точки зрения права и языка познавательно попытаться реконструировать общую картину состояния и развития английского права в XI в. и показать его влияние на весь последующий образ жизни страны.

Мы исходим из убеждения, что наиболее объективным показателем истинного правового состояния государства является положение наименее защищенных слоев населения, к которым традиционно относят женщин и детей. Проблема женщины конкретизируется при рассмотрении положения женщины-вдовы, традиционно наименее правозащищенного и материально обеспеченного члена сообщества; положение детей актуализируется за счет обращения к правовому положению детей-сирот (в частности, в таком важном ракурсе, как право на наследство).

Понятийный аппарат исследования

Без юридической терминологии невозможно заниматься проблемами формирования системы права, форм государственного правления, определением их места в системе социальных институтов и общественных отношений, которые определяли образ жизни человека, поэтому вопросы как природы и функции

права, так и языка права всегда находились в центре внимания социально-философской и философско-правовой мысли.

Если воспользоваться универсальными метафорическими понятиями «форма» и «содержание», то содержательные аспекты права и государственности как на уровне мыслительных конструкций, так и их практических реализаций осуществлялись прежде всего посредством языка.

Классические труды Платона, Аристотеля, Августина Аврелия, Гуго Гроция, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка и многих других древних, средневековых и новых философов составляют теоретическую и философско-методологическую основу исследования.

Для теоретического осмысления английского пути в право, современной ситуации в философии права и теоретического анализа исторических правовых институтов важное значение имеют труды представителей английской классической философии (Т. Гоббса, Дж. Локка, Г. Спенсера, Д. С. Милля). На рубеже Нового времени они послужили одним из основных источников формирования двух ведущих направлений в философии и социологии права: эволюционной теории государства и права, складывающиеся в рамках философии позитивизма, и скачкообразного, революционного развития социальной системы, разрабатываемой в континентальной Европе. Эти конкурирующие философские представления о создании и функционировании системы государства и права лежат в основе современных социально-философских теорий, которые формируются, опираясь на богатую событиями историческую практику и бурно развивающиеся идеи социологических, политологических и социально-психологических учений и исследований последнего времени.

Поняв истоки английского средневекового права, оценив каноны феодального права, которые стали непосредственной предтечей права капиталистического периода, составляющего основу права современного западного общества, возможно построить общую систему правовых ценностей в перспективе. Это длинный и сложный путь, на котором в данной монографии расставлены лишь некоторые вехи.

Многие аспекты социально-правового бытия человека в обществе по-прежнему остаются нерешенными и чрезвычайно ост-

рыми как в теоретическом, так и в практическом отношении. Все более очевидной становится демаркация среди двух групп ученых. Для одних вопросы правового обеспечения свободы, равенства и справедливости в современном обществе оказываются крепко связанными с предыдущим общественным опытом организации жизни человека, что требует глубокого и критического изучения этого опыта с высоты нашего времени и глубины современных проблем. Это позволяет систематизировать, структурировать, адаптировать старые знания, прилагая новый опыт в их прочтении. Вторая группа предлагает все новые и новые идеи устройства мирообитания человека, которые далеки от их успешного применения.

Действительность показывает, что только сочетание старого опыта и новых идей может привести к формированию свежего взгляда на теорию, историю и современное понимание государства и права, их формы и содержания, выстроить новую шкалу человеческих ценностей и, самое главное, послужить важной предпосылкой к нахождению новых ключей и механизмов, согласованное применение которых может приблизить человечество к решению ключевых смысложизненных проблем его бытования.

Рост потребности в правовом знании с учетом, а не вопреки специфике обыденного сознания, осмысление невозможности воспитания человека правового в отрыве от человека бытового, реального, открытие у членов общества не только общих качеств и свойств, взглядов и представлений о смысле жизни, но и специфических во всей сложности их проявлений в онтологических и экзистенциальных, концептуальных и мыслительных ракурсах – все это ставит во главу угла правовые изыскания *человека* с его слабостями и достоинствами. Человек правовой и человек бытовой – это не два разных лица, а целое, и пока они не станут *Человеком*, правовых коллизий не избежать. Не может быть двух норм поведения – бытового и правового; не может быть двух нравственностей и моралей – должна быть одна нравственность и мораль, достойная *Человека*.

Установление и изучение закономерностей возникновения и динамики становления, развития и функционирования многих правовых концептов, которые принимаются за устойчивые признаки правового государства в реальных исторических условиях

на примере конкретного государства – Англии – на судьбоносном этапе его развития, способно дать полезную информацию, достойную для размышления, и россиянам.

Из всех признаков государства экономически окрашенные оказываются наиболее стабильными и эффективными. К настоящему времени уровень производства, степень его механизации и автоматизации достигли фантастических показателей. В то же время благосостояние народов в мире не только не увеличивается в соответствующей пропорции, но во многих странах уменьшается; уровень преступности как наиболее драматичный показатель морали и нравственности не только продолжает неуклонно расти, но и видоизменяется: появляются все более изощренные виды преступлений. Среди привычных, ставших классическими, типажей преступников мы находим представителей светской и духовной власти, правящей элиты. Современное международное право не выработало общеприемлемых принципов взаимоотношений между государствами с разным уровнем экономического и военного развития; стремление к господству по-прежнему управляет миром.

Мы рассматриваем право сквозь призму *человека бытующего и думающего*, активного участника, автора и реализатора общественных и правовых отношений, человека как непосредственного объекта и субъекта права. От качества его труда и интеллекта, морали и нравственности зависят направление и темпы развития общества, достижение тех целей, которые общество ставит перед собой. Обращение к истории человека-индивида и человека общественного показывает, что наиболее доминантные его составляющие – мышление и способность к практическому действию – реализуются им в двух направлениях: выстраивать опыт успешного практического существования в собственных интересах, не нанося вреда другим людям или, наоборот, игнорируя чужие интересы. Это по-прежнему остается основным противоречием человека и общества Нового времени, преодоление которого является актуальным, научно состоятельным и общественно значимым.

Человечество признало, что в XXI в. с его высокой экономической мощью на первое место в списке проблем, которыми занимается современная наука, выходят нравственные и мораль-

ные, правовые и этические вопросы. Если раньше эти ключевые составляющие человека рассматривались в мире в рамках определенной государственной идеологии, то сейчас она оказалась попранной. Как член мирового сообщества Российское государство конституционно провозглашает идеологическое многообразие. У России нет опыта развития государства и человека в подобных условиях, поэтому вряд ли стоит удивляться, что с момента принятия Конституции (декабрь 1993 г.) трансформация духовного мира россиянина идет далеко не в лучшую сторону. Вопросы развития права, защиты и гарантии прав каждого гражданина, непримиримая борьба с преступностью как внутри каждого государства, так и на международном уровне требуют тесного сотрудничества и обмена опытом между всеми народами.

Право и человек связаны прочными узами: природа права кроется в природе человека. Определяющей чертой человека является *противоречивый характер* его природы и, как следствие, права, что лишь усложняет их понимание.

Называя антиномию основной чертой права, мы видим ее истоки в сложной и противоречивой природе человека. Наиболее ярким ее отражением является феномен права. Высшим проявлением мудрости человека стало осознание им невозможности продолжения успешного развития без выработки определенных правил общежития.

Научная фасцинация проблем, связанных со становлением и развитием основ правовой государственности в Англии в привязке к человеку, очевидна. Выбранный временной период ее истории не является случайным. В истории английского народа и государства XI в. является переходным, более того, переломным. Поражение в битве при Гастингсе в 1066 г. привело к коренной ломке многих понятий и представлений о власти и ее устройстве, о народе и отношении к нему со стороны новой власти. Именно в этот период складываются доминантные факторы государственности: страна постепенно обретает новую территориальную конфигурацию, развиваются устойчивые феодальные отношения, прежде всего, в наиболее значимой сфере землевладения и землепользования, формируется новый состав населения и происходит его расслоение, в новых территориальных, социальных и культурных форматах развивается национальный язык. Эти про-

цессы происходят, с одной стороны, при сохранении в стране обычаев и законов Древней Англии и, с другой, при насильственном введении обычаев и законов, импортированных завоевателями из Нормандии.

Поражение Англии – это не только военная акция, но и крайняя, экстремальная форма контакта, особая форма взаимодействия двух народов, двух культур, двух правопорядков в форме конфликта. Это – конфликт двух образов жизни, который происходил в особых условиях военного противостояния, что определило его конкретные формы и результаты в терминах доминации и господства со стороны победителей над побежденными, а также принципы взаимоотношений между этими странами в будущем, достаточно сослаться на так называемую Столетнюю войну.

На примере Англии история поставила любопытный эксперимент. Взаимодействие двух сторон происходит всегда: наличие двух сторон предполагает их контакт, но его формы самые разные. Из них назовем лишь тот, который является ключевым для выполнения исследования, – конфликт, переросший в открытую войну и противостояние в нескольких ипостасях: отечественное *vs* иностранное; активное *vs* пассивное; равноправие *vs* доминация; право *vs* насилие; язык коренных жителей *vs* язык победителей и др. Остро проявляются противоречия в особой межличностной и общественной среде – праве, которое при всей своей кажущейся абстрактности имеет конкретные, живые формы существования в жизни и в конечном счете радикально меняет не только общество в целом, но и каждого его члена.

Границы Англии постепенно расширяются, складывается новый состав населения, одни формы хозяйствования на земле изживают себя, другие, наоборот, укореняются, вырабатываются общие нормы поведения, складываются новые формы управления страной, исчезает двуязычие, постепенно появляется единый национальный язык. Соответственно выстраивается власть на местах – так постепенно формируется новое государство. Одновременно очевиден выросший масштаб и сложность становления и развития государственности. И все это происходит в условиях меняющихся правовых взглядов и решений, мощным «ускорителем» принятия которых становится единый национальный язык.

В конце XI в. происходят большие изменения в социальной жизни – возникают новые социальные слои и целые классы с их разными социальными, политическими и экономическими интересами. На этом меняющемся социально-правовом и экономическом фоне реальны ситуации, когда стирается различие между правом и произволом. В условиях иностранной оккупации законы из правового явления (как формы права) превращаются в средство противоправного нормодиктаторства и инструмента насилия победителей над побежденными.

Помимо классического противоречия между богатыми и бедными в Англии сложились *противоречия между англосаксами и норманнами*, местными обычаями и импортированными законами, между языком хозяев жизни и языком покоренных – вот те сложные условия реальной жизни, в которых формируются новые общественные и правовые отношения, поэтому *понятия «антиномия», «противоположности», «оппозиция»* занимают важное место в исследовательском аппарате: например, без должного внимания к термину «оппозиция» государственное устройство Великобритании невозможно охарактеризовать до сих пор.

Средством фиксации, хранения и передачи всех этих коллизий и противоречий является язык. В описываемый период он оказался активным инструментом государственного строительства, который, с одной стороны, сохранил жизнеспособные англосаксонские правовые конструкты, доказавшие свою состоятельность в новых условиях, а с другой – отбросил отжившие.

Завоеватели привезли свое представление об организации общества через введение многих социально-правовых институтов с их незнакомыми для англосаксов названиями. Так произошел контакт в антагонистической форме двух правовых идеологий и двух языков. При этом язык выполнял следующие функции: был проводником новых правовых понятий и представлений в новой языковой форме и хранителем старых (при их явной обреченности под давлением идей победителей). Благодаря первой, в тот период оказавшейся ключевой, появляются новые языковые средства; благодаря второй – в народной памяти остаются жить многие правовые понятия и средства их обозначения. Язык выступает в роли материального носителя правовых идей и реаль-

ного практического инструмента претворения их в жизнь. За каждым правовым понятием стоит определенный жизненный и ментальный опыт народа – носителя языка.

Как масштабное социальное событие становление нового права происходило через установление конкретных правил жизнедеятельности на следующих правовозначимых уровнях: человек – природа, человек – человек, человек – государство, человек – собственность, житель одной страны по отношению к жителям другой. Идеи и их языковые названия не могут состояться без человека, ибо язык и идеи неотрывны от него. Из этого следует, что право невозможно изучать и понять без изучения и понимания человека. В обществе складываются конкретные отношения, которые в той или иной форме существуют всегда.

Для корректного восприятия и интерпретации исходного материала мы придерживаемся традиционного деления истории английского общества и английского языка на три периода и применяем его к истории права: древнеанглийский, среднеанглийский и новоанглийский. В каждый из них страна представляла собой уникальную структуру, управление которой характеризовалось своеобразием.

Древнеанглийский период характеризуется раздробленностью, наличием нескольких небольших королевств, порою доходивших до семи, что получило название *heptarchy*. Этот исторический факт имел большие негативные правовые и языковые последствия: долгое время не было единого права и единого языка, которые могли бы послужить предпосылкой и причиной для создания единого централизованного государства.

Мы придерживаемся очевидного исходного положения: право существует в разной форме в человеческом обществе всегда. Если есть два индивида, то можно говорить о потребности в праве, которое проявляется в наличии определенных норм взаимодействия или поведения одного по отношению к другому. Это позволяет человеку оценивать действия свои и другого как соответствующие этим нормам – тогда складывается поведение правовое или нормативное, или несоответствующие, в этом случае поведение становится противоправным, ненормативным. Результатом первого будет правопорядок (*law and orde*r, *peace and order*) как условие созидания и процветания; результатом

другого – беспорядок (*disorder*, *war*, *hostilities*, *trouble*), ведущий к разрушениям и страданиям.

История английского общества убеждает, что правопорядок обеспечивает благосостояние народа, в то время как его отсутствие или слабое проявление ведут к горю и страданиям. Это является главной правовой антиномией, суть которой раскрывается наиболее полно через оппозицию «право» – «антиправо/произвол».

Как чуткий инструмент, служащий материализации мысли человека, язык проявляет качественное преимущество перед мыслью: он может зафиксировать и тем самым сохранить на века в вербальной форме мысли, идеи и идеалы, переживания и устремления человека, включая правовые.

Языковые средства, реально представляющие положение дел, и предмет исследования рассматриваемого этапа развития английского общества в правовом ракурсе составляют фактический материал. Все это позволило сформулировать основную цель исследования: реконструкция процессов формирования, становления и развития определенных понятий и институтов права в рамках нарождающегося правосознания и правовой культуры на переломном этапе государственно-правового развития Англии в конце древнеанглийского – начале среднеанглийского периода истории английского государства и права. На материале английского языка того периода раскрываются основные онтолого-ментальные и языковые механизмы конкретной реализации универсальных ментально-языковых процессов – концептуализации и категоризации.

В XI в. окончательно происходит смена правовых парадигм: правовая система Древней Англии уходит в небытие вместе с языковыми средствами ее материализации, формируется новая конфигурация права с сохранением определенных англосаксонских элементов и их как правовым, так и языковым расширением за счет заимствований из культуры Нормандии. Так естественно понятийный аппарат работы составляют понятия онтологии и когниции.

Раскрытие заявленной темы становится возможным на принципе интеграции (пересечении) трех кардинальных общечеловеческих особенностей: мышления или сознания; языка или речи;

права или правосознания. Каждой из них в отдельности и в их неизбежном взаимодействии посвящено большое количество научных работ. Отметим, что ни одна из проблем не только не получила своего исчерпывающего и окончательного решения, но едва ли приходится говорить о существовании общепринятой точки зрения на ее суть и признаки. В такой ситуации антропокультурологический подход представляется нам наиболее оптимальным.

Антропология понимается как *the scientific study of the human race, including its different types and its beliefs, social habits and organization*[1]. Антропокультурология позволяет органично соотнести вопросы культуры, частью которой являются правовая культура человека, язык и право. Содержанием языка выступает жизнь в ее разнообразной презентации. Человек черпает знания благодаря языку. Это становится широким предметом когнитивных исследований. Таким образом, исследование осуществляется с позиций антропокультурологии и когнитивной лингвистики.

Когнитивный подход позволяет рассматривать язык как знаниевую знаковую систему, имеющую универсальные и одновременно уникальные форму и содержание. За форму языка принимаются сами языковые средства во всем их структурном многообразии, а сутью их содержания является информация или знания как закрепление языком жизненного опыта (онтология) и ментальной или познавательной способности человека (когниция).

Современные мировые ученые, представляющие разные науки, приходят к единому мнению о необходимости объединить научный потенциал. Для это надо научиться объединять разум. Эта потребность особо ощущается в условиях отсутствия единой, полной и комплексной науки о человеке.

Парадоксально, но факт: человек думающий создал науку о растениях и назвал ее ботаникой; человек думающий и созидательный создал науку и практику проектирования и строительства, а также ряд производств и назвал их архитектурой и строительством, выделив точные разновидности, тесно взаимосвязанные и в то же время обладающие своей спецификой (например,

[1] Научное исследование человеческого рода включая его разные типы и верования, социальные обычаи и формы организации (англ.).

капитальное строительство, жилое строительство), но до сих пор нет единой науки о Человеке. Н. А. Бердяев абсолютно прав, заявляя, что самым важным, но все еще самым загадочным и самым мало раскрытым объектом и предметом современной науки остается сам человек[1].

Есть разница в предмете «Философия» и науке о человеке. В таком контексте самой человеческой является философия, которая «познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, в то время как наука познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека»[2]. В данном высказывании выделяем две ценных мысли для целей нашего исследования:

1) должна быть самостоятельная наука, которая занимается человеком. Сегодня эту миссию несет философия, но она слишком глобальная, и в этой глобальности человек теряется;

2) противопоставление философии науке. Это не есть случай противопоставления женщин и французов. Мы адаптируем высказывание следующим образом: философия, в отличие от других наук, максимально сосредоточена на человеке, занимается человеком больше других наук. В ракурсе нашей темы философия сама становится слишком общей и широкой наукой, и тема человека тонет во множестве других. Искомая наука станет наукой о человеке в полном смысле слова: у нее свой объект/предмет исследования – *Человек* со всеми сильными и слабыми сторонами, и будут предложены *человеческие* методы исследования.

Важность предметной науки о человеке несомненна. Как справедливо продолжает Н. А. Бердяев, «разгадка бытия для человека (право давно стало не только частью бытия человека, но больше того: оно определяет – заказывает – его формы и содержание. Примечание наше. – **Авт.**) скрыта в человеке»[3].

В предлагаемой науке предметом изучения выступает живой человеке со всеми его сильными и слабыми чертами, а не род человеческий как научная абстракция или продукт высокой степени обобщении (как это делает философия). Главное внимание в ней

---

[1] См.: *Бердяев Н. А.* О назначении человека. Москва, 1998. С. 33.

[2] *Бердяев Н. А.* О назначении человека. Москва, 1998. С. 17.

[3] Там же. С. 58.

должно быть обращено на *ethos – the set of ideas, beliefs, the moral attitudes of a person or group*[1].

Высокий абстрактный уровень человеко-типа, с чем имеет дело философия, дает оторванные от реальной жизни, обобщенные и типовые черты и характеристики человека, что не способствует пониманию и предвидению его не только социально значимого поведения, но и индивидуального. Особенно важно изучать человека меняющегося, что, собственно, происходит с ним постоянно. Английский словарь культуры подтверждает, например, что в современной Англии правила общественного поведения не такие строгие, какими они были в старину[2]. Это важный ключ не только к пониманию нашего англоязычного современника, но и представителей прошлого периода. «Человек правовой *vs* человек неправовой» – важная глава такой науки, название которой очевидно: «Человековедение». Об ее самостоятельности писал Б. Г. Ананьев[3].

В центр исследования права поставлен человек живущий и говорящий, думающий и действующий, со своими разнообразными потребностями и широкими возможностями их реализации в зависимости от реальных житейских условий конкретного исторического времени. *Человек* становится реперной точкой отсчета в анализе тех или иных явлений правового и неправового характера; *человек противоречивый* вовлечен в этот анализ; *человек, делающий выбор из двух крайностей*, определяет свои перспективы и конечные цели.

Человек современный есть результат развития его предшественника на протяжении многих столетий. Благодаря познанию мира и практической активности он смог не только выжить как живой организм, но и достичь высокого уровня развития.

Между онтологией и когнитивностью нет противоречия. Знание *онтологично* по своей сути: «*Знание* по своей природе направлено на *бытие* с целью постичь, каково оно»[4]. Когнитив-

---

[1] Этос – совокупность идей, верований, нравственное отношение человека к человеку и обществу (англ.). См.: *Fox K.*Watching the English. The hidden rules of English behavior. Hodder, 2004. P. 45.

[2] См.: *Longman* Dictionary of English language and culture. Harlow, 2008.

[3] См.: *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Ленинград, 1968.

[4] *Plato* The symposium.The penguin classics, 1952. P. 50.

ный подход позволяет в полную меру использовать основную специфику земной цивилизации, отличительной и формирующей чертой которой является *homo sapiens*, человек думающий и чувствующий. Центром права, фрагмент которого в одной конкретной стране в конкретный период ее развития стал предметом нашего исследования, является человек, без которого реальное рассмотрение понятий права и суда (как они проецируются в работе: их *становление, развитие и функционирование*) едва ли возможно. Иными словами, когнитивный подход позволяет наиболее полно реализовать антропокультурологический подход к выполнению поставленной цели и задач благодаря наиболее яркой особенности человека – его мыслительной способности.

Антропоцентризм дает возможность поиска новой объяснительной базы для языковых явлений, которые связаны с «процессами категоризации и концептуализации **опыта носителей языка** (полужирный наш. – **Авт.**)»[1].

Анализ трудов ведущих ученых в области когнитивной лингвистики: Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. И. Павилениса, Ю. С. Степанова, Р. М. Фрумкиной, позволил сформулировать излагаемые основные положения теоретической части и реализовать их практически.

Исследовательская работа «как всякая разумная человеческая деятельность сводится к одному – исканию подлинной действительности»[2]. Познаваемый мир определенным образом интерпретируется, структурируется и классифицируется. В основе этих процессов лежат концептуализация и категоризация.

Концептуализация представляет собой процесс, связанный с осмыслением информации, поступающей к человеку по различным каналам, приводит к формированию концептов как смысловых единиц концептосферы. Категоризация – это способ осознания мира и механизм структурирования и упорядочения полученной информации. Знание предполагает не только открытие

---

[1] *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование.Языковая номинация. Виды наименований. Москва, 1977. С. 224–225.

[2] *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. Москва, 1976. С. 75.

и накопление информации, но и ее упорядочение и систематизацию, без чего ею невозможно пользоваться. Как справедливо считал И. Кант, «мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий»[1].

Познавательная практика человека деятельного и способы осмысления мира человеком мыслящим направлены на установление *мыслительных структур* (концептов, концептуальных систем и категорий) конвертирование/трансляция/транспортация которых в языковые структуры (разные языковые знаки и единицы/категории) осуществляется с учетом сущностных особенностей познаваемого, то есть характер языковой объективации и степень языковой репрезентативности тех или иных концептов и категорий могут быть различными.

Существенная роль в процессе формирования как отдельных концептов, так и всей концептуальной системы права отводится языку. *Язык* оказывается тем феноменом, благодаря которому информация, полученная по разным каналам, интегрируется и осмысляется. Несмотря на обилие названий мыслительных схем и фигур, они закрепляются в языке *значениями* конкретных слов и *смыслами* высказываний, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению через язык[2].

В реконструкции языковой картины мира права исключительную роль играет термин-слово как референт познанного правового объекта и как основная единица терминополя, в котором лексикализуются фундаментальные для данного народа правовые смыслы. На основе изучения языковой семантики современная когнитивная лингвистика реконструирует языковую картину мира вообще и картину права, в частности, благодаря тому, что один и тот же субъект является творцом права и языка права, что еще раз свидетельствует о невозможности изучения права без изучения человека. Это бесспорно очеловеченный феномен.

---

[1] *Кант И.* Критика практического разума. Москва, 1973. С. 44.

[2] См.: *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17; *Павиленис Р. И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. Москва, 1983. С. 34

Заведомой сложностью данной закономерности является то, что человек способен применять его выборочно в силу противоречивости своей натуры.

В единицах языка концентрируется, другими словами, концептуализируется и категоризируется опыт осмысления и описания *правовой деятельности* человека, свойственной данной языковой и культурной общности, сквозь призму дихотомии ***right vs wrong***[1]. И такой выбор может делать только человек.

В одной работе невозможно найти ответы на все прозвучавшие вопросы, но практически любой ее конкретный фрагмент исходит из такой широкой пропозиции, которая является ее постоянно присутствующим мыслительным, чувственным и моральным фоном.

В настоящее время в праве явно ощущается недостаточное понимание сущности нравственной составляющей сознания и правосознания как его важной части, которая определяет их нормативное морально-правовое содержание. В западном обществе мало внимания уделяют сущностным процессам развития *сознания* во времени и пространстве, роль и место в нем *правового* сознания, в то время как в российском обществе господствует явно наивное представление (судя по его императивности – и ошибочное убеждение), что если принять все законы, то общество будет правовым, забывая при этом древнюю истину: в безнравственном обществе не может быть нравственных законов.

В пока еще несуществующей науке о человеке остается недоговоренность касательно установления значимости генезиса и самоорганизации сознания, при наличии которых только и возможно говорить о правосознании. Данная нерешенность связана с устоявшимся мнением, что процесс генезиса сознания может иметь вид исключительно когнитивной революции с ее основными этапами: «от человеческого интеллекта к искусственному интеллекту», или «от биологических форм к комбинированным, биолого-технологическим»[2]. Такой подход представляется явно упрощенным, излишне компьютеризированным. Его существование объясняется недостаточным пониманием и, возможно, недо-

[1] Добро против зла (англ.).

[2] *Брунер Дж.* Психология познания. Москва, 1977. С. 37.

статочным интересом к человеку как *природному* созданию, его потребности в нравственном саморазвитии, недостаточным пониманием сущности нравственной составляющей правосознания, которое способно формировать нормативное, морально-правовое поведение членов общества.

Мы столкнулись с очевидным фактом: все еще явно недостаточно знания сущностного процесса развития как сознания вообще, так и правосознания, в частности. Такое положение вещей обусловливает необходимость в исследовании механизмов, путей развития сознания человека (индивидуального сознания) и человечества (общественного сознания), учета имеющихся в науке как эксплицитных данных о проявленных качествах человеческой природы, так и имплицитных, внутренних резервах сознания, совокупно определяющих возможные пути нравственного и правового развития человека. Это глобальные вопросы, которые для начала можно и должно ставить и пытаться найти их частичное разрешение через такую уникальную область когниции и онтологии, как право, и на языковом материале, пользуясь уже ощутимыми успехами когнитивной лингвистики. В настоящее время ощущается необходимость в переосмыслении и переоценке многих положений настоящей научной парадигмы, в частности, весомости вклада в нее западных и российских ученых.

Наличие нерешенных вопросов о природе и развитии человека и права в их взаимодействии определило необходимость в формировании *комплексного/интегративного подхода* к реконструкции и построению целостного ментального мира права на фоне общего ментального мира человека, в которой учитывались бы все функциональные процессы, состояния и способности человека, их взаимовлияние, условия их проявления, пути и формы их онтологического и когнитивного реконструирования.

Трудное для восприятия и оценки многообразие точек зрения по упомянутым вопросам невольно заставляет предположить, что каждый автор спешит основать свою теорию и свое видение проблемы, отказываясь оценить уже существующие точки зрения и позиции коллег, не пытаясь найти в них что-то общее, проявить умение и желание солидарно и со-авторски сформировать общую позицию, что само по себе вполне справедливо является самостоятельной и насущной научной задачей. Некоторые ученые

обоснованно проявляют озабоченность, казалось бы, весьма позитивным фактом: появлением новых научных идей, которые не составляют фундаментальных теорий и школ. Отсутствие общего и целостного синергетического подхода, в рамках которого можно было бы сформировать единые позиции и предложить максимально полную картину ментального мира человека, в которой учитывались бы все (в крайнем случае, большинство) функциональные процессы и психические, социальные, интеллектуальные, чувственные, морально-нравственные, правовые и другие состояния, никак не способствует продвижению человечества к решению вечных проблем.

Такое положение дел можно объяснить лишь отражением в этих вопросах явления, получившего название парада суверенитетов в политике. Настало время осознать необходимость творческого взаимодействия и сотрудничества между учеными всех стран и всех направлений, признать существование исконно насущных проблем человечества, над решением которых ученые должны объединить исследовательские усилия, проявить готовность и умение отложить частные научные пристрастия. В этом направлении определенные надежды связываются с усилиями ученых многих стран в области картирования мозга. Таким образом, в научном сообществе зреет идея о необходимости создания новой, комплексной науки *о реальном* человеке. Пока создается впечатление, что, используя ключевые понятия когнитивной лингвистики, науки о сознании, значит, о человеке, идет активный процесс концептуализации в этом направлении, а процесс категоризации еще впереди.

В определенной мере монография имеет общечеловеческое, общеправовое, философско-правовое и языковое измерение. Мы исходим из необходимости применять комплексный всесторонний подход к изучению совокупности нравственных, когнитивных, онтологических или экзистенциально-рефлексивных процессов и изучать их влияние на формирование как личности, так и общества в целом.

Изначально аксиоматично: человек и общество должны быть правовыми. Но с чего начать? Общенаучное и общечеловеческое значение работы состоит в том, что в диахроническом и синхроническом аспектах она основывается на тех возможностях чело-

веческой природы, которые могут служить перспективой разумного и нравственно-одухотворенного развития человечества в области права. Прежде всего, это процессы гармонизации, гуманизации и демократизации права и суда, что способствовало бы решению исконной проблемы человечества: торжеству добра над злом. Для нас важны индивид и общество в следующем их понимании: индивид – член общества, а общество – совокупность индивидов, разделяющих одну культуру, что свидетельствует о важной роли антропокультурологического направления в исследовании права.

Проблемы онтологии жизни, сущности человеческого сознания становятся ключевыми со времен Античности, когда философская мысль обратилась к метафизике бытия как важной составляющей универсума, суть которой в состоянии постичь ум человека как особое свойство его духовной природы. Практически все философы Античности, Средних веков и Нового времени вели речь о вечной борьбе между силами добра и зла как непримиримыми антиподами, трансформированными в юриспруденции в право и бесправие/насилие.

В работах античных мыслителей ставится проблема определения возможности духовного и нравственного познания, возникает понятие души как способности, направленной на раскрытие сущности как феноменальных, так и идеальных, умопостигаемых явлений.

В трудах Платона, Плотина, Аристотеля поднимается проблема установления механизмов и этапов и видов развития сознания (индивидуальной души, разума) от обыденного уровня познания к высокому или духовному через идеальное сознание и коллективный разум[1]. В такой связке прослеживаются фундаментальные идеи, касающиеся сущности ментальной способности человека:

– оппозиция между обыденным уровнем сознания (познания) и духовным (мистико-интуитивным) уровнем;

– возможность объяснения сущности человеческих познавательных способностей, которая определяется посредством тео-

[1] См.: *Платон*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Москва, 1994. С. 201; Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. Москва, 1984. С. 487–488.

ретической и практической направленности на развитие именно духовных возможностей сознания;

– отождествление познавательных и духовных способностей человека.

При этом познавательная функция души считается основополагающей, а нравственность рассматривается как форма сопереживания и со-участия Другому. Эта тенденция, идущая от античной философии, является ключевой и в современной науке о сознании. Логической эстафетой таких воззрений на природу человека стали философские системы И. Канта, Г. Ф. В. Гегеля, Р. Декарта, которые ставят мышление (Р. Декарт), рассудочные способности (И. Кант) во главу угла всей сознательной деятельности индивида[1]. Сознание мыслится как *со-знание*, а вся логика мышления концентрируется в Абсолютном (Г. Ф. В. Гегель), а нравственная чувственность фиксируется рамками социальной необходимости. В результате создается рассудочная модель сознания, основным свойством которой является познание.

В последующие годы особое значение в осознании роли и места рационального и чувственного в мышлении человека занимают так называемые экзистенциальные теории. Их объединяют критика рационализма и создание нового подхода к проблеме определения сущности человеческого существования, что позволило сформировать новый имидж человека и приоткрыть его сущность[2].

«Онтология» и «экзистенция» – непосредственно соотносимые понятия: онтология – учение о бытии, его основах, принципах[3]; экзистенция – человеческое существование, в частности, в понятиях, не зависящих от сознательной воли человека, неизменно присутствующих в действительности[4]. Сближает их та дей-

---

[1] См.: *Кант И.* Критика чистого разума. Москва, 1967. С. 14–15; *Декарт Р.* Начала философии. Москва, 1947; *Гегель Г. Ф. В.* Феноменология духа. Москва, 1968.

[2] См.: *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «философским крохам». Санкт-Петербург, 2005; *Хайдеггер М.* Бытие и время. Москва, 1997; *Бубер М.* Я и Ты. Москва, 1993 и др.

[3] См.: Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко [и др.]. Москва, 2008.

[4] См. там же.

ствительность, в которой физически и ментально существует человек, которая физически и ментально формирует человека и на которую направлены его доминирующие познавательные усилия.

Позитивный опыт экзистенциального анализа сущности человеческой природы выявляет наличие в сознании особых духовно-нравственных свойств, не сводимых и не растворяемых в рассудке. Примечательное место в современной философии (философия диалога) принадлежит М. М. Бахтину, который считает, что подлинное бытие человека возможно только благодаря *нравственному* диалогу с Другим. В результате человек начинает мыслить не только рассудочно, а участливо. При этом особенностью действительно участливого мышления становится событийствование[1].

Событие имеет два измерения: рассудочное и эмоциональное, что позволяет *оценивать* его и рассудочно и чувственно. В экзистенциализме и в философии диалога выявлены новые аспекты, раскрывающие особые возможности человеческого сознания: сущность человеческого существования определяется прежде всего духовно-нравственной деятельностью человека по отношению к Другому. В терминологии М. Хайдеггера – это забота[2], по М. Буберу – со-участие, со-чувствие, отношение Я и Ты[3].

Обращенность одного человека к другому через участие, заботу делает необходимым использование языка. Как бы глубоко и тонко с точки зрения логики и чувства ни мыслил человек, он не мог бы состояться в одиночестве и вне деятельности: общение и совместная деятельность возможны только с помощью языка. Так язык с самого начала формирования человека оказывается органично востребованным инструментом для проявления участия и заботы, справедливости и равенства, то есть фундаментальных понятий гуманитарного права.

Что же касается первичности и вторичности рационального и чувственного по отношению друг к другу вообще и в сфере права в частности, мы не делаем акцент на обязательном доминировании одного над другим: то и другое – несомненные признаки

---

[1] См.: *Бахтин М. М.* К философии поступка. Москва, 1986. С. 8.

[2] См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время. Москва, 1997. С. 29.

[3] См.: *Бубер М.* Я и Ты. Москва, 1993. С. 18–19.

живого и активного, мыслящего и чувствующего существа высшей организации, то есть человека, воплощающего высший уровень развития жизни в той части безмерного Космоса, который мы привычно называем Землей, земной цивилизацией. Остается непреложным тот факт, что одновременно типичностью и особенностью земной цивилизации и культуры является наличие в них именно такого типа высокоорганизованного существа, как *человека рассудочного и чувствующего одновременно*. Как всякий другой объект и предмет научного исследования, человек должен оставаться самим собой, иначе идет речь о подмене объекта и предмета анализа. Такая уникальная самость человека и есть суть земной, или человеческой цивилизации. Ее составляющими в соответствующей мере являются и рассудок и чувства: пренебрежение одной из них есть искажение такой самости.

В других цивилизациях наверняка есть свои типичные и особенные качества, но они заведомо другие, поэтому их воплощением будет уже представитель другой цивилизации, а не наш предмет познания.

Из выстраивания разных соотношений между данными двумя составляющими сути человека следуют, на наш взгляд, несколько крайних точек зрения.

В иррационалистической парадигме разум отождествляется с рассудком, который является деструктивным свойством человеческой природы[1], и тогда бытие, лишенное рассудка, становится бессмысленным «театром» «слепой воли», абсурда. Самосознание человека замыкается рамками экзистенциальных переживаний, которые якобы не находят выхода в практической сфере деятельности. Процессы развития человека и его сознания 1) становятся неопределенным, и 2) изгоняется тем самым конструктивизм, что явно противоречит реальности, в которой всегда что-то происходит, то есть конструируется.

Человек наблюдательный отмечает, что эмоциональные переживания также имеют место не в вакууме, а в реальных условиях бытия человека, спровоцированных какими-то событиями, и бытие в целом не может не разворачиваться в реальных усло-

[1] См.: *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Санкт-Петербург, 1818. С. 12–13.

виях. Так онтология, или само бытие человека, и его способность мыслить оказываются тесно связанными.

В отличие от двух общепринятых видов мышления – бытового и научного, А. Бергсон сформулировал идею о существовании (в его терминологии) двух уровней человеческого сознания: рационального (рассудочного) и мистико-интуитивного[1]. По мнению У. Джемса, сознание представляет собой множественную структуру, но не представляет убедительных аргументов[2].

У сторонников психоанализа (З. Фрейда, К.-Г. Юнга и др.) бытие как совокупность внутреннего и внешнего, предельного и беспредельного сузилось до рамок бытия психического: процесс самоанализа определяется как процесс анализа содержаний психики. Так психика замыкается на психике[3].

Постепенно формировалось представление о том, что существует нравственная чувственность как совокупность ответных реакций организма на влияние социальной среды.

Идея феноменологической методологии (Э. Гуссерль и др.) нашла переработку у М. Хайдеггера, который феноменологическому понятию смысла придал экзистенциальное значение[4]; идея самодетерминации человеческой ментальности Ж.-П. Сартра с его отказом от понятия «генезис» позволяет сформулировать идею о закономерности саморазвития человека как сложной системы[5]. В результате такого развития формируются устойчивые уровни и модели сознания в зависимости от потребностей исходя из понимания сложной системы как саморегулирующейся системы систем с учетом разных его (человека) признаков и качеств как результата длительного и многостороннего исторического развития. Подобная система систем формируется в результате *онтологичности* жизни, часто прагматично понимаемой как общежитейская мудрость или умение различать *good vs bad* на основании экзистенциального опыта, ментальности (концептуали-

---

[1] См.: *Бергсон А.* Мысль и движущееся. Москва, 1934. С. 34.

[2] См.: *James W.* The principles of psychologie. Prinston, 1900. P. 24.

[3] См.: *Jung C. G*. Letters on synchronicity. Prinston University Press. 1977; *Фрейд З.* Психология ежедневной жизни. Москва, 1978.

[4] См.: *Гуссерль Э.* Пролегомены в чистой логике. Санкт-Петербург, 1909; *Хайдеггер М.* Бытие и время. Москва, 1997.

[5] См.: *Sartre J.-P*. The Words. Minnesota, 1964. P. 44.

зации и категоризации), социальности (с такими составляющими, как участие, взаимопомощь, сострадание, сочувствие), психологичности (нравственности и законопослушания как чисто человеческих качеств).

При таком понимании сущности человека ее реализация происходит в знаковом пространстве (термин был введен И. А. Ильиным[1]), что приводит к тому, что язык, речь, текст становятся знаковыми объектами, выражающими природу сознания, то есть сущность сознания, которая отождествляется с его ментально-вербальным выражением. Такой подход к проблеме сознания не отвергает ее автономность, наоборот, он питается и опирается на культуру и общественное сознание. Практически это означает, что сознание неразрывно связано с нравственной чувственностью и бытием человека.

Вслед за П. Г. Щедровицким мы считаем, что человеческое сознание – саморегулируемая и самопреобразуемая функциональная система, где процесс самоорганизации сознания и есть процесс самопреобразования человека, изменения его концептуальных, онтологических, ценностных и практических интересов, разных уровней знания и понимания: от потребительски-биологического до целостного личностного, основным свойством которого является *гуманистическая* деятельность[2]. Широкий подход к сознанию, его роли и месту в судьбе человека актуализируется за счет значительного вклада в философию сознания конкретных идей российских и советских ученых:

1) понимания такой сугубо человеческой категории «*совесть*» как чувства одновременно интуитивного и мировоззренческого уровня[3];

2) понимания *сознания* как динамической конструкции, имеющей как внешнюю, так и внутреннюю обусловленность (сознание определяет бытие)[4];

---

[1] См.: *Ильин И. А.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996. С. 34.

[2] См.: *Щедровицкий П. Г.* Введение в философскую и педагогическую антропологию. Работы 1982–1996. Москва, 2018. С. 69.

[3] См.: *Ильин И. А.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С. 48.

[4] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Москва, 1957. С. 68.

3) использования деятельностной теории сознания (принцип единства сознания и деятельности)[1];

4) идеи первичности общественного сознания, социума и вторичность субъективного бытия[2].

Так в целом воссоздается теория антропосоциогенеза.

С нашей стороны не будет преувеличением утверждать, что в последние годы в связи с отходом от обязательности следовать официально принятым принципам государственной идеологии во многих научных сочинениях авторы отступают от материализма, публично-демонстративно не утруждая себя доказательствами правоты своей «новой» позиции. Наше ознакомление с многочисленными сочинениями в области философии сознания (преимущественно иностранных авторов) позволяет увидеть в их точках зрения слабые места и, самое главное, прямые отступления от онтологической и научной реальности, что было рассмотрено нами при изложении основного научного аппарата.

Продолжаются исследования особенностей человеческого мозга и его потенциальных возможностей, выражающихся в способности к высшей форме отражения и переработке информации в рамках материализма. На наш взгляд, в диалектико-материалистических теориях достаточно фундаментально обосновываются процессы формирования и развития сознания, речи. Необходимо отметить, что проблемы нравственно-правового развития/саморазвития как движения от простых форм мыслительной деятельности к сложным, мировоззренческим здесь не получили еще достаточного обоснования. Взгляд на развитие сознания как эволюцию чистых когнитивных структур в отрыве от развития духовно-нравственных способностей человека явно недостаточный. Забвение и пренебрежение духовными началами в человеке подменяют самого человека: он просто теряется.

Теоретические построения и иллюстративно-практический материал монографии изложены нами в особом человеческом ключе, то есть в чутком отношении к человеку, который предстает

---

[1] См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. Москва, 1972. С. 85.

[2] См.: *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва, 1984. С. 96.

не бесчувственной абстракцией, а живым организмом со своими сильными и слабыми сторонами, запросами и вариантами их разрешения. Это не могло не отразиться на языке работы, который прост и сознательно рассчитан на широкий круг читателей, в том числе студентов.

В результате анализа и оценки указанных выше теорий напрашивается вывод, что нравственное саморазвитие каждого человека может стать условием возрождения гуманизма в человеческом обществе. Таким образом, не только право должно быть гуманным как прямое следствие гуманного воспитания, но и само общество.

О необходимости возвращения к гуманизму и новой рациональности и нравственности заявляют В. А. Лекторский, П. П. Гайденко, В. С. Швырев, Н. С. Автономова и другие известные российские философы. Если природа человека начально агрессивна и деструктивна, то о гуманизме нет смысла говорить вообще. Следовательно, нет оснований решать проблему генезиса сознания, а общество становится беспомощным перед лицом глобальных проблем современности, которые оно же и порождает. Агрессивность и гуманизм – существенное противоречие, содержащееся в праве[1].

Мы предприняли попытку воссоздать процессы формирования и развития юридической терминологии как результата материализации ментально-онтологических представлений о хорошем/допустимом и плохом/запрещенном предмете, действии, признаке и свойстве на базе природной и приобретенной способности человека и общества к саморазвитию, формированию стереотипных мировоззренческих мнений и воззрений, воплощающих познавательные/когнитивные/концептуальные и экзистенциальные/онтологические способности и потребности человека.

Взаимосвязь онтологических, когнитивных (концептуальных и чувственных) компонентов сознания в процессе становления человеческого бытия постулируется нами как очевидность.

Конкретная цель исследования – раскрытие закономерностей развития и формирования английской судебно-правовой терми-

[1] См.: Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–37.

нологии как результата жизнедеятельности (онтологии бытия) и мыслительной активности человека (когнитивной способности человека) посредством процессов концептуализации и категоризации на одном из важнейших этапов развития английской государственности – в переходном периоде в X–XI вв. между древне- (далее – *OE*) и среднеанглийским (далее – *ME*), частично совпавшим с захватом Англии нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем, сменившим на троне последнего англосаксонского короля Эдуарда Исповедника. Другими словами, становление, развитие и формирование английской судебно-правовой терминологии рассматриваются как результат формирующегося правосознания и правовой культуры феодальной Англии.

Для достижения поставленной цели нам необходимо было выявить:

– истоки английского права и вектора его развития;

– роль антитезы в правосознании и правовой терминологии;

– содержание и структуру английского/общего права;

– зарождение и реализацию принципа разделения власти (законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти);

– зарождение и формирование основ правоохранительной системы;

– место и роль человека в формировании права (на примере Вильгельма Завоевателя);

– рациональное и чувственное начала в правовом феномене.

Мы изучили языковую манифестацию человеческой способности создать комфортные условия своего бытования под общим названием «правовые основы общества» посредством мысли и языка в условиях, детерминированных конкретными обстоятельствами проживания человека в конкретное время; провели различие между понятиями «исток» (как начало, первоисточник чего-нибудь)[1] и «источник» (письменный памятник, документ, на основе которого строится научное исследование)[2]. Уже из данных определений можно заключить, что это два разных понятия, которые соотносятся как общее и частное: *исток* – первопричина,

[1] См.: *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва, 2010.

[2] См. там же.

перводвигатель чего-то; их немного количественно, но их значение определяющее и фундаментальное; *источник* – конкретный, частный исходный материал, который может быть представлен в большом количестве.

Истоками права, его первопричинами является общественно осознанная потребность в установлении и следовании нормам и правилам поведения членов общества, без выработки и соблюдения которых само существование общества находится под угрозой. Таких истоков два: опыт каждого и всеми осознанная потребность в неких правилах со-жительства (онтология) и способность мыслить и предвидеть последствия (в нашем случае – концептуальная или ментальная способность человека).

Источниками лингво-правовой (юрислингвистической) информации стали словари общие и юридические, правовые тексты, относящиеся к конкретному временному периоду как языковые средства материализации понятий «право – антиправо» в онто- и филогенезе языка и сознания. Право и язык в равной степени являются продуктами сознания *homo sapiens*, конкретно, мыслительной и речевой деятельности человека, которые формируются в динамических жизненных или онтологических условиях бытования человека разумного. Экспериенциально и ментально на ранних стадиях своего становления и развития человек осознавал контрастные понятия *good vs bad*.

Непосредственным предметом нашего описания стало содержание языковых средств: от слова до высказывания, которые одновременно являются дискретными носителями языкового и правового знания. При этом мы исходим из очевидного для нас положения вещей: юристы пользуются языком *инструментально*, как средством передачи и донесения до сознания собеседников, прежде всего, правовой информации; лингвистов же интересует происхождение терминов, понятия синонимии, антонимии в юридической терминологии и др. В то же время оба согласятся, что чем точнее переводчик транслирует правовые понятия, пользуясь языковыми средствами языка, тем точнее предстает правовая информация и корректнее последуют правовые действия, что и является критерием адекватности [такого перевода].

Сквозной идеей монографии стало практическое подтверждение исходной гипотезы о естественном генезисе правовых

представлений о справедливости в том понимании слова «естественный», в каком они возникают в бытовой, ежедневной жизни и трансформируются в право, ставшее в последующем самостоятельной сферой человеческой активности. Таким образом, можно и нужно говорить не только об общеязыковых и специфических судебно-правовых номинативных единицах (юридических терминах), но и тех связях и отношениях, в которых находятся языковые единицы как участники более комплексных единиц – высказываний или дискурсов, отображающих специфическую судебно-правовую реальность, что получает название специального (юридического) дискурса. Под ним мы понимаем грамматически нормативно оформленную профессиональную речь, которой пользуются прямые участники этой специфической сферы человеческой активности, выполняя определенное коммуникативное намерение. Такой подход отражен в анализе языковых средств, относящихся к разным частям речи и к разным языковым уровням (слову, сочетанию, высказыванию, тексту, интертексту).

Исходя из вышесказанного, мы сформулировали следующую гипотезу: [если] право есть плод онтологической и ментальной деятельности человека, [то естественно в силу онтологии и его когнитивных способностей право] не может не нести следов человека, наиболее значимыми из которых являются логика и эмоции, определяемые условиями его экзистенции.

Человек – сложный симбиоз разнообразных качеств и свойств, в первую очередь наиболее определенно его формирующих как единство следующих противоположных парных признаков: социальный/общественный – индивидуальный/эгоистический; экономический/хозяйствующий – никчемный/неумеха; рачительный – расточительный; моральный/нравственный – аморальный/безнравственный; сострадательный – злоумышленный/злопамятный; совестливый – бессовестный.

Человек – целостная система систем, в разное время и одновременно обозначаемый как *homo sapiens*, *homo loquens*, *homo logicus*, *homo juridicus*, *homo publicus*, *homo economicos*, *homo politicus*, *homo sensitivus*, *homo morales* в конкретном историческом времени и пространстве с их доминирующими идеями, обычаями и пристрастиями. В реальности наравне с положительными он обладает негативными качествами, которые также можно

обобщить. Самый простой способ номинирования противоположного – употребить антонимы. Их роль в характеристике человека велика. Только в антонимической номинации человек предстает реально: не как фантастическое одностороннее существо, а холистически целое. Человек правовой предполагает человека неправового, антиподом которого он является. Проверкой исходной гипотезы является то положение, что человек кардинально выделяется из многих других млекопитающих, воспринимающих действительность как на умственном, так и на чувственном уровнях. Особыми маркерами этой креативной способности человека, делающими его уникальным существом, являются такие его качества, которые не могли не быть перенесены, не могли не получить своего качественного отражения в судебно-правовой системе в целом: *social – lonely*; *intelligent* (*reasonable, rational*) *vs primitive* (*instinctive*) *– stupid*; *emotional – unemotional*; *ethical*, *moral*, *spiritual vs unethical*/*immoral*/*soulless*[1].

Представленная комплексная гипотеза решена в установлении широкого ассортимента языковых средств, передающих каждое из указанных человеческих качеств; установлении частотного аспекта их употребления в подъязыке права и суда с очевидной производной целью выделения базовых или опорных членов соответствующего номинативного ряда; конструировании полевой структуры номинативного и концептуального поля «право и суд» с установлением определенной иерархии их употребления (например, по признаку частотности или интенсивности).

Так как текст порождается в результате отображения в нем конкретных обстоятельств, событий *через действия, мысли и чувства* конкретных действующих *лиц* в соответствии с ими поставленными целями и интересами, то в итоге перед нами – дискурс. Дискурсивными могут быть мышление и речь человека, ибо то и другое нагружено ментально, чувственно и деятельностно, реализуемых в определенных обстоятельствах/языковых ситуациях. Обращение к дискурсу помогает ввести в научное описание дополнительные параметры, например, *материальная, техническая*

[1] Общественный – одинокий; интеллектуальный (разумный, рациональный) против примитивный (инстинктивный) – глупый; эмоциональный – бесстрастный; моральный, духовный против аморальный/бездушный (англ.).

или процессуальная, нравственная и оценочная значимость конкретной ситуации, конкретного события в понятиях судебно-правовой деятельности, отображаемой языковыми средствами. Это способствует техническому (предметному, правовому) восприятию текста в языковом и знаниевом отношении как адекватного описания конкретного фрагмента обитаемого и, значит, правово окрашенного житейского пространства.

Формирование устойчивых правовых концептов как базовых мировоззренческих, определяемых и конструируемых на протяжении всей жизни индивида, может быть охарактеризовано как длительный процесс самоорганизации сознания, что может проявляться либо эксплицитно, либо имплицироваться в зависимости от условий существования (самой экзистенции или онтологии) носителя этой системы.

Принцип развития сознания от низших (психофизиологических) к уровням более высокого порядка состоит в том, что они содержат в своей целостности конкретные, опробованные человеком и им же востребованные смыслы нравственного качества. Он также определяется функциями, процессами и системообразующими факторами, обусловливающими модели сознания как способа бытия человека и общества.

Одними из таких способов бытия и человека и общества являются право и суд. Не в меньшей мере, чем климат как ключевая составляющая природы, чем политика как ключевая составляющая общества, право и суд направляют и определяют успешность или не успешность развития индивида и всего общества со всеми его признаками: от экономики до нравственности и морали. Способ бытия человека и общества земной разновидности формируется в результате развития индивидуальных форм мировосприятия и мировоззрения и общественными нормами существования индивидов в рамках общества как единство индивидуального и общественного в разном их содержательном соотношении.

Современная абсолютизация значения информации уменьшает роль и предназначение человека как существа не только думающего, но и чувствующего. Дж. Дебс, много сделавший для становления цифрового мира, предупреждает, что колоссальные возможности информационных технологий несут прямую угрозу человеку.

Функции сознания не сводятся лишь к адаптивным, языковым функциям для получения и переработки информации. Информация безгранична, поэтому прежде всего важно ее содержание. Сейчас как никогда раньше необходимо осознавать, что назначение основных функций сознания определяется необходимостью их применения в сфере познания и (само)познания как средства (само)совершенствования человека и общества, а не количественного увеличения накопленной информации; важны способности к саморазвитию и самоограничению, понимаемые в практическом плане как минимизация деструктивных свойств индивидуального и общественного сознания.

В условиях абсолютизации и доминации информации саморазвитие и самоограничение способны выступить в роли морально-нравственного фильтра при отборе жизнеутверждающей информации, способствовать воспитанию нравственной чувственности как такого устойчивого содержания сознания, которое отфильтровывается как процесс рационализации нравственной чувственности, и тогда можно говорить о человеке как нравственно-разумной личности, а об его деятельности – как гуманистической. Изгнание или пренебрежение нравственной чувственностью, доминация *ratio* над *sentiment* чреваты непредсказуемыми последствиями.

Конкурирующие философские представления о способах трансформации системы государства и права лежат в основе современных социально-философских теорий, которые формируются, опираясь на богатый опыт исторической практики XX в. и бурно развивающихся социологических, политологических и социально-психологических исследований последнего времени.

Несмотря на разные подходы и идеи этих двух точек зрения, их сторонники проявляют нечто общее, в частности, уделяют внимание экономическим, политико-правовым, моральным и историко-культурным аспектам формирования правовой государственности, что ведет к трансформации правосознания, появлению его нового содержания.

Язык права и правовая коммуникация детерминированы всем опытом экзистенции человека, включая предыдущий социально-исторический опыт и передовые инновации многих поколений. Этот отправной принцип лежит в основе нашей работы.

Многие терминологические исследования освещают лишь узкие аспекты юридического терминообразования, в зависимости от конкретных целtq и задач, поставленных авторами. В итоге в терминологической англистике пока отсутствует единая объемная терминологическая работа, построенная на комплексном принципе единства мира человека и мира права. Такая работа могла бы послужить основой юридического терминоведения, отталкиваясь от которой, авторы убедительно и доказательно раскрывали новые его аспекты. Это позволит исторически корректно осветить не только появление определенных частных правовых понятий, но и ключевых составляющих английского общего права как целостной системы.

Началом зарождения и развития правового принципа разделения властей в Англии стало прагматическое назначение в качестве ближайших советников короля наиболее преданных баронов (зачатки палаты лордов), которые вошли в Совет при короле, что послужило прообразом будущего кабинета министров (исполнительной власти); назначение верноподданных по принципу их личной преданности на должности судей в центре (так называемые *Westminster Courts*), судей разъездных судов. Передача судейских полномочий владельцам маноров способствовала упрочению судебной власти на местах как продолжение и копирование королевской судебной системы в центре. Такие общечеловеческие черты, как соблюдение обычаев предков и уважение старейшин, послужили основой прецедента как одного из принципов английского права. Последующее лишение английских королей абсолютной власти привело к расширению полномочий парламента как реализации давней максимы: *power always belongs to somebody*[1].

[1] Власть всегда принадлежит кому-то (англ.).

В современной Великобритании принцип разделения властей в правовом и государственном пространстве сохраняет свои особенности при наличии рудиментов монаршей власти, противовесом которой является парламент, абсолютная доминация которого в известной степени нивелируется правительством. Последовательная реализация принципа урезания власти монарха способствует развитию институтов гражданского и правового общества, выступающих механизмами преодоления правового господства и диктата монарха.

Мы комплексно подошли к постановке проблемы развития, становления и функционирования юридической терминологии как динамичной, развивающейся полифункциональной системы, способной к изменению и развитию. Феноменологический анализ содержания правового сознания, его содержательная структурированность являются следствием онтологической и концептуальной природы сознания как совокупности познавательных, экзистенциальных/житейских, аксиологических, прагматических и мировоззренческих качеств и свойств человека как высшего существа. Уяснение генезиса права, правосознания достижимо с уяснением генезиса человека.

Любое явление может развиваться, если есть источник такого развития. В роли такого источника выступает принцип внутренней причинности саморазвития, сформулированный наиболее привлекательно в концепции[1]. Комплексный подход к его преломлению в работе включает экзистенциальный (онтологический) и интроспективный (ментальный) анализ принципов определения смыслов человеческого существования, эмпирическую базу когнитивной психологии, раскрывающую закономерности формирования когнитивных структур в онтогенезе[2]. Синтез феноменологического[3] и экзистенциального подходов[4] предполагает выявление содержания обыденного и профессионального сознания. Поведение человека – через деятельность или речь – закономерно (в нашей терминологии – онтологично, или бытийно, и осмысленно, или разумно) формируется вполне определенным образом: оно заказано реально складывающейся общественной жизнью, влиянию которой практически невозможно успешно (особенно для индивида) противостоять. Отсюда следуют всевозможные коллизии между индивидом и обществом и, как следствие, вечная потребность в праве как средство разрешения кол-

---

[1] См.: *Щедровицкий П. Г.* Краткое полное собрание сочинений. Т. 1: Введение в философскую и педагогическую антропологию. Работы 1981–1996 годов. Москва, 2018. С. 67–68.

[2] См.: *Piaget J.* Play, dreams and imitation in childhood. New York, 1951. P. 28, 43.

[3] См.: *Гуссерль Э.* Пролегомены к чистой логике. Санкт-Петербург, 1909. С. 114.

[4] См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время. Москва, 1997. С. 89.

лизии. Жизнь порождает все новые и новые противоречия, а закон/право их помогает решать.

Развитие и становление основных устойчивых правовых понятий и моделей правосознания как способа бытия человека и общества невозможно исследовать *вне диалектической методологии*, которая на современном этапе развития философского знания получает новое-старое название: закон единства и борьбы противоположностей, в инструментальной версии – закон взаимодействия противоположностей. Это, по нашему мнению, приобретает новое значение: сущность процесса развития любой функциональной системы лежит в ее понимании как системы взаимодействия и взаимодополнения множества функциональных составляющих, в своем единстве стремящихся к уравновешенному, гармоничному состоянию, которое достигается через взаимопонимание, а не конфликт.

Теоретическими основами монографии послужили лингвистические труды, в которых ученые разрабатывали проблемы *концептосферы и концепта* (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А Стернин); теоретические и практические проблемы *лингвокультурологии* (С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, А. А. Зализняк, В. И. Карасик, Н. А. Купина, И. Б. Левонтина, В. А. Маслова, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев); работы по *лексической семантике* (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Э. В. Кузнецова, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев); *стереотипу* (Е. Бартминьский, Е. Л. Березович, И. Т. Вепрева, М. В. Китайгородская, И. М. Кобозева, В. В. Красных, Л. П. Крысин, О. А. Михайлова, Н. Н. Розанова), приведены классификации человека, а также классические и современные труды по праву.

Надежность теоретической базы исследования обеспечивается проработкой и критическим использованием трудов представителей разных наук, комплексной методикой исследования, многоступенчатым научным анализом исследуемого языкового материала (историко-этимологический, сравнительно-сопоставительный, компонентно-семантический, когнитивно-концептуальный).

Доминантным исследовательским приемом является антитеза как анализ правового феномена в его противопоставлении неправовому. Постоянно присутствующий человеческий фон

позволяет полно раскрыть содержание и форму правового термина-понятия, а теоретический анализ – углубить понимание как большого сознания, так и специального правосознания как его частного сегмента. Оба представляют собой полифункциональный феномен как следствие полифункционального характера человеческой природы как системы систем. Это проявляется в генезисе и самоорганизации мировоззренческих систем, содержащих нравственные смыслы, которые формируются разумной деятельностью сознания и выявляются и закрепляются в практической сфере деятельности человека. Многоаспектность исследуемых нами проблем потребовала обращения не только к философии, истории философии и теологии, но и антропологии, психологии, педагогики и социологии. Человек – создатель и исполнитель права, и последнее производное понятие нельзя рассматривать без первого. Человек – симбиоз логики и чувства, право является синтезом логического и чувственного понятия, зеркально отражая природу своего создателя – человека. Как ключевой участник земной цивилизации, наделенный разумом, чувствами и способностью вести сознательную трудовую деятельность, человек создает среду своего бытия, которая служит его процветанию. Остальная деятельность является деструктивной, и занятие ею не соответствует законам жизни человека земной культуры и цивилизации. Наоборот, она перечеркивает достижения человека как представителя и воплощения той культуры и цивилизации, которые характерны для планеты Земля.

В современной научной парадигме сущность истины уходит корнями в платоновскую традицию. В притче о пещере истина и разумение зависят от «идеи идей», или «идеи блага»/«идеи добра». Критериями правильности взгляда являются формирующие свойства и качества действительности, в которой существует человек, и мыслительная способность человека. Детерминированность и согласованность познания и социального конструирования с сущностью вещей есть принцип, лежащий в основе классического понимания онтологизации, дающей опору истинности. Онтологизация рассматривается нами как основополагающие начала человеческого бытия. Она предполагает согласованность познания и социального конструирования с сущностью вещей. Это те структуры бытия, которые являются ее носителем, то есть

где она, так сказать, укоренена и откуда произрастает. Так складывается технология онтологического принципа работы:

первый шаг – исследование поверхности явлений, то есть раскрытие сути на поверхности ее существования: с чем человек сталкивается впервые;

второй шаг – углубление исследования, то есть определение основ феноменального бытия, на чем строится дальнейшая фаза исследования. Непременное условие: обращаемся к тому, в чем больше сути. Человек осмысливает все «по идеям» и оценивает все действительное «по ценностям», поэтому важно, какими идеями и ценностями он как представитель земной культуры руководствуется.

В английском языке концепты «право» и «закон» имеют дополнительную особенность: слово *law* обозначает оба понятия. Оба понятия ассоциируются *с властью.* Учитывая тот факт, что власть есть определяющая инстанция *в строении социума*, приближение к ее познанию способствует формированию современного *мировоззрения*, адекватного взгляда на действительность, повышению адаптивных способностей гражданина.

Необходимость учета данной проблематики имеет прагматическую ценность: в каждодневной деятельности человек действует в неких рамках, заданных и опосредованных властными институтами, выход за пределы которых есть нарушение права.

В настоящее время существуют разнообразные философско-правовые представления о способах конструирования и трансформации системы государства и права, которые возникали, опираясь на богатую событиями историческую правовую практику английского народа. Их многообразие (бихевиаризм, физикализм, аналитическая философия, когнитивная философия), развитие каждой из них вне связи с другими не дают целостного представления об онтологической структурированности и механизмах развития сознания в целом и правового сознания, в частности, в сложном процессе формирования общечеловеческого и правового мировоззрения человека как основы его отношений *с другими*: государством, природой, миром в целом.

Предпринимаемые в рамках разрозненных философских направлений попытки редуцировать совокупность ментально-когнитивных процессов и содержаний к мозговой деятельности и к рассудочным механизмам мышления порождают новые проблемы в процессе выработки целостного онтологического и философского представлений о природе сознания. Они связаны с определением сущности процесса формирования нравственно-смысловой составляющей правового сознания. Большинство теорий современной философии познания акцентируют внимание на объяснении когнитивно-информационных процессов необоснованно исключая проблематику определения нравственного содержания сознания, которое в большей степени определяет уникальное качество человеческого существования в рамках природы и общества и находит отражение в правовом сознании. В результате предлагается некий абстрактный теоретический конструкт, в котором свойственная человеческому сознанию нравственная чувственность (эмпатия, совестливость, гуманизм, справедливость, участие) отождествляется с чувственностью психофизиологической, механистической по сути (реакции, диспозиции, адаптивные коммуникативные взаимоотношения). Это явно приводит к недостаточному пониманию *сути человеческого* как холистического целого рационального/разумного и нравственно-чувственного процессов в актах сознания. Мы исходим из того, что только единство рационального и чувственного в человеке может привести к объективному пониманию той уникальной скрепы общества, в роли которой выступает право.

ГЛАВА I. ВОПРОСЫ ПРАВА, СПРАВЕДЛИВОСТИ, ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИЯХ АВТОРИТЕТОВ

В Древней Греции совокупность ценностей права, справедливости и государства рассматривались, как правило, сквозь призму морали как идеальные основания для существования человека и государства или как обязательные свойства настоящего гражданина. Самым счастливым моментом в жизни неофита было посвящение в мужчину, когда он становился гражданином и воином. В ответственный момент своей жизни каждый молодой человек приносил клятву, в которой торжественно заверял: "*I will obey the ruling magistrates who rule reasonably and will observe the established laws and whatever laws in the future may be reasonably established*"[1]. Из текста клятвы-присяги следует, что магистратские судьи должны править *разумно*, соблюдая существующие законы. Рациональность права – основная его черта: в данном контексте слово «разумно» употребляется дважды.

Государственное устройство – это своеобразный зонтик, в тени которого существует человек. Уже в Греции у всех греческих городов-республик предполагалось наличие таких общественно-правовых институтов, как собрание граждан, совет магистратуры и судебная система (в Афинах – экклесия, народное собрание, совет пятисот, архонты). В ходе социально-экономического развития преобладает тенденция участия в управлении государством возможно большего числа граждан. Платон и Аристотель заложили понимание государственной власти как института, направленного на достижение общественного блага[2].

В Древней Греции возникает понятие «гражданское общество», означающее формирование новой правовой культуры

[1] Я буду подчиняться правящим магистратам, соблюдать принятые законы и разумные законы будущего (англ.) (См.: Leadership in development of the organizational ethic. ManagementScienceUnit. FBIAcademy, 1991. P. 2.).

[2] См.: *Платон* Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3. Москва, 1994. С. 49; *Аристотель* Сочинение: в 4 т. Т. 4. Москва, 1984. С. 491.

в условиях возрождения духовной жизни страны или ее культуры. Формирование государственных и правовых институтов происходит практически одновременно, что затрудняет изучение каждого феномена самостоятельно. Важность и острота проблем, связанных со становлением основ правовой государственности в непрерывном социально-политическом историческом контексте, очевидны, как и сложность этого становления, вызванная тем, что остальные аспекты жизнедеятельности народа/общества также развиваются и усложняются: в области экономики – это многообразие видов собственности; в политической сфере – институциализация различных политических взглядов и интересов в виде партий, движений; в духовной – религия, возрождение национального самосознания; в социальной – возникновение новых социальных классов и групп, дифференциация социальных интересов и потребностей.

Не менее важные и сложные изменения появляются в жизни каждого индивида, у которого происходит «запоминание событий и фактов из личной жизни, формируется **память пережитого** (полужирный наш – **Авт.**)»[1]. Исход взаимодействия личного и общественного трудно предсказать. Правовое поведение формируется годами, поколениями. Единственный способ управлять таким обществом – это гармонизация в рамках системы права интересов различных социальных сил. Положение дел усугубляется тем, что в реальной жизни стирается грань между правом и насилием в силу очевидного факта: на любом срезе общества присутствует и то и другое. В такой уникальной ситуации право берет на себя не только собственно правовые функции, но и социальные, экономические, государственные, политические и духовные.

В последующей теории государства и права важное место занимает понятие «правовое государство», то есть государство, в котором утверждено верховенство закона, который, в свою очередь, для своего установления и последовательной реализации нуждается в правовом государстве. Оно предполагает разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную с должным конституционным контролем, и здесь хорошо извес-

[1] *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Ленинград, 1972. С. 87.

тен механизм, контролирующий их взаимоотношения (например, в форме системы взаимных сдержек и противовесов по американскому образцу и подобию). Государственная и политическая практика показывает, что необходимо создать действенные механизмы правовой регуляции, реально обеспечивающие верховенство норм права в общественной жизни, благодаря которым экономическая, социальная и политическая жизнь общества и личности ограждается от любого произвола толпы, власти или отдельной личности. В этом смысле создание правового государства является одной из основных задач происходящих в обществе преобразований, поэтому исследование процесса становления институтов правовой государственности весьма актуально.

Человек живет в обществе, которое должно быть обитаемым. На сегодня выработаны идеальные параметры такого общества, среди которых свобода, справедливость, но человечество далеко от единого их понимания. Наш современник вновь подвергает сомнению их содержание.

Понимание справедливости может быть абстрактным и конкретным. Для раскрытия сути справедливости обратимся к надписи над входом в здание министерства правосудия США: *Justice in the life and conduct of the state is possible only as first it resides in the hearts and souls of the citizens*[1]. Этой максиме близка и другая: в порочном обществе не может быть непорочного права.

Высокое понятие правового государства может опираться только на идею о высшей ценности человека, его прав и свобод. Это символизирует новый подход к пониманию (абстрактного) права сквозь призму (реальных) прав и свобод человека и гражданина. Возникает новое правовое миропонимание, новая правовая идеология. Такой принцип В. С. Нерсесянц называет «человеко-центристским правопониманием»[2]. Подобная точка зрения является естественно-правовым вариантом общей концепции различия и соотношения права и закона. Правовое начало представлено в правах и свободах человека, ибо он является высшей ценностью; основные права и свободы человека неотчуждаемы,

[1] Правосудие возможно в жизни и поведении государства только тогда, когда оно живет в душе его граждан (англ.).

[2] *Нерсесянц В. С.* Философия права. Москва, 2005.

это составляющие конституционного правопонимания (как естественно-правового, так и аксиолого-правового по своей сути).

Правосудие – это справедливость, установленная судом на основании права. Справедливость – более широкое понятие, нежели правосудие. Правосудие выступает как достижение справедливости через институт суда в соответствии с существующими в конкретном государстве нормами правосудия, которое, прежде всего, связано и направлено на человека. Трудно поверить в правосудие, цель которого заключается не в этом. У каждого времени вырабатывается, прежде всего, онтологическая ценность жизни человека, которая до ее понимания в высоком абстрактном смысле имела свою житейскую, материальную выраженность: ценность человека еще не стала собственно его оценкой как высшего уникального думающего и чувствующего существа, а рассматривалась сквозь призму принадлежащего ему материального имущества.

Обитая в материальном мире, человек мыслит материалистически. Высокий полет мысли состоится позже с тем неизбежным умозаключением, что абстрактные понятия развивались из естественных, бытовых. Высота полета абстрактной мысли человека имеет свое измерение. В настоящее время человечество приходит к выводу, что свобода не может не иметь разумных ограничений. Это следует из осознания контрастного устройства мира природы и мира человека (конкретно – общества и сознания).

Человек живет не в абстрактном мире, а мире, детерминированном многими реальными явлениями и факторами. Правовые понятия оказываются связанными реальными условиями, в которых живет реальный, а не абстрактный человек. В этом плане показательна динамика высокой ценности человека, представляемая в виде шкалы и построенная по принципу от минимума к максимуму на разных временны́х этапах развития человека, о чем свидетельствуют высказывания известных исторических личностей:

1749. *That generous maxim, that ‘tis much more Prudence to acquit* ***two persons****, though actually* ***guilty*** *than to pass sentence of condemnation on* ***one*** *that is virtuous and* ***innocent****. Voltaire, 1694–1778*;

1783. *For the law holds, that it is better that* ***ten guilty*** *persons escape, than that* ***one innocent*** *suffer. Sir William Blackstone*, 1723–1780;

1785. *That it is better a **hundred guilty** persons should escape than **one innocent** person should suffer, is a maxim that has been long and generally approved*. *Benjamin Franklin*, 1706–1790[1].

В этих высказываниях раскрывается суть права и правосудия как инструмента справедливости через несколько антитез с нарастающей интенсивностью:

1) главная: «виновный» – «невиновный»;

2) второстепенные, используемые в качестве средства доказывания: «2 против 1», «10 против 1», «100 против 1».

Высказывания построены по принципу роста количественного измерения одного члена антитезы – количества наказуемых. Первый тезис утверждает, что лучше оправдать 2, второй – 10, третий – 100 *виновных*, чем наказать одного *невиновного*. Пропорции органично привязаны к той реальной жизни, в которой жил каждый автор, но общая позитивная квинтэссенция высказываний несомненна: наказание даже одного невиновного недопустимо.

В объективном измерении временной разброс между высказываниями невелик, тем не менее с развитием общества, с укоренением в нем правосудия истинная значимость и ценность жизни человека возрастает, так как в каждом последующем высказывании свобода человека ценится все больше и больше.

1.1. Цели государства

Пользуясь высказыванием Р. Барта: «Каждый текст является интертекстом»[2], весь современный массив судебно-правового текста мы принимаем за максимально возможный полный правовой интертекст, познав который, мы познаем право. Заведомо понятно, что это недостижимо.

---

[1] 1749. Глубокая максима: гораздо более благоразумно оправдать **двух виновных**, нежели наказать **одного невиновного**. Вольтер, 1694–1778;

1783. Закон утверждает: лучше позволить избежать наказания **десяти лицам**, чем заставить страдать **одного невиновного**. Сэр Вильям Блэкстоун, 1723–1780;

1785. Лучше помиловать **сто виновных**, чем наказать **одного невиновного**. Бенжамин Франдклин, 1706–1790 (англ.).

[2] *Барт Р.* Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. С. 442–443.

Жизнь и право не только тесно связанные, но и глубокие и древние понятия, поэтому дать их общепонятные определения без обращения к авторитетам не представляется возможным. Нельзя отрицать, что право – существенная часть жизни. На вопрос: что такое жизнь? – уже есть справедливое высказывание: «Для того, чтобы выяснить что такое *жизнь*, мы должны исследовать все формы жизни и отобразить их в их взаимной связи»[1].

Не менее глубоким и сложным является концепт права, поэтому краткий экскурс в историю вопроса о происхождении, сути и тенденциях развития права – лишь скромная попытка выделить наиболее созвучные нашему времени представления и идеи о праве, для полного понимания которого также необходимы разные суждения не столько схоластического толка, сколько обзор и установление закономерностей его реального социального бытия, то есть примеров его существования в состоявшихся исторических государствах конкретного типа в конкретное время. В этом огромном правовом интертексте много соавторов, каждый из которых жил в свое время со своими идеями и видел воочию лишь частичную практическую реализацию глобального права, поэтому, естественно, мы обращаемся ко многим текстам-первоисточникам и разным авторам.

По мнению Дж. Локка, главной целью объединения людей в государство является сохранение их собственности, потому что у государства есть закон, судьи, сила[2]. У Ж.-Ж. Руссо важна мысль о постоянном изменении государства: «Политический организм (= государство) также, как и организм человека, начинает умирать с самого своего рождения и несет в себе самом причины своего разрушения»[3]. Остается вопрос: какое время занимает это тихое умирание? Примечательны следующие слова философа: «Устройство государства – это искусство. Насколько искусно создано то или другое государство, столь же длинным будет его существование»[4].

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Москва, 1938. С. 87.

[2] См.: *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. Два трактата о правлении. Москва, 1988. С. 87.

[3] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. Москва, 1969. С. 78.

[4] Там же. С. 89.

Четкие формулировки ключевых понятий предлагает П. Шаран: «**Политика** – не что иное, как борьба за власть <…> **общество** в целом есть система властных отношений – политических, социальных, религиозных, моральных, культурных и др. <…> **власть** – это социально-психологические отношения, взаимно обязывающие всех тех, кто обладает властью и осуществляет ее и тех, на кого эта власть распространяется»[1]. Он вводит новое понятие, которое служит практическим инструментом в нашей работе: «политический анализ», предполагающий изучение власти и ее влияния в процессе или в динамике общества[2].

Власть вовсе не принадлежит одному отдельному человеку, полагала Х. Арендт, а только группе людей, действующих совместно: «Власть означает способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими. Власть не является собственностью одного человека – она принадлежит группе до тех пор, пока эта группа действует согласованно»[3].

Т. Болл считал, что, несмотря на многообразие и отличия в понимании власти разными учеными, у них есть общие фундаментальные черты[4].

1.2. Основные типы государства

Как справедливо продолжает Т. Болл, при рассмотрении существующих ныне концепций власти прежде всего бросаются в глаза их многочисленность и разнообразие[5]. По мнению Т. Гоббса, например, власть – это средство достичь блага в будущем, а сама жизнь есть вечное неустанное стремление к власти[6]; А. Гамильтон в государстве видел деятельный аспект: «Что есть власть как не способность или дар что-либо совершить?»[7]

---

[1] *Шаран П.* Сравнительная политология. Москва, 1992. С. 87.

[2] См.: *Шаран П.* Сравнительная политология. Москва, 1992. С. 81–82.

[3] *Арендт Х.* Жизнь ума. Санкт-Петербург, 2013. С. 114.

[4] См. *Болл Т.* Власть // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 42.

[5] См.: там же. С. 36.

[6] См.: *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2: Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Москва, 1991. С. 132–134.

[7] *Печатнов В. О.* Гамильтон и Джефферсон. Москва, 1984. С. 84.

В начале XX в. М. Вебер определяет власть как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других[1].

Применение власти как акты, воздействующие на кого-либо или предопределяющие другие действия, рассматривали Г. Лассуэлл и А. Каплан. Р. Даль считал, что власть дает возможность одному человеку заставить другого сделать то, что он по своей воле не сделал бы.

Особое место в теории государства занимает Н. А. Бердяев. Он поднимает тему возникновения государства в тесном переплетении с проблемой человека, его свободы, добра и зла и нравственности. Он считает, что происхождение человека и государственной власти необъяснимо рационалистическими причинами: появление и бытие общественной власти есть факт иррационального мистического порядка.

Н. А. Бердяев выделяет основные этапы в теории государства: в XVIII в. это была теория общественного договора; в XIX в. – борьба классов и факторов экономических. Тут надо оговориться, что его книга о власти «Философия неравенства» написана в жанре писем к «недругам»-большевикам. Он утверждает: «В государстве есть мистическая основа, которая не поддается объяснению»[2]. Начало власти, продолжает он, совершенно иррациональное. Он считает, что власть государственная имеет религиозную основу и религиозный исток, полностью отвергая теорию общественного договора Руссо, теорию экономической подкладки государства К. Маркса. В таком контексте он вспоминает о почитании героев, например, в Древней Греции и у других народов, готовность народа подчиняться им[3].

Далее Н. А. Бердяев отмечает онтологическую основу власти, понимая под онтологией то, что мы имеем в виду в данной работе: среду, в которой обитает человек. Весь ход и вектор поступательного развития общества были таковы, что нужно было онтологически упорядочить отношения в обществе во имя его сохранения, что здравый смысл и рациональная деятельность че-

---

[1] См.: *Вебер М.* Избранные произведения. Москва, 1990. С. 652–653.

[2] *Бердяев Н. А.* О назначении человека. Москва, 1998. С. 67.

[3] См.: *Бердяев Н. А.* Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). Москва, 1990. С. 75–76

ловека и сделали. У него есть составной термин «божественный онтологический источник» – это никак не делает его союзником в нашем понимании онтологии как первичном в значении естественном, экзистенциальном, а не мистическом истоке государства как упорядоченной власти.

Привлекательны идеи о праве, справедливости и власти англоязычных философов и мыслителей. По мнению Т. Гоббса, в политической системе есть конституционная монархия, но нет гражданского общества. Ценны его рассуждения о представительской власти, что он достаточно подробно отобразил в книге «Левиафан»; важно его понятие суверена как обладателя высшей власти, а все остальные являются подданными.

Существуют два основных пути достижения верховной власти: а) через физическую силу, б) через добровольное согласие людей подчиниться одному человеку или собранию людей. При наличии понятий «гражданское общество» и «правовое общество» он вводит понятие «политическое общество». Т. Гоббс выделяет три формы государства:

1) монархию (*the system of rule by a king or queen*);

2) демократию (*government by the people, or by elected representatives of the people*);

3) аристократию (*government by people of the highest social class*).

Поднявшись так высоко над своим временем, он остается верен идее святой, неприкосновенной, не свергаемой монархии[1].

Дж. Локк впервые четко выделил такие понятия, как «личность», «общество», «политическое государство». Отметив право человека на полную свободу по естественному закону, он, как и Т. Гоббс, выводит понятие «политическое общество» как нечто противоположное естественному закону. Каждый из членов такого общества отказывается от естественной власти и обращается к защите закона, установленного обществом, то есть люди у власти – это «те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда могут обращаться

[1] См.: *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2: О естественном состоянии человеческого рода и его отношении к счастью и бедствиям людей. Москва, 1991. С. 205–206.

и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников»[1].

В отличие от Т. Гоббса, Дж. Локк четко высказывается против абсолютной монархии, которая несовместима с гражданским обществом. Противоположным устройством власти является *диктатура* (от лат. *dictatura* – «неограниченная власть») – осуществление власти в государстве недемократическими методами; авторитарный политический режим[2].

1.3. Государственное право как общечеловеческая и общенаучная проблема

Сплетение разных смыслов в концепте «право» поражает. Это очень убедительно демонстрируют его определения в словарях и энциклопедиях. В термине «государственное право» уже переплетаются два термина-понятия: «государство» и «право».

Государство и право возникают с появлением частной собственности, с разделением общества на классы и началом эксплуатации человека человеком. Вот как об этом говорит крупнейший российский масонский издатель XIX в. Н. И. Новиков: «Человек получил от природы права на равенство со всеми. Равенство было нарушено торжеством собственности, а свобода утратилась с установлением обществ и правительств, которые поддерживаются гражданскими и церковными правами»[3].

Невозможно понять суть закона, его истоки, его востребованность в отрыве от экономических и социальных условий. Закон создает общество и государство, но верно и обратное утверждение: общество и государство создают все новые и новые законы, и закон снова оказывает воздействие на социоэкономическую систему, и так бесконечно. Закон является важным фактором консолидации существующих социальных отношений, и в некоторых случаях он необходим для установления новых отно-

---

[1] *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 3: Два трактата о правлении. Москва, 1988. С. 123.

[2] См.: там же. С. 335–336.

[3] *Лонгинов Н. М.* Новиков и московские мартинисты. Москва, 1864. С. 58.

шений при зрелости определенных предпосылок и условий. Чем более сложным является экономический механизм общества, организованного в государство, тем большее влияние он оказывает на многие конкретные направления развития государства.

В понятийной рамочной конфигурации одной конкретной науки проблемы права не решить. Интердисциплинарность и многомерность права очевидны. О тесной связи философии как широкой науки, изучающей наиболее существенные условия существования человека, и закона говорил еще Цицерон: «Учение о праве следует черпать <…> из глубин философии <…> Закон <…> есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует <…> Мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает»; «закон есть сила природы, он – ум и сознание мудрого человека, он мерило права или бесправия»[1]. К тому, что для толкования закона необходимо обращение и к праву и к бесправию, мы еще будем обращаться не раз.

Итак, право предполагает отказ от бесправия; для этого нужно осознать оба феномена. Они связаны противительной связью: отказ от одного есть одновременно утверждение другого. Вечным спутником человека является борьба между силами добра и зла. Вектор развития общества и темпы его развития заложены на вере в добро. Об этом говорит и Цицерон, касаясь источника закона: «Законы были придуманы ради блага граждан, целостности государств и спокойной счастливой жизни людей <…> люди, которые впервые приняли постановления такого рода <…> пишут и предлагают такие постановления, одобрив и приняв которые <…> будут жить в почете и счастье»[2]. Важной представляется его ссылка на Платона, который признавал, что «закону свойственно <…> стремление нас в чем-то убеждать, а не ко всему принуждать силой и угрозами»[3]. Так у закона предполагается еще одно измерение – этика закона.

Т. Гоббс вводит понятия гражданского закона, гражданского права, гражданского общества. Под первым он понимает закон,

---

[1] *Cicero*. MurderTrials. London, 1952. P. 14–15.

[2] Там же. P. 90.

[3] Там же. P. 113.

который «не частный», он должен соблюдаться «членами государства вообще»[1].

Название гражданского права в Риме образовано от слова *civitas*, что означает «государство». Следовательно, гражданский закон – это не частный, а единый для всех закон государства: «Гражданским правом являются для каждого подданного те правила, которые государство устно, письменно или при помощи других достаточно ясных знаков своей воли предписало ему, дабы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным. Закон никто не имеет право издавать, кроме государства <…> ясными знаками»[2]. Так утверждаются некая знаковая суть и знаковое предназначение закона.

Государство живет по законам, и оно же является законодателем, но способно что-либо делать только через своего представителя, то есть суверена. Значит, единственным законодателем является суверен.

Интересны мысли классиков о соотношении естественного и гражданского права. «Естественный закон есть часть гражданского закона. <…> в свою очередь гражданский закон также является частью предписаний природы, ибо *справедливость* (курсив наш. – **Авт.**) есть предписание естественного закона. Гражданский и естественный законы не различные виды, а различные части закона, из которых одна часть (*писаная*) (курсив наш. – **Авт.**) называется гражданским, другая (*неписаная*) (курсив наш. – **Авт.**) – естественным»[3].

Диапазон мнений широкий: от соотношения как двух видов права (отношение автономности, самостоятельности каждого) до включения гражданского в естественное право (отношение части и целого). Т. Гоббс проводит различие между законом и правом: право есть свобода, именно та свобода, которую составляет сам гражданский закон. Гражданский же закон есть обязательство и отнимает у нас ту свободу, которую предоставляет нам естественный закон[4].

---

[1] *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва, 1991. С. 92–93.

[2] Там же. С. 92–93.

[3] Там же. С. 92–93. С. 112–113.

[4] См. там же. С. 310–311.

Ж.-Ж. Руссо называет государство политическим организмом, который учреждается общественным соглашением. Он считал, что закон «может установить привилегии, но не может их предоставить одному определенному лицу <…> Может создать несколько классов граждан в отличие от всякого действия, объект которого носит индивидуальный характер. Наоборот, в законе должен сочетаться всеобщий характер воли <…> То, что приказывает сюзерен по частному поводу, – это <…> не закон, а декрет»[1].

Как у государства есть несколько форм, так и закон является в нескольких формах, например, форма государства **республика** – государство, управляемое посредством законов. Республика (от лат. *respublica* – букв. «общественное дело») – форма правления, при которой глава государства (например, президент) избирается населением или специальной избирательной коллегией. Законодательная власть принадлежит выборному представительскому органу (парламенту).

Дополнение порою нечетких формулировок и отсутствие точных признаков таких понятий, как государство, закон, в вышеприведенных высказываниях ведущих философов Средневековья, новое понимание закона находим у К. Маркса: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества. Признание прав человека современным государством имеет такой же смысл, как признание рабства античным государством <…> подобно тому, как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно также современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество»[2].

Разграничение права и закона проводится П. А. Кропоткиным. Как и другие представители анархизма, он отрицает не право вообще, а монополию государства устанавливать правовые нормы и принудительно проводить их в жизнь.

Особое место отводит П. А. Кропоткин обычному праву, не инкорпорированному в систему государственного права.

---

[1] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. Москва, 1969. С. 217

[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса: в 15 т. Т. 9. ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1941. С. 125–126.

В то же время свободу слова, печати, сходок, неприкосновенность жилища и другие политические права он относит к естественному праву, которые могут быть записаны и не записаны в нем. В контексте рассуждений о законе и праве привлекает его обращение к воспитанию, где в качестве примеров он приводит воспитание религиозное, историческое, юридическое и социальное. По мнению П. А. Кропоткина, обычаи выработаны людьми, а не отдельными личностями: «Все необходимые гарантии для жизни в обществах, все формы общественной жизни <…> все формы взаимной поддержки и защиты мира, были созданы творческим гением безымянной народной толпы <…> **Функции** всех законов одни и те же: первые повторяли лишь то, что утверждал народ. А вторые укрепляли власть господина, воина, царька и священника, укрепляли и освящали их власть, их авторитет»[1].

В развитом государстве сферы общества, в которых закон необходим, обширны. На каждом историческом этапе развития общества в зависимости от вида и уровня развития производительных сил и производственных отношений Закон:

– определяет вид и сферу производства, распределения и обмена;

– фиксирует формы управления/администрацию или правительство и конституционную систему;

– определяет правовой статус граждан и деятельность/функции государственного механизма (государственное право**,** административное право);

– закрепляет существующие формы собственности и выступает в роли регулятора форм распределения продуктов труда между членами общества (гражданское право, трудовое право);

– определяет меры по защите устоев государственной системы;

– укрепляет существующий порядок общественных отношений (уголовное право, процессуальное право).

В целом мы говорим о феодальном праве и феодальном обществе Англии в XI в., ставшими предметом нашего исследования.

---

[1] *Кропоткин П.* Избранные произведения. Современная наука и анархия. Москва, 1990. С. 275–280.

К сожалению, человеческий мозг не может одновременно удерживать два предмета мысли. Если мысли это и под силу, то ее изложение языковыми средствами может быть только линейным, консекутивным, тем не менее в порядке эксперимента, насколько это возможно, попробуем одновременно рассмотреть оба понятия: «право» и «власть». Очевидно, что они тесно связаны. Во многом право определяется и направляется властью.

Первые подходы к пониманию *власти* известны с начала истории классической социально-философской мысли. «Монархия – это один из видов государственного правления <…> После монархии – правление немногих, или аристократия»[1].

Идеям античных мыслителей противопоставлена концепция Н. Макиавелли, который выдвигает идею о светском характере власти, необходимой для сдерживания эгоистической природы людей. Власть постулируется им как сила, способная воспитать в людях гражданские добродетели.

Следующим этапом в развитии представления о власти являются идеи Т. Гоббса об общественном договоре и теория разделения властей Дж. Локка, идеи К. Маркса о власти как доминации экономически господствующего класса. М. Вебер рассматривает понятия класса, власти, легитимности, господства; Е. Вятр – в двух основных аспектах: *конфликтном и целевом*[2].

В настоящее время власть концептуализируется контрастно:

1) доминирует над кем-то; возрастание власти одних индивидов и групп означает уменьшение власти других индивидов и групп (так называемая «идея нулевой суммы»);

2) может осуществляться к всеобщей выгоде. В этом случае власть рассматривается как коллективный ресурс, как способность достичь какого-то общественного блага;

---

[1] *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Законы. Москва, 1994. С. 201.

[2] См.: *Макиавелли Н.* Избранные произведения. Государь. Москва, 1982. С. 327–328; *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва, 1991. С. 34; *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 1: Два трактата о правлении. Москва, 1988. С. 143; Архив К. Маркса и Ф. Энгельса: в 15 т. Т. 10. Рукописи по истории Англии и Ирландии. ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1948. С. 167; *Вебер М.* Избранные произведения Политика как призвание и профессия. Москва, 1990. С. 49; *Вятр Е.* Социология политических отношений. Москва, 1979. С. 56–57.

3) подчеркивается легитимный характер власти, ее принадлежность не отдельным индивидам и группам, а коллективам людей или обществу в целом (смыкается с идеей народа-суверена).

Самостоятельную концепцию излагает М. Фуко: «Власть не является господством субъекта над объектом, а субъект и объект являются продуктом власти». Современная власть выступает в роли/форме дисциплинарной власти, делающая людей объектами с помощью дисциплин, присущих психиатрии, медицине, криминологии. С помощью таких дисциплин создается «общество нормализации»[1].

В последних работах на тему власти подчеркивается большая роль насилия в обществе, особый акцент делается на осмыслении метафоры права (например, Дж. Джекобс): право утратило всеобщность; процветает утилитарное отношение к праву, породившее появление феномена «селективной юстиции», когда в определенных ситуациях право применяется избирательно.

Правовая политика оказывается заблокированной на трех уровнях: правосознания, правоприменения, правосудия. Право принимается за «великого цивилизатора, обеспечивающего капитализацию культуры»[2], но его слабость и неэффективность не позволяют обществу выйти из хаоса и перейти к правовому состоянию: «Государство <…> есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное насилие <...> Политика есть стремление к участию во власти или оказание влияния на распространение власти. Кто занимается политикой, тот стремится к власти»[3].

М. Вебер соглашается с тезисом К. Маркса, что «всякое государство основано на насилии»[4].

Таким образом, право – сложное понятие, оно потребовало включения в аппарат исследования ряда концептов.

---

[1] См.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Москва, 1977. С. 87.

[2] *Вебер М.* Избранные произведения. Политика как призвание и профессия. Москва, 1990. С. 52–54.

[3] Там же. С. 65.

[4] Там же. С. 52–54; 65; 69.

Понятия, которыми необходимо оперировать при анализе права, государства и власти

Государство – политическая организация общества с определенной формой правления (монархия, республика).

По форме государственного устройства может быть унитарным или федерацией, в конституционном плане – это властная структура, обладающая суверенными полномочиями решать вопросы организации общества в масштабах страны, определять ее отношения с другими государствами.

Демократия (от греч. demos – «народ», и cralein torule – «править») – форма государственно-политического устройства общества, основанная на признании народа в качестве источника власти.

Основные принципы демократии: власть большинства, равноправие граждан, защищенность их прав и свобод, верховенство закона, разделение властей, выборность главы государства, представительных органов.

Различают непосредственную (основные решения принимаются непосредственно всеми гражданами на собраниях или посредством референдумов) и представительную (решения принимаются выборными органами) демократию.

Диалектика (от греч. dialektike (techne) – «искусство вести беседу», «искусство спора») – философский метод; в системе средневекового образования – одно из семи так называемых свободных искусств.

В истории философии диалектика имеет разные толкования:

– искусство диалога, достижения истины путем противоборства мнений (Сократ);

– метод расчленения и связывания понятий с целью постижения сверхчувственной (идеальной) сущности вещей (Платон);

– способ разрушения иллюзий человеческого разума, который, стремясь к цельному и абсолютному знанию, неминуемо запутывается в противоречиях («трансцендентальная диалектика» – термин И. Канта);

– всеобщий метод трехступенчатого постижения противоречия (внутренних импульсов) развития бытия (Г. В. Ф. Гегель);

– учение и метод как основа познания действительности и ее революционного преобразования (диамат К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина).

В XX в. диалектика развивалась преимущественно в русле неогегельянства, экзистенциализма, различных течений религиозной философии, «критической теории франкфуртской школы» («негативная диалектика» Т. Адорно).

Диалектический материализм – философское учение марксизма, а именно: действительность носит всецело материальный характер и отражается в сознании человека; движение и развитие мира – результат его внутренних противоречий; основные законы этого развития: единство и борьба противоположностей; переход количественных изменений в качественные; закон отрицание отрицания.

Идеализм (от фр. *idealisme*, греч. idea – «идея») – общее обозначение философских учений, утверждающих, что дух – сознание, мышление, психическое – первично, а материя, природа, физическое – вторично, производно.

Основные формы идеализма: объективный и субъективный. Первый утверждает существование духовного первоначально и независимо от человеческого сознания; второй либо отрицает наличие какой-либо реальности вне сознания субъекта, либо рассматривает ее как нечто, полностью определяемое его активностью.

Различают многообразные формы идеализма в зависимости от того, как понимается духовное первоначало: как мировой разум (панлогизм) или мировая воля (волюнтаризм); как единая духовная субстанция (идеалистический монизм) или множество духовных первоэлементов (плюрализм); как разумное, логически постигаемое начало (идеалистический рационализм); как чувственное многообразие/ощущений (идеалистический эмпиризм и сенсуализм, феноменализм); как незакономерное, а логичное начало, не могущее быть объектом научного познания (иррационализм).

Идеальное – 1) способ бытия предмета, отраженного в сознании (в этом смысле идеальное обычно противопоставляется материальному); результат процесса идеализации – абстрактный объект, который не может быть дан в опыте, например, «точка»; 2) нечто совершенное, соответствующее идеалу.

Идеология (от греч. idea – «идея», «образ», и logos – «слово», «разум», «учение») – система политических, правовых, нравственных, религиозных, этических, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Термин часто также употребляется для обозначения ложного, иллюзорного, оторванного от действительности сознания.

Идея – 1) понятие первоначально означало «то, что видно», «видимое», затем «видимая сущность», прообраз.

Платон называл идеей умопостигаемые прообразы вещей чувственного мира, истинное бытие. Согласно И. Канту, идея – понятие разума, которому нет соответствующего предмета в чувственном опыте (свобода, бессмертие, бог); 2) мысль, представление; 3) намерение, план.

Истина – соответствие знания действительности. Вопрос о критериях истины исследуется теорией познания.

В истории философии истина понималась как соответствие знания вещам (Аристотель); как вечное и неизменное свойство идеальных объектов (Платон, Августин); как соответствие мышления ощущениям объекта (Д. Юм); как согласие мышления с самим собой, с его априорными формами (И. Кант).

В современной логике и методологии науки классическая трактовка истины как соответствия знания действительности дополняется понятием правдоподобности – степени истинности и, соответственно, ложности гипотез и теорий.

Конституционное право – отрасль права, включающая принципы государственного устройства, порядок избрания главы государства, его компетенцию, систему органов законодательной и исполнительной власти, порядок их формирования, их компетенцию.

К сфере конституционного права относятся основы избирательного права, судебной системы, права и свободы граждан, их объем и гарантия осуществления.

Конституционный суд – в некоторых странах специальный судебный орган, на который возложен контроль за соблюдением конституции, за соответствием ей всех иных нормативных актов. Иногда его функции возлагаются на Верховный Суд государства.

Конституция (от лат. *constitutio* – «устройство») – основной закон государства, определяющий его общественное и государственное устройство, порядок и принципы образования представительных органов власти, избирательную систему, основные права и обязанности граждан.

Конституция – основа всего текущего законодательства, прежде всего, конституционного права.

Введенное в Америке понятие «живая конституция»: изначальный документ и его дальнейшая адаптация и развитие через законодательство, расширяет и дополняет термин «конституция».

Материализм (от лат. *materialis* – «вещественный») – философское направление, усматривающее в материи, вещественной субстанции конечную реальность и основной принцип объяснения мира (как нечто первичное); сознание, психика, дух рассматриваются как нечто вторичное по своей природе.

В Античности материализм получил наиболее последовательное выражение у Лукреция.

Термин возник в XVII в. и первоначально обозначал физические представления о материи; с XVIII в. материализм – это философское направление в противоположность идеализму. Крупнейшие представители механистического материализма XVII–XVIII вв.: Т. Гоббс, Ж. О. Ламетри, Д. Дидро, П. Гольбах. В XIX в. наряду с антропологическим (Л. Фейербах, Н. Г. Чернышевский) и естественно-научным материализмом (К. Фохт, Л. Бюхнер, Я. Молешотт, Э. Геккель) возникает диалектический материализм (К. Маркс и Ф. Энгельс).

Материя (от лат. *material* – «вещество», «субстрат», «субстанция», «содержание»). В латинский философский язык термин введен Цицероном как перевод греческого hyle – «древесина».

Понятие материи как субстрата вещественного мира было выработано в греческой философии в учениях Платона и Аристотеля, при этом материя понималась как неоформленное бытие (*meon*), чистая потенция. Сформулированное Декартом определение материи как телесной субстанции (в противоположность «мыслящей» субстанции), обладающей пространственной протяженностью и делимостью, легло в основу материализма XVII–XVIII вв.

Материя – центральная категория диалектического материализма.

Метафизика (от греч. metataphysika – «после физики») – синоним философии, постигающей путем умозрения основополагающие принципы (начала) бытия. Широко известны сочинения древнегреческого философа Аристотеля «по первой физике», то есть его естественно-научные сочинения, предметом которых было «бытие как таковое».

Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также отношение говорящего к содержанию высказывания.

Может иметь значение утверждения, приказания, пожелания и другие.

Выражается специальными формами наклонений, интонацией, модальными словами, например, «возможно», «необходимо», «должен». В логике такие слова называются модальными операторами, с их помощью указывается способ понимания суждений/высказываний.

Моделирование – исследование каких-либо реально существующих предметов и явлений конструируемых объектов путем построения и изучения их моделей. Близкое понятие – «конструктивизм».

На моделировании основан любой метод научного исследования, как теоретический, при котором применяют различного рода знаковые, абстрактные модели, так и экспериментальный, использующий предметные модели.

Модель – в широком смысле любой образ, аналог (мысленный или условный: изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта и тому подобное) какого-либо объекта, процесса или явления (как оригинала данной модели), используемый в качестве его «заместителя», «представителя». Близкое понятие – «конструкт».

Оппозиция (от лат. *opposition* – «противопоставление») – 1) противодействие, сопротивление (какой-либо политике, чьим-то действиям, взглядам); 2) партия или группа, выступающая вразрез с мнением большинства или с господствующим мнением, выдвигающая альтернативную политику, иной способ решения проблем (например, парламентская оппозиция, внутрипартийная оппозиция).

Парламент (англ. *parliament*; от фр. *parler* – «говорить») – высший представительный орган власти. Впервые образован в Англии в XIII в. как орган сословного представительства. Как правило, избирается населением по установленной конституцией системе и выполняет законодательные функции.

Парламентаризм – система политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательной и исполнительной властей при привилегированном положении парламента. Сложился в эпоху революций XVI–XVIII вв. С усложнением структуры общественных связей происходит процесс усиления полномочий исполнительной власти (президента, правительства).

Политика (от греч. politika (греч. polis – «государство») – «государственные или общественные дела») – сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания, деятельности государства.

Различают внутреннюю и внешнюю политику. Первая охватывает основные направления деятельности государства: партийную, экономическую, социальную, культурную, техническую, политику.

Право – 1) в узком значении система общеобязательных социальных норм, установленных или санкционированных государством; 2) в широком значении охватывает также правовые отношения и основные права гражданина, закрепляемые, гарантируемые и охраняемые государством.

В обществе, организованном в государство, право закрепляет отношения собственности, механизм хозяйственных связей; регламентирует формирование, порядок деятельности представительных органов, органов государственного управления (конституционное право, административное право); определяет меры борьбы с посягательствами на существующие общественные отношения и процедуру решения конфликтов (уголовное право, процессуальное право); воздействует на многие формы межличностных отношений включая семью (семейное право).

Право собственности – важнейший институт любой системы права; совокупность правовых норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность имущества отдельным лицам или кол-

лективам и основанные на этом правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом: частная собственность; государственная собственность; муниципальная собственность; собственность граждан и юридических лиц.

Право справедливости (*equity law*) принадлежит правовой системе Великобритании, действующей с XIV в. параллельно с общим правом. Право справедливости сложилось на основе решений так называемого канцлерского суда, менее связанного формальностями, чем суды общего права, и потому считавшегося более справедливым.

Правовое государство – в современной политико-юридической теории государства такое государство, важнейшими признаками которого являются верховенство закона во всех сферах общественной жизни; связанность законом государства и его органов; судебная зашита прав граждан и взаимная ответственность государства и личности.

Правовое государство – неотъемлемый элемент демократии.

Идея правового государства выдвигалась античными мыслителями. Философская основа теории правового государства была сформулирована И. Кантом.

Правовое поведение – социально значимое поведение граждан и должностных лиц, предусмотренное нормами права и влекущее определенные юридические последствия.

Может быть правомерным или противоправным (антиобщественным). Государство в нормах права гарантирует, стимулирует и охраняет правомерное правовое поведение, предусматривает профилактические меры, а также наказание противоправного поведения (правонарушений и преступлений).

Правонарушение – виновное противоправное деяние, совершенное вменяемым человеком, достигшим установленного законом возраста.

Правонарушения делятся на преступления и проступки (гражданские, административные, дисциплинарные).

Правоохранительные органы – государственные органы, основной функцией которых является охрана законности, борьба с преступностью и иными правонарушениями. Правоохранительными органами являются суд, прокуратура, органы внутренних дел, безопасности, юстиции, арбитража.

Прагматизм (от греч. pragma, pragmatos – «дело», «действие») – философское направление, видящее в практической деятельности предпосылку, конечную цель познания и сущностную характеристику человека.

В прагматизме понятия и теории рассматриваются как инструменты, орудия в решении практических задач; этика – как средство организации жизнедеятельности человеческого сообщества; истина толкуется как практическая полезность.

Равенство – социальное понятие, характеристика определенного общественного состояния, составная часть многих социальных идеалов.

Стоицизм выработал понятие равенства всех людей, коренящегося в их общей разумной природе.

Теоретики естественного права утверждали равенство как равноценность и равноправие всех людей, в том числе равенство всех перед законом. У Ж.-Ж. Руссо выступает необходимой составляющей свободы.

Религия (от лат. *religio* – набожность, святыня, предмет культа) – особое мировоззрение и мироощущение и соответствующее поведение, специфические действия (культ), основанные на вере в существование Бога или богов, сверхъестественного.

Сенситивизм (от франц. *sentiment* – «чувство») – течение в европейской и американской литературе и искусстве второй половины XVIII – начала XIX в.

Отталкиваясь от просветительского рационализма, сторонники этого течения объявили доминантой человеческой природы не разум, а чувство, путь к идеально-нормативной личности искали в высвобождении и совершенствовании естественных чувств; отсюда – большой демократизм сентиментализма и открытие им богатого духовного мира простолюдина.

Сенсуализм (от лат. *sensus* – «восприятие», «чувство») – направление в теории познания, согласно которому ощущение и восприятие – основа и главная форма достоверного познания. Противостоит рационализму.

Основной принцип сенсуализма – «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах».

Экономика (от греч. oikonomike – букв. «искусство ведения домашнего хозяйства») – 1) совокупность общественных отно-

шений в сфере производства, обмена и распределения продукции; 2) народное хозяйство данной страны или его часть, включающая определенные отрасли и виды производства; 3) экономическая наука, изучающая сектора (промышленность, сельское хозяйство, услуги) и отрасли хозяйства страны или отдельных ее регионов, а также некоторые функциональные аспекты экономических отношений.

Таков минимальный набор понятий, которыми необходимо оперировать при анализе права, государства и власти. Все эти философские, политические, правовые, социальные, психологические и многие другие понятия объединяют вечное стремление человека *к познанию*, что является наиболее удивительным и отличительным признаком человека.

От воспринимаемого сенсорными способностями человек шел к познанию *внутреннего* устройства мира и себя. Всех их объединяет как онтология, так и уникальная способность человека мыслить. Эти два процесса сочетались не менее удивительным образом: чем больше человек познавал мир, тем он больше узнавал о себе – столь же верна и обратная зависимость.

Право и государство – вечные спутники, успешное выживание которых зависит от их взаимоотношения, которые могут быть разными – от дружеских до враждебных. В первом случае в обществе царят мир и спокойствие, во втором – смута и беспорядок. Как справедливо сказал Дж. С. Милл, как бы мы ни относились к государству, но *the state is the only mechanism that could guarantee rights and freedoms*[1].

1.4. Правовая коммуникация в обществе

Как отмечает Т. Болл, человеческие сообщества создаются и поддерживаются *общением*[2]. Как бы ни отличались от друг друга концепции обществоведов и политических философов, Х. Арендт, Ю. Хабермас делают акцент на «коммуникативном»

[1] Государство – единственный механизм, который может гарантировать права и свободы (англ.) (См.: *Милль Дж. Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: в 3 ч. Ч. 2. Москва, 1986. С. 67).

[2] См.: *Болл Т.* Власть: содержание понятия. Москва , 1997. С. 49–50.

аспекте власти[1]. Неслучайно некоторые из них прибегают к одной и той же ситуации: регулировщик применяет свою власть, стоя лицом к водителю. Регулировщик и водитель пользуются одним языком, общим для обоих. Оба понимают, что на этом языке одному можно командовать, приказывать, а другому – подчиняться: отношения «прошу», «убеждаю» тут невозможны.

Из-за сложности общества, множества его компонентов коммуникация в рамках государства, или политическая коммуникация, носит сложный, многоаспектный, междисциплинарный характер. Ее вездесущность поистине уникальна: она непосредственно связана с властью, правом, экономикой, распределением, конституцией, внешней и внутренней политикой, демократией. Достаточно посмотреть на производные составные термины: «социальная политика», «государственная политика», «правовая политика», «судебная политика», «гражданская политика», «уголовная политика», а также на такие современные понятия, как «политический суверенитет», «экономический суверенитет», «суверенная экономика».

Государственные вопросы решаются через политический дискурс или политический диалог. Отсюда политическая коммуникация – это процесс передачи *политической информации*, посредством которого информация циркулирует между различными элементами *политической системы*, а также между *политической* и *социальными системами*. Примечательно: непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия.

В античные времена Платон говорил о «формах воздействия на политическое сознание и поведение граждан путем тщательного отбора и отработки смысла передаваемых сообщений»[2]. Философы права и политики часто приводят таинственное высказывание Платона: «Государство – это общение».

Аристотель в работе «Политика», рассматривая политическую деятельность, обратил внимание на ее коммуникационный

---

[1] См.: *Арендт Х.* Жизнь ума. Санкт-Петербург, 2013. С. 14–15; *Хабермас Ю.* Избранное. Москва, 2013. С. 98–99.

[2] *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Политик. Москва, 1994. С. 4.

аспект. Он следующим образом идентифицировал *общение политическое*, назвав его государством: «Всякое государство представляет собой своего рода **общение** (полужирный наш. – **Авт**.), всякое же общение организуется ради какого-то **блага** (полужирный наш. – **Авт**.) <…> очевидно, все общение стремится к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения»[1].

Аристотель первым описал структуру публичной речи, предложив модель коммуникативного процесса: «Речь слагается из трех элементов: а) из самого оратора, б) из предмета, о котором он говорит, и в) из лица, к которому он обращается; оно и есть конечная цель всего»[2]. О правовой содержательности и ценности *политического общения* говорил Цицерон: «Оно преследует цель установления *"**общего правопорядка*** (полужирный курсив наш. – **Авт.**) "»[3].

Во времена Средневековья Августин Блаженный и Фома Аквинский размышляли о различных *видах человеческого общения*, обусловливая их «богоустановленной» природой[4].

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли, развивая идеи Платона, подчеркивал, что необходимо воздействовать на политическое сознание путем работы над сообщениями: их отбором, изменением содержания, их интерпретацией[5]. *О религии* он говорил, как об идеологическом инструменте осуществления власти.

По мере распространения печатного слова и механики формировались различные подходы к пониманию политической роли коммуникации. Т. Гоббс представлял государство в виде механического «искусственного человека» и настаивал, что необходимо вести борьбу с «ядом мятежных учений», которые ослабляют государство или ведут его к распаду[6].

---

[1] Аристотель Сочинение: в 4 т. Т. 2. Политика. Москва, 1984. С. 97–98.

[2] Там же. С. 378–379.

[3] *Цицерон*. Диалоги о государствах и законах. Москва, 1994. С. 20, 22.

[4] О модальных суждениях. См.: *Стяжкин Н. И.* Формирование математической логики. Москва, 1967. С. 124.

[5] *Макиавелли Н.* Избранные произведения. Государь. Москва, 1982. С. 67.

[6] См.: *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 1: О гражданине. Москва, 1991. С. 250–251.

Дж. Локк, Ш.–Л. Монтескье, Дж. Ст. Милль[1] также осмысливали *социально-политические процессы*.

С середины XIX в. вопросы политической коммуникации рассматриваются в рамках марксистской идеологии.

Термин «политическая коммуникация» и основные фундаментальные исследования в этой области появились в конце 40 – начале 50-х гг. XX в., хотя первыми вехами в изучении политической коммуникации в развитых странах были проведены исследования пропаганды в годы первой мировой войны.

В 1950–1960 гг. формируется самостоятельное направление по исследованию политической коммуникации с использованием формализованных методов системного анализа.

Существенный вклад в правовую коммуникацию внесла и вносит риторика.

Логически обоснованно и терминологически корректно говорить о правовой коммуникации. Коммуникация – это не просто пользование речью, а выделение из реального или вымышленного мира определенного участка как сгустка вполне определенных семантических отношений, связывающих определенные материальные и идеальные объекты.

То, что в судебно-правовой сфере мы имеем дело с определенными объектами, признано давно: "*Language penetrates the legal system, and the law perhaps more than any other is a profession of words, ultimately and utterly dependent on some form of linguistic negotiation*"[2].

Единой скрепой судебно-правовых терминов является их отнесенность к единой области знаний, активности и идеологии: "*Concepts such as "justice", "equality before the law", "impartiality of judgment", "legal rights and obligations" are fundamental not only to the effective working of the legal system but to the perception and*

---

[1] См.: *Локк Дж*. Сочинение: в 3 т. Т. 3. Москва, 1988. С. 11–12; *Монтескье Ш.–Л.* Избранные произведения. О духе законов. Москва, 1955. С. 169–170; *Милль Дж. Ст*. Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: в 3 ч. Ч. 2. Москва, 1986. С. 118.

[2] Язык пронизывает правовую систему, а право, возможно, больше, чем что-то иное, существует благодаря языку: оно полностью зависит от языка (англ.) (См.: *Harris S.* Ideological Exchanges in British Magistrates Courts., 1994. P. 156).

maintenance of Western political democracy. These are highly ideological concepts"[1].

Самостоятельно выделяется так называемый коммуникативный подход к праву. Первые исследователи политической коммуникации выделяли пять вопросов, составляющих логическую схему данного вида коммуникации: Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом? Впоследствии эта схема была усовершенствована. Потом добавили новые вопросы: При каких обстоятельствах? С какой целью направляется данное сообщение?

В наше время широкое употребление приобретает составной термин «политико-правовой». Данный симбиоз способствует более тесному союзу политики и права.

Таким образом, социально-политические процессы (еще один составной термин!), ставшие предметом осмысления со времен Античности, нашли продолжение и отражение в исследованиях политической и правовой коммуникации, различающихся разнообразием подходов и направлений. Систематическое исследование политического дискурса как языка профессионального общения как в зарубежной, так и отечественной литературе только начинается. Политико-правовая коммуникация имеет коммуникантов в качестве прямых участников со своими идеями, системами взглядов на мир и интересами. Раскрыть это понятие невозможно, не обратившись к следующему общечеловеческому понятию, которое в каждом употреблении приобретает новое значение.

Интерес (от лат. *interest* – «имеет значение, важно») – 1) в социологии: реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений – мотивов, идей, участвующих в них индивидов, социальных групп; 2) в психологии: отношение личности к предмету как к чему-то для нее цен-

[1] Такие концепты, как «правосудие», «равенство перед законом», «беспристрастность судебного решения», «законные права и обязательства», являются фундаментальными не только для успешной работы всей правовой системы, но и для понимания и устойчивости западной политической демократии. Это очень идеологические концепты (англ.) (*Walter L.* Arnstein. Britain yesterday and today. Second edition. D. C. Heath Ans Company. Lexington, Massachusetts, 1971. Pp. 18, 19, 45).

ному, привлекательному. Содержание и характер интереса связаны как со строением и динамикой мотивов и потребностей человека, так и с характером форм и средств освоения реальности, которыми он владеет.

Как показывает наш краткий правово-культурологический обзор учений и теорий о развитии права, в широком контексте развития человека, общества их диапазон очень широк – от глубоко реалистичных, материалистических, диалектических, с одной стороны, до идеалистических, метафизических, утопических, с другой.

Понятие права, осознание и оперирование особым качеством [«*правовой*»] существовали со времени формирования первых цивилизационных культур до настоящего времени. Это свидетельствует об органичности данного концепта, его неотрывности от человека и человечества. Разные представления о данном понятии, его составляющих и путей постижения получили полное отражение в политико-правовом общении с помощью и посредством языка в политико-правовой коммуникации. Таким образом, язык и право тесно связаны *с человеком*, концентрируются *в человеке* как с точки зрения его возникновения, так и передачи: общепризнано, что человеческий язык – непревзойденное по полноте и эффективности средство передачи и получения информации, то есть средство общения. Право невозможно раскрыть, не пользуясь языком и не обращаясь к человеку; язык служит средством раскрытия права – его сущности и функций, ибо человек формирует и право и язык.

В условиях современной международной коммуникации, которая имеет открытый характер, у каждого народа есть собственная когнитивная база, которая в силу открытости коммуникации, постоянно изменяется. По законам внутреннего развития она что-то теряет и что-то приобретает. Выходят из употребления устаревающие и потому каждодневно невостребованные понятия и, соответственно, языковые средства, их вербализующие, которые оседают в пассивном сегменте когнитивной базы. Таким образом, национальная когнитивная база состоит из двух частей: первая, или общая, существует как некая совокупность активных знаний и представлений, которыми владеют все представители социума. И мы его называем общенациональным, или коллективным ко-

гнитивным пространством. В силу своих профессиональных занятий, интересов у каждого члена социума реально имеются собственные, или индивидуальные когнитивная база и когнитивное пространство.

Понятия общей и индивидуальной когнитивной базы, или когнитивного пространства, универсальны в том смысле, что характеризуют культуру каждого народа. Наиболее яркими долями когнитивной базы народа является его общая культура и определенная профессиональная, или корпоративная культура.

Коммуникация обычно предполагает обмен знаниями или информацией между участниками коммуникации ради уточнения, пополнения взаимных знаний или для производства определенных действий. Это характерно для коммуникации как в рамках одной культуры, так и между разными культурами.

1.5. Онтологичность и концептуальность как истоки права

Право существует для человека как индивида и члена общества, поэтому в нем отражаются все качества человека и общества. Одно из качеств общества – его классовость. Нельзя говорить о праве в отрыве от этого понятия. Практический классовый подход помогает и способствует установлению максимально реальной и реалистичной картины жизни человека в конкретном времени.

Нет абстрактного человека, как нет человека с абстрактными желаниями, побуждениями и, значит, мыслями и их реализациями, то есть действиями и поступками, поэтому мы говорим о разных англосаксах, привычно их разделяя на богатых и бедных. История свидетельствует, что на определенном этапе развития общества произошло расслоение на богатых и бедных. Это особенно важно как для каждого отдельного человека, так и для общества в целом.

В дальнейшем мы будем употреблять термин «экономическое расслоение», или классовое, то есть принадлежность человека к определенному классу с его определенным отношением к средствам производства, что определяет помыслы, желания и практические дела человека.

В Древней Англии керлы жили в маленьких селениях, что позволяло им чувствовать себя достаточно безопасно. В силу отсутствия иной транспортной инфраструктуры, кроме лошадей, связь между селениями, естественно, была довольно слабой: радивый хозяин старался всячески отложить поездки, так как это негативно сказывалось на хозяйстве: из-за длительного отсутствия мужчины, лошадей, на которых он вынужден был ехать, дела затягивались. Положение единого хозяина меняет людей до неузнаваемости: кажется, что лишь он может сделать все правильно.

Рек и лесов в Англии всегда было достаточно. Значит, через реку необходимо построить мост или хотя бы обозначить безопасный брод.

В лесу можно ожидать нападения мародеров, поэтому исподволь в сознании многих вызревали желание и готовность найти защиту от них, навести в жизни порядок. Отсюда – повинности, с которыми соглашались даже в ущерб своему хозяйству: сначала участвовать в строительстве, потом – в ремонте мостов, крепостей, замков.

Брод должен быть обозначен ради узнавания. Такими метками сначала служили естественные выдающиеся объекты: высокое дерево, большой камень. Потом люди убедились, что такие приметы и метки ненадежны: дерево можно срубить, камень – снести течением реки во время мощного весеннего паводка. Лучшими ориентирами стали села и города, которые строили и возводили на бойких местах, какими были мосты и броды. Отсюда – названия городов, которые стали лучшими и долговечными, самыми надежными ориентирами, например, для родины У. Шекспира – *Stratford-upon-Avon* – таким памятным местом оказался брод: *a shallow place in a river or other water, where a man or a beast may cross by wading*[1], со следующим социо-этимологическим расширением: слово *avon* – след пребывания здесь кельтов, на языке которых оно означает «вода», следовательно, «река»: «город у прямого (важно: наиболее короткого!) брода через реку».

Постепенно все вокруг человека, как и он сам, становилось значимым с точки зрения права, закона. Проживание в маленьком

[1] Буквально: прямой брод на реке Авон (англ.).

домишке с хорошо нам известными и глубокого прочувствованными общечеловеческими ассоциациями помогает понять реально бедность и скудость англосаксонского жилища. В доме, как закрытом помещении, должно быть светло. Сначала это обеспечивала дыра в стене или потолке, но ночью и зимой в жилище через нее проникает холод, Человек находит выход, и появляется то, что стало называться окном.

Человек – социальное существо: родичи проживают родами, кланами. Это гарантирует взаимопомощь, безопасность, но если дом соседа стоит слишком близко, то в доме темно. Это вызывало неудобство, дискомфорт, поэтому с этим надо было бороться. Возникают азы или основы того, что постепенно вырастет в домашнее законодательство в его языковом названии в вариантах ***house law***, ***housing law***. Так, без всякого волшебника и инициативы с небес возникает подсказанный и востребованный самой жизнью очередной правовой конструкт: необходимо установить оптимальное (земля в небольшой стране всегда ценится дорого, поэтому излишества не допускались) расстояние, на котором должен стоять соседний дом. Возникает потребность в правилах проживания, или их потом назовут законами:

а) устанавливается право на окна как источник света в доме, оговаривается их количество – ***window law***. Данный закон более узкий и целенаправленный. Он возник на базе другого, более крупного, универсального, общего, или родового закона;

б) ***right to light***: *a privilege or easement to have light admitted into one's building by the openings made for that purpose, without obstruction or obscuration by the walls of adjacent or neighboring structures*[1].

Годами вырабатывается оптимальное расстояние между жилищами с учетом противопожарных соображений.

Итак, защитив правомерность существования окна в принципе, возникли новые, поставленные самой жизнью, вопросы: сколько окон? и какого размера? На эти бытовые и, как оказалось, одновременно правовые вопросы жизнь и власти находят

[1] Право на свет как привилегия иметь свет в помещении благодаря окнам без препятствий или ограничений из-за стен близкого строения соседей (англ.).

ответ: разрешается утвержденное властями определенное (часто три) количество окон, а все «незаконные» облагаются налогом – ***window tax***. В Англии и во многих других странах количество разрешенных окон – три, в силу житейской достаточности и не без влияния церкви (понятие Святой Троицы).

Логично и ожидаемо сама жизнь установила то минимальное расстояние, на котором одна постройка отстояла от другой: появился общий закон, который запрещал строить дома (излишне) близко друг к другу, что обеспечивало достаточный свет в жилище – ***ancient light***[1], в понятной бытовой и правовой дефиниции: *English doctrine under which* ***a landowner*** *acquired, by* ***uninterrupted use for 20 years****, an* ***easement or right*** *by prescription over adjoining land for the unobstructed passage of light and air*[2].

В рассмотренных выше законах просматриваются некоторые наработанные человеческим опытом и знаниями параметры, както: при решении вопросов предоставления света новостройкам оговаривается обязательное условие: не навредить уже существующим строениям.

Шло время. Общество продолжало развиваться: старые поселения неумолимо расширяются, а в далеких сельских районах вырастают новые. Их названия весьма разнообразны и напрямую зависят от следующих факторов: количества жителей, общей площади, правового положения. Выстраивается множество такого рода поселений – от самого маленького через среднее и до самого крупного. На основе в зависимости от их величины появляются названия: *Vil – Ville – Villa – Village*. При этом принцип «величина, размер» в равной мере работает как в отношении отдельного жилища, так и целого поселения: *Town – Borough – Settlement – Bord – Bordari*.

За каждым названием просматривается своя история, в том числе и правовая, у каждого населенного пункта есть общие и специфические черты. Первые позволяют отнести их к категории «населенные пункты» (родовые параметры); вторые – выделить

---

[1] Свет, который был всегда (англ.).

[2] Английская доктрина, в соответствии с которой на протяжении 20-летнего периода из года в год пользования землей ее владелец приобретет право беспрепятственного пользования светом и воздухом (англ.).

видовые селения, например: ***vil*** – *territorial unit or division under the feudal system, consisting of a number of houses or buildings with their adjacent lands, more or less contiguous and having a common organization*[1]. ОИС помечает слово как *A–F* с формами *vile*, *ville*, в *OFr* обозначающее сельскохозяйственное угодье, ферму, деревенский дом-усадьбу. Примечательно, что слово снабжено пометой «исторический правовой термин».

В английском языке слово появилось в *ME* в его сравнении с собственно англосаксонскими постройками: *corresponding to the Anglo-Saxon* ***tithing*** *and to the modern* ***township*** *or* ***civil parish***. ***Tithing –*** *a tenth part of anything, a company of ten house-holders in the system of Frankpledge*[2].

Town – древнегерманское слово, изначально означавшее «укрепленное место». В его употреблении четко выделяют два значения:

1) *the enclosed land surrounding or belonging to a single dwelling*;

2) *now commonly designating an assemblage of buildings, public and private, larger than a village, and having more complete and independent local government; applied not only to a "****borough****", and a "****city****', but also to an "urban district", and sometimes also to small inhabited places below the rank of an "urban district"*[3].

Древнеанглийская форма *-atun* как когнат кельтского слова *dun "fortified place"* («укрепленное место», значит, защищенное, безопасное место).

Township – слово древнеанглийского вокабуляра ***tunscipe***, сначала обозначавшее *the inhabitants or population of a "tun" or "village" collectively*[4]. Исторически формируется второе значение*: each of the local divisions of, or districts comprised in a large original* ***parish,*** *each containing a village or small town, usu. having*

---

[1] При феодализме это единый надел земли с домами и хозяйскими постройками, управляемыми по единым принципам (англ.).

[2] Соответствует англосаксонскому понятию «десятая часть», или «десять», например, строений во времена круговой поруки (англ.).

[3] Обычно обозначает группу жилых строений – частных или общественных – больше деревни со своими расширенными и независимыми органами местного управления (англ.).

[4] Коллективное название всех жителей поселения (англ.).

its own church[1] (в дефиниции появляется слово «церковь» как новый отличительный признак). Пример из текста XVII в.:

"*Any parish, Township, Vill, or Extraparochial Place*; ***villa*** *– country-house, farm; a country mansion or residence, together with a farm, farm-buildings, or other houses attached, built or occupied by a person of some position and wealth*"[2], с перечислением признаков, ставших общими, и добавлением некоторых дополнительных.

Этимологически слово *vill*(*a*) отмечено как частично латинское, частично итальянское. В последующие годы оно приобрело следующие выделительные признаки: *a residence in the country or in the neighborhood of a town, usu. standing in its own grounds*[3]. Появляется новая разновидность населенного места: ***vilage*** *– a collection of dwelling-houses and other buildings, larger than a hamlet and smaller than a town*[4].

О проведении различия между *town* и *village* говорит следующий пример из У. Шекспира:

A walled town is more worthier than a village; ***hamlet*** *– a group of houses or small village in the country, esp. a small village without a church*[5]*;* ***borough*** – общегерманское слово *burg*, *burgh*, *burrough*, *borough* "*a castle, fortress, manor-house*"[6]. В древнегерманском слово *a shelter* означало «убежище», «укрытие»; Современное значение – *a town possessing a municipal corporation and special privileges conferred by royal charter. Also a town which sends representatives to parliament*[7].

---

[1] Большой давно сложившийся церковный приход: крупное сельское или городское поселение со своей церковью (англ.).

[2] Любой церковный приход, селение, поселок без своей церкви, поместье, загородное имение, деловая постройка фермерского типа (англ.).

[3] Большой жилой/семейный дом за городом, недалеко от города на частной земле (англ.).

[4] С очевидными признаками: крупнее малой деревни, но меньше поселка, перерастающего в город (англ.).

[5] Обнесенный стенами город более защищен, чем деревня. «Гамлет» буквально означает «небольшое поселение» (англ.).

[6] Малая деревня – группа сельского типа, коттеджей в сельской местности; поселок с важным местоположением с правами самоуправления (англ.).

[7] Небольшой город с очень важным – новым во времени – дополнительным признаком: с правом избрания члена парламента (англ.).

Жилище отдельной семьи – ***cottage***: *a small and humble dwelling-place*; *a small country or suburban residence*[1].

Bord (*wooden board*) – ***border***-*hut*; *cottage* = ***bordarius*** – *a villain of the lowest rank, who rendered menial service for a cottage held at the will of his lord*[2]. Это производное значение достойно внимания потому, что такие селения находятся в особых географических местах, например, на границе Англии и Шотландии. Между этими самостоятельными королевствами давно существовали враждебные отношения, часто приводившие к военным столкновениям, целенаправленным военным действиям и войнам, покорениям одной страны другой. Новый содержательный признак несет много информации. Жизнь крестьянина на границе была в постоянной военной опасности, и заниматься сельским хозяйством было очень сложно: если он и успевал посеять, то собрать урожай доводилось не каждую осень. Парадигматический ряд слов с общим значением *villain* пополняется еще несколькими словами: c*ottier*, *cottager*, *cottar*, *cotter* и *bordar*, *bordarius*, *bordman* – три последние названия употребляются только в привязке к данному региону.

Таким образом, понятия «жилище» и «населенный пункт» тесно взаимосвязаны как часть и целое. Два самостоятельных парадигматических ряда под соответствующими названиями многочисленны как следствие разных возможностей людей обзавестись самостоятельным местом проживания (непосредственный кров, крыша, то есть жилище). Как следствие скопления таких жилищ в едином месте появляются многочисленные типы или виды мест коллективного проживания.

В правовом отношении существенно, что общество уже выработало определенные требования как к частному жилищу, так и к коллективному месту проживания. Существует совокупность признаков-параметров как индивидуального жилья, так и населенных пунктов. Среди таких параметров некоторые играют роль ключевых или доминантных, другие дополнительных.

---

[1] Небольшое, скромное жилое строение; небольшое загородное место проживания (англ.).

[2] Небольшое строение для проживания на границе (часто с Шотландией) (англ.).

С правовой точки зрения наиболее выдающимся признакомпараметром и в том смысле данного слова, что оно выделяет и характеризует новые признаки, которые едва ли существовали в начале оседлого образа жизни предков, является самоуправление, потом добавляется еще один исключительный признак как знак нового этапа в развитии человека и общества: право направлять своих представителей в парламент страны.

Социально-политические условия определяют конкретную форму земельных отношений: ***bordage*** (*OE*), ***bordagium*** (*L*), *bord* (*OFr*, от *cot* – «загон», «хижина»), обозначают особый вид отработок арендатора лорду. В таких регионах ведение хозяйства было весьма опасным, поэтому крестьянами и арендодателями установлены и приняты особые условия для отработок, более щадящими для арендаторов, как поощрение за желание вести хозяйство в опасном регионе (сопоставимо с северной надбавкой в России).

Таким образом, имеется четкая связь особого вида (детерминация) хозяйственно-экономической деятельности, в результате которой в стране появляется самостоятельный вид аренды, который в дополнение к двум приведенным названиям обозначается следующими языковыми средствами: ***bordagetenure***, ***bordland*** – «из-за постоянной опасности оговариваются более выгодные для арендатора условия аренды».

Практически невозможно назвать точное количество военных столкновений, кампаний и войн между двумя соседями – Англией и Шотландией, которых судьба свела вместе на ограниченной территории.

На небольших по площади Британских островах под боком большого европейского соседа сама природа поставила несколько экспериментов. Одним из них является своеобразная правовая система, самым, может быть, удивительным моментом которой стало малое влияние римского права, в то время как континентальную систему права обобщенно принято называть римским или гражданским. Такое положение дел не могло не сказаться на праве – в прошлом – самостоятельного Шотландского королевства.

Именно из-за враждебных отношений между Англией и Шотландией происходит, как может показаться, нелогичная

вещь: у Шотландии, гораздо дальше находившейся от континентальной Европы, чем Англия, гораздо больше заимствований из римского права, чем у последней.

Поглотив Шотландию, казалось, Англия навсегда укротила дух независимости и самостоятельности горцев как в вопросах внутренней, так и внешней политики. Степень заимствования римского права в двух небольших странах абсолютно другого времени – это их частное дело, но в нем отражаются различия в менталитетах граждан.

Казалось бы, что в силу близкого географического положением к Европе Англия, в отличие от более отдаленной Шотландии, ожидаемо обречена на европейские/римские правовые заимствования, но реальное положение дел с римским, или континентальным заимствованием в области права обусловлено реальной политической обстановкой того времени.

Шотландия много позаимствовала из римского и континентального, в частности, французского права в силу исторических условий, сложившихся вполне определенным образом. Из-за постоянных притязаний южного соседа на земли и суверенитет Шотландия сторонилась Англии и, как бы в пику ей, искала союзников в континентальной Европе в обход Англии и, как следствие, много приняла из континентального права.

Чтобы составить наиболее полную объективную картину о сложностях в отношениях соседей – Англии и Шотландии – полезно внимательно изучить все перипетии не только между Шотландией и Англией, но и Англией и Ирландией. Британские острова и маленькие страны, расположенные на них, стали своеобразным учебным классом, в котором оттачивалась и совершенствовалась колониальная политика будущей метрополии. Именно на этой ограниченной площади отрабатывались основные положения будущей внешней политики Англии как мировой колониальной империи.

Изначально эти принципы отличались системностью, последовательностью, единоприродностью: их общую суть составляли безжалостность и грабеж.

Релевантно напомнить ту трагическую роль определенных источников информации, которые сознательно искажали истинные чувства большинства шотландского народа к английскому

и особенно, английского народа к шотландскому. В английской прессе шотландцев рисовали дикими, нецивилизованными, примитивными людьми. Такие нелестные прилагательные, как дикий (*wild*), грубый (*rough*), свирепый (*beastly*), злонаправленный (*evil*), наполняли газеты.

Вместо того, чтобы договориться и решить споры миром, каждая сторона укрепляла свои границы. По обе стороны были созданы особые пограничные районы с особым – жестким – правовым режимом или военное положение с его военно-полевым судом, принимавшим самые решительные меры к нарушителям порядка.

В Англии северная часть, прилегающая к Шотландии, получает особое название – ***the Border*/*the Borders***, означающим *the district adjoining the boundary between England and Scotland*[1], где действуют законы военного времени.

Языковые последствия очевидны: увеличился парадигматический ряд с общим значением «граница»: *frontier*, *boundary* и *the border*, *the borders*. Из всех членов синонимического ряда на севере Англии наиболее частотно применяется слово *border*, что подтверждается следующими примерами: *a border*, *not frontier*, и используется во вторичных номинациях, географически употребляемых в английском языке жителей юга Шотландии и севера Англии:

over the border – за границей (*across the frontier line*);

border-line – пограничная зона (*boundary strip of land*);

border-side – приграничная зона (*the district about the border*).

Приграничные районы стали местом укрытия и бандитских акций многих мародеров, которые – логично и обоснованно как вторичные названия – назывались сложными словами/составными наименованиями с основой *border-*: *border-prickers*, *border-riders*.

Вторые основы содержательно толкуются, исходя из тех жизненных условий, в которых действуют разбойники: ***to prick*** – *to spur a horse with the purpose to make it run quicker*[2], отсюда производное существительное: *pricker – a horseman who often pricks*

[1] Земли на границе между Англией и Шотландией (англ.).

[2] «Пришпорить лошадь» (англ.).

his horse for the sake of higher speed[1]; ***to ride*** *– to move quickly*[2]. Общий смысл производных существительных – разбойники, действующие быстро в горной местности на границе Шотландии и Англии, налетчики, рейдеры.

Для нормализации жизни местного населения властям часто приходилось принимать довольно жесткие меры, что получило название *border justice* в сопоставлении с сочетанием *frontier justice* (*AE*)[3].

В письменных источниках, описывающих те неспокойные времена, часто появляются картины жестокости, с которой действовали вооруженные налетчики: *plunder*, *loot*, *pillage*, *spoil*, *spoilage*, обозначающих *robbing a place or person by forcible means, or as an enemy does in a war*[4].

Все данные в дефиниции признаки рисуют в воображении жестокость и бессердечность, свойственные военным действиям или военному противнику, который заранее враждебно настроен к населению. О том, что именно такие слова описывают безжалостный грабеж захваченного населенного пункта, говорит следующий пример:

Many towns and villages he (Prince Rupert) plundered, which is to say robbed[5].

Такие же значения наблюдаются у близких синонимов: *pillage*, *spoliation*, *spoil*[6].

Власти принимали экстренные меры, быстро выписывая ордер на арест: *border-warrant*, чтобы без потери времени напасть на след, то есть преследовать и схватить преступников, что в горах севера Англии и юга Шотландии получило название *fresh pursuit*[7].

---

[1] Типичный для этих мест «быстрый всадник» (англ.).

[2] Быстро передвигающийся всадник с целью нападения на жертву или спасающийся от нападения (англ.).

[3] Пограничное правосудие, что означает «правосудие наоборот» (англ.).

[4] Синонимичные языковые средства, передающие значения «напасть» и «ограбить» жестоко, безжалостно.

[5] В примере оба синонимичных глагола имеют одинаковое значение: «напасть с целью ограбления».

[6] Грабеж, ограбление (англ.).

[7] Преследовать по горячим следам (англ.).

Термин позаимствован из охоты, где происходит то же самое: дорого время, чтобы не упустить раненого зверя[1].

Вернемся на север Англии к границе с Шотландией. В слове *fresh pursuit* важны оба со-значения:

– *fresh – new*, *novel* (например, *fresh news*);

– *untainted*, *not spoiled*, *not musty* (*fresh tracks of animal*)[2].

Враждебные отношения между соседними странами обусловили особое внимание их властей к данной территории: здесь присутствовала высокая концентрация военных сил, действовал комендантский час, применялись нормы военно-полевого суда. Командовали приграничными округами самые верные королю военачальники, получившие особое название (титул) – ***warden*** – от основного широкого значения слова: *one who has the care of smth specified, used in the titles of officers holding positions of trust under the Crown*[3] с прямым подчинением королю.

Прямое подчинение монарху очень много значило и для их снабжения, укомплектования и денежного содержания, а также влекло большую самостоятельность назначенцев. Чтобы подчеркнуть высокий статус командующих глав приграничных окру-

---

[1] Данный опыт и его языковое обозначение получили близкое воплощение в США с небольшим языковым изменением, но внутренняя форма нового выражения осталась из охоты. В новом государстве штаты, как второй уровень власти после федеральной, получили самостоятельность, определенный суверенитет, чем умело пользуются преступники: чтобы не быть арестованными в своем штате, они быстро перебираются в другой, так сказать, не выправляя никаких документов, и быстро и успешно скрываются. Власти так действовать не имеют права: они должны в официальном порядке обратиться в суд за предоставлением права преследования и поимки преступника в новом штате, на что уходит драгоценное время. Тогда законодатели приняли закон, предусматривающий исключение из правил, а именно: полиции разрешено пересекать границы между штатами и преследовать преступника, чтобы не упустить его, а бумаги оформляются позже. Такая правоохранительная практика получила здесь название *hot pursuit*, где *hot-* (прежде всего для полицейских) – высокая скорость проведения операции по захвату.

[2] Последние новости;
свежие следы животного (англ.).

[3] Доверенное лицо (касается лиц, облеченных большим доверием монарха) (англ.).

гов, их высокостатусно сначала стали называть *Lord Warden*, потом еще выше – *High Lord Warden*. Это еще сильнее упрочнило их положение.

Складывается определенная закономерность в мысли и языке: высокий статус обозначается специальным, предназначенным только для данного поста, названием к другим, она же не используется, что лишь подчеркивает исключительность этого человека.

Высокий статус воплощается в абстрактных существительных, образованных при помощи устойчивых суффиксов, означающих высокую власть и положение в обществе: *warden**cy***, *warden**ry***, *warden**ship*** с общим определением: *the office or position of warden*[1]. У слов сложилась своя полисемия:

1) *the district where the warden exercises his duties*;

2) *the high office of position*;

3) *the powers or jurisdiction of the warden*.

Чтобы извлекать уроки из истории, надо ею заниматься, читать соответствующие первоисточники. История учит, что граница – искусственная линия, которая не в состоянии перечеркнуть весь положительный опыт общения между разделенными народами.

Англо-шотландские отношения представляют собой прекрасный пример из ежедневной жизни обоих народов до их объединения.

На севере Англии и на юге *Шотландии* хорошо известно выражение ***Gretna Green marriage***[2].

Gretna Green – название небольшой деревни на юге Шотландии, где для бракосочетания не требуются особые документы, а лишь согласие молодых, поэтому многие англичане, как и шотландцы, особенно те, у кого возникают осложнения с совершением брака на родине: несогласие родителей, возрастные проблемы (слишком молоды или пожилые), приезжали заключать брак туда. Живая история счастливых семей очень убедительна.

Таким образом, несмотря на искусственные препятствия, возводимые властями всегда можно найти разрешение проблем – такова правда истории и правда права.

---

[1] Должность высокого лица (англ.).

[2] «Сочетаться браком в деревне под этим названием» (англ.).

Некоторые участки земли, подлежащие обработке, оказываются более доступными, а другие – нет. Чтобы добраться до них для обработки земли, ухода за посадками, приходилось особо оговаривать условия проезда по чужой земле. Так появилась потребность в выработке правил/закона о проходе/проезде по участку соседа, чтобы избежать конфликты.

Возникает новое правовое поле с общим широким правовым понятием «право проезда через участок/земельное угодье соседа». В дальнейшем с развитием жизненных потребностей оно уплотняется, намечаются новые правовые аспекты, например:

а) право прогона скота (*cattleway*);

б) право проезда на телеге (*cartway*);

в) право проезда в экипаже (*carriageway*) и прохода пешего человека.

Так возникает и формируется целое правовое поле с подмножеством слов, четко оговоренных содержательно, с точным значением, то есть то, что мы называем юридическими терминами, среди которых ***passageway*** – ***carriageway*** – ***cartway-cattleway*** – ***driftway-carway*** – ***highway***[1] и многие другие.

Дорога общего пользования имела название *chemin* (фр.), или *the king's high way* (анг.), или *chiminus Regis* (лат.).

В *OE* праве существовало деление дорог на общие, или королевские, то есть находящиеся под защитой короля, что означало максимальную безопасность для путников, и дороги по частной земле. Для пользования последними могла быть издана специальная хартия, или грамота, подтверждающая ее (дороги) открытый статус. За проезд по дороге в лесу взималась плата (*chiminage*).

С онтологических и концептуальных позиций такие сложные, экзистенциального характера вопросы: откуда появляется правовое общество?, как развивается общество? – оказываются более прозаическими, чем кажется. Это вопросы скорее практического толка, нежели теоретической, абстрактной спекуляции. Язык становится надежным каналом, дорогой к правовому сознанию.

---

[1] Различные права на пересечение земельного участка соседа: пешим, конным, на телеге пустой и с грузом (англ.).

Жизнь и право – живые понятия, имеющие конкретное проявление.

Для тепла в большом доме необходимо иметь камин/печь, оплатить ***chimney money***/***hearth money***: *a tax upon chimney or hearth*[1]. Это один из древнейших законов в Англии, в настоящее время не действующий. Камин (*hearth*) – благо для хозяина дома, но он чадит, что досаждает жильцам и соседям. Закон о каминах предусматривает своевременный уход за ними, для чего опять же взимаются деньги.

Появляются новые члены семьи. Как минимум надо подумать о новом пристрое к существующему дому или о постройке нового большого дома. Оказывается, что вся домовая, вернее, дворовая часть участка (*curtilage*), уже обозначена правом. Закон устанавливает его размер, правила его содержания со многими очевидными вещами: *keeping*, *guarding*, *care*, *watch*, *inspection*, *preservation*[2]. Правила тщательно и скрупулезно продуманы (*measured with a tape*[3]), о чем свидетельствуют синонимы, обозначающие в принципе одно и то же, с разницей в нюансах, каждый из которых важен с точки зрения закона (*in the eyes of the law* – по тексту первоисточника[4]). Так возникает новая закономерность: усложняется/уплотняется застройка земли – усложняется/уплотняется правовое поле.

Все понимают, что понятия «пристрой», «пристройка» могут служить хорошей лазейкой для сокрытия довольно значительной по площади новойжилой части, добавленной к основному дому, что позволяет избежать налогов на новый объект. Для предотвращения этого данные понятия постоянно уточняются, получают новые внешние и внутренние признаки, то есть развиваются или концептуализируются. Появляется более простое и потому знакомое слово с тем же предназначением: обозначить пристрой в его едином понимании – ***fixture***, производное от широко употребительного и потому хорошо известного глагола *to fix* (от *fixus*, *figare* (лат.), с варьированием *x/g*, как у существительно-

[1] Налог на камин (англ.).

[2] Дворовую часть надо правильно содержать (англ.).

[3] Букв.: точно промерены с рулеткой в руках (англ.).

[4] В глазах закона (англ.).

го *lex* (Им. п.)/*legis* в зависимости от падежа, означающего практически любое физическое действие/воздействие человека на все то, что требует его внимания: возведения, укрепления, ремонта и др. – *to fix, to fasten, to make firm or stable; to attach firmly*[1]).

Объект пристраивания получает следующее толкование: *fixture – things of an accessory character annexed to houses or land, which become, immediately on annexation, part of the realty itself*[2]. Здесь доминируют три ключевых признака:

1) прочность (*firm, stable*);

2) дополнительность, вторичность (*part of the parental structure*);

3) конструктивное и структурное единство (*inseparability*).

Такое насыщение правового поля и правового языка в разное время происходило издавна и ожидаемо во многих странах[3].

Постройка нового жилья могла вестись на своей земле, или же возникала потребность в аренде еще куска земли со всеми экономическими вопросами: на какой срок? на каких условиях? В случае достижения договоренности с лордом оговаривался размер оплаты частью урожая или в деньгах, то есть возникало и потом уплотнялось не только естественное поле земли, но и метафорическое правовое поле.

В зимнее время примитивного камина явно не хватало для отопления большего дома также во время холодной зимы надо сохранить скот. Опять выручала сама жизнь: чтобы сэкономить на строительстве теплого (значит, дорогого!) хлева, часть скота укрывали в доме – хозяева и животные жили вместе, спали вповалку, согревая друг друга. Селянин, близкий к природе, считал, что в холодное зимнее время это оборачивалось двойной выгодой: нет лишних расходов на тепло и на дополнительные помещения. Практичность, или прагматичность, как явное проявление онтологичности, или природосообразности, оказалось стойким

[1] Зафиксировать, закрепить, сделать частью целого (англ.).

[2] Движимость, закрепленная с недвижимостью нераздельно (англ.).

[3] В современной России все перечисленные признаки и характеристики разного вида построек и пристроек на загородных участках обретают новую жизнь в контексте законодательства, вступившего в силу с 2019 г.: все изменения и дополнения к ранее зарегистрированным постройкам должны регистрироваться в органах власти.

принципом, диктующими определенным направление работы мысли и, как следствие, создания определенного образа жизни, что находило отражение в праве. Так текла жизнь, и вместе с ней шло развитие права.

На низких землях сохранялось достаточно влаги, и урожаи были неплохие, но из-за выращивания одинаковых культур на тех же самых участках в течение ряда лет – площади наделов были маленькие, и севооборот ограничен – земля постепенно теряла плодородность. Урожаи падали, лордам и вассалам стали нужны удобрения, прежде всего, органика, поэтому в это время арендаторам выдвинули новые условия аренды земли: следует пасти своих овец на полях господина. Один из терминов, обозначающих данное условие, – ***fold***, один из омонимов в английском языке.

В древнеанглийском языке слово-омоним *fold* (обозначим его *fold* 1) имело несколько вариантов: *falaed*, *falod*, *falud*. По данным многих словарей слово происходит из фризского языка с таким же написанием и значением, поэтому в ОИС он имеет наиболее корректную помету «англо-фризское» (с близкой формой *folt* во фризском).

Как часто бывает в *OE* и *ME* периодах, у слова несколько написаний, что является результатом малограмотности, территориальной разобщенности, но в любой редакции оно означает одно и то же: *an enclosure, dunghill – a pen or enclosure for domestic animals*[1].

Поэт Р. Бернс употребляет еще одну графическую форму слова *fold*, бытующую на севере Англии и в Шотландии, – ***fauld***. Слово широко использует и Дж. Мильтон: *the start hat bids the shepherd fold*[2]. У него же есть производный по конверсии глагол *to fold* с двумя значениями: 1) *to shut up sheep in the fold*; 2) *to places to place sheep in the field for the purpose of manuring*[3].

Сельскохозяйственная операция по повышению уровня плодородия почвы требует определенного навыка и умения; многое зависит от пастуха (общепринятое название – *shepherd*). Под-

[1] Загон для животных (англ.).

[2] …загон пастуха (англ.).

[3] 1) запереть овец в загоне; 2) пасти овец на поле для поднятия урожайности (англ.).

твержденiем этого стало новое производное название с ожидаемой основой *fold-*: ***a folder***.

Так появилось новое условие аренды земли – обязательный выпас овец на поле господина ради увеличения уровня плодородия его земли. На этом отражение в арендном праве жизненно важных обстоятельств экзистенции человека не заканчивается: возникает новое производное правовое понятие, обозначающее еще один вид отработки за арендуемую землю – ***foldage***, *in old English law*, *the customary fee paid to the lord*[1], естественно, с языковым последствием: в английском языке появляется соответствующее производное слово (так как правовые понятия выражаются посредством языка) – *foldage*.

Особенно описанный выше вид аренды был распространен в северных ширах, где земли беднее и удобрение их необходимо. Насколько эта практика оказалась востребованной говорит большое количество производных правовых понятий и языковых средств их обозначения:

fold-course *– right of folding*;

fold-soke *– a feudal service which consisted in the obligation of the tenant not to have a fold of his own but to have his sheep in the lord's fold*[2] (в примере значение слова-понятия *fold* «овчарня, загон для овец»).

Работа на земле – это постоянный круговорот забот и проблем, которые решаются в зависимости от толщины кошелька и количества работников у хозяина. С течением жизни и все большим погружением арендаторов (основная форма владения земли в Англии – аренда) в хозяйственное использование земли складываются реальные экономико-финансовые составляющие земельного (феодального) права.

Таким образом, если у налогоплательщика нет твердой экономической базы, то всякие разговоры о свободе, выборе и равенстве остаются пустыми прекраснодушными успокоительными словами. Об этом честно, прямо и авторитетно сказал И. Кант:

---

[1] В древнеанглийском праве – сумма выплаты лорду (англ.).

[2] Феодальная отработка, согласно которой хозяин овец не мог иметь собственный загон для своих овец. Он должен был их держать в загоне господина (англ.).

«Чтобы говорить и думать хорошие и приятные вещи надо иметь сытый желудок»[1].

Оставшись наедине со всеми своими проблемами, арендатор усиленно искал выход. Стало очевидно, что одному с ними не справиться. Надо отдать должное фермерам-англосаксам: они были трудолюбивыми и рачительными хозяевами, делали все, чтобы выжать из земли средства существования для пропитания своих семей, но всякие мелкие ухищрения, экономия на малом уже не срабатывали. Жили в постоянном страхе очередной военной кампании, засухи; и то, и другое сулило семье голод. Надо было поднимать тяжелую землю.

Основным экономическим принципом наделения семьи земельным участком составляло убеждение, что для прокорма семьи среднего размера с гарантированным запасом зерна до нового урожая надо иметь земельный участок определенной площади. Существует очевидная истина: семьи разные по количеству едоков, следовательно, участки должны быть разными.

Что послужит отправной точкой расчета площади земли?

На помощь приходят те качества и компетенции, которыми наделен только человек: креативность, готовность к взаимопомощи, взаимовыручке, что делает посильной и плодотворной его многообразную трудовую деятельность Люди приходят на помощь друг другу, потому что они наделены разумом, сочувствием и нравственностью, и это уже правово маркированные человеческие ценности.

Конкретный ответ на вопрос о необходимом количестве земли дала сама жизнь. Землю можно было обработать только с помощью тяглового скота. Количество пахотной земли издревле исчислялось на голову быка.

По *OE* праву земля измерялась в гайдах: ***hide*** – *a measured land*, *as much as could be worked with one plow*[2]. Работа на земле показывает, что на самом деле искомая единица может быть разной – от 60 до 100 акров. За каждый гайд земли взимался налог – *hidage*.

---

[1] *Кант И.* Метафизика нравов. Москва, 1987. С. 234.

[2] Площадь земли, которую можно обработать одним плугом, что было своеобразной единицей учета обрабатываемой земли (англ.).

Со временем стало ясно, что одного быка было недостаточно, а условная пропорция постепенно становилась просто номинальной единицей, необходимой для наделения землей. Работа на земле показала: чтобы таскать тяжелый плуг требовалось восемь быков. Так жизнь ставит проблему и сама же ее решает: появляются зачатки общего, или коллективного, или кооперативного земледелия[1].

В жизни человек видит и учится: чтобы построить мост, люди объединяются в бригады; чтобы победить противника, люди объединяются в войско. Закономерность или урок однозначен: там, где бессилен индивид, коллектив оказывается в состоянии сделать работу.

Мы уже отмечали, что многие правовые понятия обозначались латинскими словами. Сложное и столь необходимое понятие «количество земли на один плуг» еще служило для расчета взимаемого земельного налога – *used as the basis for taxation*[2].

Единицей налогообложения стало количество земли, которое можно обработать одним плугом с упряжкой из восьми быков (лат. *carucate/carrucate*), где латинское слово ***carruca*** означает плуг (*plough*). Так в выработке размера земли тесно сплетенными оказались понятия тяглового скота, размера семьи, плуга.

Большое социально-экономическое понятие *feudalism*, *feudal system* естественным образом вовлекает в понятийную орбиту много малых понятий бытовой, ежедневной производственной деятельности человека. Одним из самых корректных определений данного государственно-экономического порядка, на наш взгляд, является следующее: *the feudal system is the aggregate of many feudal principles and usages* (*Black's*)[3]. Набор этих принципов также пришел из реальной жизни, ни один из них не является проявлением великого озарения ни индивидуального, ни коллективного гения. К ним относятся довольно прозаические факты и обычаи:

---

[1] Оба слова: *collective*, *cooperative*, в русском языке заимствования никакого отношения к коллективным земельным хозяйствам Советской России не имеют: коллективный труд на земле – универсальная общечеловеческая идея.

[2] База налогообложения (англ.).

[3] Феодальная система – это совокупность многих феодальных принципов и трудовых повинностей (англ.).

the system was based upon a servile relationship between a "vassal" and a "lord"[1], добавим, с их соответствующими правами и обязанностями, а именно:

а) *the vassal paid homage and service*;

б) *the lord provided land and protection to the vassal*[2].

Владение землей лордами обеспечивало их господство над вассалами. Откуда возникло такое правило, или главный принцип, или закон?

Англия является идеальной страной для получения исчерпывающего ответа: как следствие военной победы при Гастингсе, когда победители присвоили себе право владения всеми землями и, следовательно, право хозяина/господина.

В каждой сложной системе есть изначальные положения (аксиомы), или то самое *ovo*, о котором мы больше помним по максиме *ab ovo*, понимаемые однозначно всеми: «Аксиома – исходное положение, принимаемое без доказательств и лежащее в основе доказательств истинности других положений»[3].

Главным победителем был король, поэтому вся земля принадлежала ему. Он не мог один обработать ее; поэтому король дает землю во временное пользование другим участникам победы. Так онтология как закон жизни и ментальная способность человека в этом основном законе феодализма проявляются следующим образом:

а) земля дает не всем, а лишь тем, кто заслужил;

б) поскольку заслуги разные, то сроки, на которые получена земля, и ее размеры – разные;

в) в случае особого желания короля земля должна быть отобрана.

Таковы ключевые законы феодального способа ведения хозяйства, но (как будто этого мало!) жизнь подбрасывает дополнительный принцип: те, кто распоряжаются землей, еще являются судьями.

---

[1] Система базировалась на рабских отношениях между лордом и вассалом (англ.).

[2] Вассал платил поборы; лорд обеспечивал защиту и безопасность вассала (англ.).

[3] *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва, 2010.

Аксиоматика неизбежно обрастает производными или деривативными понятиями феодальной системы (назовем лишь некоторые):

1) ***feud*/*feod*/*feodum*/*feudum*/*feum*/*feudo*/*fief*/*fee*/*feuda*** *– in feudal law an estate in land held of a superior on condition of rendering him services*;

2) ***feudal*** *– pertaining to feuds or fees, relating to or growing out of the feudal system or feudal law*;

3) ***feudal courts*** *– a lord had the right to hold a court for his tenants*;

4) ***feudalism, feudal system, feudal law*** *– the social, economic and political system which was based upon a servile relationship between a "lord" and "vassal"*[1].

Душой феодального права, естественно, являются *feuds* во всем их многообразии, и все то, что потребовалось для регулирования вопросов пользования землей господином и вассалами.

Если для определения государства прибегнуть к известной метафоре *"the state is a machine …"*[2], то логично ее продолжить следующим образом: для функционирования сложного механизма или машины требуется изрядное количество дополнительных деталей и узлов. Они возникли естественным путем, в том понимании слова «естественный», что они уже имелись в обычаях и порядках, которые были у германцев еще на Европейском континенте и потом готовыми импортированы на Британские острова.

У воинственных германских племен военные лидеры пользовались огромным уважением: им поклонялись, им приносили клятву или присягу верности. Военный руководитель (а воевали часто) оставался вождем и в мирное время, и он же распоряжался основным богатством – землей. Вознаграждая лучших воинов раздачей земли, он сам становился крупным собственником земли, порождая мелких. По-разному оценивая заслуги своих соро-

---

[1] 1) при феодальном порядке – надел земли, используемый вассалом при оказании услуг лорду;

2) земля использовалась вассалом после ее оплаты;

3) лорд имел право «судить» своих вассалов;

4) социальная, экономическая и политическая система, которая существовала на основе услуг, оказываемых вассалом господину (англ.).

[2] «Государство – это машина…» (англ.).

дичей, вождь назначал разные виды отработок как компенсацию за право пользования землей, что передают понятия:

1) ***feudal tenure***, *the distribution of real estate under the feudal system*;

2) ***knight service***, *feudum hauberticum* (*the military service of appearing fully armed at the ban and arriere ban*[1], где *ban – socage*[2], *villenage*.

Основными источниками /формами пользования земли были:

– военные заслуги – ***knight service***, ***feudum miliare***;

– владение землей по наследству – ***feudum antiquum, feudum induividuum*** (наследник земли, как правило, старший сын – *to be inherited by the senior issue*);

– прямое получение земли от высшего господина – ***feudum ligium*** (*a fief held immediately from the sovereign*);

– наследство от материнского капитала – ***feo(u)dum maternum*** (*in herited from the mother*);

– «новый надел» – ***feudum novum*** (земля, полученная от местного господина – *a new fief*, *it did not come from forefathers*);

– ***feuduman tiquum*** (наоборот, давнее семейное наследство – *vice versa*: *so-called ancient land*).

Наиболее заслуженные члены клана получали землю на максимально выгодных для них условиях (*feudum francum*).

Жизнь и работа на земле – это особый образ жизни, особое производство, таинства и скрытые закономерности которого трудно понять городскому человеку. Это – особый житейский, общечеловеческий, экзистенциальный цикл.

Помимо обрабатываемой пашни для выгона скота требовались обширные луга и пастбища, чтобы летом пасти животных, а на зиму заготовлять сено – возникает потребность в выгонах и пастбищах для скота. Есть реки, моря и озера с рыбой, которой можно пользоваться в определенных количествах и определенное время; есть леса, дающие топливо и строительный материал, дичь, ягоды и грибы. Человеческий жизненный опыт и знания

---

[1] 1) распределение недвижимости при феодальной системе;

2) справлять военную службу (реализация военной услуги, являясь в полном военном снаряжении) (англ.).

[2] Достаточно благоприятная форма аренды земли (англ.).

помогают предложить приемлемые для большинства правила или законы пользования ими: для постройки необходим строевой лес, а для поддержания очага и приготовления пищи – дрова; нужен доступ в лес для сбора ягод – все требовало упорядочения.

Крупные землевладельцы получали свои владения от короля с указанием правил владения, например, при входе во владение Чемберленов под Оксфордом висит большой плакат, где со ссылкой на указ короля, сказано, что посетители имеют право прогуливаться по землям бесплатно. Что касается права сбора валежника в лесах для обогрева жилищ, то владельцам лесных угодий было выгодно разрешать его сбор: чистый лес рос быстрее, кроме того, это было своеобразной профилактикой лесных пожаров[1].

Начальное простое физическое, или природное пространство в обществе усложняется, становится обжитым, и право делает его обитаемым, как и его обозначение языковыми средствами. Возникают переносные названия «правовое пространство» и «правовое поле» со своими четко маркированными участками – видами права. Как результат мыслительной деятельности человека, приложения его физических сил появляются новые виды деятельности, которые упорядочиваются за счет принятия новых законов.

В результате непрекращающейся деятельности человека правовое поле продолжает усложняться, происходит его уплотнение с непременным выводом: увеличивается количество законов, появляются лесное (***forest law***), водное (***water law***) и многие другие виды права со своими жесткими правилами (например, выловленная ценная рыба изначально не могла стать добычей рыбака: существовал закон, согласно которому хвост ее принадлежал королю, а голова – королеве).

Право, правовые отношения – это не абстракция философов и мудрецов, а реальная ткань общества, поэтому оно неотделимо от истории человека и человеческого общества. Это показывает краткий экскурс в историю вопроса. Сложившиеся правовые

[1] В данном контексте уместно обратиться к современному положению дел со сбором валежника в российских лесах: только в 2018 г. окончательно принят закон о его бесплатном сборе.

отношения могут сдерживать или ускорять развитие общества, развитие всей культуры. Вопросы права непосредственно связаны с властью и государством.

Активной формой права являются конкретные законы, многие из которых подсказаны самой жизнью, а также потребностями развития общества. В таком случае они становятся ускорителями общественного развития.

Реконструкция жизни человека в частном ее проявлении на ранних этапах его развития в правовом отношении сложна и трудна, но это стоит наших усилий, ибо из истории мы извлекаем много полезного.

Столь же поучительны новые виды права, появившиеся не столь давно, например, с развитием больших городов и промышленности возникает необходимость принятия законов о воздухе, которым дышит человек (***air law***), воздухе городов и других.

Законодательство совершенствуется и уточняется в новой редакции (***clean air law, anti pollution laws***)[1]; законы принимают глобальный характер, и международные соглашения подписывают сотни государств – мы уже говорим о международном и внутреннем экологическом праве.

В сложной международной обстановке современности обращение к правовым истокам и истории развития права способно преподнести полезные уроки современным правоведам и практикующим политикам. В этом отношении Англия является достойным предметом научного внимания: на небольшой территории пересеклись исторические пути развития нескольких народов со своеобразной культурой, обычаями и разными языками. Отношения между народами складывались от враждебных до временных неустойчивых союзов и до объединения в унитарное государство.

[1] Закон о чистом воздухе, законы против заражения воздуха (англ.).

ГЛАВА II. СИСТЕМА ПРАВОПОРЯДКА В ДРЕВНЕЙ АНГЛИИ

Увеличение количества населения, укрупнение королевства способствовало появлению проблем, для решения которых нужна определенная сила, власть, которая могла бы или просить, или приказать членам общества соблюдать принятые нормы общежития. Символично, что английское слово *power* имеет два значения:

1) *physical or mental strength*, *vigor*, *energy*;

2) *legal ability*, *capacity*, *or authority to act*[1].

Потребности человека, общества во власти растут. Государство становится организованным сообществом большего количества разных людей, каждый из которых имеет собственные представления о хорошем и плохом, свои идеалы и средства их достижения. Так в недрах еще не организованного, разобщенного общества возникают потребность и востребованность в новых, эффективных формах управления.

Приступая к изучению истории права древней Англии, мы предвидим много сложностей. Одна из них состоит в том, что в целом количество и качество информации о давно прошедших временах достаточно скудны, например, по подсчетам историков на сегодня имеется несколько сотен рукописных источников, которые разнохарактерны по стилю и глубине имеющейся в них информации. Ожидаемо, что они должны описывать разные события, но на самом деле многие из так называемых первоисточников описывают идентичные события. Многие из них являются списками одних и тех же оригиналов, лишь переписанных в разное время. Очень часто оригиналы отсутствуют, остаются лишь более поздние их списки, что, естественно, вызывает меньшую степень доверия к ним со стороны историков.

В местах непосредственного проживания людей власть присутствует, очевидно, всегда. В реализации обязанностей хозяина

[1] 1) физическая или умственная сила, энергия;
2) правоспособность действовать (англ.).

поместья по поддержанию в нем должного порядка выделяется фигура шерифа. Изначально часто это было лицо, лично назначенное лордом поместья не столько для управления поместьем, сколько судом лорда. С ростом влияния короля, по мере устранения его противников как внутри королевства, так и за его пределами, местному лорду было просто не выгодно и опасно соперничать с крепнувшей королевской властью: когда по всей стране активно шел нелегкий процесс объединения, то всякое противостояние становилось опасным.

Постепенно местные суды приобретали абсолютно новое измерение, что делало их качественно другими: из органа, находившегося под полным контролем местного барона, они трансформировались в суды короля (королевские суды – *King's courts*), то есть в мощную, защищенную центральную власть. Принципы правосудия становились все более объективными, так как в них прослеживалось единство подходов и оценок; меры наказания становились, с одной стороны, более продуманными, с другой – стандартными: во всех владениях регламенты суда и их юрисдикции становились универсальными, то есть одинаковыми для всех графств.

Нарождалось новое судебное право: единственным, но надежным зонтиком служил укрепивший свою власть король, а роль местных правителей шла на убыль. Так проходил процесс становления общего право (***commom law***) в стране, значение которого в деле организации и поддержания права и порядка в Англии оказалось решающим.

Долгое время шериф был и оставался главным исполнительным и административным лицом графства. Особую силу ему придавало то, что сначала он был назначен лордом, а потом стал выборным начальником. Его основные обязанности заключались в помощи и подготовке суда к работе: доставке/рассылке повесток о явке в суд, формировании членов присяжного жюри, исполнении решений суда (уже существовала служба бейлифов: ***bailiff*** *– the chief officer of a hundred, the sheriff's deputy*[1], или судебный исполнитель), практической организации заседаний суда, организации судебных распродаж в случае банкротства и многом

[1] Помощник шерифа, или судебный исполнитель (англ.).

другом. В рамках проведения правоохранительной работы он собирал жителей сотни, организовывал преследование и поимку заведомого преступника, действуя в соответствии со старым обычаем: *to cry peeze*/*to cry hue and peeze*[1].

Hue – заимствование из *OFr*: *hu*, *hui* и другие варианты от инфинитива *to huer – to hoot*, *cry*[2], и как имя существительное, образованное по конверсии, означает *outcry*, *shouting*, *clamour raised in war or the chase*[3]. В свою очередь, значение глагола *to cry* синонимично значению глагола *to hue* – так называемая парная синонимия очень характерна для английского языка.

Два слова-синонима с одинаковым значением усиливают эффект громких криков при преследовании скрывающегося преступника: ***to hue and cry*** *– out cry calling for the pursuit of a felony raised by the party headed by a constable*[4]. По обычаю, который действует из поколения в поколение, формируется отряд из вооруженных мужчин (лат. ***posse*** *– a group of armed people*[5]).

В границах подотчетной территории шериф обеспечивал правопорядок, который означается по-разному: ***law and peace***, ***law and order***, ***the peace of the land*** и, самое главное, ***King's peace***. Каждое из них занимает достойное место в истории становления, развития и функционирования системы правопорядка в стране. Последнее название обозначает правопорядок в рамках всего королевства с одинаковыми принципами в разных его уголках.

Долгое время принцип круговой поруки был главным для поддержания правопорядка. У данного понятия отмечено несколько названий, среди которых особо выделим ***frankpledge*** *– the system by which every member of a tithing was answerable for the good conduct of*, *or the damage done by*, *anyone of the other members*[6] Согласно ОИС это название – следствие неправильно по-

---

[1] Объявить преследование преступника (англ.).

[2] Громко шуметь, кричать (англ.).

[3] Громкий крик, привлечение общего внимания (англ.).

[4] Громкие, устрашающие крики группы преследователей, возглавляемой шерифом или констеблем (англ.).

[5] Группа вооруженных людей (англ.).

[6] Система круговой поруки, при которой каждый член десятка, сотни отвечал за поведение и поступки других членов сотни (англ.).

нятого норманнами местного обычая ***friborg***/*frithborh* (*peace-pledge*)[1].

Обычным принципом деления территории и людей, проживающих в определенном населенном пункте, была сотня. О том, что это была целая система по установлению и поддержанию порядка, свидетельствует тот факт, что все обязанности по поддержанию правопорядка на территории сотни ложились на сотню (*hundred*), прежде всего, на сотника, у которого несколько названий. Самое древнее из них – это латинское *hundredarius*.

Слово ***hundred*** – исконно германское; оно имело несколько значений, каждое из которых много значило в административно-правовом аспекте. Слово «сотня» обозначало количество семей и территорию, на которой компактно проживали сто семей, что позволяло строго контролировать поведение каждого. Каждая сотня подразделялась на десять десятков (*tithing*) со своим десятником.

Названия главы сотни – это производные, построенные по правилам словообразования английского языка по модели: основа + окончания, обозначающие лицо (*-er*/*-or*, *-y*) – *hundred**or***, *hundreda**ry***.

Первыми помощниками сотника были главы семейств, которые также именовались несколькими языковым названиями, среди которых – ***genearch***.

Каждый член сотни был обязан бороться с преступностью. Как только он узнавал о нарушении порядка, то его первая реакция *to raise hue and cry*, *to cry peeze*. Сотник, в свою очередь, должен был организовать *posse* – так называемый отряд поиска и поимки преступника. По мере надобности и в зависимости от вида совершенного преступления в его состав могла входить вся сотня. Так действовала система круговой поруки, где каждый отвечал за поведение другого члена сотни.

О степени эффективности рассматриваемой системы говорит интересный факт: после покорения Англии Вильгельм Завоеватель отменил принцип круговой поруки как представитель более «продвинутой» континентальной Европы, считавший ее прими-

[1] «Обещание, обязательство мирного поведения» как основы круговой поруки (англ.).

тивной, но в дальнейшем был вынужден признать ее эффективность, и запрет был снят.

С увеличением количества населения возникала потребность в управлении более крупными группами – свыше сотни. В интересах должного контроля за поведением жителей, для четкой работы по сбору налогов образуются так называемые трети графств: по территории и населению графство подразделялось на три трети (***trithing***). Как и в сотне, тут был свой суд (***trithing-mote***), который напоминал ***hundred court*** или ***the court-leet*** с собственной судебной иерархией: он работал под юрисдикцией суда графства (***shire court***, потом ***manor court***, ***county court***). У данного слова зафиксирована вторая форма *triding*. То, что она употреблялась и в составном наименовании ***triding-mote*** говорит о частотности ее употребления, поэтому трудностей в понимании не возникало.

Между сотней и тремя сотнями существовал промежуточный административный уровень, который также функционировал по модели сотни. В такой крупной территориально-административной единице бароны получали особое престижное название – *hauber* (*a high lord, a great baron*)[1], с ожидаемым значением большого уважения и престижа.

Жесткая административная иерархия начиналась с каждой семьи, где авторитет отца был незыблем. Греческие основы и суффиксы стали выражать высокую власть и авторитет денотатов: *genearch the father and ruler of the family*[2].

2.1. Судебная власть англосаксов

Мы далеки от мысли, что в XI в. люди были сплошь малознающими, забитыми и жутко угнетенными: безгласное существование ведет лишь трусливый, ленивый и порочный человек или народ. Эти его собственные внутренние качества, естественно, накладывают ограничения на свободу слова и поступка. Так было и так есть. Храбрый воин, который рискует жизнью в бою, сражаясь за короля и прикрывая товарища, становится достойным членом общества по критериям своего времени.

[1] Высокочтимый лорд (англ.).

[2] Отец как глава семьи (англ.).

Многие века англосаксы жили в небольших селениях, в которых складывался свой неспешный образ жизни, а жизнь текла по обычаям предков. Это, прежде всего, означало отсутствие большого количества тяжких преступлений, так как в природе человека заложено быть терпимым, прощать мелкие обиды.

Природа человека противоречива: преступления имели место, и надо было их решать, то есть наказать преступника и по возможности помочь пострадавшему. Это решение как онтологическое, житейское, так и одновременно концептуальное, плод умственных размышлений человека.

Жизнь была тяжелая, средства производства малоэффективные, труд и продукты труда высоко ценились. Существовал обычай-закон (***wergild*(*e*)**, ***weregild*/*wergield*** – от основы *wer-* со значением *man* и *-geld*/*-yield*): *the price set upon a man according to his rank, paid by way of compensation or fine in cases of homicide to free the offender from furthet obligation or punishment*[1]. В нем отражена вся правовая идеология того времени: за преступление (убийство) преступник должен быть наказан, а пострадавший или его семья должны получить компенсацию по принципу зуб за зуб. Так повелось еще на европейском континенте в германских племенах, и это то наследство, которое они привезли на Британские острова.

Современное метафорическое определение «преступник должен заплатить за свое преступление» в те времена понималось буквально: жизнь каждого человека имела цену, которая зависела от материального, общественного статуса жертвы. В зависимости от конкретного времени она была разной, например, в VII в. вергельд керла составлял 200 шиллингов, а вергельд эрла – 400. Внесение штрафа было достаточно, чтобы прекратить дальнейшее преследование/наказание виновного.

Историческое исследование может быть успешно выполнено в соответствии с двумя принципами:

1) условно переселить субъектов описания в исследуемые времена, что, к сожалению, невозможно;

2) переселить в описываемую эпоху автора работы и изучать положение вещей изнутри, что также невозможно.

---

[1] Цена, выплачиваемая семейству убитого члена семьи, в зависимости от его роли и места в семейном мире и сообществе (англ.).

Тогда срабатывает более реальный фактор принадлежности предмета исследования и личности исследователя к одной культуре и цивилизации, что гарантирует понимание друг друга, способность думать и умение адаптироваться к реальностям. Так их принадлежность к одной европейской культуре выступает в роли прочной связи, способствующей взаимопониманию. Это позволяет говорить о непрерывном историческом процессе с его трансформациями морально-правового характера, например, понятие ценности человека в денежном выражении в то время было ожидаемым и нормативным, сейчас чтобы это воспринять, требуется определенный настрой и подготовка разума.

Метафорическая ценность человека – это без преувеличения общекультурная универсалия, но в Древней и Раннесредневековой Англии человека вещественно и материально оценивали сначала в эквиваленте к основной валюте – количеству скота, а потом – в денежной выраженности. При этом человека разного сословия и разного материального статуса оценивали по-разному: бедные и малоимущие шли по малой шкале; богатые и именитые – по высокой[1].

---

[1] Здравый смысл и холодный расчет англосаксов находят продолжение в современной жизни.

Во времена господства социалистической морали человек воспринимался высшей ценностью в метафорическом смысле. Никому и в голову не приходило переводить эту образную ценность в денежную.

У современных западных стран опыт другой. Многочисленные войны, организаторами и участниками которых они были, колониальные захваты народов и целых континентов возродили, казалось бы, навсегда ушедшие старые времена с их действиями и представлениями о ценности человека, а старые правила и нормы обрели вторую жизнь. Судя по публикациям 90-х гг. XX в. в американском журнале *Time*, американцы вполне прозаично воспринимают денежную оценку жизни человека: по мнению многих, она составляет порядка 2,5 млн долларов США. В современной России предложена денежная цена человека – около 39 млн рублей.

Гибкость человеческого ума поразительна: цена жизни человека не только существует, но и раскрыты секреты подсчетов. Факт из истории английского права дает серьезный повод задуматься. Когда выносят решение суда о компенсации вреда, причиненного здоровью пострадавшего, то определенный хозрасчет существует уже давно, а сама степень наказания преступника напрямую зависит от степени вреда (в разном виде), который нанесен жертве.

История суда отражает ход истории человека и общества в определенном направлении. Одним из первых принципов суда было решать споры так, как принято между соседями. Логика и содержание данного подхода были естественным образом заложены в первых формах человеческого бытия, ибо они коренятся в социальной природе человека. Соседи не нуждались в третьей стороне, в посредниках для решения конфликта. Об этом свидетельствуют древние рукописи, где встречается фраза ***good-neighborly relations***[1]. Эта мудрая формула известна и другим народам земной культуры.

Из Библии хорошо известна истина *love your neighbor*[2]; препарированная мысль содержится в старой английской пословице *good neighbors are better than relatives*[3]. Понятие «соседство» (***neighbourhood***) в английском менталитете означает непосредственное окружение, место проживания, как бы оно ни называлось с приметными и ставшими дорогими объектами, знакомыми людям с детства, о которых человек вспоминает всегда с ностальгией и добротой. Неслучайно, что у народа с незапамятных времен соседский принцип – один из первых в построении отношений с себе подобными: *friendly relations between neighbors; neighborly feeling or conduct*[4]. Любовь к соседу содержится в Библии как показатель миролюбия и человеколюбия. Такая денотация и одновременно коннотация делают его близким к другому слову – *community*.

В ОИС приведены примеры, подтверждающие гармонизированное с точки зрения межличностных отношений значение слова *neighborhood*:

1) *there is a law of neighbourhood which does not allow rudeness*;

2) *the rules of good neighbourhood are very effective*[5].

В правовом аспекте особое место занимает смысл выражений ***neighborhood meeting, township meeting*** – что-то вроде мест-

[1] Добрососедские отношения (англ.).

[2] «Возлюби соседа своего» (англ.).

[3] «Сострадание и сочувствие со стороны соседа очень важны», сосед лучше родственника (англ.).

[4] Дружеские отношения между соседями (англ.).

[5] «Правило/закон добрососедских отношений» (англ.).

ного схода, который собирается для решения важных вопросов. В российской истории оно напоминает новгородское вече как орган самоуправления, в котором принимают участие местные жители, решающие всем миром важный социальный вопрос. Из этого следует общее правило, главный жизненный принцип сожительства разных людей, оказавшихся соседями: только взаимная благорасположенность может служить отправной точкой, главным принципом, на котором можно строить отношения между людьми.

Следующий принцип народного правосудия – это суд равных (***the court of peers***). Расслоение общества произошло давно, и люди, принадлежащие к одному слою общества, готовы были подвергнуться суду себе равных: в этом они видели проявление справедливости. Хорошо это или плохо, ответить невозможно. Факт остается фактом, что такой этап правосудия имел место в раннем обществе.

Реальная жизнь настолько сложна, что чистых случаев, требующих правосудия и справедливости и предоставляющих идеальную форму первого и второго принципа меньше, чем более сложных. Тогда, развивая практически добрососедский принцип и принцип равенства, человек пошел дальше. Засомневавшись в мудрости себе равных, он обратился к посреднику, или третьей стороне, у которого явное преимущество: он нейтральный, его сознание не отягчено прежними обидами. Таким образом, сама жизнь предложила третий способ урегулирования конфликтов: возникла идея третьей стороны, или посредника, как форма суда/судьи.

Для решения конфликта двух соседей привлекали уважаемого жителя селения, которого знали обе стороны, доверяли его уму и жизненному опыту. Итак, первое качество судьи быть объективным и беспристрастным. Скоро люди поняли, что на это способен далеко не каждый судья.

Доверившись судье, человек увидел, что судья сосредоточил в своих руках слишком много власти. Так естественно возникла идея в известной степени уменьшить власть судьи и передать ее часть в руки более широкого круга людей, то есть появилась идея коллегии судей с выделением роли председателя судьи с его помощниками. Наиболее ярко реализация идеи нескольких лю-

дей, решающих судьбу человека, реализуется в институте суда присяжных. Присяжные – ***people of the country***, ***of the voisin***[1], то есть именно они, проживающие в тех же условиях, что и подсудимый, в состоянии понять его и, следовательно, справедливо судить.

Только человек креативный и ищущий, а это одно из его основных достоинств, может найти оптимальные решения. Но в немалой степени человек подвержен ошибкам.

Шло время, и менялся сам человек. В последующем он пришел к решению заменить данный принцип на противоположный, то есть сознание присяжных обязано быть чистым: они не должны ничего знать о проступке подсудимого, чтобы не иметь предвзятого мнения и заранее вынесенного решения.

В поисках объективного решения менялись задачи и функции присяжных – от коллективного судьи до беспристрастного присутствия на суде без права задавать вопросы. Поиск объективного пути установления истины, а также вынесения заслуженного наказания продолжается: есть опыт предоставления присяжным права задавать вопросы во время судебного слушания.

Человек креативный не только любопытный (*curious*) и любознательный (*inquisitive*), но и практичный. В результате многолетних наблюдений и выводов он осознал, что у множества дел много общего, начиная с характера правонарушений и заканчивая решениями судов. Так возникает понятие «прецедент», которое еще в латинском языке и римском праве было выделено как рациональный подход к решению новых дел, у которых много общего с ранее решенными делами.

В истории английского суда выделяют несколько этапов по конкретным признакам, зафиксированным в истории данного концепта, из которых рассмотрим следующие:

– определились юрисдикции судов, основанные на тех занятиях, промыслах, профессиях, которыми занимался человек: гражданские, уголовные, морские, адмиралтейские, земельные, семейные (разводы, лишение материнства, усыновление/удочерение, утверждение/лишение наследства, суд по делам сирот);

---

[1] Люди, проживающие в одной небольшой местности, знакомые или соседи (англ.).

– принципы суда (коллегиальность суда, демократизация – гармонизация – гуманизация суда);

– количество судей;

– порядок рассмотрения дела, или процессуальность суда.

Начиная с *OE* периода в истории английского суда особое место занимает слово-понятие ***moot*** (другие формы в *OE* – ***mot***, ***gemot;*** когнат ***meet*** означает *meeting*, *encounter*). Это слово не только еще одна лексическая единица английского языка, оно выражает и сохраняет для нас фрагмент правовой истории английского народа: *an assembly of people to discuss some socially important problem*[1]. С увеличением такого общественно важного опыта сходы стали своеобразной формой правительства и суда, которые выносили решения по обсуждаемому делу. В Средние века у слова *moot* сохраняется значение явно с оттенками судебной функции: *litigation*, *an action at law*[2].

Важна и форма проведения собрания: народный сход собирался по инициативе самого народа по важному для него вопросу. Именно данное значение сохраняется в его последующем употреблении во многих контекстах. Его насыщенное значение, связанное с судом, – «спор, обсуждение», что давно считается необходимым процессом до принятия судебного решения. Именно таким встает в сознании народа этот форум: место решения важного общего вопроса или судьбы конкретного правонарушителя.

Сознание народа предполагает и ожидает, что до вынесения решения суд должен со всеми заинтересованными лицами детально обсудить дело: опрос свидетелей, предварительное следствие, судебное разбирательство, и лишь потом принять обоснованное решение. Именно такие значения отмечаются у глагола ***to moot*** – *to argue* > *to plead*, *to discuss*[3].

Обязательно должен произойти рассудительный обмен мнениями с предъявлением доказательств обеими сторонами, что потом в статутном суде сохранит это качество – ***mooting*** – «доказательные аргументы со стороны обвинения» и в равной мере со

[1] Сход для обсуждения социально важных проблем (англ.).

[2] Судебный спор (англ.).

[3] Прилюдно, всенародно обсуждать общие вопросы, обмениваться мнениями (англ.).

стороны защиты как обязательный этап судебного слушания (второе название – *pleading*).

Постепенно слово *moot* прекратило обозначать напряжение ума и силу логики и стало еще одним языковым средством, обозначающим речь в ее повседневном значении, при обмене мнениями об обычных делах, то есть еще одним глаголом говорения наряду с *to say*, *to utter*, *to tell*, *to speak*.

На сегодня у слова смешанная семантическая карта: в отдельных контекстах используется судебное и бытовое значение. Судебное употребляется в ситуации, в которой описан суд с его страстями и сильными аргументированными высказываниями. Слово стало звучать в учебной аудитории, прежде всего, в судебных Иннах, где оно когда-то и приобрело свой блеск ума и остроту суждения по судебному делу (как глагол): ***to moot*** – *to debate an imaginary case of law*[1]; употребляется по конверсии и как имя существительное, например, в функции определения в именном сочетании ***a moot case***[2].

О том, что собрания были обычным средством решения вопросов, стоящих перед жителями, свидетельствует большое количество словосочетаний, которые перешли в ранг исторических терминов, напоминая о временах участия всех жителей города в решении городских вопросов. Это был широко распространенный властный форум: он проходил в любое время года, так как для его проведения не требовалось специальное большое помещение. Если позволяла погода, то собрание проводилось на открытой площадке, удобной поляне. Об этом свидетельствуют следующие варианты его названия: ***moot-stow***, ***moot-hill***, где *stow* означает *moot hall*, *moot-house* с единой дефиницией: *stow*/*hill*/*hall*/*house where moots or assemblies were held*[3]. В настоящее время наиболее активно используется производное имя существительное ***moot man*** – *a law student of the Inns of Court*; *a student who argues a moot case*[4].

---

[1] Обсуждать гипотетическую судебную историю (англ.).

[2] Судебное дело (англ.).

[3] Помещения и места на природе, где проходили суды (англ.).

[4] Студент-стажер в Судебных Иннах, участвующий в обсуждении учебного суда (англ.).

На разных этапах исторического развития страны и права изменялось написание слова: *mot*, *mote*, например, ***bar mote*** – раньше ***bargh-mote*** (от нем. *berg-mining* и *-mote*) – *a local court in the mining areas*[1]; второе производное по той же модели и близкими основами: ***barmaster*** (***barghmaster***, от нем. *bergmeister* – *a local judge among miners*[2]).

Перейдя в разряд историзмов, слово в своем оригинальном значении осталось ярким памятником рассвета судебного дискурса, зафиксировав собственную напряженную мыслительную насыщенность в сочетаниях типа ***moot case*** – *legal case for dicussion*[3]. Изменение значений слова пошло в интересном смысловом направлении и стало следствием развития мыслительного процесса на основании следующего предположения: когда о чем-то спорят, то в качестве тактического хода один из спорщиков излишне, в известной степени, нарочито, «ради позиции» усложняет и обостряет суть спора. Отсюда у слова появилось значение *a doubtful case*: ***moot point***, ***moot question*** – *an undecided point, point on which there is more than one opinion*[4]. Второе значение демонстрирует максимальный отход от первого, исконного значения «важный вопрос» к его противоположности: *a point which is no longer important – since he has offered to pay for the damage, it's a moot point whether it was really him who caused it*[5].

Сравнивая некоторые судебно-правовые идеи англосаксонского *OE* и *ME* периодов, отмечаем, что большим достижением англосаксов было решение споров и конфликтов на народных или соседских судах-собраниях, где уже присутствовали судебные качества: гласность, публичность, свободное высказывание собственного мнения, в отличие от предыдущей кулуарности, самоуправства, торжества физической силы. Это типология суда.

Первый этап суда мы называем силовым, а второй – вербальным. Отказ от силового суда и переход к суду вербальному

---

[1] Местные суды в шахтерских поселках (англ.).

[2] Местный судья в шахтерском поселке (англ.).

[3] Импровизированное судебное дело (англ.).

[4] Предположение, о котором высказывают разные мнения (англ.).

[5] Обстоятельство, которое уже не является важным, так как вторая сторона согласилась на компенсацию урона; остается спорным, кто нанес действительный урон (англ.).

с демонстрацией доказательств и учетом мнения большинства потребовали определенного временного периода. Между ними можно выделить промежуточный, или переходный этап, который характеризуется силовыми моментами, как родимыми пятнами, и вербальными. Его примером может служить порядок получения наследства: претендентов на получение части имущества собирали на расстоянии 5–6 миль от наследуемого имущества; большую часть получал тот, кто достигал его первым[1]. Правовой комментарий таков: не от степени родства – обычного принципа назначения наследников – зависело получение наследства, а все еще от физической силы, удали и ловкости всадника.

2.2. Казначейство. Система налогов в древнеанглийский период

Чтобы существовать и развиваться, стране нужны средства, одним из источников которых являются налоги. По единодушному мнению социологов и правоведов, экономистов и политиков, существование системы налогов венчает высокий уровень государственности и права.

В *OE* понятие «налог» обозначалось множеством языковых названии: *tax*, *tribute*, *payment*, *geld* (*gelt – giald – gield*). Налоги взимались не только органами светской власти, но и церковными. Один из первых был ***ty(i)the*** *– the tenth part of the annual produce of agriculture*[2].

Налоги исправно собирались и пополняли казну. Насколько эффективной была система налогов как источника формирования казны, можно судить по той высокой оценке, какую ей дал Вильгельм Завоеватель.

Начиная с VIII–IX вв. Англия привлекала большое внимание военных дружин Скандинавии, или Северной страны (включая Данию), и становилась объектом частых нападений. Северные народы преуспели в создании быстроходных судов, отличавшихся высокими мореходным качествами, что позволяло им совер-

[1] См.: *Anderson M.*, *Williams B. C.* Old English Handbook. Boston, 1935. P. 21.

[2] Десятая часть собранного урожая (англ.).

шать крупные морские операции по захвату чужих земель, включая северное побережье континентальной Европы и островной Англии.

Викинги долго терроризировали северо-восточные части Англии. Местные жители не могли им успешно противостоять: набеги не только повторялись, но становились все интенсивнее. Через военные действия и особенно в периоды замирения, оба народа входили в непосредственный контакт друг с другом.

Оставаясь на захваченных землях на зиму, северные люди были вынуждены знакомиться с местными жителями, их культурой и языком. Возникали смешанные браки. В этот период происходит заимствование скандинавского/датского слова ***lagu*** («закон», «правопорядок»), например, саксами без изменений. Языки были близкими, что не могло не способствовать взаимопониманию.

Король Альфред Великий (849–901) смог организовать достойный отпор северным захватчикам, в частности, одержав ряд побед на море, но его смерть не позволила закрепить успех. Победители обложили жителей северо-восточной Англии данью.

В описываемых нами исторических условиях возникает несколько слов-понятий, оказавшихся важными в истории английского права и государства. Территория, захваченная скандинавами, получает название *Danelage*, где *Dane – a native or subject of Denmark, in older usage including Northmen generally*[1]. В раннем *OE* периоде слово писали следующим образом: *Denalagu*, оно обозначало *the Danish law anciently in force over that part of England occupied by the Danes*[2]. Смысл закона лежит в установлении единых правил проживания для многих, и англичане могли в этом убедиться воочию. Таким образом, на правах победителей скандинавы обязали местное население жить по тем же правилам, обложили Англию данью, которую англичане должны были регулярно вносить.

---

[1] Урожденный или субъект Дании; позже сюда стали включать жителей Скандинавии (англ.).

[2] «Страна датского права» (англ.) со следующим смысловым расширением: как сильные и потому успешные победители, они установили правила поведения, вернее, привезли их с собой и следовали своим обычаям и законам на захваченных землях.

В дальнейшем возникает версия, которая приобретает патриотический характер: датский налог – *Danegeld/-gelt* (от основы *Dane-* и *-geld*/*-gelt*; на языке северных людей означает *giald*, *gield – payment, tribute*[1] с общим значением: *an annual tax imposed originally to provide funds for the protection of England against the Danes*, *and continued subsequently as the land-tax*[2]). Определенным подтверждением такой версии может служить высокая оценка, данная Вильгельмом Завоевателем, который видел в этом надежное пополнения казны[3].

Насколько основательно осели викинги на северо-востоке Англии, свидетельствует география страны. Множество поселений и городов в этой части государства полностью или частично (отдельные морфемы в словах-гибридах) названы скандинавскими словами.

Насколько глубоко в памяти английского народа оказались живучи те далекие события, говорит название местной травы с морфемой *dane-*: ***danewort*** *– the plants being supposed to spring up in places where Danish blood was spilt in battle*[4].

Завоеватели чувствовали себя вполне комфортно на чужих землях, соблюдая здесь привычные собственные обычаи и законы. Англичане, проживавшие под викингами, по жизни узнали, что ***wapentake*** (*OE* от северного *vapnatak*, где *vapna-* и *-tak – act of taking weapons* (от *weapon-* и *-take*)) – это единица территориально-административного деления земель, захваченных и удерживаемых северными покорителями (близкое к английскому ширу). Эти районы приходились на графства Йоркшир, Дарбишир,

[1] Налог, оплата (англ.).

[2] Годовой налог, который изначально собирали для защиты Англии от викингов (англ.).

[3] Мы уже отмечали, что отдельные события прослеживаются в истории нескольких стран. Такое повторение в большой степени характеризуется закономерностью. Позднее развитие событий, происходящих в Англии в расматриваемый период, будет характерно и для России – так называемое татаро-монгольское иго (с 1242 г. до конца XV в.): русских также обяжут платить дань, но рост самосознания народа и готовность князей бороться за ее освобождение приведут к созданию войска, для чего также будут собираться всенародные средства.

[4] Растения, которые, как предполагают, произрастают в тех местах, где проливалась датская кровь (англ.).

Ноттс, Линконшир, Нортамптоншир, Лестершир, где отмечался большой процент жителей скандинавского происхождения.

Wapentake обозначало старинный обычай скандинавов: по первому сигналу опасности являться на пункты сбора с оружием в руках (универсальная житейская и управленческая тактика многих народов).

Насколько естественно такой порядок жизни воспринимался коренными жителями северных графств Англии подтверждает *OE* язык: все исконные единицы территориального деления страны в рамках своей территории обязательно имели собственный суд (например, графство – суд графства; сотня – суд сотни). Вторым значением данного заимствования является судебное значение: *the judicial court of such a division*[1].

У двух народов отмечена не только языковая близость, но и близость их образов жизни. Приведенные примеры показывают, что общегерманское слово *weapon* по написанию схоже со словом с тем же значением у викингов, что легко проследить на следующем примере. Время от времени оккупационные власти проводят смотр вооруженных сил, что понятно обозначается северным сложным словом со знакомыми компонентами в двух вариантах: в сокращенном – *wappens*(*c*)*haw;* полном –*wappensshawing* (= *weapons-show*). О том, что такие смотры устраивали и коренные английские власти, однозначно следует из пометы ОИС: *a periodical muster or review of the men under arms with in a particular lordshipor district*[2].

Большая часть населения (керлов) находилась на грани выживания. Этому способствовали общежитейские, социальные и правовые причины. Назовем лишь основные из них: социально-политическая нестабильность, частые конфликты и войны между баронами, что приводило к потере урожая и обеднению многих семей.

Бедность как экономическое последствие первых двух причин порождала общую атмосферу неуверенности. Болезнь вла-

[1] Суд первой инстанции (англ.).

[2] Периодический смотр местным вооруженным силам (англ.).

дельца надела, его ранения в многочисленных войнах или гибель, мор скота, нападение грабителей, очередная стычка между враждующими баронами, нападения викингов (датчан) извне – любое из событий становилось обстоятельством непреодолимой силы, которое принимали часто за наказание господне (*Act of God*).

В таких социально-политических и экономических условиях неудивительно и вовсе не парадоксально, что многие выжившие керлы стремились отдать себя какому-нибудь сильному лорду, под его военную и судебную защиту. Они добровольно отдавали ему свою землю, получая ее от него обратно в пользование за обещание лорда защищать. Они работали на своей в прошлом земле, но уже на других условиях (уникальный случай в истории землепользования): в течение определенного времени, оговаривая *условия оплаты* за защиту частью получаемого урожая. Это явление получает название *subinfeudation*. Процесс выделения земли другому мог продолжаться до бесконечности.

Появляется следующие обоснование передачи земли: *sub-conditione – upon condition*[1]. В договоре о передаче земли эта обязательная фраза служила основанием передачи земли и создавала нового владельца (*created an estate upon condition*[2]). Такая практика представляла большую угрозу для распыления земли, а в более практическом аспекте – лишала прежнего лендлорда прибыли в виде ренты.

Статут *Quia Emptores*[3], принятый при Эдуарде I (1239–1307), запрещал такую практику землеоборота, но в эпоху, когда практически единым товаром была земля, запретить ее оборот было невозможно.

По новому закону деление участка на малые части было отменено, но разрешалось полностью или частично продавать участки, закрепляя землю за другим лордом. Таким образом, с одной стороны, статут облегчил отчуждение земли, а с другой – ограничил образование новых поместий (маноров).

---

[1] На определенных условиях (англ.).

[2] Создавались земельные отношения на определенных условиях (англ.).

[3] Букв.: потому что покупатели (лат., на котором принимались все законы на протяжении столетий), имеется ввиду их вассальство.

В целом земля упрочивала и расширяла свой статус универсальной ценности, мерила труда.

Двойственная оценка закона удивительным образом совпадает с двойственной оценкой самого короля: он боролся против мятежных баронов, но в 1295 г. был вынужден собрать так называемый Образцовый парламент, состоящий из баронов.

Так в лоне феодального строя зарождалась новая модель власти, доминантной чертой которой стало уменьшение власти короля, приобщение к власти достаточно широкого среза населения в лице 20 епископов, 67 аббатов (церковной знати), 7 графов и 41 барона (светской знати). Но настоящим образцом для последующих столетий стало присутствие в парламенте двух рыцарей от каждого шира (сельской местности) и двух свободных горожан, представляющих города с самоуправлением.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

3.1. Нормандское завоевание и его правовые последствия

Погружаясь в правовое прошлое Англии, мы находим неожиданные совпадения с современной Россией, которые подчеркивают универсальный характер принципов и этапов формирования права как совокупности законов жизни, определяющих жизнедеятельность разных народов. В 2011 г. в России был принят закон, призванный упорядочить вечернюю жизнь подростков. Исходя из их интересов и их безопасности, он предписывает, что в поздние вечерние часы молодые люди могут появляться на улице только в сопровождении взрослых.

В раннем *ME* обществе действовал аналогичный закон, вошедший в английскую историю под названием закон о комендантском часе (***curfew***). Это важное понятие в системе экзистенции и не только англосаксов, но и других народов Европы.

О том, что слово и понятие *curfew* употреблялось во Франции и Англии свидетельствует факт его подачи в ОИС: с общим значением: *AF coeverfu* (восходит к *OFr covre-feu* (*couvrir* + *Feu-/cover/the feu/the fire*/*bonfire – cover the fire*[1] (в практическом действии: *stamp out the bonfire*[2]).

По сложившемуся обычаю в местах обитания поздно вечером (в зависимости от времени года) в определенный час бил колокол, извещая, что пришло время гасить костры, которые массово использовали для тепла и приготовления пищи. В истории существует множество примеров пожаров, в результате которых сгорали целые города и наносились колоссальные, многочисленные материальные потери, по этой причине существовали жесткие правила пользования огнем.

[1] Затуши огонь (англ.).

[2] Затоптать костер (англ.).

В темноте жизнь замирала, поэтому затушить костер означало прекращение всякой активной деятельности. Такой обычай в целом приобретал социально-правовое значение.

По данным ОИС существовала версия, что запрет на позднее поддержание огня был ввезен в Англию как ограничительная мера Вильгельма Завоевателя, но она едва ли полностью соответствует истине. Такая версия имеет право на существование по той очевидной причине, что оккупантам едва ли нравились сходки местных жителей: в поздние часы мало ли о чем они могли договариваться…

Обращение к истории континентальной Европы дает многочисленные примеры такого же упорядочения всего образа жизни жителей других стран (Испании, Франции и Нормандии), что позволяет считать обычай общеевропейским установившимся правилом-законом, подлежащим строгому выполнению, тем не менее отношение жителей к таким запретам скорее было отрицательным, нежели положительным. Об этом говорит обострение вопроса в 1103 г., когда Генри I, преемнику Вильгельма Завоевателя, пришлось отменить запрет отца.

Понятие *curfew* сохраняется еще столетие спустя, но обозначает нечто другое, а именно: «поздний час вечера»[1]. Логическая связка «поздний час – особый режим поведения» оставалась попрежнему очевидным, что получило правовое закрепление в сознании и жизни каждого.

3.2. Жизнь в ширах

На положении крестьян завоевание Англии норманнами сказалось негативно, как и на положении англосаксонской аристократии, с той существенной разницей, что истребление местной знати стало целенаправленной политикой победителей, в то время как для использования земли по-прежнему требовались рабочие руки простолюдинов.

Увеличилась бедность, понизился правовой статус фрименов. Они несли материальные убытки из-за жестокостей завоевателей,

[1] В значении «поздний час вечера» его неоднократно употреблял В. Шекспир.

которые пресекали всякую попытку сопротивления, сжигали целые деревни. Фримены страдали из-за того, что леса, реки новые хозяева объявили королевской собственностью (***royal forests***), что сделало незаконным лесной, ягодный и рыбный промысел. Законы о лесах (***forest laws***, ***forest regulations***) были драконовские.

Работали специальные суды. «Лесные законы» (***Forest courts***) как родовое понятие предполагало существование нескольких видовых: ***courts of attachments***, ***courts of regard***, ***courts of sweinmote and of justice-seat***[1]. Лесничие обладали большими правами, охраняя не только лесную растительность, но и все виды животных и птиц.

У многих свободных англосаксонских крестьян, обрабатывающих арендованную землю, ее отобрали без какой-либо компенсации и отдали норманнам. Чтобы выжить, крестьяне были вынуждены работать батраками на той земле, которая прежде принадлежала им.

Недоступными стали и речные ресурсы. Рыба принадлежала местным лордам, например, осетр (*sturgeon*) поистине стал королевской рыбой в значении принадлежности королю: *a royal fish thrown a shore or caught was the property of the sovereign*[2]. Причем, как мы отмечали выше, голова считалась принадлежащей королю, а хвост – королеве.

Ухудшилось и общеправовое положение фрименов. Напомним, что состав крестьян в Древней Англии был очень разнообразный: от свободных крестьян до рабов. Между ними находился многочисленный слой крестьян, не державших землю, но в глазах закона они были свободными (*freemen*). Таким образом, в одном человеке произошло такое неожиданное сочетание *несвободы* экономической и *свободы* в специфическом понимании – отсутствии жесткой закрепленности такого человека за местным лордом: явное и правовое и экономическое противоречие. С материальной стороны благополучие такого крестьянина напрямую зависело от местного лорда, но с правовой – он свободный человек, что многое значит в обществе, где были рабы, лишенные всяче-

[1] Несколько разновидностей «природных» законов (англ.).

[2] Пойманная рыба объявлялась собственностью короля (англ.).

ских прав, например, они не могли избираться ни в один местный орган самоуправления, стать членом жюри присяжных; денежной выраженности (что было привычной оценкой жизни человека в те времена) его жизнь стоила гораздо меньше, чем жизнь свободного земледельца.

Завоеватели свели всех в единый большой класс, состоящий из вилланов (***villein***), имевших какие-то права на обработку земли, и коттеров (***cotters***), которые делились на небольшое количество фрименов *(freemen)* наверху и несвободных крепостных (*serfs*) внизу. Таким образом, общество получило жесткое вертикальное социальное и материальное измерение.

Образовался длинный номинативный ряд названий бедняков: *villa*(*e*)*ins*, *vassals*, *dependents* с общим толкованием: *anyone under the power of another*[1].

Рабы оказались вовсе не нужны феодальному строю. Они стали особой кастой несвободных крепостных низшего порядка: их вроде бы «повысили» до уровня крепостных, но при этом материально от этого они ничего не получили.

Все это имело место в реальной жизни: живые люди, отягченные своими проблемами выживания, были больше озабочены предсказанием погоды назавтра и видами на осенний урожай, чем знанием такой тонкой материи, как кто был выше и в какой степени, чем другие. По-видимому, существовала прослойка озлобленных людей, смотревших косо на вчерашних рабов, но свое положительное слово сказала Церковь.

Священники в старых, давно сложившихся приходах призывали к милости в отношении к беднякам, предоставляли им приют, оказывали им помощь. О том, что это по силам монастырям говорят исторические факты: при каждом монастыре был организован приют для нуждающихся, где могли накормить и обогреть. Все это снижало уровень социальной обостренности. Для многих бедняки по-прежнему оставались людьми, с которыми они были соседями, работали на полях и раньше сражались бок о бок на поле битвы.

Прогресс общества особенно заметен в местах наибольшего скопления людей. Веками бóльшая часть населения, занимавшая-

[1] Любой под властью другого (англ.).

ся сельским хозяйством, проживала преимущественно в небольших селениях (***village***). Новое понятие и слово ***manor***, наиболее уместное при анализе феодального общества, строго говоря, уже давно исподволь формировались не только в сознании, но и в реальной жизни английского крестьянина и окончательно вошли в жизнь сельчан после норманнского завоевания.

Манор – владение, находящееся в руках одного лорда, земля и угодья которого являются минимальным феодальным хозяйством как некая хозяйственная/экономическая учетная единица (***agricultural entity***, ***unit***). Как разновидность собственности или имущества определенной ценности манор как владение состоял из двух частей.

Lord's demesne – та часть обрабатываемой земли (пашня), которая принадлежала лорду и реально представляла собой узкие полоски земли, разбросанные среди подобных полос, принадлежащих крестьянам-арендаторам, или (там, где позволяла местность) один большой кусок земли желательно рядом с замком или домом-манором. Как правило, такая земля принадлежала высокому лорду (вплоть до короля).

Градация всех и всего – характерная черта Средневековья. Ниже главных лордов, приближенных короля, которые когда-то получали землю из его рук и назывались по-особому (***tenant-in-capite***, ***tenant-in-chief*** = *major*, *maintenants*, *chief lords*), на социальной лестнице стояли многие промежуточные лорды, например, ***mesne lords*** = по *OE* праву *middle or intermediate lords who held of a superior lords*[1]. Французское заимствование *mesne* означает *intermediate*, *the middle between two extremes*[2].

Вторая часть поместья состояла из полос крестьян, которые пользовались этой землей на условиях ***servile tenure***[3].

Закон обязывал (***to be legally bound***) их обрабатывать эту землю, а в случае побега крестьян насильно возвращали на нее. По сложившемуся обычаю, постепенно переросшему в закон, такая практика землепользования получила название ***custom of the***

[1] Средние по знатности лорды, которые получили эту милость от приближенных короля (англ.).

[2] Среднее между двумя крайностями (англ.).

[3] Крепостной аренды (англ.).

manor[1]. Употребление слов *custom* в значении «закон» неслучайно: обычай как издавна заведенный порядок определял весь образ жизни и ведения хозяйства, что, собственно, и означает понятие закона.

Хозяйственный уклад складывался годами. Перед лордом крестьяне были обязаны отрабатывать два – три дня на его поле (*lord's demesne*); отдавать часть своего урожая и присутствовать на заседаниях суда манора. Кроме этого, они выплачивали так называемые поборы, взносы (***fines***):

heriot, в размере, равном цене лучшего животного на подворье в случае смерти крестьянина, когда его сын наследовал хозяйство;

merchet, сумму, накладываемую на хозяйство в случае выхода замуж дочери хозяина за человека за пределами манора, что практически означало, что хозяин манора терял пару рук в хозяйстве и воина в ополчении. Так как в сельском хозяйстве женщины работали наравне с мужчинами (посевная, заготовка сена, прополка, уборка урожая, выпас скота и многое другое), то за их уход из манора также полагалось оплатить.

Так что вся семья вилана была в цепких руках лорда манора.

Долгое время историки ошибочно считали, что английская деревня и нормандский манор были одним и тем же[2]. Сейчас точно установлено, что это два разных понятия и объекта, а также, что маноры были довольно большой редкостью до 1066 г., то есть до прихода норманнов.

Манор – это единое самостоятельное понятие со своими устойчивыми составляющими: собственностью/имуществом, обработка земли арендаторами по обычаям, освященным феодальным правом. В то время как деревня – это часть земли, на которой могли размещаться несколько маноров. Такова историческая теория – практика жизни порою была другой.

В нормандской Англии некоторые деревни отошли нескольким манорам, следовательно, один манор мог содержать одну или несколько деревень. Два понятия редко совпадали. Были лорды,

---

[1] Обычай поместья (англ.).

[2] См.: *Trevelyan G. M.* Illustrated Englsh Social History: 1. Penguin. 1960. P. 34, 67.

которые отдавали часть своих личных владений другим лордам, свободным крестьянам и даже вилланам, приобретавшим землю в более чем одном маноре, особенно в деревнях, где жили свободные крестьяне и не было лорда.

Как видим, все еще продолжает оставаться изобилие форм сельского труда и форм землепользования.

В дополнение к вариантам, указанным выше, были маноры без той их ранее обязательной части, что мы обозначили как *lord's demesne*; были деревни, где не было вилланов, так как для них отсутствовала работа (***villain service***) – реальная картина на земле была разная.

Отметим, что манорная форма ведения хозяйства на земле не получила широкого распространения ни на севере Англии, ни в западной ее части на границе с Уэльсом, ни в Кенте, ни в восточной Англии, ни в средней части Мидландс. Превалирующей формой сельского хозяйства манор стал на юге Англии в целом и в южной части Мидландс.

В 1066 г. на поле брани под Гастингсом столкнулись не столько два войска, сколько два народа, две культуры. У них было достаточно предпосылок для безболезненного сближения, из которых упомянем лишь явную географическую близость; важный общечеловеческий и чисто психологический факторы, которые заключались в том, что определенная часть придворных английского короля Эдуарда Исповедника большинство времени проводила в Нормандии, да и сам король посещал Нормандию, а также был женат на жительнице Нормандии, что не могло не отразиться на многих аспектах жизни на острове, прежде всего, на многочисленных обычаях и нюансах как придворного быта, так и далеко за его пределами. Посещал Англию и герцог Нормандский.

Устройство общества в Англии отличалось от структуры власти, привезенной в готовом виде из Нормандии. Ярким примером является земельное право, которое было ключевым для того времени. Уловив такую разницу, оккупанты оказались достаточно осторожными и дипломатичными, пойдя на компромисс, чтобы избежать излишней конфронтации: ведь у них также было много знакомых и родственников на английской стороне. Так ожидалось с точки зрения нормальных межличностных

отношений, но особая психология победителя способна изменить человека радикально.

Считая Англию в целом отставшей от уровня развития Нормандии, победители неуклонно гнули свою линию: изменить, поломать старые порядки и всячески, не мытьем, так катаньем преобразовать ее по своему образцу и подобию, чего они в конечном счете и достигли.

Мы далеки от понимания истории как нечто универсального, большого и неделимого, у которого только общие законы и закономерности. У каждого из затрагиваемых народов как части общей европейской цивилизации в его истории достаточно много уникального, что позволяет находить много отличий у народов, проживающих невдалеке друг от друга. Как говорит пословица, что ни город, то норов. История каждого народа – это его судьба, второй не бывает. Только уделяя должное и непредвзятое внимание обеим закономерностям – универсалиям и специфичностям, – можно получить корректную картину развития каждого народа как нации в целом, в том числе в области права и языка.

Тип отношений при феодализме объясняется несколькими причинами как личного характера, так и общественного. Личность Вильгельма Завоевателя весьма противоречива. С одной стороны, он был целеустремленным, системным лидером, реалистом, и потому понимал, что один не сможет управлять чужой страной с враждебно настроенным населением, поэтому ему нужны соратники; с другой – подозрительный, честолюбивый, что во многом обрекало его на одиночество.

Главный источник земли – получение ее за военную службу. Крупный вассал (***tenant-in-chief***, ***tenant-in-capite*** (*L*)), отмеченный особой меткой «получение земли напрямую от короля», должен был помнить, что этот исключительный источник земли не менял правовой формы ее держания: она продолжала принадлежать королю. Конфисковав землю английского короля, его родственников и крупных англосаксонских аристократов и всех тех, кто ему противостоял при Гастингсе или позже восставал против него, новый король делал то же самое, что уже давно существовало в Англии: формировал новый круг состоятельных владельцев новых наделов из своих сторонников. Краеугольный принцип этой кампании заключался в том, что вся земля отныне и навсегда

принадлежит Вильгельму Завоевателю на правах победителя. Поскольку мы уже ввели в описательную парадигму термин «договор/контракт общественный», то продолжим им пользоваться как полезным и информативным инструментальным понятием.

Каждая клятва/ритуальная присяга верности по случаю признания короля своим господином и соответствующего выделения земли с осознанием, что она принадлежит королю, являлась своеобразным договором. Выбор короля в качестве своего первого господина есть акт принятия на себя обязательства следовать королю во всем. В условиях эмоционально заряженного ритуала: при большом скоплении празднично разодетого народа, в присутствии священников, которые проводят службу, при родственниках и гостях, – все это вместе взятое производило сильное впечатление устойчивого образа жизни, всеми принятого миропорядка. Это существенно в правовом аспекте: таким отношениям между королем и вассалами придавалась строгая правовая форма и правовое содержание.

Договор как юридический инструмент имеет характеристики, которые в данном случае соблюдались: две стороны договариваются о своих правах и обязанностях с предусмотренными мерами наказания в случае нарушения договоренности.

По первому кругу, в общем исчислении лично между королем Вильгельмом и крупными новоиспеченными лордами (важно: как светскими, так и церковными!) было заключено около 180 договоров. Со своей стороны они должны были обеспечить короля установленным количеством рыцарей – от нескольких человек до 60–70 (с крупного земельного надела).

Расчет прагматичного короля был прост: его не беспокоило, сколько человек получили землю, а волновало лишь количество рыцарей. По его стратегическим подсчетам для достижения его амбиций ему требовалось порядка 5 000–6 000 хорошо обученных и вооруженных рыцарей.

Процедура передачи земли проходила по той же схеме, что и в Нормандии, но по более жесткому варианту: размеры участков выделяемой земли были меньше, а количество рыцарей, которое надо было выставить с каждого надела, – больше. Так, в правовом отношении с самого начала английский вариант феодализма уже приобретал отличия, что объяснялось тем, что, во-первых,

была страна, король которой не сдержал своего данного обещания завещать корону Вильгельму, что уже толкало его на большую жесткость; во-вторых, народ этой страны оказал упорное сопротивление как на поле главного сражения при Гастингсе, так и на пути войска Вильгельма на Лондон и позже.

Воинская повинность отвлекала крестьян от сельских работ: в течение 40 дней рыцари должны были ежегодно собираться в определенных тренировочных военных лагерях и проходить военную (пере)подготовку, отрабатывая взаимодействие в рамках единого войска. Такое воинство получило французское название ***host***, в отличие от народного ополчения в старой Англии – ***fy*(*o*)*rd***.

Host (*OFr – ost*, *host*, *hoost*) – *army*; *hostem*/*hostis* (*L*) с его первым значением «враг», «противник» (*stranger*, *enemy*).

Отдельный составной признак «в большом числе, количестве» отделился и стал обозначать *a multitude*, *a great number of*.

Производное *hostile* с исходным значением *of*, *pertaining to*, *or characteristic of an enemy*[1] стало означать *unfriendly*, *adverse*, *antagonistic*[2].

Существительное *hostility – the state or fact of being hostile*[3], а также *hosting* – с двумя значениями: *the raising of a host*, *or armed multitude* и *hostile encounter*[4].

В конце *ME* периода слово *host* в значении «армия» вышло из активного употребления, как и древнеанглийское слово *fy(o)rd*. Таким образом, судьба как исконных, так и заимствованных слов в данном значении одинакова: они остаются в прошлом. Это общий закон, которому подчиняется исконная и заимствованная лексика.

На смену первого французского заимствования *host* пришло слово второго слоя французских заимствований – *army*. О ментальной/ассоциативной связи обоих французских заимствований сейчас говорит разве что их дефиниция. Слово *host* оставило свой след в английском языке и менталитете: в исторических словарях

[1] Типично для врага (англ.).

[2] Противник, неприятель (англ.).

[3] Враждебность – быть недругом (англ.).

[4] Состояние враждебности, столкновение с противником (англ.).

слово *army* объясняется через *host* в его исконном значении «большое количество людей (с оружием)»: *army – a vast assemblage*, *or a host*.

У слова *host* были производные, сложные слова, что однозначно дает право толковать его как активную часть единой общеанглийской языковой системы, и каждое производное понятие – неотрывная и естественная часть складывающегося менталитета того времени. На этом языковом и ментальном фоне заимствованное слово выглядело барбаризмом, чуждым по звучанию и смыслу. У него нет производных образований: оно замкнулось, закрылось на себе, как моллюск, и в этом, как правило, и заключается принципиальная разница между исконными словами и словами заимствованными.

В правовом отношении принципы комплектования войска в *OE* и после завоевания ее Вильгельмом I резко отличаются: долг каждого англичанина в старой Англии осознавался как святая обязанность, переходившая от предков к сыновьям и внукам *vs* жесткий указ выставлять определенное количество мечей на основании холодного математического расчета: чем больше берешь земли, тем больше воинов выставляешь.

Обязанность лорда поставить королю оговоренное количество рыцарей подлежала абсолютному исполнению. Существовала продуманная система наказаний неисполнительного барона. При заключении договора в нем особо присутствовали некоторые оговорки, которые в первоначальном договоре получили название ***feudal incidents***[1], определенным образом защищавшие короля и крупных лордов. Они стали неотъемлемой частью английского феодализма.

Feudal incidents

1. ***Relief***. Земля вассала, который получил ее лично или напрямую от короля за военную службу, практически была наследуемой. Такой принцип выстраивался на простом, но безотказном житейском расчете: как вассалу и его детям земля нужна была всегда, так и королю и его детям всегда нужны были васса

[1] Особые или дополнительные льготы лорда-арендодателя (англ.).

лы для обработки земли и воины для ее защиты. Казалось бы, вассал был заинтересован соблюдать свое обещание, чтобы продолжать пользоваться землей. Обе стороны нуждались друг в друге – это было основной причиной необходимости, *condition sine qua non*, друг в друге – и онтологически, и в результате здравого размышления.

На практике эта теория четко не работала: например, смерть вассала приводила к окончанию пользования землей, и король мог ее забрать. Как же быть с долгосрочными интересами короля? Что же происходило в реальной жизни? Не нами сказано, что у сильного всегда бессильный виноват. Наследник должен был внести королю плату (*relief*), которая присоединялась к обычной оплате земли.

Король требовал, чтобы надел (*fief*) не подвергался дележу, и тогда за поставку нужного количества воинов отвечало одно лицо. Причина была проста: так было проще контролировать землю и количество направляемых ему рыцарей.

2. ***Primogeniture***. Важнейший вопрос для землевладельца/землепользователя – наследование земли, тоже решался не просто. У завещателя могло быть несколько детей. По правилам (читай: по закону о наследовании земли того времени) земля передавалась только сыновьям, а из сыновей, естественно и понятно, – старшему.

В пользу такого принципа работало житейское онтологическое соображение: старший сын – первый помощник и заместитель отца; в течение своей взрослой жизни он успевает вложить в хозяйство максимальное количество усилий. В силу этого житейского опыта передача земли младшему представлялась нецелесообразной и несправедливой. Данный принцип наследования получает название *primogeniture*.

Primogeniture – заимствование из латыни: *primo-* (в значении – *first*) и *-genitura* (в значении – *born*), несло следующее давнее и потому устойчивое правовое знание: *the right of succession or inheritance belonging to the first-born*[1]. Это – древний обычай, правило, закон, которому следовали многие народы. Как отмечает Дж. Фрэзер, практически всем древним племенам свойственно

[1] Исключительное право перворожденного (англ.).

особое почитание старшего сына в семье. Так система первородства является господствующей: именно старший сын наследует землю и звание вождя. После смерти отца его имущество распределяется между наследниками, причем большая и лучшая доля достается старшему, или первородному сыну.

Жизненный опыт и человеческий разум говорят, что при наличии в семье нескольких сыновей судьба наследства может быть решена несколькими способами, а именно:

– все имущество переходит к старшему сыну (с приведенными выше соображениями);

– наследство получает младший сын: он наименее адаптированный к выживанию самостоятельно, следовательно, ему стартовый капитал необходим больше всех;

– наследство может быть поделено между сыновьями в равной или разной пропорции.

В феодальное время вопрос о наследовании земли решается в ракурсе еще одного важного соображения: *the whole of the real estate*[1], то есть без права деления между несколькими наследниками, как принято сейчас говорить, наследственной массы.

Человек постоянно думает, взвешивает альтернативные факты и варианты, поэтому всегда в лоне старого порядка зарождается, а потом начинает реализовываться и другое новое соображение, ранее недопустимое. Назовем его семейным, или родительским сомнением: младший сын самый последний, самый слабый, поэтому наиболее нуждался в помощи и опеке родителей, в том числе в обеспечении источником существования, в то время как старший сын получал житейскую, хозяйскую и военную закалку еще при живом отце.

3. ***Primerseizing*** (в *OE* праве – *the right which the king had when any of his tenants died seized of a knight's fee*)[2]. Очень востребованная наука, назовем ее «Теория и практика экзистенции человека» гласит, что при наличии двух сыновей в семье, можно было разделить землю на два равных или в какой-то пропорции два разных надела, но … все решала многовековая традиция

[1] Вся недвижимость (англ.).

[2] Право, которым владел король в случае смерти одного из его арендаторов (англ.).

и удобство короля: с фиксированного участка земли он ожидал фиксированное количество воинов.

Действенная мера воздействия на вассала, не выставившего требуемое количество рыцарей, получает название *primerseizing*. В соответствии с законом Древней Англии, это право короля получить с наследника земельного надела после смерти отца годовой доход в полном исчислении. Как часть феодального земельного закона положение вступало в силу при условии полнолетия наследника. Этот факт еще раз свидетельствует о заботе о правонаследниках, так как нормальное функционирование системы землепользования предполагает достаточное благополучие арендодателя и арендатора.

Другим примером подобной заботы является закон об опекунах, принятый при Генрихе VIII (подробнее – см. в гл. V. Зачатки трех ветвей власти, п. 5.4. Судебная власть в действии, 5.4.1. Закон о сиротах). Англия предложила и практически использовала свой принцип наследования имущества (как правило, земли) под названием ***English borough***.

Общегерманское слово *borough* в *OE* имело формы *burg*, *burh* (от *burgh* – (*scot.*)) и изначально обозначало самое общее, даже примитивное жилье (*a shelter*), в дальнейшем: *a fortified town – a town possessing municipal organization – a town which sends reps to parliament*[1].

Слово становиться частью многочисленных демократически отмеченных составных терминов, многие из которых стали достойными вехами на пути к самоуправлению и участию в управленческих новациях:

burgh-bote/(*OE*) *burh-mot – a tax for the repair of fortresses*;

burgh-breche/(*OE*) *burh-bryke – burglary*;

borough-moot/(*OE*) *burh-gemot – the judicial assembly of the borough*;

borough-folk/(*OE*) *burh-folc*, *burh-were* (ед. ч.), *burh-weren* (мн. ч.) – *the people of the town*[2].

---

[1] Город, который посылает в парламент представителей (англ.).

[2] налог на ремонт крепостей;
бэрглари;
управленческий орган самоуправляемого города;
жители города (англ.).

Словосочетание *English borough* образовано по французской модели *NA* от *A–Fr tenure en Burgh Engloys – tenure in an English borough: a custom in parts of England, by which the* ***youngest*** *son inherits the lands and tenements*[1].

При интерпретации терминологии определенную сложность представляет деление терминов на первичные и вторичные, или центральные и периферийные. Понятие, выражаемое каждым термином, по глубине спроецированного в нем смысла может быть более или менее сложным, и тогда сложный термин, представляющий наибольшую смысловую сложность для интерпретатора, необходимо расколоть (в значении *to split into smaller meaningful units*[2]) с конечной целью добраться до самого простого/понятного признака или качества значения.

Перед тем как толковать условия передачи земли кем-то кому-то, необходимо уточнить: кто в соответствии с логикой феодальных отношений является ее первичным хозяином? В этом контексте мы считаем важным смысл латинской максимы *beati possidentes*[3], то есть владение вещью/товаром/предметом, хотя и не связанное с правом собственности на них, само есть несомненное благо. Человек как существо разумное понимает это и поступает соответственно: берет с определенными условиями данную вещь, товар, услугу.

В представленном толковании римского принципа имущественного права следует внести уточнение следующего терминологического характера. Право толкует, что вещью можно владеть, иметь и распоряжаться. В данном случае более точно будет буквальный перевод-калька «блаженны имущие».

Мы уже отметили, что нормандский король присвоил себе право первовладельца всех земель в побежденной стране по твердому основанию, освященному логикой того времени: по праву победителя, – это остается самым глубоким принципом землевладения в Англии. Награждая вассала за его, прежде всего, военные услуги, король милостиво дает ему землю, однозначно давая понять, что земля королевская и в случае ошибки со стороны

[1] Обычай в части Англии завещать наследство младшему сыну (англ.).

[2] Превратить в маленькие значащие части (англ.).

[3] Букв.: блаженны владеющие (лат.).

вассала может быть изъята ее, ибо единственным реальным хозяином является король.

Во время войны, военных походов успех и достижение победы зависят от надежности и выучки войск под началом короля. Перипетии военных кампаний стремительные и непрогнозируемые даже очень талантливыми военачальниками. Успех кампании зависит от каждого воина. Воин требовал и ожидал услуг в ответ, опять же в соответствии с принципом справедливости того периода, *qui pro quo* как постулат римской цивилизации или в английском менталитете – *scratch my back, and I'll scratch yours*[1] – равнозначная просторечная английская формула с понятными образами для простого англосакса.

Наделение землей вассала было красочной и яркой церемонией, названной *investiture – a ceremony which accompanied the grant of lands*[2]. Церемония состояла из выдачи патента на землю в присутствии других рыцарей (что было весьма важным фактором). Во времена начала грамотности людей, умеющих писать и читать, было немного даже среди людей богатых, поэтому присутствие публики служило заверением, страховкой самого акта вознаграждения – передачи земли. Все присутствующие выступали в роли гласных свидетелей награждения землей. Но человек смертен, и количество свидетелей дара земли неумолимо сокращалось, а король волен и вероятно склонен интерпретировать многие такие дары в своих интересах.

Слово *investiture* изначально употреблялось в церковном подъязыке с основным и дополнительным смыслом «производство в высокий церковный сан». Это не просто публичное подтверждение производства нового епископа, но оно еще несло и дополнительную информацию: на такой торжественной церемонии обязательно присутствовало церковное лицо более высокого духовного сана (архиепископ), что само по себе являлось дополнительной гарантией рукоположения епископа.

Каждый день жизни преподносит человеку незабываемые уроки, заставляет его думать, сопоставлять и делать выводы.

---

[1] Окажи услугу мне, а я – тебе (англ.).

[2] Торжественная церемония, которая сопровождала выделение земли (англ.).

Житейский урок наделения землей связан с возможными превратностями получения королевской милости: проходит опасность, победа достигнута, и человеческая благодарность тает на глазах. Срабатывает главное правило: королю можно все, в том числе изменить свое слово, и в таком случае он прав, потому что *the king could do no wrong*[1].

В приведенных примерах мы выделяем основное – онтологическое и общечеловеческое – начало, которое нашло прямое отражение в праве, в частности, в наследственном праве.

В первых сохранившихся завещаниях содержатся подписи нескольких лиц, свидетельствующих, что зафиксировано в документе. С течением времени наблюдалось сокращение количества свидетелей до минимума, скажем, до двух. Последние завещания предполагают только одну подпись – нотариуса. При этом сам конструкт завещания как результат жизненного опыта и работы сознания остается в силе до сих пор.

Таким образом, развитие данного института шло от толпы свидетелей в формате церемониального шоу (наиболее ранний пример – присутствие всего рода при получении имущества по наследству) до подписи одного свидетеля, но сам институт свидетельства сохраняется.

Человек рано осознал необходимость упорядочить свою жизнь как индивида, семьянина, члена общества и владельца собственности. Первые законы были максимально связаны с физическими качествами человека как части природы – силой, скоростью, ловкостью. Потом они стали более умозрительными как продукты мысли и сознания.

История демонстрирует огромное количество примеров, которые позволяют утверждать, что слово короля как главного рыцаря, то есть носителя главных добродетелей, среди которых, конечно же, честь и честность (ведь он – представитель бога на земле!), – может перечеркнуть обещанное или однажды сделанное. Сюзерен проявлял гибкость: в зависимости от степени вины лорда он мог удерживать его собственность пока не будет погашена, например, задолженность по выплатам в казну его наследниками или родичами.

[1] Король поступает лишь благородно (англ.).

4. ***Escheat***. Если семья почившего вымирала, а во времена частых эпидемий это случалось нередко, то земля возвращалась к королю. Такая практика возврата земли первовладельцу получила название *escheat – a reversion of land to the king in consequence of a want of any individual competent to inherit*[1]. Слово пришло из французского языка, где оно в феодальном праве означало такое правовое положение, когда у владельца земли по его кончине не было наследника, и земля возвращалась к первому лорду. Вассал не мог продать свой надел другому лицу, так как требовалось разрешение короля; а в случае королевского согласия необходимо выплатить королю определенную плату. Таков был обычай-закон, установленный или вернее привезенный из Нормандии.

5. ***Forfeiture***. Наибольшей провинностью вассала был отказ нести воинскую повинность или другое нарушение договоренности с неминуемым наказанием со стороны короля – лишение надела. Это передает слово-понятие *forfeiture*, изначально имевшее терминологическое значение в семантическом поле религии – *transgression* (грех). Оно, как и его ближайший синоним *sin* (также из семантического поля религии), первично означало *a violation of the divine law*, *an offence against God*[2]. В дальнейшем за счет сематического расширения оба слова получают переходные значения: *a violation of some standard, feeling faulty or wrong*[3], то есть в религии – грех, за ее пределами – проступок, в области суда и права – правонарушение, преступление.

Итак, в производном правовом поле такое нарушение означает *crime*, *offence*. Многие правовые термины пришли из подъязыка религии.

Все положения (*feudal incidents*) были составными частями большого земельного законодательства, которое частично закладывалось в Англии до нормандского завоевания и частично привезено победителями.

Вильгельм Завоеватель и его сыновья укрепили власть монарха, активно участвовали в разработке системы власти. В этом

---

[1] Возвращение земли королю в случае отсутствия законного наследника (англ.).

[2] Нарушение божественного правила, нарушение воли Бога (англ.).

[3] Нарушение установленной нормы, чувство вины (англ.).

плане им значительно повезло, что они вступили в управление государством, основы которого уже были твердо заложены предшественниками – английскими королями. Главное и ценное наследство, им доставшееся, состояло в том, что значительная часть Англия была политически и территориально едина. В королевском доме присутствовали все составляющие будущего государственного аппарата в английском варианте: управленческие палаты (***chambers***), суд лорда-канцлера (***chancery***), то есть были заложены и получали определенное развитие законодательная, исполнительная, судебная власть и основы любой государственности – финансово-налоговая система.

Начнем с последнего компонента государства – бюджета. Вильгельм I понимал первостепенность бюджетной политики для государства. Первое, что он захватил, прибыв в Лондон на коронацию, – казначейство в той форме, какой он его нашел. Напомним, что наиболее беспокоящим артефактом казны английских королей оставался так называемый «датский налог». С государственной точки зрения Вильгельм I оценил то, что налог собирали в границах всего государства, поэтому в королевских палатах (*chambers*) работали люди, имевшие опыт в управлении финансами в рамках страны.

Государство эффективно управлялось (*chancery*), этому способствовало наличие опытных людей, отвечавших за разные аспекты управления страной (***clerks***), указы короля (***boks***/***books***, ***charters***, ***writs***, ***bills***), оформленные печатью (***royal seal***). В зависимости от значимости документа это могли быть Большая или Малая печати (***Great Seal***, ***Small Seal***), достоинство которых состояло в том, что их знали и признавали в качестве подтверждения высшей власти.

Вся территория страны была поделена на управляемые подразделения, среди которых назовем *shires*, *lordships*, *wapentakes*, *hundreds*, *wicks*, *wards*[1].

Страна явно приобретала не только географическую и административную, но и *государственную* конфигурацию. Складывалась четкая картина: вся страна делилась на определенные терри-

[1] Ширы, области, округа, сотни, особые территории, городские подразделения (англ.).

ториально-административные единицы в управленческих, финансово-налоговых, военных, судебных целях, что придавало жизни характер устойчивости и надежности.

В графствах (*shires*) действовали местные суды (*shire courts*, *county courts*, *sheriff courts*, *tourn courts*, *hundred courts*)[1] со своими юрисдикциями, то есть каждая территориально-административного единица страны имела свой суд (в рамках всей страны), что облегчало обращение граждан. О доступности суда говорят языковые средства: хорошо известные, бытовые слова обогатились еще одним значением: обратиться *в суд*; подать (иск) *в суд* (от просторечных в специфическом значении – *to go to court*, *to turn to court* – до строго правовых маркированных как термины – *to institute a legal procedure, to prosecute*).

Связующим звеном между центром и периферией власти был шериф (*sheriff*). Дипломатически и политически Вильгельм Завоеватель поступил дальновидно: приняв прошлое, он выполнял свои обязанности короля как наследник Эдуарда Исповедника, сохраняя основные англосаксонские законы и институты.

Важно отметить, какую цель правления видел Вильгельм Завоеватель. Идеалом нового короля было сильное англо-нормандское государство, в котором англосаксы и норманны служили бы ему. В первые годы после завоевания он стремился объединить интересы двух таких разных народов: покоренного, который не смирился с нормандским игом, и народа-победителя, представители которого являлись реальной властью, прибравшей к рукам все то, что принадлежало проигравшим войну. Понимая, что примирить две крайности – народ у власти и народ без власти – очень сложно, он осуществил крупные изменения и нововведения в управлении страной.

Заимствования из англосаксонского опыта были многочисленные. Есть подтверждения, что управленческий состав из исполнительного ведомства английского короля продолжал исправно работать и при Вильгельме I, перейдя к нему на службу. Первые распоряжения, указы нового короля делались в традиции англосаксонских королей и по-прежнему назывались ***writs***. Лишь годы спустя по языку и стилю они стали французскими, но вна-

[1] Суды манора, суда графства, суды сотни (англ.).

чале их издавали на латинском языке. Итак, в начале правления король принял структуру и язык ритов: ему очень понравилась идея всеобщего налога и еще больше – практика его внесения. Он не только не отменил его, но поднял в три раза. Увидев в шерифах необходимую поддержку королевской власти в графствах, он увеличил их роль и расширил функциональные обязанности.

Приняв права и прерогативы английских королей, Вильгельм I породил новые права короля как высшего лорда всех вассалов. Сочетание короля-суверена в традиции англосаксов и сюзеренная власть главного феодального лорда *a la Normandie* пришлись новому королю по вкусу. Это означало заставить англосаксов служить своему королю через принесение клятвы верности, которую торжественно давали нормандские феодальные вассалы их господину.

Традиция формирования народного ополчения (*fyrd*) сохранялась, постепенно становясь частью феодальной армии.

Англосаксонские источники финансов по-прежнему хорошо работали, но король заручился и новыми королевским льготами (*feudal aids*) и подношениями вассалов (*incidents*).

Сохранив на местах принципы народного правосудия в таком же виде, в каком они применялись в судах сотни или в судах широв (*shire courts*, *hundred courts*), король усилил их институтами феодального правосудия (*feudal justice*).

Все вместе взятое утверждало в народе идею, что законный король, получивший корону по наследству, – помазанник Божий: он уже не мог быть просто человеком, а становился богоподобным и святым существом. Вильгельм I всячески способствовал тому, чтобы это пустило глубокие корни в сознании подданных.

Помимо договоренностей с очередным получателем земли король мог рассчитывать на некоторые дополнительные вознаграждения и оплаты со стороны вассалов. Такие формы владения землей, как ***frank-fee*** – ***freeholdlands***, ***frank-ferm***, ***frankfold***[1], примечательны тем, что связаны с овцеводством и предполагают право лендлорда на держание на своей земле овец арендатора с целью улучшить урожайность своей земли.

[1] Разные формы свободного – каждый раз с определенными ограничениями – держания земли (англ.).

Держание земли мужем и женой было достаточно развитой формой землевладения. Об этом свидетельствует следующий чисто правовой факт: существовал особый *OE* закон (*frank-marriage*), который устанавливал правила пользования землей семейной парой. Если земля должна была отойти жене поденщика, то король терял воина. Чтобы не происходило сокращение войска, королю, естественно, надо было оговорить особые условия наследования. Также что-то надо было делать со вторым (возможным) браком, ибо новый избранник мог не быть в состоянии нести (выполнять) военную отработку, или женщина могла выйти замуж за противника короля. Было предложено весьма оригинальное решение: король брал на себя ответственность подыскать мужа для наследницы земли.

Невозможно все просчитать так, чтобы в выигрыше всегда оставался только один человек. Мало было подыскать мужа – надо было, чтобы он соответствовал как интересам короля, так и интересам женщины.

Напомним, что люди рано поняли, что безопаснее и выгоднее держаться вместе, помогать друг другу при обработке земли, выпасе скота и в случае защиты от врага и от диких животных.

На удобных землях создавались места оседлого проживания. По мере увеличения количества населения деревни перерастали в города, маленькие города – в большие. Это служило толчком и стимулом к развитию ремесел и промыслов. Так становилось на ноги сельское и городское хозяйство (потом это будет обозначено понятиями «промышленность» и «сельское хозяйство»).

Разные по размерам места проживания называются разными языковыми средствами. Развитие культуры шло от сельской/земледельческой к городской (сначала ремесленной, потом промышленной) среде.

Расширялось понятие «образ жизни». Если на земле сложился свой уклад жизни, то в городе с его спецификой, с его новыми востребованными ремеслами складывался собственный бытотип/архетип. Все это неизбежно влекло много вариантов поведения. Отсюда – самые разные названия разных сред обитания человека в Англии, каждое со собственным образом жизни и представлением об окружающем мире и своем месте в нем. Отсюда – длинные номинативные ряды названий селений и городов.

Так случилось, что Англия – страна, где права человека/личности были обеспечены раньше и полнее, чем в других государствах. Во многом это объясняется особенностью ее исторического развития.

Вся политическая история Англии представлена многовековой борьбой английского народа с королевской властью, борьбой, в которой народ постоянно, шаг за шагом, обеспечивал себе гражданскую и политическую свободу и власть.

Первые наиболее значимые письменные законодательные акты, которые должны были гарантировать права личности, относятся к XIII в., времени правления короля Иоанна Безземельного (1199–1216), брата короля Ричарда I Львиное Сердце.

Население Англии видело Ричарда I несколько месяцев за весь срок его правления (1189–1199), так как свое царствование он провел в крестовых походах и войнах с Францией. Увлечения своего короля народ Англии оплачивал огромными налогами. В стране нарастало возмущение.

После смерти Ричарда I войну продолжил новый король – Иоанн, получивший нелестное прозвище Безземельный. Его военные действия заканчивались одним поражением за другим, он терял владения во Франции, при нем же была потеряна Нормандия, за что он и получил прозвище Безземельный (*Landless*). Неудачи в войне, постоянная нужда короля в деньгах для ее продолжения привели к обострению отношений короля с английским народом: население перестало платить налоги, против Иоанна поднялись бароны, рыцари, горожане. Казна опустела, и, оказавшись в безвыходном положении, король был вынужден согласиться на все требования возмущенных баронов.

Результатом компромисса между двумя сторонами стала Великая хартия вольностей (1215), своеобразный фундамент, на котором впоследствии созидалось здание английского гражданского общества и правового государства. В документе впервые был закреплен в законодательном порядке *принцип гражданской свободы*, который провозглашала ст. 29 документа, написанного … на латинском языке!

Мы уже отмечали превратности значения слова «свобода» в то время. Именно в этом документе провозглашался новый, неслыханный ранее, *принцип установления налогов королем только*

с согласия налогоплательщиков. В правовом отношении ссылка на решение *равных ему лиц* стало одним из ключевых принципов правосудия раннего времени.

Первые годы после нормандского завоевания являются наиболее контрастными по сравнению с традиционной жизнью в последние годы накануне завоевания: это два самостоятельных периода в истории страны во всех аспектах – от государственной политики до ежедневной жизни.

В англосаксонские времена оплотом страны и базовой основой государства была деревня (*village*). Здесь необходимо отметить одну из основных языковых сложностей описания английской реальности в период крутого перелома всей истории страны, а именно: на смене периода Древней Англии, или Англии англосаксонской, с одной стороны, и собственно средневековой Англией, после нормандского завоевания, с другой. Такое строгое деление ее истории в практических житейских терминах, по-видимому, крайне затруднительно.

Жизнь, или существование государства, даже такого небольшого, каким была Англия без присоединения Уэльса, Шотландии и Ирландии (в разных исторических эпохах) и к тому же еще находившегося только на пороге создания единого централизованного государства, является неразрывным потоком с незначительным контрастом между вчера и сегодня. Такой вывод должен быть сделан в свете особых отношений, которые давно существовали между Англией и ближайшим южным материковым соседом – Нормандией.

Особые отношения проявлялись на нескольких уровнях жизни: как на верхах, так внизу, то есть в народе. Приведем лишь несколько примеров. Норманны привезли новый уклад жизни для сельских жителей (а их было большинство). Если битва при Гастингсе закончилась военной победой норманнов над англосаксами в течение суток, то для изменения уклада жизни потребовалось гораздо больше времени.

Англосаксонские бароны не могли смириться с поражением и, воспользовавшись тем, что герцог на какое-то время вынужден

был вернуться в Нормандию, организовали мятежи и восстания. Срочно вернувшись, Вильгельм Завоеватель жестоко подавил их, особенно на севере страны. О степени жестокости свидетельствует тот факт, что почти 20 лет спустя при проведении первой переписи и учета хозяйств северных широв королевские учетчики помечали «сметены с лица земли».

Английский историк Г. Т. Уорнер называет восстания бесполезными. По его словам, они лишь завершили то, что произошло на поле боя в 1066 г.: окончательно оформили власть герцога в Англии[1]. Земли повстанцев конфисковали и использовали для награждения сторонников нового короля. Землевладельцев обложили дополнительными штрафами, и те дали своеобразную подписку, подтверждая очевидную для победителей истину: вся земля принадлежит королю, а они лишь являются его верными вассалами, которые обязаны служить королю. Так утверждалась феодальная система в Англии, основные черты которой оказались гибридными: собственно англосаксонскими и нормандскими, что, прежде всего, означает: история земной цивилизации развивается по своим законам.

Основой феодальной системы стала мысль, которая складывалась и была понятной в англосаксонской Англии: владея землей, человек выполняет определенные права и обязанности. Простые люди понимали это буквально: каждый должен иметь своего господина/лорда, под защитой которого он находится. Связь между простым держателем земли и его непосредственным господином была не только прочной и обязательной, но и подкреплялась тем, что существует еще и Главный Господин в лице короля, который является хозяином всей земли.

[1] См.: *Warner G. T.*, *Marten C. H. K.* The Groundwork of British History. London. 1929.

ГЛАВА IV. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ОСНОВА АНГЛИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА

4.1. Система землепользования после нормандского завоевания

Из всех вожделенных благ и источников существования первое место занимает *земля*. Фактическое разделение населения на богатых и бедных уже произошло, и все воспринимали создавшееся положение нечто как само собой разумеющееся: землевладелец владеет землей, ее у него столько, что для обработки он нанимает более бедных. В отличие от землепользования в первобытно-родовом обществе с его принципами владения землей всеми, складывается новый тип хозяйствования. Получив землю от богатого землевладельца, вассал вступает в качественно новые отношения с арендодателем.

Феодальный земельный закон основан на особом понятии, которое обозначается несколькими языковыми средствами, одно из которых получает название ***liege*** (*OFr – lige, liege*) – *bound in allegiance to the lord paramount*[1].

Семантическая история слова *liege* остается неясной. По всей вероятности в *OHG* имелось соответствие *ledig*, означавшее «свободный» (*free*), что при устойчивом смысловом наполнении слова *vassal* означало *bound to render feudal allegiance and service*[2]. Попытаться примирить контрастные смыслы «вассал» и «верность» можно только в понятийном контексте того времени: каждый лорд одновременно был хозяином земли и вассалом более высокого лорда; перволордом оставался лишь король.

Многочисленные контексты с составным термином «лорд-вассал» (*liege-lord*) однозначно подтверждают это: типичны контексты со значением *bound in allegiance to the lord Paramount*[3].

---

[1] Связан клятвой верности с главным лордом (англ.).

[2] Обязан оказывать феодалу верность и услугу (англ.).

[3] Быть верным главному лорду (англ.).

В жизни понятие «верность» получает следующее значение: ожидается, что верным может быть вассал своему лорду (***liege lord*** *– a lord or ruler* ***to whom*** *others must give* ***loyalty and service***; ***liegeman*** *– a man or servant* ***who*** *must give* ***loyalty and service*** *to his lord*[1] как еще одно название вассала). Верность и служение слуги господину первого уровня, верность и служение господина первой степени господину второй степени – и так ниточка подчинения идет выше, до самого короля.

В английском языке существуют слова, без употребления которых невозможно раскрыть систему общественных отношений, выражающих суть феодализма. Эт о своеобразные слова-маркеры эпохи, которые наиболее экономно и точно передают ее суть: ***to bind***, ***bondage***[2].

Если вассал не выполнял свои обязанности, не служил королю верно, то его земля изымалась. Между лендлордом и арендатором выстраивались особые отношения, суть которых заключалась в полной доминации господина над слугой[3]. В английском языке такую степень зависимости арендатора от владельца земли, закрепленную клятвой, передают несколько языковых средств: глагол ***to bind***, производное имя существительное ***bondage***, связь и зависимость вассала от господина – ***bond*** и ***liege*** (*bound by a feudal tenure*[4]).

Через представленное противопоставление, явные противоречия и контраст складывалась единая культура земледелия не как научная абстракция, а как проживание многих людей в рамках одного населенного пункта, то есть то, что потом станут называть общественно-политической, правовой и культурной средой британского народа (***neighborhood***, ***community***, ***society***).

Парадоксально, но факт: в каждую эпоху земля, леса и пастбища уже кому-то принадлежали. На первых порах их владельцы хотели получать вознаграждения за пользование ими в самых

---

[1] Работник или слуга, который должен быть верным лорду и служить ему (англ.).

[2] Принадлежать и служить лорду (англ.).

[3] В русском языке такого рода отношения обозначаются словом «крепость», что в словаре В. Даля кратко поясняется через производное понятие «крепостной/крестьянин».

[4] Быть связанным феодальной зависимостью (англ.).

разных формах, а потом только в деньгах, что принесло простым людям новые тяготы.

Общинные пастбища привлекали. Они были нужны не только бедным селянам для своих ежедневных нужд, но и быстро стали предметом вожделения людей состоятельных. Богатые и образованные скоро смекнули, что земля скудеет, урожаи падают, поэтому доходы сокращаются. В это же время как внутреннем, так и внешнем на рынке растет в цене овечья шерсть. Таким образом логично, что нужны овцы, а не поля.

Первоисточники свидетельствуют, что во многих графствах мировые суды XVI–XVII вв. завалены жалобами бедняков: богатые занимаются самозахватом общинных земель, пригодных для выпаса овец. В это же время звучит знаменитое высказывание Т. Мора: "*The sheep have devoured the people*"[1].

Для многих людей полностью изменился образ жизни – происходил решительный поворот от земледелия к овцеводству.

Жизнь припасла мощный рычаг для формирования новой производственной парадигмы и обозначала новым словом-понятием «огораживание» (***enclosure***, на базе хорошо известного бытового слова *to enclose* – «огораживать»), производным именем существительным, давшим название нового направления в экономическом и правовом развитии страны.

Производное слово образовано от глагольной основы *enclose-* при помощи приставки *en-* и основы *-close – to enclose* (в двух формах *en-*/*in-*, причем британцы предпочитают приставку *en-*, что означает активное действие – *to surround so as to bar ingress or egress, to fence the common land*[2]). Так начинается процесс, который многие историки считают одной из причин английской революции 1642 года – *the action of enclosing, the action of surrounding* ***common land*** *(the land belonging to all) with a fence*[3]. В дефиниции нами выделено очень важное в правовом отношении сочетание *common land*[4].

---

[1] Овцы съели людей (англ.). (См.: *More T.* Utopia. Moscow. 1997. P. 17).

[2] Окружать общинную землю забором (англ.).

[3] Захватывать общинную землю как принадлежащую всем путем ее изоляции, обнесения заграждениями, превращая в частную собственность (англ.).

[4] Общая земля (англ.).

Мы подчеркивали важность некоторых общежитейских понятий и тех языковых средств, с помощью которых они получали материальную выраженность и становились понятными для других. Одним из таких слов является ***common*** как самостоятельно, так и часть многих ключевых названий, обозначающих многие доминантные понятия в английском праве. Среди них приведем лишь некоторые, насыщенные правовым содержанием:

the common law (*the prevalent law in the country compulsory* ***for all***);

the common law court (*the court procedure to be followed* ***irrespective of the material status of the parties to the dispute***);

the common land (*the land belonging* ***equally to all***);

the commonalty (***the simple folk***);

the commoners (***the simple people***);

the House of Commons (в единственно понятном смысле: *the Chamber of* ***the common (simple) people***)[1].

За тысячелетия совместной жизни люди прошли несколько исторических этапов развития. Так получилось в земной цивилизации, что исторически у человека было несколько форм собственности, наиболее контрастными из которых стали общая/общественная/родовая/коллективная и противоположная им – частная.

Первый вид обладает таким качеством, как принадлежащее абсолютно всем без ограничения, и обозначается прилагательным *common*.

Слово *common* заимствовано из латинского через французский и во всех трех языках означает следующее: *belonging equally to more than one*[2]. Такая земля привлекала внимание богатых и обладавших властью людей, отрицавших общественную форму

---

[1] Общее право (правовое понятие обязательно для всех);

– суд общего права (единая судебная процедура, обязательная для всех независимо от их материального состояния);

– общинная земля принадлежит всем;

– простой народ;

– простые люди;

– в единственно понятном смысле: *the Chamber of the common* (*simple*) *people* – «палата простых людей» (англ.).

[2] Равно принадлежащая всем (более чем одному) (англ.).

собственности. В конечном счете данные противоречия привели в XVII в. к гражданской войне[1].

В социально-правовой истории Англии были разные периоды по своей остроте в теории и практике огораживания земель.

В Древней Англии поля вокруг селений не огораживались. Как правило, у семьи было два выделенных участка: один культивировался, второй отдыхал. Такая система землепользования получила название ***open fields***. В разных графствах, в зависимости от многих локальных особенностей, это могло быть поразному, например, в Кенте, богатом и равнинном графстве, сами наделы были меньше по площади, так как плодородная земля давала большие урожаи. Впервые именно здесь поля на смежных границах засаживались кустарником, что, кстати, сверху видно и сейчас. Земли в Уэльсе, на западе, и земли на севере Англии были холмистыми, малопригодными для земледелия, поэтому здесь издавна занимались овцеводством. Редкие, далеко стоящие друг от друга фермы с малыми контактами между соседями – все это сформировало достаточно замкнутый, разобщенный образ жизни: какое-то небольшое количество зерна выращивалось лишь на пропитание своей семьи.

В Американском юридическом словаре Гифиса феодализм определен как система правления и форма держания собственности в Англии и Западной Европы, которые пришли на смену хаосу «темных времен» (с V по X вв. – *данная тема не является предметом нашей работы*). Америка счастливо не пережила эти сложные времена, но, по-видимому, издалека виднее, а мнение из-за океана довольно любопытное.

Основным законом всей жизнедеятельности страны был простой принцип: все общество делилось на две неравные части – король и лорды, с одной стороны, народ, с другой. Главным объектом приложения сил человека и получения средств для существования была земля. Практика землепользования определяла благополучие всех.

Историки до сих пор ведут спор: принес ли феодализм, феодальные порядки в Англию Вильгельм Завоеватель, или они раз-

[1] События гражданской войны XVII в. представлены в британском фильме *Cromwell* (реж. К. Хьюз, 1970).

вивались естественным историческим образом. Некоторые ученые указывают, что все составляющие феодализма уже имелись в Англии задолго до 1066. На наш взгляд, бесспорно одно: смысл, алгоритм отношений между владельцами земли и арендаторами в Англии по своей сути уже являлись феодальными, но само слово *fief*, ставшее основой термина *feudalism*, было привнесено норманнами позже[1]. Однозначно после 1066 г. феодализм в Англии пустил глубокие корни.

Феодализм предполагает наличие трех основных реалий:

1) бароны, которые составили войско нормандского герцога, за свои боевые заслуги от короля получали определенную площадь земли;

2) принимая землю, бароны связывали себя присягой верности королю, что определяло наперед все отношения между ними: верность, готовность барона или рыцаря оказывать через полное послушание королю услуги, в первую очередь, военные;

3) так называемый добрый совет.

По данным исторического словаря, абсолютное большинство слов французского происхождения – на базе латыни. Такая констатация была бы неполной, если не уточнить: многие из них помечены как *A–Fr*. Это можно объяснить лишь следующим: понятие компенсации причиненного вреда и урона востребовано у всех народов, что может служить причиной учреждения самого института суда.

Члены представленного парадигматического ряда обозначают *the assistance and help awarded to the complainant by the court, especially a court of chancery*[2]. Можно оказать нескольких видов помощи: а) *specific performance*; б) *injunction*; в) *rescission of a contract*[3]. При этом ни одна из ее форм не предполагает выплаты денег. Помощь направлена на будущее, а не прошлое.

У слова *relief* два отдаленных омонимичных значения: *a sum payable to the lord by the heir of a deceased tenant*; *the privilege*

[1] В разных европейских странах феодализм, несмотря на совпадающие ключевые черты и признаки, имеет свои особенности.

[2] Суд (особенно суд канцлера) оказывает помощь истцам (англ.).

[3] А) конкретным решением;
б) запретом какого-то действия;
в) отменой контракта (англ.).

of succeeding to his ancestor's lands[1], что очень далеко от денежной помощи арендатору, наоборот, деньги идут в обратном направлении. Скорее это своеобразный налог на наследство. У лорда всегда оставалась возможность назначить высокую сумму такого налога – выкупа земли. С подобным злоупотреблением стали бороться власти, потому что в виду отсутствия таких денег земля простаивала, и казна недополучала налоги.

Человек как мыслящее существо, осознающее необходимость вести хозяйство, чтобы обеспечить свое и семьи проживание, искал выходы и просто не платил выкупной налог, что лишь запутывало его дела.

Обратившись в суд общего права и не найдя там реальной помощи, истец мог обратиться в суд справедливости, который выносил решение в виде *specific performance*[2], которое обязывало сторону ответчика выполнить свои договорные обязательства. Это решение было ожидаемым, так как одной из максим, которыми руководствовался суд, была следующая: обязательства должны исполняться. В случае неисполнения виновная сторона будет осуждена за пренебрежение решением суда.

Понятие «средство судебной защиты» настолько востребовано в жизни, что в языке имеется несколько его названий, некоторые из которых приведены выше. Анализ и синтез их дефиниций позволяют вывести их единое понимание: *reparation of*, *satisfaction or compensation for a wrong sustained*; *assistance*, *aid*, *help*; *remedy for or relief from*[3].

Следующим рычагом воздействия суда на ответчика является так называемое *injunction – a judicial remedy awarded for the purpose of <…> requiring a party to refrain from doing a particular act or activity*[4].

Следовательно, все многочисленные слова, обозначающие так называемые меры воздействия на ответчика-обидчика, представляли собой превентивные меры против определенных дей-

---

[1] Денежная выплата лорду наследником имущества умершего арендатора; привилегия наследования земли своего предка (англ.).

[2] Конкретного решения (англ.).

[3] Компенсация потери (англ.).

[4] Такое решение суда, которое требует отказаться от какого-то действия (англ.).

ствий *в неопределенном будущем*, но не покрытия (компенсации) потерь, понесенных истцом *в реальном прошлом*.

Земля могла менять хозяина в двух направлениях: земельный магнат, или лорд (оба названия – маркеры феодальной эпохи) для обработки земли и получения прибыли передавали часть земли своим вассалам за те услуги, которые они оказывали им, или процесс под названием ***subinfeudation*** и ***commendation***[1].

Чтобы успешно вести свое хозяйство, арендатору требуется не только земля, но и еще многое другое, например, плуг, тягловый скот, семена. Из-за отсутствия всего инвентаря арендатор вынужден передать свою землю под опеку другого более удачливого земледельца, за что последний одалживал ему все необходимое. Ситуация резко обострялась в случае ведения военных действий в конкретном регионе, призыва в ополчение. Тогда без помощи состоятельного соседа бедняку было не выжить, и он и вынужден отдать свой надел, что с давних времен получило название *commendation* (в римском праве: *commendare – to give in trust or charge*[2]).

Мы исходим из того, что у человека два главных советчика: его жизненный опыт и его способность мыслить. Человек убедился на опыте других и пришел к умозаключению: чтобы прокормить себя и свою семью, надо возделывать землю. Жизненный опыт и логика могут перевернуть жизнь. Нами описан достаточно парадоксальный факт: процесс передачи индивидуальных наделов лорду мог начинаться по инициативе вассала, владельца земли. Видя бедственное положение мелкого хозяина, лорд предлагал свою помощь и защиту, естественно, на определенных условиях. Часто с такой инициативой выступали и местные монастыри, за что крестьяне были обязаны предоставлять им оговоренные заранее формы отработок. В конце *OE* периода такой акт преобразования земледелия получил официальное название ***commendation***. Слово заимствовано из латыни, есть близкая форма в старофранцузском. Оно означает процесс передачи земли со стороны вассала своему избранному господину, что передавалось

[1] Дробление земельных наделов на более мелкие (англ.).

[2] Передать на доверии свою собственность другому, передать ему заботу о своей собственности (англ.).

с привлечением латинизма ***incommendam*** или *to place the land under protection of the feudal lord*, *to live in trust*[1]. Такая практика землепользования отличалась от общепринятой, и его участники получали особое название (например, *commendators* (*trustee*)[2], *commendatus*[3]).

Только веские причины могли заставить, принудить владельца аллода пойти на это, как, по-видимому, наиболее привилегированного владельца земельного надела: *an owner of allodial and placed himself and his land under the protection of a lord*[4], после чего он добровольно становился его вассалом или арендатором, что на латинском языке получило название ***commendatus*** – *in feudal law, one who intrusts himself to the protection of another*[5].

Причины были очевидны: многочисленные войны, постоянное разорение мелких хозяйств, угроза жизни и реально ожидаемые потери урожая и имущества заставляли фермеров искать помощи и защиты у богатого сильного лорда. Так практика феодализма переворачивает человеческую логику: владелец аллода, не обремененный никакими отработками местному лорду (*allodium*), по своей инициативе уступал ее.

У слова *commendation* существует второе значение, которое употребляется в церковном праве, где оно обозначает также несуразное положение вещей. В случае вакансии на место священника назначается определенное светское лицо, на которое поступают средства, предназначенные для (потенциального) священника.

Практика землепользования оказывается тесно связанной с понятием ***beneficium clericale***[6], что в очередной раз позволяет говорить о важности и сложности существования конкретной системы землеустройства и землепользования в конкретной стране в конкретное время. Понятие ***benefice*** заимствовано из французского феодального права, где оно обозначает *a benefit or ad-*

---

[1] Букв.: жить на доверии (англ.).

[2] Доверительный собственник (англ.).

[3] Доверитель (англ.).

[4] Даже свободный владелец аллода был вынужден передать землю господину (англ.).

[5] Тот, кто добровольно становится под защиту другого (англ.).

[6] Привилегия священника (англ.).

vantage, *or a privilege*[1] во владении землей с той ее особенностью, что такая льгота предоставляется законом, а не простой договоренностью между господином и арендатором. Из этого становится очевидным, что наученные личным горьким опытом изменчивости когда-то приемлемых условий, установленных землевладельцем, вассалы стремились заручиться поддержкой закона, что являлось уже новым качественным признаком нового времени. Такие законы наиболее четко и устойчиво работали в церковном праве, в котором они были достаточно гибкими и обусловлены конкретным статусом священника.

Градация привилегий была изрядной, достаточно назвать ведущих иерархов церкви, от конкретного звания которых зависели льготы: ***bishoprics***, ***deaneries***, ***vicarages***, ***perpetual curacies***, ***district churches***, ***endowed chapelries***[2]. Все эти разновидности церковных льгот объединяло единое привлекательное качество: *a permanent stipendiary estate*[3], от исходного понятия *stipend – a salary*, *settled pay made to clergymen*[4], а полный составной термин – *estates granted in return for services*[5].

Термины *prebend*, *living*, *benefice* обозначают понятия, определяющие церковный и материальный статус клерикалов. ***Prebend*** *– the separate portion of land or tithe from which the stipend is gathered in favour of the canon*[6]; ***living*** – с общим значением *the means of living*, *food*, *victuals*[7]; ***benefice*** *– food meant for clericals*[8].

Обозначаемые понятия очень близкие как разные формы выплат, льгот и подношений священникам. Полностью составной термин *benefit of the clergy* обозначает льготы для священников.

В зависимости от конкретного статуса священник в церковной иерархии мог рассчитывать на поступление льгот в разной форме – от денежной как части собранных с населения налогов,

---

[1] Льгота, привилегия (англ.).
[2] Длинный ряд церковных иерархов (англ.).
[3] Постоянный денежный доход (англ.).
[4] Назначенная оплата услуг священника (англ.).
[5] Вознаграждение за услуги (англ.).
[6] Вознаграждение за церковную услугу (англ.).
[7] Средства существования (англ.).
[8] Букв.: кормление клерикалов (англ.).

так и физической отработки верующих на его земле, до выплаты льгот в виде части урожая на земле прихожан.

В саксонском праве (позже – в *OE* праве) существует следующее понятие десятины: *tithe – a tenth part of one's income contributed for charitable and religious purposes*[1]. В контексте данного определения становится понятным та высокая оценка, которую дал Вильгельм Завоеватель системе налогов англосаксонского периода. Виды, формы и размеры такой десятины, то есть ее реальное содержание, были очень разными, а приведенные примеры показывают, что Церковь и церковные иерархи всегда существовали за счет труда простого народа.

4.2. Принципы землевладения

Для трех форм использования земли: владеть, иметь, распоряжаться (*to own*, *to use*, *to possess*), глагол *to hold* является наиболее точным для описания отношения вассала к земле.

To hold – общегерманский глагол с формами *haldan*, *healdan* (*OE*). Современная форма причастия прошедшего времени *held* в XVI в. вытеснила старую *holden*, которая все еще сохранялась в специальных текстах.

Одно из исходных значений слова дает представление о том, что испытывал вассал по отношению к земле, которой он пользовался: *to have or keep as one's own*, *to be in possession or enjoyment of*[2], с примером XI в.: *farm sare held on a variety of tenure*[3].

Производное *holding* имеет самое общее значение – *the action of hold, the tenure of land*[4]; условий держания чужой земли существовало множество, и каждый раз они требовали уточнения.

Многообразие, а порою, кажется, надуманное излишество форм держания земли было весьма значительным. Закрадывается предположение, что это выгодно крупным землевладельцам. Вассал, даже получая свою землю на наиболее льготных условиях, к которым можно отнести, прежде всего, право передачи земли

[1] Десятая часть дохода в пользу благотворительности и церкви (англ.).
[2] Владеть чем-то как своим собственным (англ.).
[3] Земля господина сдавалась в разные виды аренды (англ.).
[4] Сдача земли, аренда земли (англ.).

по наследству, обретал иллюзию, что пользуется землей бессрочно. На самом деле после подношения земли заслужившим эту милость контроль за землей со стороны короля нисколько не ослабевал. Обрабатывая землю, вассал должен был всегда помнить о доброте своего господина. О даре земли речь никак не может идти – право на владение землей всегда сопровождалось многочисленными четкими условиями и оговорками ограничительного характера. В случае их нарушения земля возвращается к единственному владельцу – арендодателю.

Выше мы отмечали существенную особенность феодализма в Англии: король единолично мог вознаградить своего вассала или, наоборот, его наказать, что делало положение человека неустойчивым и непредсказуемым. Земля для короля была одним из самых больших и надежных источников дохода. Ее передача в руки тех, кто на ней работает и приносит доходы королю, была очень умно и тонко продумана.

Передача земли для обработки обозначалась многочисленными терминами, основные из которых заимствованы из французского: ***tenancy, tenure*** – *possession and occupancy of land under different conditions*[1]. Условий и форм аренды земли было очень много, и тут проявляются многие параметры, хорошо знакомые человеку: время пользования, величина и формы оплаты пользования чужим имуществом и др.Рассмотрим наиболее распространенные формы держания земли, ее обработки, снятия урожая и расчета с лендлордом.

1. ***Free-holding****, an estate for life or in fee*[2]. С точки зрения человека, получившего землю на таких условиях, в какой-то степени он мог быть уверен, что не только засеет поле, но и снимет с него урожай, что он не только рассчитается с лендлордом, но у него что-то останется для содержания семьи. Такое землепользование предполагало пожизненный срок пользования землей с возможной передачей ее по наследству. Его второе название – *free tenure*.

Во всех первоисточниках *freeholding* маркируется как общее слово для английского и французского языков, что можно интер-

[1] Сдача земли в аренду на разных условиях (англ.).

[2] Фрихолдинг – многолетняя аренда (англ.).

претировать как результат общей формы использования земли на таких условиях по обе стороны Ла-Манша. Единство или в большей степени совпадение жизненного опыта и логических умопостроений разных народов, в частности, касательно возможных способов владения землей, говорит о высокой степени единства и совпадения образов жизни и мысли разных народов.

2. ***Copyholding***, основой для получения земли на данных условиях являлась копия решения суда манора (копихолдинг). Это была новая практика вступления в права держателя земли, принятая гласным, открытым судом. Как правило, на заседаниях суда присутствовали вассалы. Такое решение основывалось на согласии хозяина манора в соответствии с обычаями поместья, что и получало подтверждение на практике заседания так называемого суда барона как суда первой инстанции.

Как уже говорилось ранее, одним из принципов работы стало явное и неявное сравнение одних и тех же правовых реалий в Древней Англии до нормандского завоевания и после 1066 г. Только такой сопоставительный подход в полной мере способен дать ответ на давний вопрос: в чем Англия отставала от Нормандии в середине XI в., в частности, в области землепользования?

От *OE* практики землевладения сохранился близкий термин ***bookland*/*bokland*** *– land taken from the* ***folcland or common land****, and granted by boc or charter to a private owner*[1]. Таким образом, в данный период уже существовала форма держания земли на основании серьезного правоустанавливающего документа, передаваемым словом *book*, имеющим общеправовое значение.

Слово *book* общегерманского словарного состава с формами *boc* (ед. ч.), *bec* (мн. ч.) в важном правовом значении: *a written charter*, *or deed*[2], в последующем производном значении: *a volume in which to keep records of commercial transactions, minutes, etc*[3].

3. ***Leaseholding***[4], предполагает самые неопределенные условия обработки и распоряжения землей арендатором.

---

[1] Земля, взятая из общего фонда и переданная конкретному арендатору (англ.).

[2] Писаная хартия, договор (англ.).

[3] Плотная обложка для хранения деловых бумаг (англ.).

[4] Лисхолдинг – пользование землей на правах (скрытой) аренды (англ.).

Слово *lease* имеет широкое значение: *any agreement which gives rise to relationship of landlord and tenant or lessor and lessee*[1]. Так возникает особый тип отношений «арендодатель – арендатор».

Земля вознаграждает заложенный в нее труд не сразу, а после длительного ожидания, связанного с природным циклом. Это приводит к тому, что сроки пользования землей измеряется годами – от нескольких до десятков лет; в денежном аспекте вложения в землю имеют долгосрочный характер и окупаются через несколько лет – все это предполагает решение вопроса в пользу длительного права пользования землей, включая ее наследование.

Исходя из нашего синергетического или комплексного (онтологического и концептуального) подхода к праву вообще и земельному праву как конкретному виду права, наполнение права конкретным содержанием происходит под давлением жизни. Конкретные правовые конструкты как продукты умственных операций, подтвержденных практикой жизни, значимы и весомы лишь поскольку они отражают реальную жизнь и умственную, способность человека. Порою они могут опережать жизнь, но такая сменяемая векторность не меняет сущности вопроса: право питается жизнью/из жизни; право не произведение искусства, которым можно любоваться в романтической обстановке частной коллекции и получать приятные эмоции.

Право – это необходимость, продиктованная и закрепленная жизнью в знаках мысли и языка. Как особенная реальность право существует в тех же измерениях и координатах, в которых существует сама жизнь: в определенном социуме и определенном пространстве (в новое время – это измерение может дополнительно называться в правовых терминах по-разному: национальными границами, таможенными союзами, торговыми альянсами) и в определенном времени.

Язык помогает человеку не только высказывать своимысли, быть понятым и понимать собеседника, но и жить и выживать, потому что это практический инструмент, необходимый и незаменимый для выполнения самых сложных, масштабных и важ-

[1] Соглашение, условия которого порождают отношения арендодателя и арендатора с их правами и обязанностями (англ.).

ных, прежде всего, *совместных*, действий как на войне, так и в мирном *коллективном* труде (вспомним о неукоснительном долге каждого в соответствии с древним обычаем *trinidad necessitas*[1]).

Попробуем описать систему землепользования Средних веков через широкозначный глагол ***to use*** (заимств. из фр., лат., где *us*, *usus* – основа причастия прошедшего времени глагола *uti*/*touse*), имеющий несколько значений:

– бытовое – *using a thing for any purpose*; *utilization or employment for or with some aim or purpose*; *application or conversion*[2], то есть исключительно человеческое, в равной степени по наитию или обдуманное, как правило, целенаправленное производственное или чисто потребительское использование вещей для достижения каких-то результатов через выполнение определенных (опять же осмысленных) операций;

– правовое – *the act or action of* ***hold****ing*, *or possessing land or other property so as to derive income*, *revenue, profit or other benefit from it* (*equally on land and in town*)[3]. Обратим внимание на то, что в определении опять употребляется глагол ***to hold***.

О том, что эти действия сопутствовали человеку с незапамятных времен, свидетельствуют и языковые факты, среди которых следующие: привычное, из поколения в поколение пользование чем-то – *the habitual*, *usual*, *or common practice*; *continual*, *repeated*, *or accustomed employment or exercise*[4] – прямой мостик к формированию понятия *custom*; *habit*, *or practice*[5]. Такие слова в производственном значении продолжают использоваться до сих пор, несмотря на появление многих новых слов-глаголов, обозначающих более технологичные операции и действия.

В рассуждении о путях формирования обычая, диктующего правила, нормы ежедневного существования, принципиально важно, что обычай формируется благодаря практическому выполнению вполне определенных действий несчетное количество

---

[1] Три обязательные общественные отработки (англ.).

[2] Использовать что-либо для любой цели (англ.).

[3] Держание или владение землей/другой собственностью для того, чтобы извлекать прибыль, доход или другое благо как в городе, так и за городом (англ.).

[4] Нечто обычное, привычное (англ.).

[5] Трудовой обычай, рабочая привычка (англ.).

раз, что и является непременным условием формирования и осознания обычая как заведенный порядок, определенный образ жизни. Прекрасно об этом витальном процессе сказал С. Д. Кацнельсон: «Идет процесс вживания, привыкания»[1].

В учебнике жизни экзистенциологии как науке о жизни обязательно должна быть глава «Формирование обычаев как первых правил, или законов жизни» со следующей иллюстрацией: в младенчестве дети следуют обычаям родителей скорее подсознательно, нежели осознанно. Гарантией правильности выбора является истинное желание родителей учить детей позитиву, что является общечеловеческим законом. Создается впечатление, что роль биологического фактора в становлении человека как такового и как человека правового, порою занижена. Как часть природы, человек не мог не унаследовать от нее много полезного, что помогало отвечать на вопросы: что это?, что можно из него делать?, полезно ли это? – добавив к полученному наследству много рачительного и умного. В настоящее время биологическому фактору придается все большее внимание. Природосообразность мыслей и поступков человека очевидна.

О переходе значения «использование чего-либо» в практику жизни или обычай, которые реализуются через ожидаемые действия, говорит значение производного *usage*: *the rules or customs of somebody*, *class*, *craft*; *manner of* (*ordinarily*) *bearing or comporting oneself*; *usual conduct or behaviour*; *a practice or habit*[2] или образ мысли и образ жизни.

Иначе как правовым не назовешь значение данного слова в высказывании известного теоретика и практика английского права У. Блэкстоуна: "*Laws are corrected, altered and amended by a*) *Acts of Parliament, and b) common usage*"[3].

Непосредственно в земельном праве слово ***use*** имеет ключевое значение, определяющее принципы использования чужой

---

[1] *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Ленинград, 1972.

[2] Правила или обычаи мастера, носителей одной профессии, манера себя держать и вести, обычное поведение (англ.).

[3] Законы получают изменения, в них вносят поправки в парламенте или в жизни. (англ.) (*Blackstone W.* The Commentaries on the Laws of England: in four vol. Vol. 1. NJ, 2007).

собственности в интересах временного пользователя: *a right in one person <…> to take the profits of land of which another has the legal title and possession, together with the duty of defending the same, and of making estates there of according to the direction of the prime owner*[1].

Holding и ***use*** обозначают в сознании арендатора доминантные четыре условия пользования чужой собственностью:

1) как будто своей для получения прибыли;

2) выделяя часть последней истинному владельцу;

3) оставляя ранее оговоренную часть себе;

4) проявляя разумное радение по ее (земли) сохранению.

Также как много видов держания земли, не менее многочисленны разновидности условий пользования землей, например, *beneficial use*; *charitable use*, *best use*; *conforming use*; *exclusive use*; *highest and best use*[2] и др.

О близости понятий *use* и *holding* говорит экспликация одного термина через второй: *a person for whose **use** and benefit lands or tenaments **are held** by another*[3]. Одно понятие предшествовало другому во времени, и с введением статута об использовании земли – *The Statute of Uses* – пользователь стал называться *feoffer to use*, *and held the nominal or legal title*[4] (*Black's*). Понятия фифа, феоффа и других производных – соль феодального землепользования. В двух понятийных вариантах (*holding system – use system*) следует говорить о парности соответствующих терминов: *use – holding*; *the statute of uses – the statute of holding*[5]. У обоих глаголов есть производные существительные, что не может не свидетельствовать о важности каждого понятия, например, «лицо, пользующееся чьей-то собственностью» в соответствии с зако-

---

[1] Право одного лица <…> получать прибыль с земли, законно принадлежащей другому, осуществляя ее защиту и получая прибыль согласно указаниям первовладельца (англ.).

[2] Выгодное пользование, полезное для других пользование, лучшее использование, эксклюзивное пользование (англ.).

[3] Арендуемое имущество используется и держится ради прибыли другого (англ.).

[4] Арендатор использует имущество и обладает титулом/правом владения (англ.).

[5] Статут пользователей – статут держателей (англ.).

ном *The Statute of Uses* (Закон о пользовании) называется *user* как широкое родовое понятие, потребовавшее дальнейшую дифференциацию: *adverse user – friendly user*; *user fee* (*charges imposed on persons for the use of a particular facility*)[1].

При норманнах существовала тесная связь между арендодателем и арендатором. Мы ее номинируем особой связью «господин – вассал», которая отличалась от типа отношений между лордом и крестьянином в *OE* период, где она называлась ***in the comitatus***. При норманнах она приобрела ореол святости благодаря ритуалу принесения клятвы верности.

Понятие клятвы для англосакса священно. Ее начала восходят к родовому строю: она пришла из Библии и понятна здравому рассудку. Клятву нельзя нарушать: в этом случае ждет неизбежная небесная кара, а в миру отступник обрекается на позор и поругание. На таких принципах держалось единство общества. Можно ли такое положение дел назвать правовым? – вопрос для правоведов, но то, что это правоположение действовало безотказно, является непреложным фактом истории. Оно цементировало сообщество, которое состояло из столь очевидных противоположных сторон: богатых, всесильных, на чьей стороне законы, и бедных и слабых, находящихся под железной пятой закона (*the iron heel of law*), что создавало картину глубокого социального контраста. Самим фактом экономической и материальной мощи, силой оружия и мощью всей власти в их руках класс богатых землевладельцев держал в послушании гораздо большее население, состоявшее из бедных, нуждающихся, которые (еще один парадокс!) составляли вооруженную силу лендлордов. Такое положение дел было освящено Церковью, утверждено законами, принимаемыми классом богатых. Требовалось значительное проявление духа и силы со стороны недовольных, чтобы изменить этот заведенный порядок.

Такая, казалось бы, привычная расстановка сил существовала в обществе издавна, но у какой-то его части в определенный исторический период пробуждался новый настрой, появлялись личности, которые готовы повести за собой других. Все это ярко и живо проявилось в 1215 г., когда недовольные бароны предъ-

[1] Плата за использование конкретного источника (дохода) (англ.).

явили королю свои претензии и требования. На сцене вроде бы одни и те же участники исторического общественного процесса: король с определенной группой сторонников и недовольные бароны, решившие изменить положение дел в свою пользу. Прежний устный договор, о котором потом будет говорить Ж.-Ж. Руссо, между королем и баронами не сработал: король нарушил устные договоренности не притеснять подвластных, в частности, не обременять их непосильными налогами и поборами, нарушил писаные и неписаные договоренности, созвучные тому времени, законы того общества, и его следовало наказать в соответствии с ними.

Идея контракта, или общественного договора как документа, нормирующего отношения между двумя сторонами, очень древняя. Она идет от Библии, когда грамотность была редкостью. Констатация каких-то договоренностей на бумаге невольно вызывала чувство божественного трепета, чего-то сверхъестественного. Такой документ нарушать было страшно, особенно с учетом того, что Бог накажет отступника.

Подчеркнем, что реальность жизни была такова: кто-то имел много земли, но не мог ее обработать сам; другие ее не имели вовсе, поэтому нуждались в земле. Земля принадлежала королю, поэтому продать и купить ее было невозможно. Единственным выходом являлась аренда. У этого процесса оказалось две стороны: по мере потребности *неимущего* в аренде земли он обращается к владельцу земли с соответствующей просьбой; в свою очередь *владелец земли* заинтересован сдать землю, так как за аренду платят или трудом и военной службой на хозяина, или частью урожая, или деньгами. Эта модель ведения хозяйства оказывалась устойчивой и долго и надежно работала.

Исходя из общетеоретического подхода авторов к раскрытию темы, экзистенциальный опыт человека (онтология) и его мыслительная способность (концептуальность) – два доминантных качества человека, которые позволили ему не только осознать необходимость и потребность, но и найти практическое удовлетворение этой потребности и необходимости в формировании правовой сферы активности. Социальная реальность все еще оставалась неправовой по той причине, что, хотя общественные отношения существовали, но сами общественные силы

(прежде всего, класс реальных пользователей земли) был не организован и слаб.

В классическом варианте лорд передавал часть своей земли вассалу, обещая защищать ее и вассала. С этого момента последний пользовался землей на оговоренных условиях как *арендатор*. Иногда сам вассал был вынужден просить лорда принять землю и оказать ему защиту.

Клочок земли, которой распоряжался арендатор, получил название ***fee***, ***feud***, ***fief***, ***feudum***, ***feudal***, ***feodor***, что означает «земля, отданная в пользование». В правовом отношении данный многовариантный термин обозначает такую землю, которая принадлежит вышестоящему лицу (чаще всего обозначается словом *lord*), которому арендатор обязан оказывать определенную услугу/ услуги в обмен на ее использование.

Термины ***fee***, ***fee simple***, ***fee simple absolute*** часто используются как эквивалентные, в свою очередь, термин ***fee*** означает, что на это владение распространяется право передачи его по наследству. Дополнительное определение ***simple*** добавляет следующую уточняющую информацию: у такой земли нет обстоятельств, ограничивающих право ее передачи по наследству. Отсюда составной термин ***fee simple*** означает ***a freehold estate***[1]; второе более полное ее название – ***fee simple absolute***, которое является синонимом.

Складывающиеся начала общего права, которому предшествовали общепринятые обычаи, обязывали, чтобы была точная оговорка-адресация типа «земля принадлежит *N* и его наследникам». Это было призвано удостоверить такой высокий правовой статус земли, как *fee simple*. Передача земли по нормам феодального права предполагала указание «кому?» – *N*; «на каких условиях?» – «*как абсолютное владение*». Это означало только одно: у *N* возникает право такого землепользования на протяжении его жизни с правом пожизненного владения (***a life estate***).

В Новое время закон исходит из презумпции, что абсолютное право землепользования может быть изменено лишь в силу

[1] Земля фригольдерского типа держания с практически неограниченным сроком пользования, с абсолютным правом наследования без каких-либо условий, без ограничений круга наследников (англ.).

четкого намерения ограничить/сузить правила пользования землей со стороны лендлорда.

Земля была и есть самым большим и ценным видом собственности, поэтому существует особая группа слов, которые употребляются для уточнения, сужения, а может быть, и противоположного соображения – расширения круга пользователей землей. Это номинативное подмножество слов получает особо важное место в подъязыке земельного права и называется уточняющими словами (***words of limitation***). Их наличие позволяет упорядочить структуру и уточнить содержание термина. Такие слова употребляются в документах, передающих не землю, а интерес на собственность; они, прежде всего, уточняют обозначение лица (кому передается собственность), но практически характеризуют собственность, поступающую новому владельцу. Например, в документе передачи имения употребляются следующие выражения: «от кого – *A*», «кому – *B* и его наследникам», которые являются такими ограничивающими или уточняющими языковыми средствами в следующем понимании: «землю передает *A*» – «получатель *B*», и он обладает имением на правах абсолютной собственности, то есть «на правах ***fee simple***» «с правом передачи собственности своим наследникам».

Существуют так называемые слова, уточняющие условия передачи/приобретения (***words of purchase***). Выделение такой группы слов впервые было отмечено в словаре практикующего юриста (*Black's*), что делает его (словарь) особо значимым: он составлен не теоретиком права или языка, а практикующим юристом, который дополнительно оказался и внимательным пользователем языка. Это слова, обозначающие получателя или того, кто принимает собственность в свое владение. В примере выше это «кому – *N*». В соответствии с *Black's* настоящее значение слова ***fee*** такое же, что у приведенных выше слов, одновременно его значения были противоположными по отношению к значению слова ***allodium***[1]. Такой землей человек владел по праву первого, он не был обязан отрабатывать свое владение кому-либо или вносить арендную плату.

[1] Земля, принадлежащая конкретному человеку, у которого нет обязательств по ее обработке/использованию перед другим лицом (англ.).

Итак, в феодальном землепользовании существовало два противоположных способа распоряжаться землей: быть арендатором на оговоренных условиях или ее хозяином. Такая оппозиция сохраняется и поныне.

В современном английском землепользовании термин ***fee*** обозначает земельное угодье/хозяйство, которое передается по наследству – это остается самым высоким стимулом и интересом в пользовании землей. Когда термин *fee* употребляется без дополнительных определений-пояснений, или в составе фразы *fee simple*, то он определяет данную форму землепользования, означая только одно: абсолютное наследственное право обеспечивается без всяких ограничений, без каких-либо условий и передается конкретному наследнику с общим правом наследования – мужчине или женщине, по прямой или боковой линии.

Следующая разновидность *fee* получила сразу три уточнения: ***base***/***determinable***/***qualified fee***, общей чертой которых является *not a fee simple absolute*[1]. В разных первоисточниках встречается разная трактовка термина, например, в американском юридическом словаре Гифиса (АЮСГ) исходный термин *fee* определяется следующим образом: это собственность, полностью принадлежащая определенному лицу, которое может его продать или завещать наследникам (в области недвижимости).

Как широко известный термин *fee* означает определенный институт, который появился в Западной Европе в VII–VIII вв. и в течение последующих двух веков получил быстрое развитие и распространение в Англии. Это были времена постоянных войн, которые вели короли мини-королевств, а для управления страной пока король был на войне требовались определенные люди и органы управления. В целом это военная или военизированная система власти.

До сих пор историки спорят, когда в Англию пришел феодализм, и был ли это точно Вильгельм Завоеватель, который привнес его на Британские острова.

Практика вассальства складывалась в самой жизни. Она имела свои атрибуты, например, принесение присяги, или клятвы верности королю. Такие же обычаи обозначали французские за-

[1] Аренда с обременительными условиями (англ.).

имствования, привезенные в Англию армией Вильгельма: ***homage***, ***fealty*** в следующих типовых смысловых контекстах: *to perform an act of homage*, *to swear an oath of fealty*[1]. В таких же контекстах употребляется и слово «обязательство» (***pledge***) – *pledging oneself to be the King's faithful follower*[2].

Ключевое понятие, которое существенно для уяснения природы отношений между королем и его вассалами разных уровней, может обозначаться словом ***service***. Обычные общежитейские соображения здравого и рачительного человека становились исходными принципами, руководствуясь которыми, король одаривал баронов землей определенной площади. Король был главным судьей суда и мог подтвердить потери барона. Это называлось рядом слов: ***wrong***(***s***), ***harm***, ***damage***, ***loss***, ***hurt***.

В дефинициях каждого члена другого номинативного ряда в значении «компенсация, восстановление попранной справедливости» употребляется слово *redress* с его синонимами *relief* 1, *retribution*, *damage* 1, *compensation* и др. Таким образом, возникают возможность и необходимость выделения длинных парадигматических рядов слов, описывающих психологию и механизм взаимоотношений между органами власти и народом в феодальные времена. Знаниевые отношения между ними мы характеризуем по примеру текста Конституции Российской Федерации как равновеликие, в более привычной языковой традиции – как синонимические. Онтологизм таких отношений, по нашему мнению, заключается в том, что основой отношений между людьми является двойная природа человека: физическая, или биологическая, с одной стороны, и психологическая с ее разумностью, чувственностью и нравственностью, с другой.

Как биологическое существо для восстановления затраченной энергии и накопления новых сил человек постоянно нуждается в еде. Если на первом периоде становления он мог обеспечить себя едой из природы, то потом вынужден был научиться разумно трудиться, сеять и производить из урожая продукты. Для этого нужны были средства производства, основной из которых – земля. Мы уже подчеркивали, что в условиях классового

[1] Принести слово верности, присягу верности (англ.).

[2] Принося клятву верности (англ.).

общества одни классы владели землей, другие были вынуждены ее брать во временное пользование, или аренду.

Владелец земли хотел иметь гарантии должного отношения к земле, ее сохранения и должного возвращения в конце срока аренды, а арендатор как продолжатель своего фамильного рода – гарантию длительного стабильного пользования, а также произвести положительное впечатление на арендодателя. Как воплощение человеческой психики оба являются носителями совокупности общих человеческих черт, положительных и негативных, среди первых – верность слову, умение держать обещания, совестливость, стыд перед другими и такая сугубо человеческая черта, как интерес, или мотивация.

Интерес и мотив являются исконно глубинными свойствами человека. Это позволяет констатировать, что он, по-видимому, всегда применяет силу своего ума и силу физическую наиболее продуктивно ради того, чтобы получить позитивные результаты от сознательно применяемого труда, то есть определенную выгоду. Для достижения цели человек дипломатично и тонко выстраивает отношения с другими людьми, особенно когда его действия могут привести к определенной материальной или нравственной выгоде, то есть интересу материальному, что лежит в основе межличностных и, в первую очередь, деловых отношений. Выгодным становится не только контракт, приносящий прямой доход, но и установление необходимых отношений и контактов с нужными людьми, что может оказаться не менее выгодным позже. Появляются понятия отсроченной пользы, выгоды. Во многом такие отношения определяли хозяйственные контакты.

Такое же онтолого-когнитивное толкование мы предлагаем по поводу участия человека в выстраивании межличностных отношений по модели «босс – подчиненный» с использованием слова ***service***. Общим местом в работах по капиталистическим отношениям является его употребление с акцентом на то, что именно в эпоху развитого капитализма оно стало обозначать нечто не меньшее, чем промышленность как область активности человека, производящего не только некие новые товары и изделия, но и особый продукт – обслуживание, оказание услуг (сервис), который значительно набирает значимость как спасение человечества от безработицы.

Есть все основания утверждать, что в эпоху феодализма глубина психологических и социальных отношений как на уровне всего общества, так и в деловой ее части способна произвести отрезвляющее впечатление на исследователей по тщательности и продуманности многих феодальных реалий и принципов хозяйствования[1].

Если король нарушал договоренность, проявлял несправедливость или акты тирании по отношению к вассалу, то вассал мог отказаться от своей клятвы верности монарху, что получило название ***defiance*** – *challenge, a declaration of hostilities*[2]. Такое случалось крайне редко, так как такую дерзость мог позволить крупный вассал, имевший достаточную армию, чтобы защититься от гнева короля.

Основным источником земли, а значит, источником благополучия вассала был целевой подарок земли короля за военную службу. Получая землю, вассал получал особое название – вассал первой категории (***a tenant-in-chief***), то есть владелец земли, полученной непосредственно от короля. К таким владельцам относились держатели земли на условиях феодальной или военной аренды. Она получила название ***fief***, более точно – ***knight's fief***[3], часто со словом-дублером ***feoff***.

Выделим группу слов, без знания которых анализ земельного права (***land law***) практически невозможен, к которым относится слово *fee*. В имущественном праве – *an estate of complete ownership which can be sold by the owner or devised to his heirs*[4]. *Fee* происходит от слова *feudal* или *feodor*, что означает *land*.

В Оксфордском историческом словаре у слова *fee* выделяют два гнезда:

1. Существительное, является общегерманским словом, у него есть соответствие в санскрите (*IE*).

---

[1] Неслучайно известные политики и хозяйственники, например, Евгений Примаков, на протяжении десятков лет внимательно изучали разные аспекты феодального строя, делая интересные выводы, полезные в условиях современного общества.

[2] Вызов – брошенная перчатка, объявление военных действий (англ.).

[3] Надел земли для рыцаря (англ.).

[4] Собственность на правах полного владения, подлежащая продаже или передаче по наследству (англ.).

Активно употребляются в *OE* и другие словоформы, а именно: ***feoh***, ***fioh***, ***feo***.

В латинском – ***pecu***, что до конца XV в. означает ***cattle*** («натуральная форма расчета между деловыми партнерам»), и лишь в XVI в. получает значение «движимая собственность» и позже – «деньги» (***money***).

Слово вобрало многовековую историю, характерную для многих земных культур: от значения *cattle* до *money* как наиболее универсальной формы расчета.

2. Появление в английском языке из *OFr* – французского с многочисленными формами: ***fie***, ***fief***, ***fieu***, ***fiu***. Как считает большинство этимологов, слово пришло из древневерхнегерманских языков также через значение *cattle*.

Впрочем, исторический словарь констатирует неопределенность его происхождения, о чем и говорит сам факт двух протоистоков слова. В эпоху феодализма у него уже появляются следующие значения: *an estate in land held on condition of homage and service to a superior lord*; *a fief, a feudal* ***benefice***[1]. В Англии такая земля всегда была наследуемой. В системе общего права термин также означает наследуемую землю. Возникают вопросы общеправового характера: какие права на землю привезли с собой переселенцы за Атлантический океан? какие земельные законы заработали там?

Право землевладения в США стало правом абсолютного владения, в то время как на родине, в Англии, существовало много разновидностей данного права, например, в церковном праве его преломление оказалось достаточно льготным, необременительным для служителей церкви: владея такой землей, обязанностью клерикалов оставалось лишь служение Церкви. Что касается светского пользования землей, то это такие его разновидности, как ***knight's fee***, ***lay fee***, ***fee simple***, ***fee-tail***[2].

Употребление в старых текстах данного слова настолько частотное, что оно стало обозначать устойчивый признак землевла-

---

[1] Земельное владение получено на условиях верности и услуги высокому лорду (англ.).

[2] Надел за военную верность господину, светские заслуги, необременительные условия аренды земельного надела (англ.).

дения, что говорится, понятный с полуслова, отсюда возникло его краткое, неполное употребление: ***in fee***, что безошибочно означает ***fee simple***. *Base fee – to hold in fee = to hold as one's absolute and rightful possession*[1] с примерами из исторического словаря: *Once did she hold the gorgeous East in fee; Venus Damzells, all within her fee*[2].

Ожидаемо и логично, что на должности на местах назначались люди верные королю, уже им отмеченные наделами земли. Получается, что термин ***public officer*** – это лицо, которое было верным королю, им (королем) награжденное земельным наделом, что отмечено в словаре 1450 г., и второй раз – королем в знак особой благодарности – судебной должностью. Так история преподносит наглядный урок: богатство и власть сосредотачивались в одних и тех же руках.

В английском обществе шло активное расслоение населения на очень богатых – богатых – бедных – очень бедных с «подвалом» (рабов и безземельных). Таким образом, общество еще задолго до капитализма становилось классовым с богатыми людьми у власти.

Насколько логика языка диктовалась логикой жизни, складывалась логикой общественных отношений, показывает глубокая история семантического развития слова *fee*.

Никто не застрахован от ошибок. Иногда заслуги бывали мнимыми, и вознаграждались люди незаслуженно. Земля и общественные должности становились формой оплаты, которая могла быть и в форме денег – в словаре зафиксировано новое значение слова *fee*: *professional or other remuneration*[3], относившееся к 1583 г.: *what is your **fee**, doctor?*[4] Наиболее общее значение: *fixed salary or wage*/*wages*[5], возникает позже (примеры датируются от 1633 г.).

В реальной жизни у слова *fee* развивается и негативное значение: вознаграждение за сомнительное дело, незаслуженная вы-

[1] Высшая форма владения (англ.).

[2] Лишь однажды она полностью владела поместьем на прекрасном Востоке (англ.).

[3] Вознаграждение по службе (англ.).

[4] Вопрос пациента к врачу: «Сколько стоит ваша услуга?» (англ.).

[5] Фиксированная зарплата (англ.).

плата денег – *a reward in a bad sense, a bribe: He is unstained by gold or fee*[1].

Ожидаемое значение глагола ***to fee*** – *to give a fee* (*a plot of land*) *to smb*[2]. Это не единственный компонент значения нового слова: важно и за что люди платят деньги. В значении глагола от 1483 г. прослеживается следующее: *to give smb a piece of land* ***for some service***[3].

Далее обозначаются отношения «хозяин – работник»: *to hire a servant*[4], что отмечается в английском Шотландии в XVI в.; в *ME* главное значение *to engage for a fee*; *in bad sense to give a bribe*[5].

Обсудим следующий контекст: *The writings drawn* (1), *the lawyer feed* (2), *everything was soon over*[6]. Анализируем ситуацию. Сцена у смертного одра: умирающий подписывает письменное завещание; приглашенный нотариус оплачен. В данном контексте у глагола *to fee* значение *to pay* (*with money*)[7], в то время как в контексте от 1460 г. предыдущее историческое значение – *feed – bound by feudal service*[8].

Близкое значение у производного образования ***feedman*** – *one holding a fee*[9] (1460), в целом является синонимом слова «вассал», «арендатор», обогащая данный парадигматический ряд. Такие языковые факты мы трактуем как отражение широкого хождения данного слова (прежде всего, существительного) в обществе того времени в силу его житейской востребованности.

Устанавливается своеобразная закономерность: чем раньше во времени контекст, тем более уверенно можно сказать, что значение слова – «нахождение в вассальном услужении». Наоборот:

---

[1] Он не запятнан: он никогда не брал взяток – ни золотом, ни деньгами (англ.).

[2] Выделить кому-то надел земли (англ.).

[3] Выделить землю за определенную услугу (англ.).

[4] Заплатить слуге (англ.).

[5] Нанять кого-то за плату; в плохом смысле – дать взятку (англ.).

[6] Документы оформлены (1), услуги нотариуса оплачены (2), и все сделано очень быстро (англ.).

[7] Заплатить (деньгами) (англ.).

[8] Лорд и вассал связаны феодальными отношениями (англ.).

[9] Арендатор/вассал (англ.).

чем более позднее употребление, тем наиболее вероятно значение «оплата, вознаграждение». В силу первого значения мы имеем дело еще с одним синонимом слова: *vassal = feedman*.

Мысль человека настолько динамична и подвижна, что она обращается к предмету и к действию. Оба их языковые обозначения органичны, так как называют предмет или действие с ним, что необходимо для жизнедеятельности человека. Язык настолько чувствителен и кооперативен с мыслью, что среди языковых средств имеются имена существительные как названия предметов и объектов, а для обозначения соответствующих действий – глаголы. Предметы с их качествами и действия с предметами, а также многое другое – все это есть в жизни, в сознании и, следовательно, в языке.

За существительным как языковой категорией стоит предмет(ность), за глаголом – действие, за прилагательным – определенное качество или свойство предмета, и так далее. Язык репрезентирует жизнь человека во всей ее многообразности и вездесущности.

В тождестве «язык – мысль» много неопределенного. Это отмечают ученые разного времени: Л. В. Щерба писал *о противоречиях между пониманием и говорением* (О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознания); Л. С. Выготский – *о противоречии между мышлением и речью*; Б. П. Арденов – *о противоречиях между мышлением и языком*; М. В. Павлов – *о противоречии между языком и речью*[1].

Констатируемые ими противоречия имеют общий недостаток: никто не раскрывает сути противоречия.

Противоречие мало установить и зафиксировать. Самое главное – раскрыть, в чем состоит противоречие и как его преодолевать. В этом отношении понятна позиция Т. П. Ломтева: основное противоречие возникает между наличными средствами языка и растущими потребностями обмена мыслями. Это же наглядно подтверждает представляемая работа, в которой понятие парадигматических рядов юридических терминов становится

[1] См.: *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике: в 2 т. Т. 1. Ленинград, 1958; *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Москва, 1982.

инструментальным в том понимании инструментального, что в жизни человека не всегда уже устраивают существующие в языке и обществе языковые средства.

Изобретательность и креативность человека как мыслителя и деятеля всегда провоцировалась новыми потребностями, новыми интересами, для осуществления которых возникают новые технологии, новые мысли и, как уже привычное следствие, новые языковые средства. Преодоление таких противоречий, успешно решаемые на протяжении всей жизни языка, и есть собственно причина его развития.

Длинные парадигматические ряды языковых средств, обозначающих, казалось бы, одни и те же артефакты, являются проявлением и подтверждением этих онтологической, ментальной и языковой закономерностей, становясь универсальной закономерностью человека, жизни и языка: человек креативен и деятелен в мышлении и практической деятельности.

Уникальные способности человека – мыслительная и практическая деятельность – в равной степени осуществляются при условии его активности. Возникает законный вопрос: какой член такого номинативного ряда является первичным, а какие производными или вторичными? По-видимому, диахронически и синхронно эти все номинативные средства в равной мере являются особой характеристикой человека, и в настоящее время воспринимаются в своей совокупности.

Несомненно, были первые мысли и первые слова, их обозначающие, прежде всего, для того, чтобы первый присутствующий собеседник мог их воспринять физически и физиологически (через их звучание, потом написание).

Мысленно и в словах человек отображал то, что видел вокруг, то, что его каким-то образом беспокоило, занимало. Потом его поле зрения расширилось и углубилось: он научился мечтать и прогнозировать. Это подтверждается удивительной схожестью древних наскальных рисунков народов, живших на разных континентах. Они отображают, фиксируют непосредственное умонастроение древнего человека: как правило, это мысли о еде (охотничьи сцены), которые представлены в виде разных животных, что естественно, так как во всех частях света жили разные животные. По-видимому, на более позднем этапе в этих рисунках

отражается игра фантазии (люди в скафандрах, если не допускать мысли, что они действительно видели инопланетян, что прямодушно и отобразили).

Решение поставленного вопроса осложняется тем, что у человечества нет опыта знакомства с системой мышления и коммуникации у носителей другой (неземной, принципиально иной) цивилизации и культуры. За отсутствием такого опыта сопоставительного познания для человечества остаются плодотворными два допущения:

– для земной культуры формирование человека как существа высшей организации является следствием его уникальных способностей: думать, говорить и делать (творить);

– у разных народов как носителей одного типа цивилизации – земного – процессы формирования мысли и речи происходили в разное время, но по схожим моделям и закономерностям.

Тогда логично и следующее производное толкование: поскольку мышление и говорение – сложные феномены, то на их становление, развитие, совершенствование ушло много времени.

Доминантной чертой современного подхода к изучению сложных систем является убеждение, что все сложные процессы начинаются со своего зарождения в более чем скромной форме, поэтому логично предполагать долгий период так называемого «начального мышления и начального говорения» со всеми вытекающими последствиями.

В современной науке хорошо известно высказывание: «Анатомия современного человека многое говорит об анатомии далекого обезьяноподобного предка, то есть на примере современного человека можно много сказать о нашем прародителе, далеком предке». Представляется обоснованным, что это приложимо к языку и к мышлению.

Диалектика современного познания как наука о законах мышления учит нас, что все сложные современные процессы, предметы, явления как конечные продукты – бесконечно, сказочно изысканные и изощренные в технологических, ментальных, языковых смыслах – начинались примитивно и очень просто, а на их формирование требовались тысячелетия.

В науке вообще и в советской науке, в частности, из которой мы вышли и влияние которой остается определяющим до сих

пор, вопрос о динамике мышления был достаточно опасным с точки зрения официальной идеологии. Однозначно считали, что все (народы) мыслят одинаково, но здравый смысл помогает осознать, что это, мягко говоря, не совсем так.

Мы исследуем определенные практические материалы, пытаемся их оценить в ракурсе поставленной цели и исходящих задач. Рассматривая материалы в диахронии, логично поставить дополнительные вопросы: в каком направлении шло развитие земельного и других ветвей права в Англии? приложимо ли понятие прогресса к трем ключевым понятиям: к человеку и обществу, праву, мышлению? если нет развития, совершенствования общества (и человека в нем!), то зачем все эти усилия (в самом широком их смысле), мечтания и страдания человека и человечества? Мы не ставили перед собой такой цели и задач, но все материалы, ход наших рассуждений, обнаруженные факты и вскрытые события заставляют нас об этом думать – это и составляет перспективу дальнейших изысканий.

Феодализм на материале языковых средств предстает перед нами как сложная и стройная система систем. Породив принцип вознаграждения за верность, заложив свою систему смыслов, составивших основу социальных, экономических и политических отношений, человек искал и в определенной степени находил и обретал надежный источник своего физического существования. Но частью его жизни были и остаются высокие, чисто человеческие интересы и потребности: счастье, любовь, справедливость и правосудие.

Система аренды была сложной и многовариантной. Еще одним видом арендных отношений была практика под названием ***fee-farm*** *– the tenure by which land is held – in fee-simple subject to a perpetual fixed rate of rent*, *without other services*; *the estate of the tenant in land so held*[1]. Отсюда новое производное ***fee-farmer*** с очевидным значением «вассал, арендующий землю по определенным правилам». Как языковое следствие появляется новый член парадигматического ряда «вассал». В целом наблюдается устойчивая, логически очевидная структура содержания

[1] Аренда с большими правами у арендатора, к которым примешиваются определенные ограничения (англ.).

данного термина: это условия держания земли с фиксированной формой оплаты/отработки за землю.

Человек усвоил закон жизни: все ресурсы конечны, их надо восстанавливать или в виде натуры, или в универсальном виде – трудом и деньгами.

Fee-farm – особый вид аренды, где земля используется длительное время, уплачивается стабильная ежегодная рента, нет отработок лорду ни верностью, ни в какой иной форме. Это точная версия римского *emphyteusis*[1]. Данной форме аренды также предшествовала клятва верности лорду.

Вносимая оплата получила название ***fee-farm rent***. Ее величина могла быть равной 1/4 или 1/3 от стоимости земли. О том, что это древняя форма земленаследования говорит то, что в *OE* текстах широко используется его латинское наименование (заимствование на уровне барбаризма) – ***feodi firma***. Так складывается закономерность: латинские заимствования являются более древними языковыми обозначениями многих реалий, чем собственно английские, например, *feodi firm frius – the lesser of a fee-farm*/*feodi firma*[2].

К общим принципам наделения землей необходимо отнести наличие разных причин для наделения: военные заслуги, что привело к образованию термина ***feodum militare*** **(**в Англии получившая название ***a knight's fee***); ожидаемо, что вознаграждались и гражданские лица, отсюда гражданская причина надела – ***feodum laicum*** **(**= ***a lay fee***); церковное землепользование.

Наблюдения за текстами показывают, что информационно значим порядок размещения в тексте определения-уточнения ***in-fee*** (постпозитивное с предлогом!). Составной термин ***fee-estate,*** где беспредложный *fee* как компонент общего значения также обозначает «даровано королем за заслуги» (помним: вся земля принадлежит только королю!), но передается вассалам с разным обременением, и означает *lands or tenements for which some service is paid to the chief lord*[3].

---

[1] Особая форма аренды земли (лат.).

[2] Аренда на твердых условиях, что давало арендатору определенную возможность планировать расходы и доходы (англ.).

[3] За землю оказываются определенные услуги главному лорду (англ.).

В деловом мире царствует интерес в выше истолкованном смысле: за все надо платить. Формы оплаты могли быть самыми разными – от труда, части выращенного урожая (в земледелии) до универсального платежного средства – денег. Слово *fee* оказалось в центре такого процесса.

В Шотландии в подъязыке права используется термин ***fee-fund*** *– certain dues of court out of which court officers are paid*[1]. Закономерность развития общего смысла и предметно-логического значения номинативного средства практически одинакова – от первоначального материального значения «аренда земли на определенных условиях» через ее компенсацию (отработкой или частью урожая) до оплаты земли в денежной форме (с максимальной оторванностью от земли: оплата услуг, например, юриста, а в дальнейшем – любого носителя специальных знаний). В том, что первым конкретным специалистом назван юрист, несомненно, есть резон: вопросы владения землей сложны и важны, потребность в специальных правовых знаниях всегда высока, поэтому рынок приложения знаний юристов сформировался раньше других, а арендатор был готов идти на расходы ради знания.

Остается отметить локальную особенность результата семантического развития значения «оплата услуг юриста/адвоката»: в Англии – это полная оплата услуг юриста/адвоката, в то время как в Шотландии – часть оплаты (конкретно за услуги суда как посредника в судебных спорах, прежде всего, из-за земли).

В феодальном земельном праве насчитывается множество понятий, выражающих тончайшие нюансы особых форм деловых отношений, складывающихся между владельцем земли и арендатором. Они определяют смысловые центры пользования: единовладелец земли – король, и лица, им уполномоченные (лорды разного уровня и полноты власти и полномочий), которые вели практические дела.

Для названий многих правовых понятий характерно большое количество номинативных средств, которые мы называем парадигматическими номинативными или синонимическими рядами, поэтому яркой характерной чертой юридической терминологии

[1] Форма оплаты судебных услуг, из которой оплачиваются судебные служащие (англ.).

является синонимия, позволяющая называть, значит, выделять мельчайшие нюансы правовых отношений.

Каждый раз принципиальная оговоренность условий права пользования землей и формы отработки/оплаты поражают своей тщательностью, продуманностью, гибкостью, доходящей до тончайшей скрупулезности, что отражается дополнительными смысловыми признаками в словах, обозначающих те или иные формы и нюансы аренды.

Логика языка определяется логикой жизни, а в жизни вообще и, что особенно важно, в жизни конкретного человека земля занимает огромное место, особенно в эпоху земледелия, которая пришлась на Средневековье. Для миллионов людей земля была (может быть, кроме торговли) важнейшим источником существования, средством продолжения жизни своей и семьи, поэтому языковые средства в юридической терминологии, частью которой является терминология земельного права, использовались очень продуманно: вырабатываются и выживают языковые средства, которые точно передают истинные намерения участников деловой операции.

В последнее время имеет место переакцентировка мнения: не логика, а психология изучает законы мышления со следующим пониманием специфического участия каждой из данных наук в этом сложном процессе.

Логика изучает конкретные формальные схемы мышления, логика льнет к изучению конкретных закономерностей мышления. Для нас такое ригидное разделение сферы влияния логики и психологии кажется непродуктивным. Эта новизна по меньшей мере неожиданная с той точки зрения, что оба понятия. В равной степени законы мышления как нечто общее и законы логики как нечто более специфичное, не могут не базироваться на психологии. Если человек – часть природы (что является аксиомой), то и мышление как неотъемлемая часть человека также не может не быть частью природы. Неслучайно, что в последнее время биологический этап в становлении человека не только сохраняет интерес ученых, но даже ими подчеркивается. Пока на вопрос: является ли логика частью природы? – ответа нет.

Условия владения землей, несомненно, главное, что следует соблюдать при операциях с ней. С младенчества от родителей

землепользователь осознает, что землей можно владеть, пользоваться и распоряжаться при незыблемости главной оговорки: вся земля принадлежит монарху. Но всю землю невозможно обработать самому, поэтому естественно встает вопрос о расширении круга владельцев-пользователей землей, при этом важно изначально оговорить условия такого пользования.

Сквозь призму интереса мы можем говорить как о земле, так и о многом другом, в частности, о важном деле. В эпоху частых войн король не может выиграть битву на поле брани один – ему нужны воины, поэтому, опять же понятно и естественно, у него появляются две интенции:

1) через раздачу земли вознаградить своих испытанных солдат и тем самым привлечь новых;

2) парадоксально, но факт: существующие разные формы раздачи земли неукоснительно сохраняют ее для первовладельца и в то же время гарантируют обработку земли и постоянное пополнение армии короля новыми солдатами для новых войн.

У этого двойного процесса свои очевидные логика и онтология: в зависимости от степени услуги выдается определенная площадь земли и оптимизируется время ее пользования. Это важные параметры пользования с прямым прицелом на будущее: наиболее заслуженные нынешние владельцы смогут часть земли передавать по наследству, а другие, оказавшие менее значимые услуги, – нет. За землю надо получить какую-то оплату: в форме труда (на полях всегда нужны работники) или части урожая, или в виде несения военной службы, или денег для обретения королем других потребительских товаров/услуг. Так в результате учета жизненно обусловленных онтологических и концептуальных причин возникают разные условия аренды земли.

Как разумное существо человек продумывает средства существования в зависимости от своей деятельности. Страна растет в прямом смысле – увеличивается ее территория и население. В одиночку трудно управлять всем – встает вопрос об организации власти таким образом, чтобы, привлекая других, сделать себя вечным властелином. Королю нужны помощники, которые должны стать его советниками, членами правительства и парламента и суда, выполняющими единственную функцию: быть проводниками его идей и желаний.

В обществе и во власти появляется много новых категорий людей, в частности, количество разного рода (у)правителей на местах растет с поражающей воображение скоростью. Их функциональные обязанности, место и отношение к королю подчинены одному принципу – быть верным подданным. На этом все заранее расставлено в результате очевидного моделирования разносторонней жизнедеятельности короля, для успешной реализации которой и требуются такие функционеры.

Наиболее верные и заслуженные сторонники короля получают право быть его доверенными лицами; естественно, именно они имеют самые большие наделы земли и наиболее высокие должности. С другой стороны, в жизни есть мелкие арендаторы. Получив меньшие наделы земли, в условиях междоусобиц они прекрасно понимают, что на таких полях им не вырастить достаточно урожая, чтобы обеспечить продовольствием свои семьи и продать/обменять часть урожая, чтобы купить одежду и все остальное, а самообеспечение – устойчивый принцип феодализма. Более того, мелкий арендатор прекрасно видит, что богатые часто ссорятся и ведут войны, участие в которых для арендаторов является одной из форм отработок (несение военной повинности) за полученную землю. Угроза разорительных и опустошающих поля и закрома войн, отсутствие элементарных средств обработки доставшейся земли заставляют бедных издольщиков отдавать землю богатым и сильным (с военной точки зрения) лордам, которые в ответ обещают помощь и заступничество. *Лорд*, принимая землю, и *вассал*, отдавая ее, оговаривают условия обработки, пропорции разделения урожая и многое другое. Такое специфическое владение землей может осуществляться с установлением и выполнением самых разных обязанностей и условий. Но это – в идеале. В реальной жизни каждый учится, наблюдая за другим, и сам активно накапливает личный опыт. У каждого человека (как у лорда, так и вассала) складывается *собственный* практический жизненный опыт, и результаты наблюдений и накопленные знания определяют его жизненный путь.

Землю сдают и арендуют, то есть запускают в хозяйственный оборот на определенных условиях, которые в принципе повторяются. Некоторые из них становятся наиболее типовыми, или стандартными, а значит, максимально востребованными, напри-

мер, существует термин, обозначающий такую часть земельных договоренностей, как ***conditional***, ***or determinable fee***, которые могут долговременно действовать, оставаться в силе по той причине, что деловой оборот в сельскохозяйственном производстве довольно длительный процесс. При благоприятном стечении всех обстоятельств он может занимать несколько месяцев, поэтому условия производственных отношений в области землепользования сложны, хотя и довольно прогнозируемы.

Отсюда следует существование ожидаемых устойчивых условий пользования землей. Понятна такая разновидность, как ***conditional fee*** – право пользования наделом на определенных условиях, например, землю, можно передавать по наследству не вообще, а только конкретно оговоренным наследникам (с исключением остальных): наследники только главы семейства – только прямого кровного родства – только мужчины – только старший сын (с исключением младших сыновей) – с исключением наследников по боковой линии. Если оговоренных наследников нет, то после смерти настоящего арендатора, земля должна вернуться к лорду. Данный термин часто заменяется близким ***base fee***. Так, внутри большого концепта «передача земли на обработку с правом передачи ее по наследству» можно выделить несколько специальных терминов, четко оговаривающих лиц и сроки такой передачи. Каждый из них становится одним из многих содержательных признаков более крупного понятия «аренда земли у арендодателя».

Наравне с синонимией и антонимией родо-видовые отношения характерны для английской судебно-правовой терминологии.

Следующий вид ограничения на землю – ***determinable fee***. Данное название часто сопутствует двум другим: *base fee* и *qualified fee*. Глагол *to qualify* в английском языке означает *to meet some standards*; *to be of particular sort*, *kind*, *etc.*[1], то есть земля становится средством производства только тогда, когда будет соответствовать определенным требованиям.

Важное место в списке многочисленных терминов, обозначающих разные условия держания земли, занимает составной термин ***fee simple defeasible*** (= ***defeasible fee***), где слово *defeasible* –

[1] Соответствовать определенным стандартам (англ.).

документ, подлежащий отзыву, аннулированию, если ранее оговоренные условия его вступления в силу не выполнены. В таком случае договорный инструмент становится ***defective*** – *incomplete*, *deficient*, *faulty*[1]. Опять же, исходя из огромной жизненной важности земли в жизни человека, сделки на землю, как правило, обозначаются особой весьма обширной терминологией, среди которой ведущим термином, обозначающим операции, сделки, договоры о наследовании, передачи, уступки земли является право собственности (***title***).

В подмножестве «документы, подлежащие отмене» существует термин ***defective title*** – *one which is unmarketable*[2]. Во множестве земельных договоров *defective title* означает, что лицо, имеющее договор о передаче земли, заявляет, что все документы у него чистые, но на самом деле является таким пользователем земли, который зависит от кого-то еще и прямой сделки с ним нельзя совершать.

В той или иной форме земельный рынок существовал всегда, то есть были люди, желающие приобрести землю или, наоборот, отказаться от нее через разрешенные рынком операции. В связи с этим понятна востребованность в таком документе на товар (в данном случае – на землю), который человек, вполне осведомленный в области купли-продажи земли, со знанием дела примет как чистый и правдивый или ***marketable*** – *unmarke-table*[3]. Оценивая его, опытный человек исходил из следующего: если документ на землю правильный, то вся операция законная и деньги покупателем уплачены честно, а продавцом честно получены. Отсюда еще одно важное следствие: такая сделка подлежит безусловной регистрации. Большое значение имела квалификации продавца и покупателя, ведь она может быть весьма умеренной: часто это лишь человек, имеющий минимальный положительный опыт и знания о такого рода операциях.

За многие века изначальные условия предоставления – передачи – наследования земли усложнились частично из-за появле-

[1] Неполный документ (англ.).

[2] Дефектный документ, который не позволяет выставлять землю на торги (англ.).

[3] Настоящий или поддельный (англ.).

ния разного вида собственности и разнообразных форм пользования землей, а документы, подтверждающие тот или иной титул земли, могли быть утерянными, исчезнувшими, просто не существующими. Со временем данный вопрос приобретает остроту, поэтому у юристов, которые ведут сделки с землей, руководствуясь нормами *land law*, появилась особая специализация с производным названием *land lawyer*[1].

В определенных случаях власти проявляли определенное понимание и терпимость к качеству предъявляемых к сделке документов, уповая на положительное знание данного рынка средним покупателем, которое явно далеко от полного и идеального знания. Регистрационные органы были достаточно лояльны: надежный (*marketable*) титул (правоустанавливающий документ на землю) необязательно должен быть совершенным, то есть свободным от любой возможной технической погрешности, он должен быть *разумно* или достаточно надежным. Чтобы осознать смысл такого требования к качеству земельного инструмента, обратимся к другому составному термину, обозначающему то же самое: ***good title***[2] в сопоставлении с антиподом ***bad title***[3] (еще одно подтверждение универсальности явления противопоставления или антитезы в жизни, мышлении и языке).

Good title *– a title free from reasonable fault or doubt*[4]. Практически, это синоним сочетания *marketable title – a title which is free from encumbrances and any reasonable doubt as to its validity*[5]. В этом случае значение слова *good – valid, sufficient in law*[6]: несомненно, что данные два качества выросли из общих обыденных или онтологических качеств: *unobjectionable*, *sound*, *effectual*[7].

Контрастное терминологическое сочетание *bad value* раскрывается благодаря обращению к антонимам в языке как средстве их материализации: *bad title – defective*, *not marketable*, *not*

---

[1] Юрист-специалист по земле (англ.).

[2] Законные (чистые) документы (англ.).

[3] Поддельные документы (англ.).

[4] Безупречный правовой титул (англ.).

[5] Безупречный правовой титул (англ.).

[6] Законный, безупречный (англ.).

[7] Надежный, действительный, соответствующий истинному положению вещей (англ.).

accepted by a purchaser[1] со столь же очевидным значением обыденного слова *bad – opposite to good*[2]. Такая семантизация слова является практическим примером антитезы как реальной ментальной схемы, работающей в земельном праве.

Человек един в своих противоречивых качествах: достойных и позорных, честных и лживых, восхищающих щедростью и абсолютно недостойных и презренных. Это определяет и порождает нравственную подкладку права. Как есть разные люди с разнообразными чертами личности, так в праве есть разные признаки и свойства. Появление письменных договоров на огромные суммы товаров способствовало появлению новых видов обманов и мошенничества. Судя по количеству слов, обозначающих разные виды манипуляций с договорами (*doubtful*, *colored*, *bad*, *imperfect*, *naked etc.*)[3], подделка документов стала массовым явлением того времени.

Каждая операция на земельном рынке – это большая деловая транзакция, целое правовое событие со многими участниками: покупателем – продавцом – возможными посредниками – органами регистрации. Цепочку может усложнить: … посредник – адвокат-юрист, сопровождающий сделку – эксперт – и так далее.

Деловая операция на рынке предполагает понятие рыночной стоимости (*market value*) как той цены, по которой товар поменяет хозяина к удовлетворению продавца и покупателя. По определению практического юридического словаря, рыночная цена – это такая цена, которая приведет на рынок продавца и покупателя, желающих совершить продажу-покупку[4]. Необходимым условием является отсутствие всякого давления как на продавца, так и на покупателя.

Жизнь показывает, что в разные годы коммерческая ценность земли различна, например, из-за погодных условий: один и тот же земельный участок может быть очень урожайным (а значит, коммерчески и рыночно привлекательным), так и неурожайным в неудачный год. Многое зависит и от умения распорядиться

---

[1] Дефектный, не может быть предъявлен при покупке-продаже (англ.).
[2] Плохой как обратное хорошему (англ.).
[3] Поддельный, фиктивный, ложный (англ.).
[4] См.: *Steven H.* Gifis. Law Dictionary. London. Toronrto. Sydney, 1975.

землей со стороны ее владельца, включая оптимальный подбор культур, применение удобрений, соблюдение севооборота и многое другое. Ясно, что все эти факторы не могут не отразиться на рыночной цене земли.

Как правило, при продаже учитывается рыночный опыт операций с землей в данном регионе с его средними показателями характеристик за несколько лет. Собранные в сознании человека вместе эти факты, факторы и характеристики выводят участников рынка на реальные цены. Это получает разные, но в принципе в жизненном восприятии понятные названия с единым значением: ***market value***, ***actual value***, ***cash value***[1] и, может быть, самое точное и внушающее понимание и доверие понятие – ***fair market value***[2].

Человек всегда проявлял понятную обеспокоенность по поводу того, чтобы документы на землю были оригинальные, то есть исконные, без обмана. В начале это было понятное желание сократить количество исходных/оригинальных правоустанавливающих документов. Во времена сплошной безграмотности прибегали к простому, но довольно эффективному методу: на документах ставили особые знаки, которые, по мнению составителей, было трудно подделать. Защитные меры начали применять рано, например, документ сворачивали и разделяли на две части с фигурной линией разрыва/разреза – *indentation*. Действительно, фигурная линия разреза при сопоставлении/физическом приложении одной части к другой давала ясную картину: если линии разреза не совмещались, то это была явная подделка.

Создается подмножество слов с общим значением «юридический/правовой изъян документа», история создания и функционирования членов которого вписывается в общую языковую, онтологическую и когнитивную закономерности.

На этапе дописьменного развития человек наивно оставлял особые знаки на самой земле, например, «земля у ручья» или «участок у высокого дерева» принадлежит *N*. По мере накопления знаний, качественного совершенствования результатов наблюдения за природой и накопления опыта он устанавливал, что природа – живая, поэтому она меняется: дерево растет, стареет

[1] Рыночная цена (англ.).

[2] Справедливая рыночная цена (англ.).

и гибнет, унося информацию о своей роли и предназначении. Язык же как вторая сигнальная система представляет большие возможности для фиксирования конкретного надела земли через сообщение нескольких его параметров. Устанавливается четкая языковая закономерность: языковые средства являются как исконными, так и заимствованными в первую очередь из тех языков, с носителями которых они взаимодействуют наиболее часто: латинского, норманнского и франко-норманнского, скандинавских языков. Количество заимствований и их принадлежность к определенному языку коррелируют с определенным временем их заимствования. В Англии хронологически самые ранние – латинские заимствования, потому что важные документы составлялись на латинском языке, а потом на языке нормандских завоевателей. Исконные названия постепенно исчезали.

Благодаря процессам концептуализации и категоризации, исходные принципы новых земельных правоотношений меняли действовавшую логику и систему землепользования настоящего и прошедшего времени. При разрешении коллизии из-за земли человек, основываясь опять же на жизненном опыте и зрелом размышлении, учитывает разные аспекты: *кто* получал землю непосредственно *от кого или через посредство кого*. Следовательно, логично использовать еще одну оппозицию: земля получена землепользователем *непосредственно из рук короля* или *по праву наследования*, что является наиболее льготным держанием земли, против земли, полученной из вторых рук. То, что новая оппозиция существенна, отображают следующие номинативные единицы, существовавшие еще в *OE*: ***feodum pro prium*** (*a proper and original fee*, *regulated by the strict rules of feudal succession and tenure*) *vs* ***feodum impro prium*** (*an improper or derivative fee*)[1].

Как мы уже отмечали, иерархию разных по степени надежности форм владения землей возглавляет понятие ***fee***/***simple***/***fee simple absolute***. Из-за его максимальной привлекательности для арендатора есть еще одно название, заимствованное из латыни: ***feodum simplex*** – *a simple or pure fee* (= *fee simple*)[2]. Передача

[1] Должным образом выделенный надел земли, регулируемый строгими правилами наследования и аренды (англ.).

[2] По феодальным законам – корректно оформленная земля (англ.).

с обременением также заимствована в готовой латинской форме: ***feodum talliatum*** *– a fee-tail*.

Вариантом данной оппозиции выступает разновидность, зафиксированная письменными источниками и в сознании современников означавшая результат еще одного противопоставления, которое выражает существенную информацию: ***feodum antiquum vs feidum novum***[1].

Одной из форм военной отработки лорду является служба в его охране: ***feodum nobile*** (*a fief for which the tenant did guard and owed homage*)[2].

Благодаря предлагаемой дихотомической закономерности, точным указателем на время написания текста является употребление в нем латинских заимствований в силу следующего исторического факта: влияние латинского языка в Англии опередило влияние норманнского и французского.

Наличие длинных парадигматических рядов в юридической терминологии объясняется тем, что одни и те же земельные реалии обозначаются языковыми единицами из трех языков: германского/английского, латинского и норманнского/французского с той непреложной закономерностью, что исторически первыми обозначениями были германские, потом латинские и последние – франко-норманнские. Таким образом, чем древнее текст, тем больше в нем исконно германских слов, описывающих земельные отношения, потом латинизмов, что в целом стало четким и устойчивым критерием языковой и временной маркировки/идентификации текстов.

Широко употреблялись латинизмы ***feoffamentum*** *(= a feoffment)*; ***feoffare*** *(= to enfeoff)*, *to bestow a fee*; ***feoffator*** *– a feoffer*; ***feoffatus*** *– feoffee*.

Feoffment означает древний сложившийся обычай, практику передачи земли *the grant of a feud*, *fee*; *that is a barony or knight's fee*, *for which certain services were due from the feoffee to the feoffor*[3].

---

[1] Земля по наследству *vs* земли, полученной первым землепользователем (лат.).

[2] Земля в награду за охранную службу и верность (англ.).

[3] Передача земли, в дальнейшем названная владением барона или рыцаря, которые будут обязаны оказывать определенные услуги господину (англ.).

Веками это было единственным средством передачи земли на условиях фригольда, но потом оно утрачено в Англии, и стало осуществляться путями, установленными статутным правом.

Земля всегда была и есть главной недвижимостью, базисом жизнедеятельности человека: раньше это обозначалось как ***feudal actions***[1], сейчас – ***real actions***[2]. Варианты предоставления земли разнообразила практика жизни, но в этой операции всегда было две стороны: передающая землю и принимающая ее, что уже являлось первичной оппозицией, или противопоставлением. Дальше шли варианты. Принимающей могла быть не сама сторона, которая вступает во владение землей, а так называемое третье лицо/посредник. В этом случае практический пользователь на совесть исполнял свои обязанности, не имея права получать доход на себя. В таком значении в подъязыке земельного права используется термин ***feoffee to uses***. Иногда такое третье лицо могло появиться со стороны предоставляющего землю (***feoffor to uses***), а весь процесс с третьими сторонами – ***feoffment to uses***. К настоящему времени статутное право эту практику изменило коренным образом.

Если язык принято именовать системой систем, то познаваемая реальность материальной и социальной жизни, мир игры воображения и мысли поистине безбрежны. Такова реальность земной культуры: сколько существует поколений людей, именуемых *homo sapiens*, столько времени они пытаются восстановить свою историю, генезис, но на каждом этапе многое остается непознанным, нереконструированным.

Земельное право – одна из первых отраслей права, потребовавших от людей упорядоченных отношений в сфере землепользования. До сегодняшнего дня оно остается наиболее сложным видом права. В английском правоведении известно высказывание: тот, кто познает земельное право Англии до конца, тот способен познать все английское право[3].

---

[1] Феодальный хозяйственный оборот земли; использование недвижимости (англ.).

[2] Сделки с недвижимостью/землей (англ.).

[3] См.: Lands Acts // The Oxford Companion to British History / ed-d by John Cannon. Oxford University Press. 1997 P. 557–558.

Многолетний опыт человека свидетельствует, что анализировать, реконструировать процессы зарождения, становления и развития как общего права, так и его части – земельного права, важно, но для выживания, жизненного благополучия и процветания человека важнее знать, как эти законы работают сейчас. Во все времена главным критерием успешности развития земельного права является то, насколько человек смог обеспечить себя питанием, продуктами обработки земли. В таком прагматическом понимании развитого права феодализация земли приобретает конкретность: получив землю, новый пользователь компенсирует дарителя земли сначала выращенными продуктами, в дальнейшем по мере роста обмена и рынка – в денежной форме. Тут употребляется термин ***feorme***, означающий *a certain portion of the produce of the land due to the lord according to the terms of the charter*[1] – это уже новая тема как одна из названий частных глав большого нарратива под условным названием «Язык земельного права и землепользования в Англии», которая предлагает новую информацию благодаря новым номинативным единицам.

В акте передачи-получении земли всегда присутствуют две прямо противоположные стороны: сторона дающая, предоставляющая землю *vs* принимающей, берущей землю, которые в старых текстах имели языковые названия, заимствованные из латыни. Так сохраняется в истории земельного права и его подъязыка ведущая оппозиция: получатель (*a feoffee*, *feoffatus – one to whom a fee is given*) ***vs*** предоставивший землю (*a feoffer*, *feoffor*, *feoffator – one who gives or bestows a fee*, *one who makes a feoffment*).

Как показывает анализ, *мыслительная схема, или фигура контраста, противопоставления* представлена очень широко в подъязыке земельного права. Изобилие методов землепользования и, естественно, языковых средств, посредством которых человек их называл и благодаря чему он мог реально ими пользоваться, может быть упорядочено в целях оптимального анализа и знаний при помощи понятий шкалы или иерархизации и оппозиции. Следовательно, мы говорим о господствующем виде логических и языковых отношений, характеризующих земельные отношения, – отношения контраста или оппозиции. Наиболее вероят-

[1] Часть урожая, поступающая лорду по условиям соглашения (англ.).

ная форма реконструкции земельных отношений через инструмент оппозиции может быть представлена в виде ментальной формулы *A vs B* как при анализе видов и форм аренды, так и языковых средств, их обозначающих. Обращение к логике как наиболее общей науке о законах мышления показывает, что такая формула хорошо известна с древних времен. Доминантные признаки качества *A* и *B* могут быть более динамично представлены в виде шкалы. Рассмотрим ее простой принцип построения: определенное качественное понятие в жизни присутствует в разной степени.

На некоем ментальном векторе выстраиваем языковые средства от большей через среднюю к малой степени. В данном контексте мы пользуемся категорией интенсивности. Верхнюю часть шкалы занимают языковые средства, обозначающие наиболее привлекательные формы пользования землей для арендатора – ***fee simple***, ***fee simple absolute***. У нее присутствуют два ключевых признака:

1) землепользователем может быть только одно лицо и его наследники;

2) право на землю установлено надолго без ограничения (времени) или какого-либо дополнительного условия.

Так в гуще жизни создается целая понятийная сфера, концептосфера, или ментальное поле «Земля, ее использование и земельный рынок» – большое самостоятельное понятийное пространство, которое далеко не исчерпывается рассмотренными здесь понятиями и языковыми средствами, их отображающими.

Жизнь не стоит на месте, она постоянно меняется: что-то, как не оправдавшееся в новых условиях, уходит, а что-то по закону заполнения временного вакуума приходит как результат вечно работающей неуспокоенной мысли человека и углубления понимания самой жизни.

Важны те доминантные принципы работы человеческого сознания, функционирующие по уже проторенным ментальным дорожкам в соответствии с давно сложившимися и потому ставшими стандартными механизмами мышления, по которым человек живет уже много столетий.

Одним из часто употребляемых приемов мышления является, по-видимому, умение человека разделить единое большое поня-

тие на составляющие, выделив у каждого специфичные дополнительные/уточняющие/выделительные признаки в результате процесса концептуализации, и на этом основании предложить новые категории и подкатегории, реализуя практически процесс категоризации. Первое и наиболее радикальное расщепление единого происходит *на две* контрастные, или противоположные составляющие.

Право – та особая область знания и практической активности человека, которая позволила выделить в жизни концепты справедливости и несправедливости, расщепить жизнь на два контрастных образа жизни: в соответствии с нормами или правилами, по которым живет большинство (правовой образ жизни) и на противоположный, когда нормы общежития не соблюдаются, а нарушаются (антиправовой).

Человек как продукт природы познает ее и в процессе развития создает новую разновидность среды – мир социума, формирует свой духовный мир, который полностью умо- и рукотворный. Во всех этих мирах есть свои регулярные законы, нормы и правила, а жизнь как вечный и неизбывный объект и предмет изучения для человека постоянно преподносит что-то новое, например, связанное со сторонами договора. При его заключении одна сторона может отсутствовать, но на основании документов может уполномочить кого-то представлять договорную сторону: так возникают трех- и многосторонние договоры. Третья сторона, как может показаться, нарушила бинарный принцип, но на самом деле лишь показало сложность и многомерность жизни, вариативный характер ее закономерностей.

Понятие количества, или концепт «много» в его понимании как «больше, чем один», по справедливому мнению В. З. Панфилова, является одним из сложнейших в человеческой культуре[1], оказалось жизненно востребованным человеком.

Противоречие между ощущаемой неполнотой своих знаний о мире и его разрешение через открытие категории количества успешно преодолевается. Оно обогатило ставшую уже классической модель феодального образа жизни, который был первым классическим стандартом отношений, определявшим и в извест-

[1] См.: *Панфилов В. З.* Категория количества. Москва, 1976. С. 18.

ной степени диктовавшим условия выполнения договора, создававшим свой образ жизни.

Человек – креативное существо, постоянно находящее в поиске, эксперименте. Королю было мало владеть землей, сдавать ее в аренду и получать прибыль от труда тысяч крестьян. В дополнение к обычной оплате арендуемой земли он установил закон, где оговаривалось три случая, при наступлении которых он получал право дополнительно обратиться за помощью к арендаторам:

1) в момент совершеннолетия старшего сына, что означало проведение торжественного ритуала посвящения его в рыцари при стечении большого количества гостей и народа. Ритуал превращался в своеобразное грандиозное, красочное шоу, на что требовались большие средства. Естественно, надо было экипировать будущего рыцаря и наследника короны в соответствии с его новым высоким статусом;

2) при выдаче замуж старшей дочери короля – по традиции невесте требовалось богатое приданое, что также покрывалось вассалами;

3) если во время войны король попадал в плен, то требовались деньги для его выкупа, опять же из карманов бедняков. Этому в истории было несколько примеров, в том числе выкуп короля Ричарда Львиное Сердце из плена на территории современной Австрии.

Об обращении в суд из-за таких поборов нечего было и думать, потому что судебная власть была в руках короля и его приближенных, которых король обдуманно и системно собирал.

Помимо раздачи земли вассалам, король давал лордам привилегию быть главой суда в их поместьях. Так как другого суда не существовало, то все вассалы поместья были в руках главы манора и в рамках судебной власти. Более того, напомним, что вассалы обязаны были присутствовать на заседаниях суда, потому что для какой-то части арендаторов такое присутствие принимало особую форму отработки, оговоренную при передаче земли.

Существовало несколько разновидностей судов. В соответствии с современной структурой и терминологией базовыми являлись (по традиции назовем их) суды первой инстанции для тех вассалов, которые переуступили свою землю барону или главе

манора, прося у них защиты, совершив акт *subinfeudation*. Наиболее типичным названием были ***manorial court***, или ***court of the manor***, ***court baron***[1].

В *OE* период наиболее вероятными судами низшей инстанции стали ***hundred courts***, но после нормандского завоевания их работу приостановили, а потом закрыли. Новые бароны получали из рук короля право учредить свои суды, ***court baron***[2] (словосочетание, построенное по правилам французского языка). Так новые феодальные порядки, навязанные норманнами, которые получали поддержку и защиту в новых судах, обретали законность.

Частная судебная власть (в виде судов поместья) не могла не поддерживать тот общий порядок в стране, благодаря которому эти суды были организованы. Так замыкался порочный круг: власти учредили суды – суды поддерживали власть.

Импортированные из Нормандии новые феодальные принципы претворялись в практику управления другим народом на всех уровнях – от центральной власти в лице короля до власти на местах, которая, естественно, оказалась в руках крупных лордов, отмеченных королем дважды: землей как гарантией их материального процветания и главой суда как гарантией их властной доминации в обществе. Количество рыцарей от каждого фифа определялось королем, чьи подсчеты не были точными, так как он лишь приблизительно знал размеры наделов, количество крестьян на них, среднюю урожайность культур и другие параметры, что потом он захочет исправить радикальным образом (подробнее см. в гл. 7).

Как правило, большинство наделов выделяли вокруг замков, которые победители осмотрительно построили для защиты от враждебного населения. Такая насыщенность наделов на ограниченной площади получила название ***castellaria*** (от лат. *castellar – pertaining to*, *or of the nature of a castle*[3]; ***castel***, ***castellum*** *– castle*, *fortress*, как уменьшительное от ***castrum*** *– military camp*[4]).

---

[1] Суд феодального поместья, суд феодала (англ.).

[2] Суд господина (англ.).

[3] Замок для военных целей (англ.).

[4] Вооруженный, укрепленный лагерь (англ.).

Замки являлись опорными военными объектами, которые внесли значимую лепту не столько в военную победу над противником, сколько в интенсификацию феодальной эксплуатации. Их строили с целью надежной защиты от мятежников и бунтарей. Замки стали оплотом угнетения и были ненавистны местным жителям. Для строительных работ привлекали большое количество строителей из окружающих маноров. В результате отвлечения на строительство и защиту замков от нападения страдал сельский труженик: без заботливых хозяйских рук земли часто приходили в негодность, что далеко не лучшим образом сказывалось на урожае и достатке. После окончания строительства замкам требовались регулярный уход, ремонт и охрана. На внешней линии обороны замка была необходима стража (***castle guards***, ***castle wards***), для чего опять привлекали местных жителей.

Годами складывалась так называемая за́мковая культура, которая породила за́мковую литературу. Таким образом, замки во многом изменили не только весь облик английской сельской местности, но и образ жизни сельчан.

Новая реальность нашла отражение в земельном праве, в частности, в увеличении количества участников оборота земли. Так как состоянию замков придавалось большое значение, то была введена еще одна форма отработок за землю. Местные крестьяне становились, так сказать, второсортными рыцарями, оказывавшими поддержку регулярным, или кадровым гарнизонам местных замков. Опять работал принцип «разделяй и властвуй»: расслоение между военнослужащими не способствовало их взаимопониманию и взаимодействию в боевых условиях.

За военную службу в замке крестьяне пользовались землей на жестко оговоренных условиях: помимо денежной платы, они несли повинность по участию в содержании замков, в частности, в несении караульной службы. Она стала приоритетной среди других повинностей, что неукоснительно поддерживалось властями. Подобная форма отработки просуществовала вплоть до XVII в.

В пограничных ширах, за границами которых укрывались непокоренные англосаксы, были созданы особые укрепленные районы, представлявшие комплекс оборонительных и защитных сооружений. Замки здесь получили особое название: *peel* (*pel* –

общая *A-Fr* форма, что говорит об их востребованности как во Франции, так и в Англии). Сначала они представляли собой примитивные земляные валы, заграждения из поваленных деревьев, то, что в горных районах (например, на границе между Англией и Шотландией) было серьезными фортификационными сооружениями.

Время шло. С нарастанием обострения между странами, а главное, с ростом намерения английских королей насильственно, военными мерами присоединить северного соседа они превратились в *massive square towers or fortified manors*[1]. На этом этапе английской истории такие районы назывались ***palatine earldoms*** (***palatine*** – *of the palace type*)[2], во главе которых стояли верные королю люди, часто члены королевской семьи или близкие родственники.

В исторической памяти британского народа сохранилось несколько высоких титулов. Руководители укрепленных районов были уже не просто *counts*, *earls*, они получили дополнительный более высокий статусный номинативный признак «дворцовый»: ***lord palatine***, ***count palatine***[3], с определением в постпозиции опять же по правилам французского языка. В текстах встречается ранняя англизированная форма: *palatine count*, например, *the rich palatine city of Durham*[4]. *Palatine – belonging to a palace or palatium*[5], что в жизни наполнялось конкретным содержанием: *possessing royal privileges*; *his jurisdiction is second only to the king's*[6].

Концентрация внимания и усилий короля по укреплению пограничных районов невольно приводила к ослаблению других районов. Поставлять рыцарей были обязаны все графства, но концентрация рыцарского воинства в отдельных районах не позволяла королю вовремя собрать достаточное войско на всем протяжении границ, а также – что особенно важно – в неожиданном, наиболее опасном месте. Именно такого рода военная ситуация, возникшая в 1066 г., не позволила английскому королю

[1] Толстостенные квадратные башни (англ.).
[2] Графские дворцы (англ.).
[3] Дворец лорда (англ.).
[4] Богатый город Д. с дворцами (англ.).
[5] «Подобный дворцу» (англ.).
[6] Всесильная юрисдикция, как у короля (англ.).

Гарольду II справиться с двумя угрозами, возникшими одновременно: высадкой нормандских войск под Гастингсом на юге и начавшимися военными действиями против викингов на северо-востоке.

В господствующей системе управления страной у короля появились сильные соперники, что требовало нового подхода. Найденное решение лишь подтверждало важность жизненного опыта и умения человека мыслить.

Для исправления чреватого большими опасностями перекоса в военной политике крупные фифы первородных лордов стали относительно равномерно распределяться по всей территории страны (напомним: крупные фифы выделяли значительное количество подразделений рыцарей, что было стратегически важно для короля).

Как гласит народная мудрость, *in for a penny, in for a pound*[1]. Лорд получил так много земли, что она находилась в 14 графствах, и вместить ее в одно компактное владение было просто невозможно. В этом король также увидел большую пользу и выгоду: чтобы взять под жесткий контроль всю страну, ему было выгодно – политически и в военном отношении – направлять своих крупных сподвижников в разные уголки Англии по очевидной причине: это делало их более надежными, так как они не успевали вербовать единомышленников в борьбе против короля – поскольку идея очередного заговора постоянно витала в воздухе.

В итоге проводимой политики власть на местах складывалась следующим образом: во главе крупных земельных наделов стояли верные королю крупные феодалы. Их поместья-замки превратились в военно-хозяйственные центры, откуда они управляли всей округой. Такие крупные поместья получили название ***honor*** (слово пришло из латинского через французский).

От общих широких значений «уважение» (*respect*), «почет» (*esteem*) оно становится *personal title of high respect and esteem*[2] с очевидной ассоциативной связью между значениями. Это высокое звание закрепляется в XVI в., например, за судьями суда

[1] Назвался груздем – полезай в кузов (англ.).

[2] Высокий титул высокочтимого лорда (англ.).

графства: их звание толковалось как *a formal title*, *especially for County Court judges*[1] (1553).

Вполне логично, что человек с высоким званием-титулом должен быть отмечен изрядным наделом земли со стороны короля. Он действительно удостаивался крупного надела, который тоже стал называться аналогично. Так закрепляется закономерность: одно и то же слово имеет несколько значений: одно обозначает высокий титул, а второе – территориально-административную единицу страны или крупное манорное хозяйство-латифундию.

В отличие от других названий высоких титулов и одновременно названий их поместий (например, *lord – lordship*: 1) *a high title*; 2) *a territory ruled by a lord*)[2], новое название стало обозначать более высокое звание и одновременно более крупное поместье. Этим завершается выстраивание еще одного вида – уровня властной иерархии.

Представленная нами закономерность четко работает в клерикальном землепользовании, например, следующие слова имеют два значения (1 – церковный титул; 2 – название земельного владения):

deanery 1, 2 – звание и округа, с которой настоятель собирает питание;

vicarage 1, 2 – звание викария и часть прихода, питающая его;

bishopric 1, 2 – сан епископа и часть прихода, питающая его.

Власть упрочивала свою структуру. Помимо местного территориально-административного был сформирован межрегиональный, или промежуточный уровень. Несколько графств объединялись под одним началом в некий большой регион, что получило особое название: ***seigniority*** *of several manors held under one baron or lord paramount*[3]. Так продолжает работать та же закономерность: по титулу правящего лица называется его владение или

[1] Официальный титул главы суда графства (англ.).

[2] 1) высокое звание лорда;

2) часть площади страны, управляемая лордом (англ.).

[3] Объединение нескольких лордов в более крупное владение под началом – естественно! – более крупного лорда (англ.).

сама область: *lord* (титул) – *lordship* (владение); *seignior* (титул) – *seigniority* (владение); *baron* (титул) – *barony* (владение) с определенной коррекцией: в разное время возможны исторические варианты спеллинга.

Структура общества того времени, его высшая властная прослойка пополнилась еще одним видом землевладельца и правителя, чей статус выше местного барона или лорд, – *honour*.

В дальнейшем сработала еще одна закономерность феодального общества: новая административная единица получила свой суд, что фиксируется в третьем значении слова.

Становятся обычными производные понятия и производные языковые средства: ***honor-court*** *– a court held within honor or seigniority*[1]. Для управления такими крупными поместьями необходимы были помощники. Так власть приобретает системность и структурность, постоянно обрастает новыми составляющими как по горизонтали, так и по вертикали. В целом организуются новые уровни власти, от чего она выигрывает: заполняя вакансии, растет и пополняется правящий класс. Эта системность не плод спекулятивных изысканий. Она проявляется очень очевидно: как только произносится слово *lord* в сознании появляются его ассоциативные связи:

а) с другими видами богатых людей, которые являются не только землевладельцами;

б) главами соответствующих территорий;

в) главами судов (что сохранилось в обращении к судье нового времени – *Your Lordship*[2]).

Параллельно с судебной властью, полученной из рук короля, владельцы больших маноров обладали огромными состояниями, передавая часть земли во временное пользование вассалам. Они становились правящим классом.

Во главе с королем функционировал Высший суд королевства (*Westminster Court*), под личной опекой короля было сформировано Казначейство (*exchequer*), основанное Эдуардом Исповедником, чьи усилия в этом направлении высоко ценил Вильгельм Завоеватель. Несмотря на свою подозрительность, он создал

[1] У такого земельного объединения есть свой суд (англ.).

[2] Господин Лорд (англ.).

Совет из ближайших советников, который в разное время назывался *Star Chamber*, с французским вариантом *La Chambre des Esteilles*, *Council*.

На местах власть упрочивалась аналогично, руководствуясь очевидной логикой: в целом копировалась с той или иной степенью точности и вариативности власть короля и ее устройство в центре.

К концу пребывания на троне (1087) Вильгельм Завоеватель истребил всю англосаксонскую знать, большая часть которой погибла на поле битвы при Гастингсе. Он насаждал свою правящую элиту, в центре и на местах заполняя ее представителями все властные ниши в соответствии с принципами такой привычной и потому такой близкой и дорогой феодальной системы, процветавшей, как ему казалось, в родной Нормандии. Продолжая чувствовать себя чужаком, король делал все, чтобы при помощи огня и меча стереть из памяти покоренных былые времена и былые порядки. К концу его правления в стране оставалось около 1 % от поместий, которые принадлежали старой англосаксонской аристократии.

Пожалуй, впервые для завоевания симпатий местного населения была проведена крупная пропагандистская кампания, а именно запущена пропагандистская утка, согласно которой все новые бароны и лорды приходились … родственниками англосаксонским лордам. Но выжившие титулованные англосаксонские аристократы и только что получившие высокие звания победители понимали разницу между потомственными аристократами, которые носили древний титул *earl*, и новоиспеченным графом-выскочкой, который по-французски назывался *count*. Первых это воодушевляло, вторых – ущемляло.

Как мудрый правитель король понимал, что для успешного управления страной нужно единство, которое он выстраивал по-своему. Несмотря на негативное отношение местного населения, он всячески поощрял смешанные браки между норманнами и наследницами из старых аристократических семей в соответствии с англосаксонскими обычаями.

Постепенно власть крепла. Ее центром в графствах были крепость или замок, откуда нормандский по рождению барон с деловым видом правил вассалами: объезжал владения, а также,

следуя своим исконным охотничьим привычкам и замашкам, исправно вытаптывал поля вассалов на массовой охоте, вызывая гнев и ненависть. Такой образ жизни и способ хозяйствования на земле имели большие последствия как для конкретной конфигурации власти, так и для использования земли.

Каждый барон, светский или церковный, в своем поместье содержал установленное королем количество рыцарей. Это было абсолютно необходимо как исполнение непреклонной воли короля. Настроение покоренных – величина непостоянная и неустойчивая. Наличие в поместье обученных военному делу людей было удобно и выгодно для каждого барона: с их помощью он имел возможность подавлять недовольство местного населения, использовать в качестве психологического давления, держа людей в постоянном страхе и покорности, а также осуществлять военную защиту манора.

Все затраты должны восполняться. Закон материальной жизни гласит, что любую службу надо оплачивать. Местные бароны опять поступали по образцу и подобию короля: часть своей земли они уступали рыцарям в оплату их службы в замках – так процесс пошел по второму кругу: возникла политика вторичной, или очередной инфеодализации. Феодализм терял свой новаторский запал и начинал пробуксовывать.

Ускоренная феодализация Англии по импортированной норманнско-французской модели имела большие социально-политические последствия. Весь заведенный порядок жизни строился на принципах военной службы, отработках, частых стычках между соседями, каждый из которых имел в своем распоряжении вооруженных людей и всегда мог ими воспользоваться для наказания более слабого обидчика. Остатки англосаксов смотрели на все это как на ненавистный оккупационный режим и называли гостей ***cniht*** – *servant*, *retainer*[1].

Knight – общее западно-германское слово *knecht* – с бытовым значением *lad*, *servant*, *soldier.* Семантическое сужение или специализация значения – от сельского увальня (*lad*) через значение проворного слуги (*servant*) до физически крепкого помощника рыцаря, который должен был ему помогать облачаться в тяжелые

[1] Слуга, вассал (англ.).

доспехи, садиться и спешиваться с коня (*soldier*). Слово *knight* стало обретать довольно статусное значение: *military servant of the king or other dignitary of rank*[1]. За безупречную службу он гарантированно получал звание рыцаря. Отвлекаясь от средневековой романтики, связанной с этим званием, в русле нашей темы отметим, что как верный страж короля он получал вознаграждение в виде надела земли: *knight's fee – the amount of land for which the services of anarmed knight were due to the sovereign*[2].

Рыцарская служба (*knight-service*/*knight's service* – употребляются оба варианта) стала опорой феодальной системы власти (первое значение составного термина) и землепользования (второе значение) на местах:

1) *the military service which a knight was bound to render as a condition of holding his lands*;

2) *the tenure of land under the condition of performing military service*[3].

Данное позитивное понятие в дальнейшем получает негативное уточнение-расширение за счет его противопоставления совершенно иному подразряду рыцарей – рыцарь, который получил свое статусное звание не на поле боя, а в мирное время (*knight of the carpet*, или *carpet knight*, где слово *carpet* (ковер) с ассоциациями домашнего комфорта вместо военных опасностей становится символом мира, удобства с тем неизбежным заключением, что такой рыцарь – ненастоящий, «придуманный».

Позже рыцарь как необходимый и надежный для короля человек станет представителем графства в новом органе высокой власти – парламенте, под новым названием: *knight of the shire,* как результат движения общества к новым идеалам добра и, в частности, участия в управлении государством. В современном менталитете это означает *representative of the shire*[4] с номинативным вариантом *knight of parliament*[5]. Так, в соответствии с принципом

---

[1] Военный слуга короля или другого высокого лица (англ.).

[2] Надел земли для рыцаря (англ.).

[3] 1) как условие владения наделом земли рыцарь должен был оказывать военную услугу;

2) аренда земли в обмен на военную службу.

[4] Представитель шира (англ.).

[5] Букв.: рыцарь, заседающий в парламенте (англ.).

воздания должных заслуг за оказанные услуги королю появляется целое рыцарское сословие, которое приобретает важное место в государстве. Мы с полным правом можем вести речь уже о множестве номинаций *knight* от 5 до 7 ступеней (классов) рыцарей каждый со своими льготами и привилегиями:

knight *– marshal knight – banneret knight – bachelor*;

knight *of the garter knight of the post knight of the shire*;

knight's *service knight's fee knight of the Bath*;

knight *of the Garter knight of the Order of St. Michael and St. George*;

knight *of the Thistle – Knight of the Order of the British Empire*[1].

В данном множестве можно выделить несколько тематических подмножеств, например:

а) разновидности рыцарей, получивших звание за военные заслуги;

б) рыцари, получившие титул в мирное время;

в) наиболее главное их качество: быть вознагражденным землей.

В последнем подмножестве заслуживает внимания изначальный принцип: сколько по площади должен составлять выделяемый участок. Существовал «нормативный участок земли» (*sufficient to maintain a knight*[2]), в соответствии с которым действовал король. Этот принцип довольно субъективный: ведь численный состав семьи рыцаря мог быть различным.

Наиболее контрастным, на наш взгляд, является деление языкового множества *knight* на два неравных в количественном отношении подмножества: бóльшая часть имеет заведомо позитивное значение, а меньшая – негативная с точки зрения права и правопорядка. К последнему относится номинация ***knight of the post***, полное значение которого объясняется за счет определения в постпозиции, которое делает полное сочетание прозрачным

[1] Можно говорить об особом земельном сословии рыцарей, которому на протяжении многих веков – от Ричарда I (1157–1199) до 1917 года, введения Рыцарского Ордена Британской Империи, уделялось большое внимание. Как верная опора королей, они вознаграждались разными наделами земли с разными условиями отработок в зависимости от их заслуг.

[2] Достаточно большой участок земли, чтобы содержать рыцаря (англ.).

семантически: *knight of the whipping post or pillory*[1] как исторический эвфемизм с прозаическим значением *criminal*.

В Древней Англии *a* ***whipping post*** *– a post set up usually in a public place to which offenders are or were tied to be whipped, a criminal*[2]. Близкое правоприменительное значение у второго члена дефиниции: ***pillory*** (*OE – pellory, pilori*) *– a wooden framework erected on a post or pillar, having holes through which the head and hands of an offender were thrust, in which he was exposed to public ridicule and molestation. In other forms, the culprit was fastened to a stake by a ring round his neck and wrists*[3]. Содержательные признаки данных слов помогают увидеть реальность феодального общества:

1) *public place* – свободное от построек место, где жители населенного пункта традиционно собирались для обсуждения своих дел. Еще со времен Рима (*forum – the place of assembly*) в городах выделяли общественные места как центр управления городом, где принимали важнейшие решения и собирали людей в случае опасности или военной мобилизации;

2) поскольку традиционные меры наказания не столь были болезненными и мучительными, то ставку делали на общественное вынесение осуждения и презрения. Человек, побывавший у позорного столба, уже не избирался ни в совет, ни в присяжное жюри.

На вопрос: существовали ли закон и правопорядок в Древней Англии? – мы даем положительный ответ, потому что все признаки этих понятий получили реализацию в жизни: законы принимались выборными людьми или прилюдно на заседаниях местных судов как первого активного вида власти с принятием оговоренных санкций против возмутителей спокойствия.

В совокупности карательных мер против преступников выделяются те, которые можно назвать народными средствами, или инструментами, используемыми для наказания с незапамятных времен. Их объединяют такие признаки, как обыденность, про-

[1] Разбойник на большой дороге (англ.).

[2] Место для прилюдного наказания преступника (англ.).

[3] Преступника привязывали к столбу посредством кольца на шее и запястьях (англ.).

стота в изготовлении и применении, а также ключевой признак – акцент на моральном воздействии при массовом сходе народа, включая такую крайнюю меру наказания, как публичную казнь преступника. Более мягкие наказания также проводили прилюдно, а наказанных выставляли на позор на долгое время.

Формы воздействия на простолюдинов были весьма оскорбительны для среднего человека: обливание помоями, битье палками. Такова была социально-правовая картина английского общества к концу XI в.

Социально-правовая картина английского общества в онтологических понятиях богатства и бедности была детально и тонко продумана: с одной стороны, в обществе оказалось несколько слоев состоятельных людей, с другой – несколько слоев совсем бедных.

Опыт истории и жизни учит, что несмотря на всю хитроумность его структуры, такое общество не может быть стабильным и устойчивым. Забегая вперед во времени, отметим, что множественность хозяйственного уклада, многослойность общества не только сохраняются в последующее время, но, пожалуй, становятся еще более изощренными.

Наша попытка реконструировать английское общество, используя языковые средства в качестве исходного материала с позиции онтологичности и умственной способности человека (другими словами, исходя из способности человека строить жизнь, выделяя в ней главное, применяя собственные экзистенциальные знания и умственные способности) в социально-правовом ракурсе была бы незавершенной, если не сказать, что реальная жизнь, несомненно, намного сложнее и разнообразнее, чем представленная картина. С одной стороны, появлялись все новые и новые владельцы земли, являющейся основной экономической ценностью, обработка которой давала арендаторам определенные средства существования; с другой, многие теряли ее, неизбежно превращаясь в нищих.

В условиях крупного военного поражения англичан, военной оккупации и установления практически военного режима, постоянной мести победителей в большом и малом за отчаянное сопротивление побежденных происходила резкая ломка всего привычного образа жизни англосаксов как в управлении обществом,

развитии хозяйства, так и в достижении определенных успехов в культуре и литературе: привлечении ученых из других стран, приобщении к культуре Рима через латинский язык, с которого было переведено огромное по тем временам количество литературы как по объему, так и культурной значимости, особенно во времена короля Альфреда (849–900).

Правители и монахи как главные распространители грамотности из переводов узнали и заочно увидели большой мир, в котором затерялась маленькая, расколотая на мини-королевства страна. Все это сопровождалось постоянными нападениями и оккупацией северо-восточной части Англии датчанами и скандинавами. Народ Англии проявлял колоссальную жизнеспособность, умение собирать силы и давать отпор более подготовленному и сильному противнику.

Северо-восточная часть Англии периодически находилась под оккупацией викингов, что закреплено в названии – «Страна датского права» (*Danelage*). Захватчики установили свой образ жизни, в частности, они могли распоряжаться землей, которая принадлежала более сильным вождям.

Множество скандинавских слов оказались близкими, похожими на английские. Здесь также присутствовало так называемое держание земли на условиях первого владельца, что передавалось близким словом – *hold*, которое часто принималось за *haeleth* (*OE*), *held* (германское). Его статус выше английского йомена объяснялся фактом владения аллодием. Это было льготное землевладение, которое упрочивало его статус в обществе.

Неудивительно, что в своих песнях скандинавы прославляли «настоящего мужчину», главная отличительная черта – владение своей землей и судном. Именно таких людей избирали местными руководителями, а их положение можно приравнять к статусу старшего рива (***high reeve***) среди англосаксов.

Более древняя англосаксонская форма слова *gerefa* часто встречается в многочисленных исторических контекстах в широком значении *a supervising official*[1]: *the shire-reeve* (*scire-gerefa*)[2] назначался королем и являлся его представителем в графстве.

[1] Главный начальник (англ.).

[2] Рив графства (англ.).

Уточним способ назначения или избрания рива как исторического предшественника более знакомой фигуры – шерифа. Обычно это важное лицо назначалось королем, но некоторые графства были особо отмечены правом избрания на местах. С появлением института королевских судей (мировых судей) его роль уменьшается. В каждой сотне был свой рив (*hundred reeve*), который вел заседания суда сотни. В городе также заметна фигура рива: в портовом городе – *port-reeve*; в городах – *burg*(*h*) *reeve*. В сельской местности большую роль играл *manor*/*manorial reeve*. Кое-где он назначался главой манора, как и управляющий маноpом (*steward of the manor*), но есть примеры их избрания сельскими жителями. В крупных манорах выделяется должность судебного исполнителя (*lord's bailiff*). Практицизм, прагматизм – это свойства и требования самой жизни. Некоторые бароны на несколько своих маноров назначали одних и тех проверенных слуг, так сказать, ривов-совместителей и судебных исполнителей.

Описывая структуру центральной власти и власти на местах в англосаксонской Англии, то есть до победы норманнов в 1066 г., анализируя их, мы вполне обоснованно можем сделать вывод, что властная сетка в стране была плотная и интенсивная. Это свидетельствует о продуманности власти и управляемости страны в Раннесредневековой Англии. К началу XI в. ей практически удалось избавиться от угрозы порабощения севера и востока викингами.

История никакой другой страны не знает таких ярких примеров героизма и мужества небольшого народа в условиях, когда большая часть страны захвачена сильным противником, ее жители выплачивают большой налог, а представители захватчиков становятся королями. Нескольких королей скандинавского происхождения правили в Дании и Англии.

Мы уже не раз упоминали, что главной ценностью общества была земля. Тщательность и скрупулезность распоряжения ею просто поражают, но сами правовые основы использования явно несправедливы.

Основная негативная черта феодализма заключалась в том, что меньшая часть населения имела так много земли, что не в состоянии была обработать ее и вынуждена сдавать арендаторам на разных условиях, что получает разное название. Со своей сто-

роны, арендаторы, принимая землю, не становились ее хозяевами, а лишь оставались пользователями. Именно в этом значении мы употребляем словосочетание «держание земли» (*landholding*).

За право пользоваться землей арендаторы обязаны вносить компенсацию арендодателю от физической отработки до денежной оплаты. При этом строго соблюдается главный и незыблемый принцип феодального строя: единым хозяином всех земель оставался король.

Как форма подданства всех единой власти и закону складывалась сложная система вассальных отношений, основанных на принципе личной верности/преданности. Вместо равенства граждан в правах появлялись сословные ступени, занятые рыцарской аристократией разного статуса.

Королевская система привилегий и льгот не способствовала уважению и соблюдению законов всеми. Иерархия владельцев была четко выстроена сверху донизу: главным и единственным владельцем земли выступало одно лицо – король. Это право он единолично присвоил при помощи военной силы и на ней же выстраивал систему землепользования/земледержания и управления страной. Остальные пользователи необходимы лишь в силу очевидного факта: одному невозможно обработать такое количество земли. Кампания переписи всего имущества в королевстве, ранее неслыханная по масштабу и тщательности, стала своеобразным отражением личных качеств Вильгельма Завоевателя: уникального сплава мнительности, недоверчивости, подозрительности, ума и таланта руководителя. Она была проведена с единственной целью: обложить все и всех налогом во имя получения прибыли. Вся страна превратилась в большой двухслойный пирог: сверху – всемогущие землевладельцы; снизу – арендаторы на разных условиях, что способствовало разобщению общества. Даже бедность получила свое измерение. Бедный люд также оказался переписанным, скрупулезно учтенным и зарегистрированным с тщательным распределением повинностей и обязанностей.

Главная забота короля и класса землевладельцев, им возглавляемого, заключалась в получении высоких доходов через систему отработок, или барщины, или денежной компенсации. Долгое время основной формой оплаты как правило была часть

урожая. За все проступки и упущения выносили дополнительные наказания в виде штрафа.

Система штрафов – устойчивое качество англо-норманнского феодализма с определенной предысторией в старой Англии. Основное право страны (*land law*[1]) форматировали и постепенно фиксировали в письменном виде, часть которого представлена в работе. В этом законе, как в зеркале того времени, отражены его идеология, философия, экономика, мораль и этика.

Картина общества, которую мы частично попытались реконструировать, – лишь малая часть жизни страны того времени. Социальное, политическое, экономическое, правовое, эмоциональное, духовное развитие страны происходит постоянно, но в описываемый период оно осуществлялось в затрудненном режиме из-за гнета военизированного аппарата власти; оружие в руках богатого класса становится средством устрашения и паралича воли безвластного народа. Даже четкая и продуманная система вооруженного типа власти не может оказаться вечной. Постепенно старые принципы и практики властвования уходят со сцены.

При власти Генриха I (1100–1135), сына Вильгельма Завоевателя, у короля и баронов вместо привычной военной отработки возникла необходимость в деньгах. Такая форма оплаты оказалась выгодной для плательщика и получателя. Она получает название ***scutage*** или ***shield money*** (щитовые деньги, от значения слова *shield* – «рыцарский щит»).

Бароны могли быть разными: как пожилые, больные, раненые на прежних войнах, так и другие, для кого военные баталии были приятным препровождением времени (в том числе рыцари-епископы[2]). В дальнейшем многие рыцари – владельцы земельных наделов – предпочитали вместо участия в войнах откупаться деньгами, что устраивало и короля: за деньги он всегда мог нанять ландскнехтов в материковой Европе, где их было много и поэтому они стоили дешевле. Такая практика ширилась, что

[1] Земельное право (англ.).

[2] Епископ Одо, брат Вильгельма I, показал себя храбрым воином на поле Гастингса, где он ловко орудовал дубиной, так как каноническое право запрещало ему пользоваться мечом и проливать кровь.

не замедлило положительно сказаться на хозяйственной деятельности английских баронов в их поместьях. Освободившись от бремени военных походов и расходов, они стали больше внимания уделять благоустройству маноров.

Все больше и больше людей желали обзавестись своей землей, зная, что теперь им самим не надо идти на войну. Так общая онтологически и мнемонически мироутверждающая природа человека получает возможность проявить себя более позитивно, созидательно.

В жизни все тесно связано: чем меньше мужчин отвлекается на войну, тем значительнее увеличиваются экономические показатели страны. Из-за изменившихся тенденций в политике короля в стране улучшалась демографическая обстановка. Последовала позитивная цепная реакция: увеличивается количество населения – растет казна – есть деньги – нанимается больше солдат на стороне – больше крестьян работают на своих полях – увеличивается урожай и т. д. Все эти нововведения получили правовую закрепленность в законах и решениях короля.

Естественно возникает вопрос: как относился народ к нововведениям норманнов? Бедняки, независимо от языка, культуры людей, стоящих у власти, всегда обрабатывали землю. В обозримом прошлом земля никогда не принадлежала арендаторам. С этой точки зрения практика аренды земли при норманнах практически ничем не отличалась от той системы землепользования, которая была раньше. Принципиальная разница между тем что было и стало заключалась в следующем.

Обычаи отцов гласили: земля принадлежит господину, а руки, которые обрабатывают ее, могут меняться. Жизненный опыт учил, что принадлежала ли земля англосаксу или норманну – ее все равно надо оплачивать трудом, деньгами или частью урожая.

В условиях выросшей интенсивности труда, обезличенности хозяина, волатильности общей ситуации, в обстановке полнейшей неопределенности, готовности богатых лордов поднять свое войско на «плохого» соседа жизнь стала сложной и непредсказуемой, но человек настолько адаптивен, его сознание настолько креативно, он настолько прагматичен в труде, что и в негативном готов видеть позитивное.

Жесткое распределение обязанностей в стране между владельцами земли и арендаторами, закрепление этих прав в первичных документах, возможность обращения в суд и надежда на компенсацию понесенного материального убытка через суд – все это происходило впервые.

Появляется номинативное множество с общим значением «обратиться в суд», которое быстро пополнялось, так как люди, не искушенные в тонкостях права, продолжали пользоваться простыми языковыми средствами, знакомыми им с детства. Это множество огромно. В нем представлены латинизмы, французские заимствования и слова, взятые из ежедневного, обиходного языка.

Формальная доступность обращения в суд помогала лелеять надежду на получение компенсации за понесенные потери от рук или злого умысла правонарушителя. Подмножество языковых средств позволяет утверждать, что многие правовые понятия не явились чем-то уникальным, сверхумным. Это подтверждается тем, что старые языковые средства прекрасно их излагали. Так получалось потому, что судебные ситуации складывались в реальной жизни и подобные трудности находили определенное разрешение и раньше в гуще народа по нормам обычаев средствами общеупотребительного и потому общепонятного языка. Все это вместе взятое преобразило судьбу простого человека.

Одновременно с ростом требований к арендаторам появляются важные признаки стабильности и незыблемости правил игры. Оказавшись в чужой недружественной среде, нормандские правители проявляли солидарность при формировании своей среды, чего не было раньше среди местных правителей.

Укрепляющееся положение короля позитивно действовало на общество: желающих поднять бунт или смуту не находилось, так как слишком хорошо помнили о жестоком подавлении сопротивления англосаксов во время продвижения войск Вильгельма Завоевателя на Лондон.

Дороги – этот вечный источник головной боли для торгового люда – постепенно становились более безопасными. Благодаря

этому стали расти торговля, оживать и крепнуть хозяйственные связи между графствами.

Феодализм – особая система власти и контроля за собственностью, прежде всего, за землей. Начиная с торжественной присяги верности господину, в ходе которой оговаривались взаимные обязательства помощи и совета, вассал часто был вынужден практически возвращать землю лорду, который взял на себя обязанности защищать арендатора и землю. Последний обязался служить лорду и обрабатывать землю. Наиболее точными словами, определяющими отношение арендатора к земле, являются «держать» (*to hold*) и «пользоваться» (*to use*), но не «владеть», «быть собственником».

Между первым лордом и вассалом могло быть несколько мидилордов-посредников. Вся эта сложная система работала при четком условии: перволордом (*Lord Paramount*) был король, который один владел всей землей.

ГЛАВА V. ЗАРОЖДЕНИЕ ТРЕХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ

5.1. Исполнительная власть

Появление коллективных органов власти имеет онтологическую и ментальную причины.

Власть – сложное, многогранное понятие. Сам факт наличия у нее многих аспектов и институтов, субъектов, подлежащих нормированию, учету, управлению, контролю, настоятельно приводит единоправителя к мысли учредить некий круг лиц, которые должны ему помогать править этими многочисленными и многосложными реалиями. Опять же опыт и мысль невольно проводят аналогии и ассоциации: в одиночку сложную проблему не решить, в одиночку сильного противника не победить. Ярким примером такой закономерности, источником которой являются сама жизнь и способность человека мыслить и принимать адекватные решения, способствующие более успешному управлению, является опыт англосаксов в Англии раннего Средневековья.

У всех народов еще при родовом строе были старейшина, глава рода и его близкие советники (совет рода), помогавшие единоправителю. Совет старейшин как коллективный орган складывался естественно как реализация универсального закона – появлялись коллективные формы правления.

Коллективный орган управления у англосаксов назвался (в разном спеллинге, что объясняется древностью слова и низким уровнем грамотности в те времена) ***witenagemote*** (***witenagemot***, ***wittenagemot***, ***witanagemote***) – *the assembly of wise men*[1]. Это был высокий орган власти, члены которого представляли широкий слой общества: богатые и благородные, представители церкви. Они помогали королю в общем управлении страной.

Внутренняя форма слова *witenagemot* объясняет принципы комплектования органа: это собрание (в знач. «совокупность») умных/мудрых людей. В *OE* форма слова *mot*, *gemot* с когнатом

[1] Совет мудрецов (англ.).

meet: *people getting together*[1], как название *assembly of people*, *especially one forming a court of judicature*[2].

Из-за большого состава совет проводил заседания вне помещений, заранее извещая членов о времени и месте заседания. Повестки заседаний готовили избранные и доверенные лица, которые рассылали извещения. В случае кончины короля члены совета собирались для избрания нового. Эта краткая информация позволяет констатировать, что у данного совета были четкие цели и функции, совпадающие с более поздними коллективными органами власти (оргкомитетом, секретариатом), которые обеспечивали бесперебойность и преемственность его работы, формировали повестки заседаний и вели организационную работу.

Название этого органа абсолютно семантически и знаниево прозрачно, так как значение каждого его компонента вносит содержательный вклад в его большой смысл, созвучный тому времени: на минимальном значимом языковом уровне основа *wit-* означает *to know*, *to learn*, *to be informed*[3]; на уровне большей основы *witan-* – *wise men*[4]; на уровне сложного слова + *-gemote-* – *assembly*, *sitting*[5], что в совокупности соответствует смыслу *the assembly of wise men*[6], и члены совета понимали свое предназначение. О том, что такой орган был широко известен в Древней Англии, говорит тот факт, что в названия местных органов власти в разных вариантах входило слово *mote*, например, ***wardmote***.

Первая основа *ward-* – древнегерманская. Одно из ее значений: *an administrative division of* а *borough or city*[7]. Обе основы

---

[1] Люди собираются вместе (англ.).

[2] Совет людей, особенно членов суда (англ.).

[3] Знать, узнать (англ.).

[4] Умные люди (англ.).

[5] Заседание (англ.).

[6] Собрание мудрецов (англ.).

[7] Часть города, городской район (англ.) – район под началом альдермана. Название пережило много столетий, подверглось смысловым изменениям: приращениям, утратило что-то из своего содержания. Сейчас – административная часть города, жители которой избирают членов управления. Преимущественно употребляется в северных графствах (особенно в Нортумбрии), которые в истории страны всегда были оплотом стабильности, продолжателями традиций; отмечено в практике управления лондонским Сити.

исконные, что говорит о древности понятия, обе связаны с участием в управлении самих граждан: *wardmote – a meeting of the citizens of the ward*[1]. О широких властных полномочиях данного органа говорит составное наименование *wardmote inquest*, где *quest – a judicial inquiry made by a wardmote*[2].

В ОИС отмечено существительное ***moot*** со значениями: 1) *meeting*; 2) *assembly*; 3) *the place where the meeting takes place*[3], и глагол ***to moot*** со значениями, которые можно подразделить на бытовые – *to speak*, *to converse*[4], и специальные, в частности, употребляемые в судебно-правовой ситуации – *to argue*, *to plead*, *to discuss*[5].

Слова, относящиеся к разным частям речи, несомненно, тематически и логически тесно связаны: из жизненного опыта человек твердо знает, что на собраниях люди говорят, обмениваются мнениями. Примечательно, что в истоке другого «властного» слова, заимствованного из французского языка, – *parliament*, также заложено значение «(свободно) говорить».

Если собрание посвящено одной и заведомо злободневной теме, касающейся всего, что связано с нормами поведения бытового или хозяйственного характера или их нарушениями, то оно непременно находит развитие в специальных понятиях и словах. Во всех трудах по истории английского языка утверждается, что нормандское завоевание принесло огромное количество норманнских/норманнско-французских/французских заимствований, что справедливо и по отношению к англоязычной юридической терминологии с тем уточнением, что многие французские заимствования уже использовались в Англии до 1066 г.

До нормандского завоевания совет получает латинское название *commune concilium regni*[6], и позже французское – *parliament*.

---

[1] Заседание городского совета (англ.).

[2] Судебное разбирательство совета (англ.).

[3] 1) заседание; 2) совет; 3) место заседания (англ.).

[4] Разговаривать (англ.).

[5] Плидирование – предъявление иска и представление ответчиком объяснений является стадией обмена состязательными бумагами между сторонами; информирование сторонами друг друга о круге вопросов, которые необходимо решить.

[6] Раннее название английского парламента.

С переименованием изменился и характер его использования: он стал судом высшей инстанции и (в соответствии со своим новым предназначением) решал споры между королем и его танами.

Терминологическое сочетание ***High Courtof Parliament*** имеет глубокие социально-политические и правовые корни в истории Англии. До приобретения своей основной функции как органа законодательной власти парламент действовал как высокий орган, прежде всего, судебной власти. С течением времени его судебная юрисдикция не только не сворачивалась, но и расширялась: он стал принимать решения по сложным делам, в частности, разводам высоких статусных лиц, опеки знатных фамилий. Потребовалось специальное решение самого парламента как высшего суверенного властного органа страны, чтобы урезать собственные судебные полномочия, но это произойдет позже. В данном контексте уместно отметить, что не случайно, а исторически закономерно в Англии долгое время высшим судебным органом оставался парламент, в стране не было чистого разделения властей (в данном случае – между судебной и законодательной). Здесь мы отмечаем существенную специфику английского менталитета, например, в отличие от российского: если в мире существует какая-то закономерность, то россияне стремятся к ней любыми средствами, англичане к этому относятся спокойно на протяжении столетий[1].

Заметной вехой на пути становления исполнительной власти в понимании определенного штата лиц с четкими закрепленными обязанностями является существование при Генрихе III круга советников из 12 лиц, который вошел в историю становления целе-

[1] Веками высшим судебным органом страны была небольшая группа членов палаты лордов во главе с лордом канцлером, выполнявшая функции высшего суда страны. Никого не беспокоило, что члены парламента совмещали две функции: парламентариев и судей. Лишь в 2005 г. самостоятельно действует Верховный Суд. В стране нет четкого разделения властей и поныне между законодательной и исполнительной властью: многие члены парламента являются одновременно и членами правительства. Неклассичность принципа разделения властей в Великобритании становится более очевидной при упоминании сохраняющейся монархии с ее немалым аппаратом.

направленной организованной власти в Англии под названием ***Dozen Peers*** *– 12 peers in the reign of Henry III, to be privy counselors, or rather conservators of the kingdom*[1].

Материалы исследования вносят определенную коррективу в принятые обозначения/названия заимствований, время заимствования слова.

Заимствования бывают разные. Заимствуя слово, язык вносит в него какое-то свое содержание, как в денотацию, так и коннотацию, при этом могут присовокупляться определенные стилистические, аксиологические особенности. В этом плане мы пользуемся тонкими, динамичными пометами ОИС, например, некоторые слова помечают не только *Fr*, *Eng*, но и *A–Fr*, не только *Ir*, но и *A–Ir* и так далее, что свидетельствует о динамическом взаимодействии языков, возможной одновременности возникновения новых слов или значений в разных местах.

Ярким примером информативности таких детальных помет является слово *jumper* не в своих омонимичных широко известных значениях: 1) *the one who jumps*; 2) *a piece of clothing*[2], в том значении, которое слово приобрело в Ирландии в области землепользования и несло абсолютно новую информацию, что и позволяет говорить о нем как новом слове (третьем омониме); 3) *a risky landholding making the land user change his residence very quickly* (с очевидной бытовой внутренней формой: *jumping is a quick movement*!)[3].

Полная история формирования внутренней формы слова такова: в период английской колонизации Ирландия стала источником обогащения для многих англичан. Плодородные земли приносили высокие урожаи, и богатые англичане охотно скупали земли. Патриотично настроенные ирландцы нападали на эти поместья, разоряли их, не давая возможности новым хозяевам извлечь доходы. В качестве выхода из острой ситуации такие земли надо было *быстро* продавать. Слово *jump* с бытовым значением *a movement in which a thing is* ***suddenly and abruptly*** *thrown up*

[1] Букв.: дюжина пэров с лестным названием хранителей королевства (англ.).

[2] 1) прыгун; 2) род свитера (джемпер) (англ.).

[3] Быстро менять место проживания (англ.).

or down[1] широко употребляется в переносном смысле для обозначения практически любой операции, выполняемой человеком:

– *to jump at the conclusion*[2];

– в других типичных правовых контекстах – *to jump a claim* (*to take* ***summary*** *possession of land*); *to jump one's bail* (*to abscond, to leave one's sureties liable*[3] – «делается скрытно и быстро»).

Упоминая о большом влиянии французского языка на английский в эпоху завоевания норманнами Англии, что естественно и ожидаемо, мы говорим и об одновременном оживлении в Англии интереса к латинскому, который стал письменным языком, например, судов.

Основа ***wit-*** (*to know* – «знать») активно участвует в английском словообразовании:

wit*an – the king's advisers*, *members of the king's council*, *the optimates*, *or principal men of the kingdom*[4];

wit*ness – one*, *who being present*, *personally sees or perceives a thing*; *a beholder*, *spectator*, *or eyewitness*[5].

В более поздних текстах глагол ***to wit*** употребляется ограниченно, как своеобразная вводная инфинитивная фраза *to wit*: *that is to say*, *namely*[6]; в ученых сочинениях приравнивается к научному латинизму *videlicet – to point out*, *to particularize*, *to render more specific that which has been previously stated in general language only*[7].

Четкое *OE* этимологическое значение «знать» или «тот, кто знает» содержится в производном (гибридном!) существительном «свидетель»: ***a witness*** *is a man who knows*[8]. Отсюда исключительно важная роль свидетеля, очевидца в суде: *a person whose declaration under oath* (*or affirmation*) *is received as evidence*[9]. Неслу-

---

[1] ***Быстрое*** перемещение вещи (англ.).

[2] Принимать быстрое, скоропалительное решение (англ.).

[3] Например, попасться на удочку (англ.).

[4] Королевский Совет – именитые с богатой родословной лорды (англ.).

[5] Свидетель, то есть человек, который что-то знает (англ.).

[6] В ученых трактатах: насколько известно (англ.).

[7] А именно (англ.).

[8] Свидетель – человек, который знает/ведает (англ.).

[9] Свидетель – человек, чьи показания под присягой принимаются судом как доказательство (англ.).

чайно многие решения в суде принимаются на основании проверенных показаний надежных, внушающих доверие свидетелей.

Исходные материалы позволяют констатировать важные место и роль свидетелей в *OE* суде, например, в соответствии с существовавшим обычаем время от времени требовалось убедиться в верности определенных граждан (практически это было проявление недоверия в их верноподданичестве). Со стороны таких сограждан требовалось представить несколько людей (*witnesses*), которые могли снять подозрения или подтвердить их надежность. Это было значительное событие, исход которого важен для подозреваемых. Оно называлось *witam* с той же основой *wit-*: «знать», и полное его значение: *the purgation from an offense by the oath of the requisite number of witnesses*[1]. Таким образом в один сложный психологический клубок слилось несколько своеобразных моментов, которые, как показывает данный пример, достаточно рано имели место в истории английского народа[2].

В изначальном определении обычая количество свидетелей, вернее, людей, которые готовы поручиться за благонадежность подозреваемого, не указано. Надо понимать, что оно зависело от степени вменяемых, но не подтвержденных обвинений. О том, что это не только необычный обычай (невольная игра слов), но и опасный для подозреваемых, говорит существование нескольких слов, называющих его.

Werelada *– a purging from a crime by the oaths of several persons*, *according to the* ***degree*** *and* ***quality*** *of the accused*[3]. В основа-

---

[1] Очищение от преступления благодаря клятве свидетелей (англ.).

[2] Такого рода подозрения и акты проверки лояльности граждан периодически возникали в истории Англии, особенно в бурную эпоху более поздних религиозных обновлений, и сохранялись после переселения в Америку (кампания подозрений в ведовстве – Салемские ведьмы).

[3] Очиститься от преступления путем принесения присяги несколькими свидетелями (англ.).

В США в Новое время силами многочисленного и высокостатусного Комитета по антиамериканской деятельности (*Un-American Activities Committee*) велось общественное слушание-расследование-следствие. Только выяснение истинных намерений и убеждений подозреваемых лиц при поручительстве достойных граждан Америки могло их спасти от жесткого наказания: право и особенности национальной психики оказываются тесно переплетены.

нии очищения и поручительства лежат те же действия, отмеченные очень рано у германцев, прежде всего, обычай приносить клятву.

Oath – общегерманское слово с историческим значением *a solemn appeal to God in witness that a statement is true*[1]. Данное заверение в речи произносят с десятком разных глаголов: ***to take an oath***, ***to utter/to bind oneself by an oath***; ***to make an oath or to swear***[2].

Количество поручителей зависит от степени уверенности в выдвинутом обвинении: чем больше звучат обвинения, тем больше требуется поручителей, тем легче обвинить невинного в каком-то преступлении.

Отправной точкой нашего понимания закона является его производный, вторичный статус после человека. Волей-неволей как сильные, так и слабые человеческие качества в снятом виде сохраняются, отражаются в законах. Если толковать принцип круговой поруки (***frank pledge***) как поручительство, уверенность в правильности поведения своих соплеменников, то легко представить, что кто-то из поручителей сомневается в качествах подозреваемого.

В *OE* праве существует понятие ***view of frank-pledge***, где ***view*** – особое право подозреваемого получить фактический доступ к тому предмету, объекту, который по величине или по причине своего далекого местонахождения не может быть представлен в суде, но фигурирует как отягчающее обстоятельство. Более полное название права – ***demand of view*** – требование обвиняемого доставить его на место, чтобы он *осмотрел* (*took a view of smth*) данный артефакт, особенно, если это предмет/объект недвижимости.

Право круговой поруки предполагает проверку любого члена племени или рода старше 12 лет: приносил ли он клятву верности (*oath of allegiance*)? и есть ли девять сородичей, которые готовы поручиться за его порядочное поведение?

Человеку свойственно сомневаться в искренности слов и поведения других людей. Со своей стороны, он готов поручиться

[1] Торжественная клятва богу в том, что показание истинное (англ.).

[2] Принести клятву или присягу (англ.).

за их безупречное поведение, но, чтобы снять с себя обвинение в возможной ошибке, готов провести настоящую проверку и заручиться наличием девяти свидетелей.

Подобные проявления мнительности и перестраховки приходится принимать как особенности германской психологии и образа их ментальности. Учет такого рода фактов и факторов проливает свет на особенности германского менталитета и поведения, которые получают правовую окраску и оценку на протяжении истории[1].

Из множества текстов по исследуемой нами тематике возможно выбрать такие языковые единицы, которые обозначают и тем самым являются носителями судебно-правовой информации. Это яркие маркеры возникновения и развития судебно-правовых понятий в истории английского общества. Как концентраторы судебно-правовых смыслов именно их наличие в текстах создает их особый судебно-правовой смысл и содержание.

По степени концентрации такие языковые единицы в конкретных текстах могут стать своеобразным дополнительным инструментарием, по интенсивности представленности которого в конкретном тексте возможно ввести новое измерение судебно-правовых текстов.

Для собственно судебно-правовых текстов характерна максимальная концентрация юридических терминов, что ожидаемо в учебниках для юридических вузов/факультетов, сочинениях по юридическим проблемам;

Другая яркая, то есть четко выделяемая разновидность текстов, также характеризуется их направленностью на юриспруденцию, но предназначена для не юристов и вместе с юридическими терминами использует преимущественно общеупотребительные слова, посредством которых поясняются юридические термины.

---

[1] Необычным во многих проявлениях, прежде всего, в проявлении психологии целых народов, оказался 2015 г. В экстремальных условиях наплыва беженцев в Западную Европу, прежде всего, в Германию, психология как отдельных людей, так и национальная стала проявляться в весьма причудливой форме. Психика как сложный и длительный продукт развития наиболее *человеческого и одухотворенного* начала требует бережного и заботливого отношения.

Во втором типе текстов в количественном отношении слов второй категории больше, чем собственно юридических терминов. Роль юридических терминов как слов-маркеров судебно-правовой концептосферы в текстах определяющая: это своеобразные сгустки судебно-правового смысла, они служат смысловыми вехами-маяками. Именно они подключают вполне определенные изначальные знания, присутствующие в сознании каждого рядового члена общества, но в разном количестве, заставляя пользователя такого устного или письменного текста мобилизовать все юридические познания, какими бы скромными они ни были. Активизация судебно-правовой пресуппозиции в сознании облегчает понимание судебно-правового текста.

5.2. Законодательная власть

5.2.1. Королевская власть. Большой Совет

Самыми большими и памятными событиями в жизни англосаксов были три праздника: Пасха (*Easter*), Неделя после Троицы (*Whitsuntide*), Зимнее солнцестояние (*Midwinter*). Их торжественно отмечали при большом стечении народа. В этих трех случаях король надевал корону в присутствии всех богатых людей: баронов, епископов, графов и танов (***archbishops***, ***suffragan bishops***, ***abbots***, ***earls***, ***thegns and knights***)[1]. Это были яркие ритуально значимые события, которые лишний раз должны были продемонстрировать всю мощь королевской власти, а со стороны народа – верность и преданность своему королю. Именно на таких массовых стечениях народа молодые люди получали высокое звание рыцаря, а новые вассалы присягали новым хозяевам. Говоря современным языком это была тщательно срежиссированная массовая пиар-акция, призванная продемонстрировать мощь и силу короля, верность и любовь к нему со стороны народа. Эти события обозначены словами ***solemnity***, ***pageantry***, ***ritual***, которые умело обыгрывались для упрочения королевской власти.

В дополнение к пропагандисткой и воспитательной у этих массовых событий была и важная государственно-политическая

[1] Архиепископы, епископы, аббаты, таны и рыцари (англ.).

составляющая. После изъявления верноподданнических чувств и массового угощения (***feasting***, ***revelry***) король проводил «деловую сессию-встречу»[1] со своими вассалами–баронами, где обсуждались государственные дела (***matters of state***) в форме расширенного совета. Этот совет известен под разными названиями, но чаще всего употребляются два: одно на латыни (***Magnum Concilium***), второе на английском (***Great Council***, в калькированном переводе – ***Большой Совет*** (далее – Совет)). По своему составу и целям он ничем не отличался от *witan*, что также использовалось для его названия и даже всячески поощрялось. И все же между ними существовали принципиальные отличия.

Совет был типичным феодальным органом. Обязанностью феодального сюзерена (***feudal suzerain***) было собирать своих крупных вассалов (***tenants-in-chief***) во дворце, а обязанностью последних – их посещать. Причиной для такого сбора был факт владения баронами фифа от короля.

Вильгельм Завоеватель развивал эту традицию англосаксов: он импровизировал и приглашал на такие советы всех, кого считал нужным – придворных, баронов из Нормандии, иностранных гостей, послов и влиятельных фигур Церкви. Приглашенных набиралось так много, что в 1086 г. (за год до кончины короля) гости могли собраться вместе лишь на равнине под Солсбери. По своим масштабам это было грандиозное шоу и перформанс. Предчувствуя близкую смерть, король решил устроить своеобразный смотр своей славы и популярности. Это было тщательно спланированный и хорошо продуманный своеобразный сеанс массового международного гипноза. Кульминацией встречи стала многочасовая церемония принесения клятвы верности королю всеми баронами, как титулованными ранее, так и новыми. Таким образом, Совет использовался не только как инструмент власти, но и как трибуна верности королю, демонстрация незыблемости его власти.

На более ординарных заседаниях Совет становился чем-то вроде суда феодального права (***court of feudal law***). В 1075 г. состоялся суд над бароном, который обвинялся в поднятии мятежа против короля (что считалось самым тяжким преступлением

[1] Вспомним петровские ассамблеи в России.

и влекло суровое наказание) и был приговорен к пожизненному тюремному заключению. С процессуальной точки зрения регламент суда соответствовал обычаям того времени: при оправдании одного подозреваемого в 1076 г. ему было предложено доказать свою невиновность участием в бою чести (***ordeal of battle***).

Рассматривались дела из разряда спора хозяйствующих субъектов. В 1070 г. два епископа оспаривали право на один и тот же небольшой участок земли. С правовой точки зрения заслуживает внимание то, что свое решение Совет вынес, обратившись к материалам старой англосаксонской администрации, к земельному архиву. Это не может не свидетельствовать о нескольких вещах:

1) норманны, похоже, положительно относились к практике управления страной до их прихода;

2) король всячески показывал, что в управлении государством он неизменно и последовательно действует с учетом англосаксонского права и прецедента. Тем самым признавалась не только правовая обоснованность принципов правления англосаксов, но и демонстрировался принцип преемственности в управлении страной завоевателями. Это было неожиданно в том плане, что победители всегда считали побежденных невеждами, прежде всего, в области государственного управления.

Приведенные факты помимо фактологической ценности свидетельствуют о незаурядном политическом и государственном чутье, умении направлять массы в нужном направлении и большой одаренности нового короля как крупного политика в малом и в большом. Это был интересный сплав дипломатичности и готовности смелого человека к авантюрам, неожиданным рискованным шагам.

Управленческая практика Вильгельма I как государственного деятеля и правящего короля не позволяет однозначно утверждать, что англосаксы значительно отставали от норманнов в области управления страной в центре и на местах и что именно слабость государственного аппарата стала главной причиной их поражения в битве при Гастингсе. Мы исходим из того, что личность конкретного человека, волею истории оказавшегося у кормила власти в определенное время в определенном социуме, во многом способна определить конкретные исторические пути развития целого народа. Несомненно, такой личностью был Вильгельм

Завоеватель. Приведенные факты и их интерпретация позволяют высказать следующее предположение: такой человек способен совершать непредсказуемые поступки, от него можно ожидать весьма неожиданных инициатив, тактик и стратегий. И это скоро проявится в истории Англии.

О роли личности в истории сказано немало, мы не будем касаться этой темы детально, но конкретная структура власти, ее конфигурация и техника, принципы ее построения во многом определяются личностью, оказавшейся в ключевой позиции.

История – это цепь событий и поступков, причин и следствий, которыми искусно пользуется умный руководитель. Из этого следует еще одно положение, которое прямо находится в системе понятий и допущений нашей работы: генеральные, абстрактные схемы всего, что угодно (в том числе и власти), во многих странах совпадают, но такие совпадения обязательно дополняются специфическими моментами, поэтому при анализе системы власти необходимо учитывать как универсалии, так и новации. Приведенные примеры свидетельствуют, что при всей незаурядности короля его *мораль* феодального властителя того времени полностью соответствует основным принципам того времени: поклоняйся мне – и я готов сделать для тебя многое; любое твое сопротивление обрекает тебя на большие гонения. Трудно предполагать, что будучи властолюбивым король охотно и добровольно поделится властью с другими, поэтому мы и характеризуем его как типичного представителя своего времени. Это была вынужденная тактика балансирования крупного умного политического деятеля, влюбленного в себя и доверяющего только себе. С полным основанием его можно назвать королем абсолютистского типа, склонного к игре в демократию. Будущий ход событий в высших эшелонах власти Англии последующего времени подтверждает это предположение, но это время выходит за временны́е рамки исследования.

Говоря о Совете при монархе, собирающимся лишь три раза в год, логично предположить, что на него выносили важнейшие государственные дела, настоятельно требующие неотложных решений. Примеры реально рассматриваемых дел мы уже приводили выше. Не будет ошибкой их квалифицировать скорее как дела судебного характера, подлежащие рассмотрению в суде высокого

апелляционного уровня. Анализ других вопросов, выносимых на Совет, позволяет считать общую направленность его работы довольно разнохарактерной, порою неопределенной: иногда там одобряли выданные королем грамоты или хартии; рассматривали международные вопросы, в частности, отношения с некоторыми иностранными государствами; обсуждали внутренние дела. Но роль Совета всегда была одинакова: рассматривали те дела, которые изволил выносить на общее обсуждение сам король. При вассальной зависимости каждого члена Совета от короля несогласие с ним встречалось очень редко. Истинная роль Совета как в большой степени прикрытия амбиций короля следовала из того, что при таких редких заседаниях король «был вынужден» принимать много решений по-прежнему *единолично* между заседаниями Совета по причине их «императивности», однако это большой шаг вперед по сравнению со старым единоличным решением государственных дел. Исходя из исключительного ума и логической продуманности, тонкого расчета всех шагов короля трудно было ожидать, что он добровольно подставит себя под критику со стороны своих вассалов, что он-де игнорирует их советы[1].

Номинально Совет был важной политической отдушиной, играл важную практическую роль как для короля, так и для вассалов. Для первого – эффективное средство и гласная трибуна зондирования настроений вассалов, рекогносцировки их планов, ожиданий, изучения их отношения и оценки тех вопросов, которые королю все же приходилось выносить на Совет; для вторых каждое заседание подтверждало их значимость. Оценивая настроения баронов, король составлял свое мнение об общей ситуации в стране; наблюдая за поведением короля на совете, бароны могли прогнозировать его намерения.

Таким образом, решения, казалось бы, абстрактных, далеких от забот простых людей государственных дел зависят от личности того человека, в руках которого они находятся. Так было всегда: кто бы ни стоял у власти, как бы она ни называлась – король, суверен, сюзерен, или (в последующие времена) президент или

[1] Именно такое обвинение против другого короля выдвинут бароны в 1215 г., что навсегда изменит конфигурацию королевской власти в стране.

премьер-министр – решение государственных дел начинается и заканчивается конкретной личностью с ее реальными позитивными и отрицательными качествами, прежде всего, как члена своего класса. Таков очередной закон власти.

Сфера суда и права отсутствует в природе. Она сотворена людьми, поэтому вполне логично, что ее форма и содержание не могут не быть отражением природы человека – умственной, волевой, чувственно-эмоциональной, этической, моральной и эстетической. Многослойность особой природы человека очевидна, например, у основных фигур суда (судьи, адвоката, присяжного заседателя) такая амальгама, прежде всего, есть результат сочетания индивидуальных, личностных, классовых и профессиональных черт. Итог подобного взаимовлияния у каждой конкретной личности предсказать невозможно. О них мы можем лишь судить по результатам микширования – совокупности тех профессионально значимых качеств, конкретный набор которых в каждом представителе Фемиды может привести или к торжеству правосудия, или его задержать, или исключить вовсе. Народ издавна назвал отрицательные черты у представителей правящего класса, к которому относятся и судьи. На вопрос: какие черты у судьи наиболее неприемлемы? – в ответах были названы *petty fogging*, *corruptible*, *unfair*[1]; также определены основные отрицательные черты члена жюри присяжных (*juror*) как набор взаимоисключающих качеств: *biased vs unbiased*, *fixed*; *partial – impartial*; *prejudiced – unprejudiced*; *reasonable – unreasonable*[2].

5.2.2. Малый Совет

Характерной чертой монархии в целом является наличие абсолютно особого института власти и влияния – королевского двора. Так случилось исторически, что богатые правители (как бы они ни назывались на раннем историческом этапе развития человечества) строили себе особые, большие по площади, красивые архитектурные сооружения – дворцы (***courts***). Исторической

[1] Мелочность, подкупность, несправедливость (англ.).

[2] Предубежденность против беспристрастности; заранее сформированное мнение; пристрастность – неумение быть объективным; предвзятое мнение – объективное мнение; благоразумный – опрометчивый (англ.).

истиной является и простой факт: в таких дворцах жили короли со своими семьями и одновременно оттуда управляли государством. Англия не исключение из этого правила.

При короле (значит, при дворе) всегда были люди, которым король давал разовые, а потом и постоянные поручения разного рода и значимости. Время шло. Территория королевства увеличивалась, обязанностей у короля по управлению страной становилось все больше. Как следствие, стали появляться придворные, обслуживающие короля как высшего руководителя, фактически выполнявшие часть его обязанностей.

Первых помощников король подбирал лично на поле брани, а также и в мирной жизни, основываясь на своем знании способностей и возможностей каждого. Впоследствии круг таких людей не только расширялся, но и стандартизировался: становились ясными направления работы, появлялись требования к необходимым личным и профессиональным качествам, складывалась их специализация. Многие оказывались незаменимыми. О том, что простые человеческие соображения были первым принципом подбора сначала помощников, порученцев, управленцев, потом министров, свидетельствует история английского кабинета министров: его официальное название – Правительство Его/Ее Величества (***His*/*Her Majesty's government***), и никак иначе (например, правительство страны, государства). Это сохраняющийся и исправно функционирующий живой памятник тем далеким временам.

С 1135 г. сама жизнь определила список должностей, который возглавляет канцлер (***chancellor***), глава королевских капелланов (***royal chaplains***), маршалы (***marshals***) и большое количество клерков (***clerks***), выполнявших всю секретарскую работу королевского аппарата. Исторические значения некоторых слов в то время были другими.

Chancellor (от *cancelier* (*OFr*), *cancellarius* (*L*)) – *usher of a law-court*, *who was stationed ad cancellos*, *at the bar of the basilica*[1] как часть внутреннего помещения церкви. Это латинско-старофранцузское заимствование использовалось еще при Эдуарде Исповеднике (1005–1066) и было возрождено норманнами. Ста-

[1] Служащий на входе в суд (англ.).

тусность слова и поста настолько высоко выросла, что так называли даже короля.

В практике управления государством слово обозначало высокое должностное лицо, о чем говорят такие определения, как в препозиции, так и в постпозиции: *Lord Chancellor*, *Chancellor of England*, *Lord High Chancellor*, *King's Chancellor*.

Канцлер был хранителем большой печати. Его называли и хранителем совести короля (*Keeper of the King's Conscience*), ибо в отсутствие короля в королевстве он вел государственные дела.

Слово ***marshal*** является примером яркой мелиорации смысла. Исходное древнегерманское слово обозначало конюшего – *one who tended horses*[1]. Важными этапами его концептуализации стали следующие значения:

one of the chief functionaries of a royal household;

a commander, *general*;

an officer of the English royal household who had judicial cognizance of transgressions "*within the king's house and verge*", *i. e. within a radius of twelve miles from the king's palace*[2].

Слово ***clerk*** может служить примером обратного процесса – детериорации значения. Раннелатинское заимствование означало *one able to read and write*[3]. В те времена грамотный человек был большой редкостью, поэтому ему доверяли важные посты (например, *an officer who had charge of the records*, *correspondence*, *etc*.[4]). Он вел важные государственные дела (*conducted the business of any department*, *court*, *corporation*[5]). В этой дворцовой королевской рати поколениями (например, наследственная должность, важного приближенного короля/королевы – *chamberlain*) выкристаллизовывается своя жесткая иерархия, которую нарушать недозволенно никому кроме короля, у которого всегда были фавориты, которым можно все. Эта исключительная роль связана с большим риском: не измеряемы не только любовь монарха, но и его недовольство и гнев.

---

[1] Королевский конюх (англ.).

[2] Должностное лицо, ответственное за соблюдением норм поведения королевских слуг (англ.).

[3] Тот, кто умеет читать и писать (англ.).

[4] Человек, который хранил архивы (англ.).

[5] Осведомленный служащий учреждения (англ.).

Далее в этой иерархии по веками сложившимся дворцовым обычаям и традициям (обозначается особым словом – ***conventions***) находились стъюард (***steward***), ответственный за зал приема посетителей и пищи; чемберлейн (***chamberlain***) – за покои и гардероб короля (***wardrobe***); казначей (***treasurer***); дворецкий (***butler***), штат кухонных работников и слуг (***cellarers***, ***cupbearers***); констебль (***constable***), сначала отвечавший за конюшни и лошадей короля; маршал (***marshal***), важная фигура при короле, так как от состояния коня в прямом смысле слова зависела его жизнь. Многие служащие дворца, как правило, находились в разъездах (в графствах и других странах), выполняя конкретные поручения и задачи, поставленные королем.

При короле постоянно находилась часть крупных баронов. Во время частых поездок по стране король вступал в непосредственный контакт с местной администрацией, поэтому монарх всегда был в окружении советников, высших и средних должностных лиц. Они и составляли Малый Совет (лат. ***Curia Regis***) короля. Большой и Малый Советы в целом выполняли схожую работу. Интересно решался вопрос их взаимодействия.

При работе Большого Совета Малый вливался в него, составляя ядро. Именно на такие совместные заседания Советов выносили наиболее крупные проблемы.

Члены Малого Совета выполняли роль непосредственных советников короля, свидетельствовали хартии, распоряжения, указы, подписанные королем, вели переписку с органами местной власти и часто работали в составе суда как его члены.

Человек неуемной энергии, полный управленческих планов, король много ездил по стране, не доверяя до конца назначенным работникам управленческого аппарата. Он лично занимался подавлением мятежей, проявляя жестокость, доходящую до свирепости по отношению к мятежникам; принимал клятвы верности, разрешал конфликты и споры; находил усладу в частых пирах, активно участвовал в организованной специально для него охоте в том или ином шире, что полностью соответствовало духу, морали и этике высшего должностного лица того времени. Его придворные, включая казначея, начальника канцелярии, хранителей символов королевской власти (большой и малой печатей, личного оружия короля, короны и многого другого) ездили вместе с ним.

5.3. Местная власть

Страна увеличивалась за счет провинций. Новая администрация провела крупные изменения в управлении графствами. Старое название ***shire*** по возможности сохранялось, но уже широко использовалось французское заимствование ***county***. Права англов и саксов в разных формах (***folk-rights***, ***old customs***, ***folk-mote***/***moot***) частично сохранялись, но уже неумолимо подменялись новыми. Продолжали работать старые суды (***shire courts***, ***hundred courts***), исполнялись их решения. По-прежнему крестьяне были обязаны служить в народном войске (ополчении – ***fyrd***), принимать прямое участие в поимке преступника (***to raise hue and cry***), входя в отряд преследования преступника (***posse***), посещать заседания судов, формировать десятки (***to be assigned to a tithing***). Англосаксонская сельская община оставалась тесно сплоченной.

После завоевания на какое-то время суд графства (***shire court***) не только сохранили, но и усилили, так как это соответствовало интересам победителей: прочная и уважаемая власть на местах лишь способствовала и укрепляла новый порядок, становилась его надежным проводником в провинциях.

Одна из старых форм отработки – обязательное посещение судов крестьянами – являлась весьма полезным делом, так как способствовала сплочению местной власти, которая исподволь становилась другой, а крестьян надо было к этому готовить.

Единение арендаторов и самого близкого и понятного к простому народу реального органа власти – суда – способствовало формированию нужного направления в изменении настроения и менталитета покоренных. Был найден правильный идеологический и общечеловеческий ключ: огульно не оскорблять прежнюю власть. Здесь норманнам повезло: многие решения принимались прежней властью, может быть, не столь идеально в глазах континентальных европейцев, но (и это был огромный плюс) они беспрекословно исполнялись населением.

Главным козырем власти старого короля была близость к народу, что отсутствовало у новой администрации. Такова была общая атмосфера, в которой выстраивалась система новой власти в XI в. в Англии.

Традиционная властная фигура шерифа на местах, оставленная от прежнего управленческого опыта, особенно устраивала Вильгельма I. Доказательством чего является увеличение его полномочий: король практически превратил шерифа в своего прямого представителя в графствах.

В *OE* номинация *sheriff* имела прозрачную форму сложного слова *scirgerefa*: *scir-* (*shire*) + *-gerefa* (*reeve*), и в Древней Англии до норманнского завоевания обозначала *a high officer, the representative of the royal authority in a shire*[1]. Как высокое статусное лицо его должность обозначается несколькими названиями: *sheriffdom*, *sheriffhood*, *sheriffwick*.

Практика управления королевством настоятельно требует присутствия на местах верного королю представителя. Такова следующая закономерность власти, какой бы по форме она ни была. Так было и в Древней Англии. Это обозначалось словом *reeve*, одним из источников последующего названия *sheriff*.

Должностная фигура рива в такой языковой упаковке стала внутренней формой слова-понятия «шериф»: *reeve* (форма в *OE* – *gerefa*) – *an Old English official of high rank having a local jurisdiction under the king*[2].

Политика и пристрастия короля – величины непостоянные. Следствием этого статус и полномочия шерифа то росли, то падали. Одно время шерифы стали достаточно крупными местными баронами, владеющими землями и ставшими доверенными лицами короля. Они председательствовали в судах графства, слушали не только местные дела, но и королевские дела, в которых король был прямо заинтересован. Два раза в год они проводили заседания судов сотен, получивших новое название – ***sheriff's tourn***.

Слово *tourn* по обе стороны Ла-Манша имеет довольно широкое распространение, поэтому оно маркируется как *A–Fr*. Французский глагол *tourner* означает *to turn*, *to go round* [3], что передает стиль его работы – разъездной суд. Так появляется новый институт судебной власти на местах, что не могло не способ-

[1] Представителя короля на местах (англ.).

[2] В древнеанглийские времена обозначало высокое должностное лицо местной власти.

[3] Совершать деловую поездку (англ.).

ствовать доступу к суду со стороны простых людей, которые привязаны к хозяйству и не могли выезжать в большие города за обращением в суд в поисках судебной справедливости.

Название «выездной суд» (*sheriff's tourn*) свидетельствует об интересном сочетании старой англосаксонской традиции (*OE слово sheriff*) и с новыми более жесткими управленческими установками новой власти (французское заимствование *tourn*).

Реальное воплощение политики нового короля в форме мудрого использования всего хорошего из предыдущей жизни завоеванной страны не могло не привлекать новых сторонников. Это было явным положительным моментом, способствовавшим росту доверия к новой власти.

Политика и суд тесно связаны в практике государственного управления, что стало еще одной закономерностью власти. Она пускала глубокие корни, она становилась эффективной.

Считалось, что две сессии суда в год в каждой сотне было достаточно, чтобы шерифы могли убедиться в посещаемости судов крестьянами, проконтролировать соблюдение установленного судопроизводства (явка ответчиков, свидетелей, соблюдение принципа круговой поруки в ее конкретном местном варианте), проследить за исполнением решений суда.

В случае совершения преступления шериф оказывал действенную помощь сотнику в реализации старого обычая ***raising hue and cry***, или ***crying peeze*** – мобилизации группы преследования, идущей по следу преступника. Он арестовывал преступников, пользуясь властью, данной ему королем, и отвечал за соблюдение общего правопорядка в доверенном ему регионе. Кроме того, он следил за готовностью местного ополчения, осуществлял контроль за состоянием собственности короля в шире, обеспечивал исполнение судебных решений, выполняя функции судебного исполнителя (***bailiff***). Его должность была важна для короля и в финансовом отношении: шериф собирал разные выплаты (в том числе множество различных штрафов), налоги, доходы от работы судов. Часть денег шла на покрытие местных расходов, часть отсылалась королю.

Шериф обеспечивал безопасность и способствовал успешному выполнению командированными королевскими служащими

их миссий в графстве. В целом он обеспечивал исполнение всех предписаний, которые содержались в ритах короля.

В школе жизни, учениками которой мы все являемся, есть правило: не переусердствуй. Жизненный опыт показывает, что все в жизни меняется, включая и отношение начальника к подчиненному.

С властными фигурами могут происходить весьма прогнозируемые метаморфозы: их власть может расти или уменьшаться. Вначале шерифу везло: его роль выросла настолько, что со временем стала вызывать определенные опасения у местной власти. «Если должность шерифа станет наследственной, – думали соперники, – то шерифы могут превратиться в крупных и плохо контролируемых магнатов (***feudal magnates***), которые противопоставят себя не только местной администрации, но и будут представлять определенную угрозу королевской власти». Это было учтено последующими королями – Вильгельм II понизил должностной статус шерифа в шире; он стал менее значимой должностной фигурой в местной властной структуре.

В ситуации, сложившейся вокруг фигуры шерифа, могло быть несколько решений: резко радикальных и более мягких. Что же произошло в реальности? Настоящая метаморфоза. Мы пользуемся словом «метаморфоза» при описании правовых и судебных событий Средневековья, потому что оно являлось одним из модных слов данного культурного периода в истории Англии, означая *a complete change in the conditions*[1].

Понижение статуса шерифа стало настолько радикальным, что местные судьи могли контролировать его деятельность, а он обязан был предоставлять отчет о своих финансах раз в полгода министерству финансов[2].

Как человек, имеющий власть, пусть и меньшую, чем раньше, шериф по-прежнему мог притеснять людей. Недостатки такого рода высокая власть не мешали до тех пор, пока он оставался

---

[1] Полное изменение условий (англ.).

[2] Это находит отражение в нашей стране: предоставление данных о доходах государственными служащими. В этом и заключается огромная актуальность исторического исследования даже на материале другой культуры и языка: занимаясь историей, мы не можем ее изменить, но обязаны извлекать полезные уроки.

полезен королю и делился подношениями. Имидж шерифа в английской истории менялся кардинально, и уже в средневековых балладах о Робин Гуде злостными врагами простого люда стали именно судья и шериф.

5.4. Судебная власть в действии

5.4.1. Закон о сиротах

С течением времени суды сотни постепенно исчезали, особенно после введения судов графства (***county courts***), разъездных судов (***itinerary courts***, ***circuit courts***) и огромного количества церковных судов разного предназначения и уровня, которые были созвучны идеям феодализма, установленного завоеватели. В этом состояла основная разница между судами прежними и новыми: старые суды пользовались уважением со стороны населения за их доступность и привычность (вспомним обязательное посещение заседаний суда определенным разрядом арендаторов), в то время как новые судьи пришли со стороны, были чужими по духу и языку, оторваны от реальной жизни, навязаны силой и властью.

Местные суды являлись важным звеном в формируемой судебной системе, так как решали большую часть споров и коллизий между крестьянами поместья по разным поводам и причинам.

Более сильные и мощные бароны имели свои суды, которые действовали самостоятельно. Юрисдикции судов не были четко определены и расписаны. У победителей существовал собственный идеал суда, совпадающий с нормандским: обладал широкими полномочиями и выполнял любой каприз владельца поместья. Такого неписаного правила они желали придерживаться и в новых условиях.

Если поместье было крупное, имело несколько сотен крестьян, то существовало несколько судов сотен. Новые бароны взяли судебную власть на местах в свои руки еще до поступления королевских ритов – обычные суды сотни при всей их доступности стали частными.

Пресытившись властью, крупные бароны отошли от хлопотных судебных дел и передали их в руки своих заместителей

(***stewards***). В Англии появилась новая разновидность суда, которая называлась ***steward's court***.

У новых нормандских судов наблюдается еще одно существенное отличие от судов англосаксонских: доходы от их деятельности шли не королю, а местному барону**.**

Одним из важных показателей справедливости, демократичности общества на разных этапах его развития всегда было его отношение к наиболее уязвимым членам общества – женщинам и детям (особенно вдовам и сиротам), старикам, инвалидам и бывшим солдатам.

Проблема сирот в Средние века была острой по многим причинам, среди которых – отсутствие медицинской помощи. Большое количество войн лишало детей, прежде всего, отцов, но жертвами войны становились и матери.

Если у умершего вассала отсутствовал взрослый сын, а оставался лишь малолетний наследник, то изначально король лично брал над землей опекунство, не забывая при этом исправно взимать доходы в свою пользу до наступления совершеннолетия малолетнего наследника.

Потом пришла эпоха назначенного королем опекуна, который руководствовался теми же принципами, только вместо увеличения дохода короля рос доход опекуна-лорда.

Разорительная для опекаемого хозяйства практика патронажа со временем приобрела безжалостный характер и такой большой масштаб, что это породило огромное недовольство. Генрих XVIII был вынужден принять закон, который наводил хоть видимую справедливость. Был учрежден особый суд – ***ward's court***.

Ward – *OE* форма *weard* в конкретном значении: *action of watching, or guarding*[1], что развилось в более абстрактное – *guardianship*, *keeping control*[2]. В феодальном праве оно приобрело сначала востребованное военным образом жизни феодального общества значение: *the control and use of the lands of a deceased tenant by knight service*[3], а потом, опять же как воплощение новой общественной потребности, формируется новое значение:

[1] Следить (англ.).

[2] Опекать, контролировать (англ.).

[3] Контроль и использование земли почившего (англ.).

the guardianship of the infant heir which belonged to the superior until the heir attained his majority[1].

Новый учрежденный королевский суд рассматривал нарушения в такого рода опеке. Он имел два названия: полное – *Court of ward and liveries*; краткое – *Court of wards*.

У слова *ward* наблюдается диссемия: о первом значении мы уже упоминали (административно-территориальная единица), и второе – *guardianship*, *custody*[2].

Не будет преувеличением сказать, что слово *livery*[3] одно из ключевых, востребованных для понимания и реконструкции средневековой культуры Англии, включая правовую и церковную. Оно имело несколько значений, первое из которых – *the dispensing of food*, *provisions or clothing to retainers or servants*[4].

У каждого суда была собственная юрисдикция, а судьи имели свое название: *Master of the Wards* (более полное – *Master of the Wards and Liveries* (особенно для председателя суда)).

Злоупотреблений было так много, что люди не верили в способность пресечь их, поэтому возникла острая потребность в обращении к судам справедливости, которым по традиции доверяли больше. Так у последних появилась новая юрисдикция, а сироты и малолетние клиенты получали название ***ward in chancery***, ***ward of court*** *– a minor for whom a guardian has been appointed by the Court of Chancery*[5]. В 1660 г. суд был отменен.

Не существует статистики, насколько реально суд улучшил положение малолетних наследников, но сам факт его учреждения говорит о многом: опекунство стало способом обогащения, и попытка защитить сирот выглядела гуманной.

5.4.2. Правовое положение женщины

В древней истории Англии есть яркие примеры совершенно выдающихся женщин, которые занимали высокие посты в обществе и навсегда вошли в историю страны, например, *lady Godiva*.

---

[1] Опекунство лорда над ребенком до его совершеннолетия (англ.).

[2] Опекунство (англ.).

[3] Освобождение от опеки (англ.).

[4] Предоставление продовольствия, одежды (англ.).

[5] Малолетний, чьего опекуна назначил Суд Справедливости (англ.).

Немало исторических сочинений посвящено красоте, уму и высоким нравственным качествам многих жен королей, были и существуют яркие примеры управляющих государством женщин-королев: *Queen Elizabeth* I, *Queen Victoria*, *Queen Elizabeth* II.

Мы рассматриваем положение в обществе и семье простой английской женщины, едва сводящей концы с концами, что создает многие трудности и проблемы.

Общее и правовое положение женщины описывает максима на латинском: *foem in aeabomnibus officiis civilibus vel publicis remotae sunt – women are excluded from all civil and public charges or offices*[1].

Не будет преувеличением констатировать, что женщина явно недооценивалась в Англии (как и в других странах) начиная со времен *OE* общества. Опять же следует оговорить, что жена лорда была не только материально обеспечена, но и пользовалась определенной властью среди дворовых и арендаторов, но с точки зрения закона того времени ее положение не было равным положению мужчины.

Напомним, что местный лорд получал от короля не только землю, но и право быть судьей в своем поместье. Его жена становилась главой женского суда, что давало ей определенные статус и власть. Часто такой суд называли ***Lady of the Manor' Court***.

Независимость человека начинается с его правового статуса в обществе в целом. Тут болевыми точками являются вещи довольно легко прогнозируемые, и среди них – отношение к собственности. Какое было отношение женщины, жены своего мужа, к той собственности, какой владела она, ее семья? Такой вопрос требует уточнения. Распространялась ли собственность семьи на жену? Каково ее правовое отношение к детям? Это лишь два вопроса, но они очень важные, так как от ответа на них зависит вся жизнь женщины.

С течением времени судьба женщины из знати менялась, втягивая, как в воронку, судьбы простых женщин. Из безвольного и бесправного приложения к мужу она становилась человеком, чьи права на собственность расширялись. Решение проблемы ма-

[1] Женщины исключались из всех общественно значимых дел и постов (англ.).

териальной свободы женщины в рамках семейного капитала назревало давно.

Во все времена женщина считалась слабым существом, неспособной на что-то серьезное. Ставилась под сомнение ее способность вести бизнес или активно в нем участвовать на равных с мужчинами (о чем гласит приведенная выше максима на латыни), тем не менее возникли правовые вопросы и находили какое-то решение в правовой плоскости, насколько можно было его ожидать на фоне абсолютной доминации мужчины в обществе того времени.

Принеся в дом приданое, женщина оказывалась перед фактом, что его единовладельцем становился супруг. Со временем человек уже не мог пройти мимо такой несправедливости.

Проблема материального обеспечения жены в случае гибели мужа становилась острой, особенно если его уход из жизни осложнялся тем, что вдова оставалась с ребенком, а то и с несколькими.

Природное, или естественное или физическое время имеет свое конкретное наполнение, в том числе сельскохозяйственное и социальное. В сельскохозяйственном производстве существует несколько понятий времени, что нашло отражение и закрепление в земельном праве:

а) ***general tenancy*** *– a tenancy which is not fixed and made certain in point of duration* (устанавливается двумя сторонами);

б) ***joint tenancy*** *– type of tenancy by two or more persons in which each owns an individual interest in the whole*;

в) ***tenancy by the entirety*** *– a tenancy which is created between* ***husband and wife*** *and by which together they hold title to own the whole so that upon death of either, other takes whole to exclusion of deceased heirs*[1].

---

[1] а) общая аренда – аренда, которая не является фиксированной и определенной с точки зрения продолжительности (устанавливается двумя сторонами);

б) совместная аренда – тип аренды двумя или более лицами, в котором каждому принадлежит индивидуальная доля в целом;

в) земля, которую арендуют муж и жена, совместно имея общий титул, со смертью одного из них второй забирает все, исключая претензии наследников умершего (англ.).

При общей аренде (в отличие *от совместной аренды* или *аренды мужа и жены*) интерес каждого арендатора к земле не заканчивается с его/ее смертью. Важно, что женщина впервые была четко обозначена в правовом отношении как прямой участник аренды земли.

Условия аренды порою были такими тяжелыми, что одному крестьянину взять надел в индивидуальное пользование становилось не по силам. Возникают формы совместной аренды. Появляются их приведенные языковые названия, которые гибко и динамично именуют участников хозяйственного союза. Совместная аренда мужа и жены – одна из них. Она важна не только в хозяйственно-экономическом отношении, но и социально-правовом: женщина не только заявляет о своем существовании, но и наравне с мужчиной активно участвует в хозяйственной деятельности.

Особое место в материальном положении женщины играет понятие ***inchoate dower***.

Dower (от *OFr douaire*, восходящего к латинскому *dotarium*, *dotare*) – *the portion of the deceased husband's estate which the law allows to his widow for her life*[1]. Как видим, благополучие вдовы зависит от того, что и сколько ей отойдет после смерти мужа. Составной термин ***inchoate dower*** отражает *the interest which a wife has in her husband's lands prior to and contingent upon his death*[2]. На этом этапе интерес остается, так сказать, теоретическим, потенциальным, или в формулировке закона – *in futuro*. После смерти мужа этот интерес становится ***a vested right*** (*vested = fixed*, *accrued*, *or absolute*)[3].

В практическом отношении такое право не может зависеть от каких-то новых условий: оно становится реализуемым и зависит лишь от должного оформления бумаг. На этот счет закон четко оговаривает, что *inchoate right cannot be alienated*[4]. Интересы вдовы защищены: это право не может быть нарушено требова-

---

[1] Часть имущества умершего мужа передается его жене на весь остаток ее жизни (англ.).

[2] Интерес жены на земли мужа до и после его смерти (англ.).

[3] Фиксированное право (англ.).

[4] И это право нельзя отчуждать (англ.).

ниями кредиторов. Такое наследство-пособие становится ее пожизненным владением.

Закон о наследовании имущества мужа женой показывает, что женщина в обществе получает определенную материальную защиту. Он логичен и прогрессивен в том плане, что в хозяйственном отношении женщина обрела свое полноправное место. Она стала активным участником особых отношений, получивших классическое название: *landlord – tenant relations*[1].

При существующей форме собственности – *tenancy by the entirety* (*when husband and wife are joint tenants*)[2] лишь только справедливо, что по смерти мужа хозяйство переходит жене. Данный вид аренды земли характеризуется строго соблюдаемым положением, согласно которому *they own an* ***undivided*** *interest in the* ***whole*** *of the property*[3]. Такой принцип хозяйствования способствовал установлению и консолидации равной роли мужа и жены в семье и в обществе. Дела могли вестись только в случае согласия между супругами: *in a tenancy by entirety one spouse cannot seize or end the tenancy by his acts alone*[4].

На таком правовом фоне вдовы оговорим и права вдовца (*curtesy*). В случае смерти супруги вдовец имеет право на *life estate in all the estates of inheritance in land which his wife possessed during their marriage*[5], но это право оговаривается условием: *provided that there was issue born alive capable of inheriting the estate*[6].

При наличии сына правовой статус земли, полученной мужем от жены, становится выше – *an estate for his life*[7]. В старых законах различали два состояния данного положения:

– до кончины супруги это право именовали *curtesy initiate*[8];

---

[1] Отношения лорда и арендатора (англ.).

[2] Полное наследство (когда муж и жена арендуют совместно) (англ.).

[3] Они владеют полным интересом на всю собственность (англ.).

[4] При данном виде аренды ни муж, ни жена не могут ее прекратить односторонне (англ.).

[5] Пожизненное владение всей землей, которой они владели при совместной жизни (англ.).

[6] При условии, что имеется живой наследник состояния (англ.).

[7] Пожизненно (англ.).

[8] Интерес, который муж имеет к состоянию жены после рождения наследника (при ее жизни) (англ.).

– после кончины – *curtesy consummate*[1], где *consummate* = *complete*, *accomplished*, *finished*[2].

В более поздней редакции закона такая градация опущена.

Язык первых законов очень простой, поэтому во многих случаях считается точным. Всякое нарушение закона получало однозначное именование и квалификацию: *crime*. Понимание преступления тоже было простым и точным: *any act which the sovereign has deemed contrary to the public good*[3]. Более поздний закон практически подтверждает такое понимание преступления: *a wrong which the government has determined as injurious to the public*, *prosecutable in a criminal proceeding*[4].

Язык двух документов очень близок, несмотря на то, что между ними – пара столетий. Это опять прекрасно видно из выбора слов: идеалом строгого и заботливого отца нации в исторически первом тексте ожидаемо и естественно в соответствии с идеологией того времени выступает монарх как власть одного: *the sovereign = supreme or superior ruler*[5]; позже – правительство как коллективный орган: *government = the body of persons charged with the duty of governing*[6].

Разные роли мужчины и женщины диктовались особенностями того времени и образа мыслей. Нормандское завоевание, подавление мятежей и восстаний – все это предполагает активное участие мужчин. Будет справедливо отметить, что мужчины при всем их пренебрежительном отношении к женщине в те времена не могли не понимать ее важной роли.

Многие богатые и знатные женщины пользовалось уважением как дома, так и в обществе, которому они принадлежали. Примеры браков между английскими королями и принцессами из других стран показывают, что у них возникало много проблем.

---

[1] Как совершившегося факта (англ.)

[2] Полное, законченное с большой вариацией между ширами (англ.).

[3] Любое деяние, которое сюзерен считал противоположным общественному благу (англ.).

[4] Зло, пагубное для общества, преследуемое уголовными законами (англ.).

[5] Высший руководитель (англ.).

[6] Правительство – группа людей, которой доверено управление/руководство (англ.).

Таким образом, в целом мужском и явно военизированном феодальном обществе женщина не только молчаливо присутствовала, но и немало значила реально. Факты средневекового права однозначно свидетельствуют о существовании законов, предусматривающие определенные права для женщины (матери, вдовы, старшей дочери).

Права женщины на наследование были четко оговорены в законодательстве через утверждение ее имущественных прав, что в то материальное время было ключевой, жизненно необходимой потребностью. При отсутствии в семье сына-наследника надел земли доставался дочери, но при условии обсуждения определенного варианта ее замужества в интересах лорда. Во многом судьба женщины зависела от лорда. Об этом свидетельствует следующее: долгое время действовало право лорда на первую брачную ночь; повторный брак вдовы также мог состояться только с согласия лорда поместья.

Практическим владельцем приданого и земли становился жених/муж. Этот юридический факт объяснялся особенностями того времени: королю нужны были воины, и эту функцию выполняли мужчины, поэтому прежде всего они вознаграждались землей за военную службу.

Вдова лорда или вассала до конца жизни имела право на треть оставшегося после мужа состояния при условии, что она снова не выйдет замуж. При нормальных житейских обстоятельствах, когда семья выдает дочь замуж, ее отец собирает приданое, которое отходит мужу или отцу мужа. Хотя право вдовы на приданое ослабляло экономику фамильного хозяйства, которое оставалось в руках ее сына, но второй брак вдовы в целом не запрещался; другим выходом из одиночества был уход вдовы в монастырь. Так было раньше.

При новой власти земельные права женщины были ущемлены. Если в англосаксонском обществе права женщины признавали равными правам мужчины через выделение ей части наследства, то при обязательной передаче поместья в руки старшего сына (*primo geniture*) в интересах сохранения воина-рыцаря для службы королю новые феодальные правила в угоду королю ослабили положение женщины в обществе: с традицией выделения ей равной доли наследства было покончено.

Изменение в положении женщины в XI в. связано и с совпавшими реформами Церкви. Время нахождения на папском престоле Григория VII (1073–1085) отличается большими реформами, в частности, в области клерикального безбрачия. Это не могло не привести к более ограниченному пониманию роли женщины в обществе, в частности, недооценки ее материнских прав и обязанностей, что в свою очередь уменьшило роль и предназначение женщины в обществе в целом.

История становления, развития и функционирования английской юридической терминологии неразрывно связана с историей английского общества и народа. Мы придерживаемся следующего принципиального для нас положения: нет права безадресного, права, так сказать, без прописки или права вообще. Наоборот, право является отражением условий бытия конкретного народа, история которого складывалась вполне определенным образом. Право становится не абстракцией, а реальным проживанием конкретного народа в конкретное время со всеми возможными коллизиями, успехами и неудачами.

Право появляется закономерно (невольная тавтология) у каждого общества на его (общества) конкретном этапе развития как ответ на многие потребности и как средство разрешения противоречий его развития. Характеристика права возможна только при понимании, что конкретное право появляется у конкретного народа, и без учета истории этого народа право остается схоластическим и спекулятивным, абстрактным понятием или фикцией.

В истории народа есть события, а в истории языка – слова, которые навечно остаются в народной памяти в качестве яркого маяка единой, неразрывной истории народа. К таким словам, безусловно, относится ***moot***[1], семантика которого навсегда сохранило одну из самых ярких форм участия народных масс в решении социально и правово важных проблем.

Откуда и когда возникает идея коллективного органа власти вообще? Такие глубокие идеи не рождаются в одночасье: они вынашиваются годами, а может – поколениями. Вся история развития человечества в разных очагах первых его культур и цивилизаций – на Востоке и на Западе – это убедительно подтверждает.

[1] Народный сход (англ.).

Действительно, человек в прошлом и человек в настоящем всегда ставил и продолжает ставить такие вопросы, что обязательно приводило и приводит к правильным ответам.

Вопросы и ответы проецировались в сознании разумного человека достаточно рано, когда он находился ближе к природе. Помещений (включая церкви), способных вместить большое количество людей, практически не было.

Жители Англии стали воцерковлёнными с VII в. Вполне логично и ожидаемо они собирались у церкви как центре духовной жизни, где по традиции находились и захоронения. Получалась довольно символическая и мистическая картина: люди пришли к своим предкам посоветоваться.

По мнению историков, мистика занимала большое место в жизни германцев, а традиции предков они чтили и уважали[1]. Для решения жизненно важных вопросов они, как правило, выбирали сакральные места на возвышенности или, наоборот, в укромной долине. От тех времен остались слова, которые несут эту важную часть правовой истории англичан как органической части их национальной культуры, и, в частности, обозначают места сбора людей для обсуждения своих забот. Таких слов несколько, что не может не говорить об обыденности, привычности собираться вместе в наиболее удобных для людей местах, что снимает завесу таинственности. Многие видят право в романтической дымке. Едва ли это так. Наоборот, это естественная часть образа жизни народа.

Часто местом сбора был пустырь. Одно из его названий: ***the common*** *– the land belonging to all alike*[2]. Такая внутренняя форма слова объясняет выбор пустыря как места общего сбора. Второе слово с такой древней правовой пресуппозицией *village*: ***green*** *– an area of grass in the centre of an English village*[3], со следующей функциональной экспликацией: *for the use of all the people who live there*[4]. На высоком обобщенном, понятийном или мен-

[1] См., например: *Алексеева Л. С.* Древнеанглийский язык. Москва, 1971. С. 53–54.

[2] Земля принадлежит всем (англ.).

[3] Покрытый травой центр населенного пункта (англ.).

[4] Для всех там проживающих людей (англ.).

тальном уровне для англосаксов это место, которое освящено старой традицией: эта земля принадлежит всем – здесь они играли в детские игры, строили и обсуждали со сверстниками жизненные планы. Они рано, с детства, усвоили важную, насыщенную глубоким правовым содержанием мысль: никто не имеет права присвоить себе ни одного клочка этой общественной земли. Это придавало им силы и уверенности. Это и было правовое воспитание в действии[1].

В зависимости от времени года, что еще раз подтверждает обыденность данного собрания, такими местами сбора и обсуждения проблем были ***moot-hill*** – *a hill where moots or assemblies were held*; ***moot hall***; ***moot house***[2] (для экономии места толкования последних словосочетаний не приводим из-за их семантической и знаниевой прозрачности).

Сохранились *OE* тексты, где у данного сложного слова присутствует старый спеллинг: ***mothus***, что мы трактуем как свидетельство древности обычая самоуправления у германцев/англосаксов. Насколько была важна такая народная форма рассмотрения дел и вынесения решения, говорит следующее высказывание: *In the anglo-saxon moot may be discerned the first germs of popular government in England* (*OHD*)[3].

5.4.3. Судебная власть на местах

Лорд, получивший землю от короля, также наделялся правом возглавлять местный суд, который имел несколько названий: ***manorial court***, ***court baron***, ***tourn***. В его руках это стало мощным инструментом, с помощью которого он наводил порядок в своем маноре, создавая впечатление гласности или народности. Происшествия на суде обсуждались и расследовались всеми, ведь главное правило манорного суда – обязательное присутствие вилланов на его заседаниях. Это было особой формой отработки баро-

[1] Это прекрасно показано в упомянутом нами выше британском фильме BBC *Cromwell* (реж. К. Хьюз, 1970): огораживание общинных земель стало сигналом к гражданской войне.

[2] Возвышенность; комната в большом отдельностоящем доме (англ.).

[3] В англосаксонском народном сходе видим первую форму народного правительства в Англии (пример из исторического словаря) (англ.).

ну. Данный обычай не мог не оказывать большого общевоспитательного и правовоспитательного влияния на простых арендаторов. Они воочию видели своего господина в роли судьи, убеждались в его всевластии и мудрости, делали выводы о неотвратимости и неизбежности справедливого наказания. Присутствие вассалов было удобным и с практической стороны: если возникала необходимость укомплектования жюри присяжных, замены присяжного, то вопрос решался в зале.

Сколько лет существует понятие «жюри присяжных», столько лет идут споры, когда и где данный судебный институт возник впервые. Отметим законность, ожидаемость и востребованность жюри присяжных как института.

Лорды и таны были не только хозяевами земли, но и правителями, стоящими высоко над всеми другими слоями общества. Они верно служили королю, который им платил двойной монетой – землей и властью, в том числе властью судебной.

Местные суды могли называться по-разному, но это не меняло сути дела: поддержание правопорядка в маноре, наказание – все это во власти лорда или тана.

Английская история прекрасно говорит с потомками независимо от того, являемся ли мы их соотечественниками или нет. К власти стремится каждый человек, но кроме этого в жизни есть еще многое другое, в том числе увлечения и страсть к спорту, игрищам, охоте. Все это всегда сопровождало человека, особенно человека состоятельного. На все увлечения времени, естественно, не хватало, и лорд вынужден был передать часть забот по управлению большого имения в верные руки. Он, следуя примеру короля, передает обязанности по контролю за работой арендаторов управляющим. Пресытившись властью и устав от судебных дел и хлопот, барон передает все заботы по управлению имением и свои судебные функции особому человеку – управляющему. Так в истории Англии возникает фигура под названием ***steward***. Как логичное следствие, суды получают новое название, отражая изменения в укладе манора: ***steward's court***.

Steward – *a man appointed in the place or instead of another*[1]. Это широкое толкование на местах в зависимости от специфиче-

[1] Букв.: человек, назначенный (на должность) вместо другого (англ.).

ских управленческих функций получает более конкретное определение: ***steward of the manor***[1]. Здесь важно отметить, что слово, обозначающее должностное лицо с такими функциями, вошло в понятийный и языковой оборот еще в англосаксонской Англии. Таким образом, этапы развития власти, ее разнообразие у многих народов удивительным образом совпадали, что мы объясняем единой природой основного творца истории – человека.

Состоятельный человек был предрасположен к отходу от активных дел, перекладывая их на доверенное лицо. Столь же логично предположить, что, наняв специального работника, барон максимально загружал его делами: готовить и вести предварительное следствие, организовывать поиск и поимку преступника, то есть комплексом функций и практических дел, явно похожих на современные действия полиции и работников суда, в частности, судебных приставов. В этом мы видим фигуру другого лица: юридическим словарем *Black's* его функции прямо соотносятся с функциями шерифа. Так начинает вырабатываться общая закономерность в развитии власти при феодализме и по управлению земельными поместьями с большим количеством крестьян, и по организации и реализации судебной власти на местах: подбирать людей, комплектовать коллективные органы власти.

Широкий круг обязанностей не может не требовать определенной специализации – таков закон жизни. Да и сама скрытая и явная логика феодализма, что потом неизбежно приведет к стагнации и неэффективности такого управления, очевидна: там где можно, не делай работу сам, а переложи ее на другие плечи. Так появляются целые цепочки и сети должностных лиц, складывались карты взаимоотношений.

В больших поместьях есть управляющий и шериф. У последнего появляются помощники (*under-sheriff*), заместители. Его общий статус вполне просчитывается из той чисто языковой информации, которая заложена в номинативных единицах (например, *under-sheriff* от *under- – subordinate*, и *-sheriff*).

Практика познания или толкования всего неизвестного, или нового складывается из всего предыдущего опыта человека. С увеличением количества населения и развитием страны возрас-

[1] Управляющий имением, манором (англ.).

тает объем работы по управлению обществом, поэтому то единоначалие, которое было характерно и достаточно эффективно для начального этапа развития еще малочисленного общества с его главным принципом: одно лицо отвечает за все, уже не могло соответствовать требованиям ни руководителей общества, ни самого общества. Разделение обязанностей было востребовано не только в производственных сферах, но и в сфере управления, которая все больше и больше обособлялась, требуя все большей специализации по выполнению обязанностей по управлению обществом.

5.4.4. Система подготовки и разновидности английских юристов

Благодаря наличию лицензии от короля была создана корпорация под общим названием ***Inns of Court*** – *four societies in London*, *of which the members are lawyers and are called to the bar as barristers*[1], в которую вошли четыре общества: ***Gray's Inn***, ***Lincoln's Inn***, ***Inner Temple and Middle Temple***. Здесь готовили судей.

Вследствие их высокого статуса в обществе возникает каста судей: у них складывается свой образ жизни, включая учебный процесс, язык и обычаи. Об этом свидетельствует язык: некоторые слова употребляли только в Иннах, где готовили судебную элиту.

При выпуске в большую жизнь судьи легко узнавали друг друга по языку и манерам, что немало способствовало их продвижению по служебной лестнице. Они поступали по примеру выпускников привилегированных частных школ, у которых работал принцип *oldschooltieism*[2].

---

[1] Судебные Инны – четыре общества в Лондоне, члены которых являются юристами и приглашаются в коллегию адвокатов в качестве барристеров по окончании Иннов (англ.).

[2] Выпускники носили одни и те же галстуки как особую отличительную черту (англ.). В каждой школы была своя школьная форма, частью которой был свой галстук (*tie*). Раздобрев по окончании школы, в важные моменты своей карьеры они не могли одеть форму, но обязательно завязывали галстуки, зная, что их одноклассники, как правило, занимали важные посты и обязательно им помогут.

Инны были особой правовой площадкой со своими многочисленными особенностями: от простого обычая вместе обедать за одним столом, который свято соблюдался, до профессионально значимых. Только здесь существовало слово *bencher* – «судья»; здесь употребляли ставшее уникальным сочетание *moot case,* означавшее особую методику подготовки судей.

Несомненно, сильной стороной Иннов было то, что занятия вели практикующие судьи, а многие аудитории по форме и интерьеру полностью имитировали залы судебных заседаний. Это способствовало высокому качеству подготовки выпускников, позволяло бывшим ученикам с первого судебного дела профессионально адаптироваться к реальной судебной обстановке, физической и правовой.

Вполне ожидаемо, что выпускники Иннов были сразу готовы к работе в судах, и это выгодно выделяло их от других начинающих судей. Отсюда смысловая прозрачность следующего контекста: "*He talkes statutes as fiercely*, *as if he had mooted seuen years in the Inns of Court*"[1]. (В спеллинге прошедших времен.) Примечательно, что пример датирован 1628 г.

Слово изначально имело две формы: *mote*/*moot*, которые употребляли вплоть до конца XVIII в.: "*The hall in which the assizes are held at Carlisle*, *still goes by the name of the mote, moot-hall*"[2]. (Оба разных варианта слова употреблены в одном и том же миниконтексте, что с позиций коммуникативной теории позволяет утверждать их абсолютную равнозначность.)

Следует отметить, что существовала близкая система подготовки судей и для судов справедливости – ***Inns of Chancery***. В отличие от четырех школ судебных Иннов, здесь их было девять. Они практически готовили к поступлению в судебные Инны. Именно в них сложилось особое название английского адвоката с высоким статусом *barrister*, которые в отличие от других работников судейского цеха, получают привилегию выступать в высоких судах.

---

[1] Он так хорошо разбирается в законах, как будто он учился в Иннах лет семь (англ.).

[2] Зал, где размещается выездной суд, все еще носит название «зал народного схода» (англ.).

В судебных Иннах готовили ***barristers – an advocate or counsellor*** *learned in the law who has been admitted to plead at the bar*[1]. *Bar* – головная часть судебного зала, где находятся судья, секретарь суда, защита и обвинение; от остального зала она отделена барьером, и в этом ограниченном пространстве происходит таинство – вершится суд.

Процедура участия в суде для начинающего барристра начинается с церемонии *to be called to the bar*[2], то есть получить официальное право называться юристом-адвокатом.

В судебных Иннах сохранилась и другая своеобразная лексика, например, судьи преподаватели здесь называются *benchers*; обсуждение судебных дел с учениками – *bolting*/*boulting*, что также способствует профессиональному росту и становлению.

В том типе государства, которое называется королевством, многое зависит от желания короля. Во время испытаний (например, военных кампаний) он может наградить верного воина высоким постом. Так произошло с юристом высокого ранга, который называется ***serjeant*** (с буквой ***j*** вместо ***g*** в написании). Первое слово стало обозначать *the highest degree of the legal profession*[3].

Слово *serg*(*j*)*eant* заимствовано из французского языка, где *serg*(*j*)*e*(*a*)*nt* как производное образовано от глагола *servire* («служить») и обозначает служилого человека (*a serving-man*, *attendant*, *servant*): он служил королю на поле брани и на судебном поле. Для различия таких разных видов службы стали использоваться разные буквы:

*ser**g**eant – a tenant by military service under the rank of a knight*;

*ser**j**eant – an officer who is charged with the arrest of offenders or the summoning of persons to appear before the court*[4]. Оно стало обозначать *a title borne by a lawyer*[5].

---

[1] Готовили барристеров-адвокатов, которые допускались к плидированию в судах (англ.).

[2] Получить звание барристера (англ.).

[3] Юрист высшей категории, судья в высоких судах общих тяжб (вплоть до роспуска в 1846 г.) (англ.).

[4] Должностное лицо, которое производит арест правонарушителей и вызывает ответчиков в суд (англ.).

[5] Высокое звание юриста (англ.).

Король их породил, король им покровительствовал. Во времена частых заговоров всегда был нужен верный и преданный воин с определенными познаниями в законах. Существовала абсолютная закономерность: уровень ответственности напрямую зависел от степени близости к королю, поэтому особо важные дела (например, арест заговорщиков, участников мятежа) доверяли наиболее преданным людям.

За верность король хорошо платил: на исполнителей сыпались награды и продвижения по службе. Таким образом появился закрытый (малый по количеству) высший орден барристеров (точное название – *serjeant-at-law*), который стал источником королевских судей.

Вплоть до своего упразднения (до 1880 г.) орден успешно развивался, а сержанты от права получали все новые и новые титулы. Определения *King's*, *Royal* уже служили дополнительной огромной наградой и знаком большого доверия со стороны короля. Появились наиболее избранные и привилегированные юристы-сержанты: королевский юрист (***King's*/*Queen's Serjeant***). Уровень сложности их услуг королю увеличивался – увеличивались милости короля.

В стране появились более высокие титулы и звания: ***Prime Serjeant*** – *the first in rank of the three* (*earlier two*) *serjeants-at-law in Ireland*[1].

Сержант-юрист оговаривал особые условия держания земли от господина и сохранил свое место в истории земельных отношений в стране: *sergeanty* (в смешанном спеллинге!), *serjeanty* и еще в более многочисленных вариантах правописания в *OE*: *serjantie*, *sergentie*, *serjeantie – a form of feudal tenure on condition of rendering some specific personal service to the king*[2], как особая форма получения земли на определенных условиях. Так растет наш парадигматический ряд названий видов держания земли или (что одно и то же) видов оказываемых услуг господину, или ви-

[1] Старший ранг из трех юристов-сержантов в Ирландии (англ.). В исторической памяти английского народа остались оба названия. Их рецидивы частично живут и сейчас, например, в парламенте Великобритании и конгрессе США есть такие должности, как *sergeant*, *sergeant-at-arms*.

[2] Форма феодальной аренды при условии оказания специфических услуг королю (англ.).

дов отработок вассала за землю своему господину за счет прибавления двух их разновидностей.

Существовали две разновидности повинности:

Grand serjeanty[1], обязывает вассала исправлять такую службу, которая связана с обороной страны: *such as acting as marshal, putting an army in the field*[2].

Petit serjeanty *binds him to a service* "*amounting to half a mark or less*", *such as carrying the king's bag*, *a brooch*, *an arrow*, *or a bow without string*[3].

Из всего этого исторического многообразия видов и рангов юристов наиболее устойчивым оказалось определение *King's*/*Queen's*: *King's*/*Queen's Counsel* – статусное престижное звание адвоката и в Новое время.

На заре правового общества власть была единой и неделимой. Все население было жестко стратифицировано. Во многих культурах, в том числе и в англосаксонской, все население вело оседлый образ жизни, иностранцы вызывали подозрение и за ними приглядывали особо.

В Англии существовал жесткий закон, в соответствии с которым владельцы постоялых дворов обязаны были информировать власти о приезжих.

Еще со времен Эдуарда Исповедника действовал закон *twa night gest*, в соответствии с которым в течение первых суток постоя в гостинице или в частном доме приезжий считался *stranger* (*sax*. *uncuth)* – букв. «неизвестный», «иностранец»; на вторые сутки – постояльцем (*guest*), на третьи – гостем семьи. В правовом отношении это означало, что всю ответственность за поведение приезжего несет хозяин, что, естественно, накладывало на последнего огромную ответственность.

---

[1] Условно должность «старший сержант» (англ.).

[2] Выстраивать войско на поле предстоящей битвы (англ.).

[3] Условно, должность «младший сержант», выполняет более мелкие обязанности: хранит и защищает личные принадлежности короля в полевых условиях включая символы его власти, а также стрелы и лук без натянутой тетивы (англ.).

С увеличением общества, усложнением хозяйственных и иных отношений появилась потребность в детализации или разделении власти, что оказалось удобным и эффективным. Это был длительный процесс, который совершенствовался из века в век и достиг современной формы. Ее зачатки существовали в англосаксонский период.

Англия служит уникальным примером микширования нескольких моделей власти: при парламенте как символе народовластия мирно уживается монархия.

ГЛАВА VI. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Фигура шерифа как представителя власти среднего уровня преподносит несколько полезных уроков даже в XXI в.

Статус каждого должностного лица всегда находится под критическим оком представителей более высокой власти, которые увеличивают или сокращают его в зависимости от пользы или опасности, которые несет такая фигура. Малейшее отклонение от нормы, любая самостоятельность были недопустимы. Зная психологию человека и умело ею манипулируя, люди короля умело находили рычаги воздействия на такого чиновника. Они хорошо усвоили максиму римского права: *divide et impere*[1], то расширяя его полномочия, то сужая, используя как действенный рычаг воздействия.

Должностные обязанности шерифа варьируются под руководством недремлющей власти: нельзя оставлять вне контроля деятельность представителей не только высшего руководства, но и местного уровня власти. Эффективными методами контроля местного чиновника стали его постоянная подконтрольность местной судебной власти и предоставление регулярного отчета (в современной терминологии – сведения о доходах) об источниках материального благосостояния каждые полгода.

Исследование однозначно показывает, что право системно и структурно. Это никогда непрерывающаяся цепочка правовых событий и их последствий. Одни события выступают в роли завязки; другие – развязки, разрешения какой-то проблемы, каждое из которых становится началом, предлогом, причиной новых правовых событий и так далее.

Появляется новая историческая завязка: получая гарантированные доходы от работы судов (штрафы, обязательное взимание долгов через суд, распродажа имущества банкротов и другое), бароны теряют интерес к должности шерифа в своем шире, наоборот, он оказывается уже не союзником по власти, а скорее

[1] Разделяй и властвуй (лат.).

соперником, и потому препятствием на пути к новым источникам обогащения. Дальнейший ход развития страны играет им на руку: проходит эпоха сильных королей (Вильгельма I Завоевателя, Генриха II Плантагенета). На трон приходят короли, которые в стране проводят меньше времени, чем за границей: кто-то увязает в Столетней войне с Францией, кто-то (как «славный» рыцарь Ричард Львиное Сердце) участвует в череде крестовых походов. Многие изменения во власти, ухудшающие положение народа, проводятся в такое бесславное время, например, к концу XIII в. при Эдуарде I половина судов сотни оказалась в частных руках местных баронов.

Доставка осужденного на место заключения – еще одна обязанность шерифа наравне с общим руководством местами заключения.

В случае банкротства по суду он организовывал распродажу имущества банкрота или должника, что получило название, передающее суть такой акции и роль и звание ее организатора, ***sheriff's sale***. Вырученные деньги шли на погашение имеющейся задолженности проигравшего дело ответчика или на покрытие судебных расходов.

Покупатель такого имущества приобретал товар по особому документу, корректно отражающему его источник: ***sheriff's deed*** *– a document giving ownership rights in property to a buyer at a sheriff's sale*[1] в вышеприведенном значении.

Оба номинативных средства относятся к широкой тематической группе под названием «Права и обязанности шерифа».

В ногу с объединением страны, централизацией власти увеличивались и права шерифа. Тут еще раз убеждаемся в логичности хронологизации изложения, принятой в работе, которая хорошо известна филологам и историкам английского языка.

К концу *OE* периода (а это совпало с кануном норманнского завоевания) многое менялось в Англии радикально. Страна постепенно приобретала новую конфигурацию, территориальную устойчивость, в том числе завоевания викингов пошли на убыль, государственное строительство вело к новому территориальному един-

[1] Документ, удостоверяющий законность приобретения покупки на распродаже, проводимой шерифом (англ.).

ству во главе с новыми органами центральной власти и местного управления.

С ростом мощи государства притягательными объектами для захвата становились земли соседей. Победителям лишь оставалось добавить окончательные штрихи к той системе власти, которую оставил Эдуард Исповедник, поэтому до некоторого времени схема власти, начиная с фигуры шерифа, исторической предтечей которого был *reeve* (слово, ставшее основой производного образования и являющееся внутренней формой слова *sheriff*), во многом практически оставалась без изменения. Победители увидели пользу в этой должности.

Власть на местах обеспечивалась судами, которые стали первыми проводниками королевской власти, а роль шерифа оказалась наиболее значимой именно в сфере судебной власти. О некоторых его судебных обязанностях мы уже упомянули выше, но существовали особые суды, где он являлся главой суда. Он был председателем ***shire-moot***, или ***sheriff's tourn***.

Главные функции шерифа нового времени заключались в контроле и прямом участии в выполнении новых законов короля в соответствии с предписаниями короны, в эффективном управлении коронными землями конкретного графства.

Увеличивались престиж и штат шерифа (*sheriff's office*). Сам он стал именоваться *high sheriff*. Появляется целая семья тематически и исторически связанных слов и сочетаний термина ***sheriff***:

Sheriff;

High sheriff – under-sheriff – sheriff deputy;

Sheriffdom – sheriffty – sheriffhood[1].

В новое время (после завоевания) должность шерифа не только сохранилась, но и укрепилась. Его статус упрочился: он стал назначаться королем с выдачей особого королевского патента; срок его полномочий был установлен длиною в год.

Логика говорит, что повышение статуса руководителя не только укрепляет его власть, но и ужесточает требования к его назначению. Так получилось и с должностью шерифа. С одной

[1] Шериф, высокая должность шерифа;
старший шериф – младший шериф – помощник шерифа (англ.);
все три слова обозначают высокую должность шерифа.

стороны, отмечается его выросшая роль в обществе, его расширившиеся функции, с другой – сократился срок его пребывания в должности. По-видимому, такое оригинальное сочетание двух факторов: рост власти – сокращение срока, рассматривалось властью как одно из средств мобилизации и стимулирования способности и ответственности должностного лица. Соблазны большой власти огромны: при больших полномочиях человек мобилизуется, ибо расширение власти – большой стимул проявить себя оптимально, а малый срок пребывания на высоком посту не позволяет покрыться плесенью, завести любимчиков. Таким образом, все эти практические шаги власти позволяют оптимизировать работу важного должностного лица. В этом заключаются большая историческая правда власти и проявление закономерности человеческой психики: кандидат на высокий пост, который, естественно, ожидает большое материальное вознаграждение, будет лучше исполнять свои высокие обязанности в короткий срок полномочий.

Шерифу помогают помощники – *under-sheriff*, *deputy sheriff*, в то время как он несет основную ответственность за список служебных обязанностей. Кардинально новым в его работе становится предписание ему обязанностей по организации, проведению и подсчету результатов выборов в парламент. Так в его функции входит политическая составляющая, абсолютно новая должностная функция в обществе нового типа. За этим следует очередное расширение аппарата шерифа, что позволяет ему сосредоточиться на этой специфической и политически ответственной работе.

Практика института шерифа оправдала себя и в Ирландии, которая всегда была головной болью английских королей, и в США, где шерифы избираемы, и в Шотландии, где у шерифа очень широкий круг обязанностей как в области гражданского, так и уголовного правосудия.

Системы права и суда в Шотландии всегда отличались от таковых в Англии. В Шотландии также существует достаточно разветвленный аппарат шерифа, выполняющего как общие для обеих стран функции, так и сугубо шотландские. Здесь заместитель шерифа по судебному законодательству называется *sheriff-depute*, в то время как в Англии у названия данного поста другой порядок

слов в соответствии с нормами английского языка – ***deputy-sheriff***. Это объясняется тесными историческими узами Шотландии с Францией.

Точечная специализация одного из заместителей шерифа – сосредоточение внимания на судебной деятельности – вполне обоснована. Действительно, в суде решаются важные вопросы, связанные с разной степенью преступных актов и степени наказания, что должно быть очень аргументированным и обоснованным, а это требует знания законов и тщательной подготовки судебных решений. В Шотландии эта должность практически и стала судейской: заместитель шерифа становится главным судьей шотландского графства.

Привычной становится тут фигура ***sheriff-substitute*** как судьи суда первой инстанции, который слушает дела. Такая работа требует знания законов, теории и практики права. Логично и ожидаемо ее выполняет юрист по образованию. Это интересный вид суда в Шотландии, отличительной чертой которого является то, что он заседает по горячим следам под председательством шерифа. Данный суд выступает в качестве апелляционного суда первого уровня. Он начинается с получения заявления истца непосредственно на имя ***sheriff-depute***.

Постепенно оформляется состав или структура английского суда, в частности, внимания заслуживает детализация функций, распределяющихся между несколькими судьями. Коллективный состав суда, под которым мы, прежде всего, понимаем его коллегиальность, становится очередным более высоким этапом развития суда. На первом этапе суд был в единоличном составе.

В истории английский суд с одним судьей обозначается несколькими языковыми единицами, среди которых следующие: ***individual judge***, ***single judge***, ***sole judge***, ***solitary judge***.

Общая конфигурация и плотность судейского поля определяются жизненным опытом, который свидетельствовал о том, что у единоличного судьи концентрируется слишком большая, практически неограниченная власть, а судьба подсудимого зависит от решения одного человека. Как защитная мера недопущения своеволия одного судьи возникает настоятельная потребность перехода к нескольким судьям. Английский язык сохранил историю и результаты этого процесса.

В обычае и логике человека в случае выполнения одной работы несколькими людьми следует назначать/избирать одного старшего и остальных подчиненных, например, появляются новые номинации: названия «главный судья», «судья-председатель суда» – ***chief judge*** – «председательствующий судья» с несколькими вариантами (например, ***president/presiding judge***) при наличии судей, которые являются лишь членами суда. Часто они называются помощником судьи (***deputy judge***) или членом суда (***ordinary judge***, ***puisne judge***: в пер. с фр. *puisne – junior*, *inferior*) низкий по статусу.

Существует мнение, согласно которому чем тщательнее рассматриваются дела в судах первой инстанции, тем меньше будет количество обращений-жалоб в суды следующей более высокой инстанции. У английской Фемиды сложилось правило: нельзя подавать дела на рассмотрение судов более высокой инстанции, если дело не рассматривали суды ему подотчетные. Ее служители поступали соответственно, но у народа сформировалось свое, отличное, мнение: люди увидели попытку ограничить права народа на правосудие. Закрытие дальнейшего хода дела создавало реальную опасность порочного судебного круга: трудно ожидать, что судья, вынесший определенное решение по определенному делу сегодня, завтра его пересмотрит.

Для качественного рассмотрения дела в судах шерифа совершенствовалась его структура, и одной из форм стало увеличение штата офиса шерифа. Здесь уже были ***sheriff's clerk*** (*scot.* ***sheriff clerk***); ***sheriff's officer*** (*scot.* ***sheriff officer***) – новое должностное лицо с выделенным сектором ответственности: контроль за исполнением решений суда, что, несомненно, поднимало уровень ответственности суда, способствовало росту его общего престижа. В связи с тем важным местом, которое занимал шериф в жизни общества, образовалось несколько новых слов. Так, для обозначения его высокого официального положения и статуса образованы слова по исконной английской модели словообразования: основа *sheriff-* + суффиксы *-ty/-hood/-dom*. Производные слова обозначают лицо высокого статуса: *sheriffal**ty**/shrieval**ty*** в двух вариантах (только в Шотландии). Зафиксировано две формы основы слова *sheriff-*. Это было вполне ожидаемо вследствие частого использования слова людьми малообразованными, тем бо-

лее в устах шотландцев, многие из которых всегда стремились говорить на родном *Scot*/*Scotch language*, а многие из них сознательно искажали английские слова в знак непринятия английского языка в своей стране.

Для отражения нового высокого статуса и ранга шерифа понадобились третье производное – *sheriff**hood***, *the office of sheriff*[1] и четвертое с суффиксом *sheriff**dom*** по известной и престижной аналогии, ярким примером служит статусное слово-производное *kingdom*. У слова появилось новое значение: *a district or territory under the jurisdiction of a sheriff*[2], окончательно закрепившее номинативную закономерность, заложенную в семантической структуре многозначного слова:

– одно значение называет должность,

– второе – территорию, которой управляет конкретное должностное лицо.

По количеству производных слов с основой *sheriff-*, по широте и частотности своего употребления может вполне соперничать со словом-основой *king-*, что свидетельствует о высоком ранге основы и, главное, о роли носителя данного звания-титула в реальной жизни.

Наличие в Шотландии суда ***sheriff court*** является особенностью судебной системы данного когда-то самостоятельного королевства: *sheriff court – the main lower court of law **in Scotland**, dealing with both civil and criminal cases*[3].

От *sheriff* в английском языке образовано сложное слово ***sheriffwic***. Рассмотрим значение ее компонентов. Вторая основа (*wic*) очень интересна в лингвистическом и в правово-административном отношении. Как отмечено выше, *sheriff* – слово исконное. Его форма в *OE* – *scirgerefa* (*scir*/*shire* + - *gerefa*/*reeve*) + *wick*, что во многих северных языках означает «отдельно стоящее жилище» (*an abode*, *dwelling*, *dwelling-space*). В дальнейшем значение слова обобщалось до обозначения скопления, совокупности домов (как в словах *a town*, *village*, *or hamlet*).

---

[1] Должность шерифа (англ.).

[2] Территория под руководством шерифа (англ.).

[3] Главный суд первой инстанции в Шотландии по гражданским и уголовным делам (англ.).

Значение производного слова *sheriffwic* – «шериф как руководящее лицо села или поселения, поселка», что передает территориальный аспект его должности и обязанностей, единицу альтернативного административного деления страны и подтверждает отмеченную закономерность процесса номинирования обитаемого мира вокруг человека в виде бисемии: 1 – начальник, глава; 2 – территория, главой которой он является.

Форма и содержание данного слова вобрали в себя давно существовавшее в *OE* языке слово ***gerefa*** с утерянной этимологией (в *OE* это высокое должностное лицо с обязанностями, практически совпадающими с функциями шерифа). Как представитель короля на месте он обладал широкой юрисдикцией, являясь магистратским судьей города или поселка. Факт и история существования данного слова отражают давние поиски оптимальной формы обеспечения права и порядка в районах проживания людей, что и было зафиксировано в его значении.

После 1066 г., в новый период истории страны, возобновились попытки найти оптимальное решение вопроса власти на верху и внизу. Между *OE* и *ME* эпохами этот год проходит тонкой красной линией: жизнь резко изменилась, положение дел в стране оказалось сложным. Население было небольшим, отсутствовала устойчивая система власти.

В Древней Англии все население делилось на сотни, по-видимому, по очевидной причине: оно обозначало ровное число, что было всегда удобно для учета и управления, одновременно оно было и достаточно большим, и достаточно маленьким, то есть оптимальным: такое количество людей, по-видимому, считалось контролируемым и управляемым.

Как должностное лицо, отвечающее за общий правопорядок в графстве, шериф назначался лордом и определенное время самостоятельно выполнял свои многочисленные обязанности. С постепенным ростом количества населения и ожидаемым увеличением должностных обязанностей шерифа по охране общественного порядка, по подготовке и проведению судебных заседаний у него появлялись помощники, как правило, несколько (в зависимости от площади опекаемой территории и ее населения).

Все новые названия образовывались по типовым моделям словообразования: от исходного слова-основы или благодаря

словообразованию и образованию словосочетания: *undersheriff*, *deputy sheriff*. Формировалось самостоятельное семантическое пространство – специфическое номинативное множество – с единым смыслом «заместитель начальника/главы».

Единый содержательный признак «заместитель» обозначен равнозначащими языковыми средствами или на уровне части слова (более конкретно, например, приставкой *under*-) или полными специфическими словами. Части слова и полные слова выражают один и тот же смысл: «второе лицо/заместитель». Специфические производные образуются за счет добавления слов *deputy*, *assistant*, *associate*. Часто при создании данного производного смысла использована приставка *under*-.

Номинативная закономерность продолжает функционировать и в Новое время. В данном случае мы говорим о конкретных языковых моделях и языковых средствах, которые широко применяют в судебно-правовых текстах на протяжении длительного времени для обозначения второго лица после начальника, то есть заместителя или помощника:

а) на словообразовательном уровне – приставки *under*-, *sub*-, *vice*-;

б) на уровне словосочетания – существительное ***deputy*** в качестве первого члена двухчленного сочетания: *deputy sheriff*, с особенностями реализации данного механизма в Шотландии в силу отмеченных обстоятельств, *assistant*, *associate*[1].

Всякая реконструкция прошедшей эпохи – чисто историческая, социальная/социологическая, правовая, или лингвистическая, или интегративная (концептуально-онтологическая на языковом материале в предлагаемой работе) – считается научно состоятельной, если она позволяет доказательно открыть определенные закономерности в жизни человека и государства давно прошедшего времени, закрепленные языковыми средствами. Необходимо не только восстановить ход мысли и практические шаги по ее реализации на примерах определенных правовых событий в их истинном свете через их номинации, но и вывести определенные исторические уроки, что может быть полезным для

[1] Особенность этой словоформы в английском Шотландии мы уже рассматривали выше.

современной жизни человека и общества, а также для лучшего понимания прошлого.

Для нас существенно и такое уточнение: в истории сокрыто огромное количество фактов, обоснованная интерпретация которых может привести к немалому объему достойных современного читателя заключений и выводов. Обращение к правовой истории в ее манифестации с помощью языка обязывает исследователя отбирать такие языковые факты, которые важны социально, экзистенциально, морально и нравственно, экономически и духовно. Увидеть среди них – как ни странно это может показаться – через такую толщину времени (тысяча лет!) нечто общее и специфическое, значит, глубже и корректнее познать прошлое, что, несомненно будет способствовать точному прогнозированию будущего.

Поистине человек настолько живет в настоящем времени разумно и в соответствии с правовыми нормами, насколько он сделал глубокие выводы из истории, ибо право – это совокупность качеств, не только наличие или отсутствие которых влияет на жизнь целого народа, определяет его уровень жизни, образ жизни и весь образ мышления и поступков в настоящее время, но и неизбежно отражается на будущем. Такое понимание права способствует корректному представлению реальной жизни народа в исследуемое конкретное время в условиях сменяющих друг друга видов и форм власти.

Мы придерживаемся того мнения, что большой толчок развитию права, правоохранительной деятельности, появлению судов разной специализации дает сама жизнь, особенно большой город как особое пространство.

Город – ускоритель многих социальных, правовых, языковых, экономических и культурных явлений. В большом городе скапливаются самые разные люди: от хороших умелых и совестливых мастеров до мошенников; от совестливых и верующих горожан до откровенных мародеров и преступников. Вот типичное описание раннесредневекового английского города:

“*There were many causes of poverty*: *the wars*, *desertion from the harsh discipline of the navy*, *the change to sheep farming and the enclosure movement in the countryside*, *and a great increase of idleness and crime*. (Наш комментарий: доминантные причины, опреде-

ляющие основные векторы развития страны: войны, суровая дисциплина на флоте, из-за чего процветало пиратство, переход от земледелия к овцеводству, огораживание.) *But whatever the reason*, *the beggars were drawn to the towns as if by magnets*. *Wounded soldiers and sailors*, *crippled and deformed unfortunates who were genuinely needing help*, *flocked in their hundreds to the wealthy towns for charity*. *Rogues*, *lazy scrounders*, *gipsies*, *deserters*, *and swindlers in their thousands followed the same route*, *threatening and whining and tricking a livelihood out of honest citizens <…> The problem of these diseased*, *verminous*, *quarrelsome hordes was certainly one of the greatest the governments of the towns*, *and indeed*, *of the country itself*, *had to face*"[1].

Описанная реальность заставляла принимать вполне определенные законы, общей чертой которых была бесчеловечность, отразившаяся на мерах наказаниях. Растущие города становились крупной проблемой для властей: необходимо было принять меры по поддержанию должного порядка, оградить граждан от преступников, воров, мошенников – конкретная жизненная реальность, подстегивавшая власти к принятию определенных шагов в данном направлении.

Предпринимаются первые попытки организации регулярной охраны и поддержания порядка в обществе (потом ее назовут правоохранительной службой, состоящей из определенного круга людей, выполняющих конкретные функции). В средневековых

[1] Причин бедности было много: войны, дезертирство из-за суровой дисциплины военно-морского флота, переход к разведению овец и движение за ограждение в сельской местности, а также значительный рост праздности и преступности.

Но какова бы ни была причина, нищих тянуло в города, как магнитом. Раненые солдаты и матросы, искалеченные и несчастные, которые действительно нуждались в помощи, сотнями стекались в богатые города за благотворительностью.

Мошенники, ленивые попрошайки, цыгане, дезертиры и мошенники тысячами следовали тем же путем, угрожая, скуля и выманивая средства к существованию у честных граждан <...> Проблема этих больных, паразитических, сварливых орд, безусловно, была одной из самых серьезных для правительств городов, да и для всего мира. Самой стране пришлось столкнуться (англ.). (См.: *Moss P.* Town Life Through the Ages. Moscow, 1987. P. 45).

городах подобных должностных лиц было несколько: *watches*, *wards*, *constables*, *temporary constables*, *parish constables*, *conservators*[1].

Первыми хранителями покоя и порядка стали наиболее активные горожане, которые группами обходили улицы (особенно в ночное время, в условиях практически полной темноты) с редкими сначала керосиновыми, потом газовыми фонарями на центральных площадях, в местах наиболее вероятного скопления народа: у рынков, магазинов, гостиниц.

В духе того времени формируется множество языковых средств с общим значением (пока скорее условно) «правоохранитель»: ***ward***, ***watch***, ***guard***, ***constable***, ***sheriff***, ***gerefa***, ***reeve***, ***policeman***, ***militia*** (последнее слово – заимствование из латинского языка, где основа *milit-* означает *soldier*). Во времена социальных беспорядков военные привлекались к их устранению.

Человек борется с двумя крайностями, что получает название «борьба добра со злом во имя добра». Он волен выбирать свой путь и свой идеал, поэтому, решая вопросы: каковы истоки права? и что породило закон? – мы исходим из очевидного.

В настоящее время практически невозможно да и нет смысла начать раскручивать историю назад в полном смысле слова с самого начала. Эта очевидность такова: на привлекшем наше внимание этапе английского общества – позднедревнеанглийского периода в его переходе в средневековую Англию – основной первоэлемент государства – «человек разумный и социальный» уже есть. Тут и сейчас. Он уже занят решением кардинальных вопросов: что есть хорошо? что есть плохо? – не умозрительно, как это делали великие философы в Древней Греции, а практически, в ходе многотрудной и многопроблемной жизни, успевшей изрядно измениться со времени древних греков, о которых в Англии в целом и не знали.

Географические условия также далеко не способствовали экзерсисам голой схоластики и чистой ментальной спекуляции.

Выбор сделан человеком практическим для удовлетворения собственных многочисленных потребностей. Он руководствовал-

[1] Констебли, светские и приходские, ночные сторожа, квартальные (англ.).

ся, прежде всего, здравым смыслом и рассудком. Это, по-видимому, можно принять за одну из характерных черт человеческой земной культуры: активно поддержать и развивать все то, что хорошо, и одновременно бороться, не допускать все плохое. Данную начальную точку координат для нашей работы называем общецивилизационной, общекультурной, общеправовой, и, главное, общечеловеческой, единственно адекватной для земной цивилизации.

Сознательно сузив исторические рамки, мы сделали работу более реалистичной и обозримой, то есть выполнимой и одновременно достаточно содержательной по той очевидной причине, что абсолютно каждый самостоятельно решает вопрос: что есть хорошо? что есть плохо?

Таким образом, накопленные материалы исследования позволяют с уверенностью констатировать, что англосакс/англичанин в силу ранее высказанного допущения о рациональной природе человека, избрал дорогу добра. Эта дорога не мифическая, а реальная: на ней часто встречаются и негативные субъекты, объекты и явления, с которыми человеку приходится постоянно бороться. Все вместе это называется жизнью.

Человек рефлексирующий понял, что жизнь есть постоянная борьба добра со злом как внутри человека, так и в отношении внешнего мира, но мы проследим лишь за частью интенсивного продвижения английского народа по этому жизненному пути, а именно в аспекте права, суда и правопорядка, осознанно выбранном нами в силу его большого значения для всей страны на конкретном временно́м этапе – вокруг 1066 г.

При Эдуарде I в Уинчестере принят статут, ставший, пожалуй, большим первым письменным документом. В нем говорилось о необходимости учредить особое подразделение, занимавшееся поддержанием порядка в обществе. В качестве образца и примера статут ссылался на закон саксов. Эта идея обрастала многими подробностями, в частности, каждый житель должен был обеспечить себя средствами защиты и оказывать содействие в поддержании общественного порядка. Оговаривалась служба констеблей с выделением старшего и младшего констеблей, устанавливались их обязанности, которые были близки к обязанностям полиции. Позже закон был отменен.

Закономерные причины появления, развития и реализации законов и права, идеи охраны и поддержания общественного порядка могут быть как универсальные, так и специфические. Идеи власти сложны и своеобразны, и в то же время не могут не подчиняться определенным закономерностям по той причине, что автором их является человек. Любая идея имеет свою историю.

История власти, с одной стороны, универсальна, с другой – уникальна. Даже такая неординарная личность, как Вильгельм I Завоеватель, был вынужден прислушиваться к мнению своих сторонников. Потребность в советах резко возросла после его смерти. Он завещал свои владения трем сыновьям, распределив их, как ему казалось, лучшим образом: старшему сыну – герцогство Нормандское; среднему – Англию и младшему – большую сумму серебром, но и в таком распределении уже крылся зародыш недовольства и конфликтов. Странное, но понятное поведение баронов подтверждает это: те, кто владели поместьями в Нормандии, поддерживали Роберта; те же, у кого была земля в Англии, понятно, оказались на стороне Вильгельма-младшего. В результате многих событий единым правителем и Нормандии и Англии стал Генри, младший сын Вильгельма I.

В таких сложных условиях король сам нуждался в помощи и поддержке. Еще при Вильгельм I Завоевателе действовал Большой Совет (*Magnum Concilium*), который во многом напоминал англосаксонский совет (*witan*). В них входили те же персонажи, получившие название «мудрые»: епископы Церкви, аббаты, люди из непосредственного окружения короля и крупные владельцы земли. Такую же структуру имел совет нормандского по воспитанию и образованию короля: его членами были крупнейшие землевладельцы, получавшие землю непосредственно от короля (*tenants-in-chief*), что давало им право именоваться самой крупной знатью. Главное отличие советников состояло в том, что при англосаксонском короле они были мудрыми (*the witan*), а при нормандском короле они получили землю от короля.

Увеличение количества населения, обострение отношений между Нормандией и Англией, сложные отношения с Шотландией – все это способствовало росту управленческого аппарата,

который в разное время назывался по-разному. Постепенно методом проб и ошибок за каждым из них непроизвольно закрепились определенные функции: один совет заправлял судебными вопросами, другой – налогами и доходами, третий формулировал новые законы и так далее, но все они возглавлялись и состояли из сторонников короля, который их вознаграждал главной ценностью того времени – землей.

Наиболее ярко такая схема управления страной обозначилась в правление Генриха I. В дальнейшем она продолжила видоизменяться и конкретизироваться. Достаточно привести следующий пример: срок полномочий парламента, законодательного органа страны, менялся от минимума двух до семи лет (все зависело от воли и желания короля, который мог годами не созывать парламент).

ГЛАВА VII. DOOMSDAY BOOK КАК ПРИМЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ МУДРОСТИ И РАЧИТЕЛЬНОСТИ

Во время инспекционных поездок по стране у короля все больше и больше складывалось подозрение, что его обманывают, прежде всего, вассалы (а вассалы – это все *ниже* короля!), не полностью внося свою лепту в его казну.

Полный противоречий (с одной стороны, настроенный на «замирение»/успокоение покоренного народа, с другой – неспособный прощать обиды, многие из которых были мнимыми) Вильгельм I замыслил и прекрасно исполнил практически свою последнюю уникальную по масштабам и результатам кампанию экономического и, несомненно, государственного и правово-политического характера. Он сделал то, что навсегда оказалось вписанным в историю английского государства и английского права вечными (несмываемыми) чернилами (*indelible ink*), которыми издревле пользовались английские летописцы и историки: масштабную хозяйственную перепись всего населения и имущества: ***the Domesday/Doomsday Book*** *– a record of all the lands of England*, *showing their size*, *value*, *ownership*[1]. Исходные слова-основы – *dome*, *doom*, *doum*, где *domes* (*dom*/*doom в Р. П.*) и *-day*, что буквально означает *day of judgement*[2].

В анналы страны термин вошел как сгусток следующего смысла: (*the name of*) *the record of the Great Inquisition or Survey of the lands of England*, *their extent*, *value*, *ownersip*, *and liabilities*, *made by order of William the Conqueror in 1086* [3]. Народное название этого события позаимствовано из Библии, где *the day of judgement* – день Страшного суда: *The booke <…> to be called Domesday*, *bicause it spared no man, but judged all men indifferently*,

[1] Перепись всех английских земель, их размеров, хозяев (англ.).

[2] День Страшного суда (англ.).

[3] Письменная регистрация тщательного обследования и осмотра всех земель Англии, их протяженности, цены, правовладения и долгов, проведенная по указанию Вильгельма Завоевателя в 1086 году (англ.).

as the Lord in that great day will do[1], поясняет ОИС-65 в *ME* спеллинге.

Религиозная насыщенность данного смысла очевидна: с человека будет строгий спрос за все его дела/прегрешения. Данная метафора совокупно передает скрупулезность, суровость и неизбежность последствий проведенного учета имущества, скрыть или преднамеренно уменьшить его и тем самым уйти от налога или занизить его не удастся – платить придется сполна.

Слово ***doom*** – общегерманское; в *OE* зафиксирована его форма *dom.* Понятие, передаваемое словом, занимает важное место в общей ментальности германца: ***that which is put or set up***[2], где ***to put*** (***up***) – *to build*, *to raise into position*, *to fix*; ***to set up*** – *to put into position*, *to establish or arrange*[3]. Оба выделенных глагола синонимичны.

Определяющий поведение человека характер семантики этих глаголов мы уже отмечали в дефиниции понятия *law*. Такое действие направлено на утверждение чего-то ожидаемого, нормированного, на закрепление его в мире материальном и ментальном как онтологического условия существования чего-то.

В середине XI в. страна, несмотря на долгую раздробленность, была христианской уже более трехсот лет. Человек Средневековья хорошо усвоил, что он не волен делать все то, что он считает потребным, так как в обществе есть сила, которая желает и приказывает нечто иное. Она среди прочих носит название *doom*, что хорошо известное англосаксу из чтения Библии и службы в храме. Такая масштабная воля называлась законом.

Приведем типичное определение закона/права: *law is an aggregate of rules* ***set up*** *to maintain peace and order*[4] (по *Gifis 1965*). В определении закона мы опять видим знакомый глагол *to set up* в его экзистенциальном значении *to lay the foundation of smth*[5].

---

[1] И книга называется Судным днем, потому что не пощадила ни одного человека, а рассудила всех беспристрастно, как это сделает Господь Бог в День Страшного суда (англ.).

[2] То, что учреждено или заложено (англ.).

[3] Придать определенное положение (англ.).

[4] Закон – это совокупность правил, установленных для поддержания правопорядка (англ.).

[5] Заложить основу, фундамент чего-либо (англ.).

Если свод, код правил, прежде всего, означает «набор», «совокупность», «наличие чего-то близкого или аналогичного в количестве больше, чем один», то предикат предполагает большие усилия и определенную ментальную работу по закреплению, укоренению определенных правил – в этом и заключается совокупный смысл понятия *law*.

Проведенный ассоциативный эксперимент по определению признаков, которые люди связывают с понятиями «закон» и «право», дает интересные результаты с точки зрения социальной и индивидуальной психологии, языка и права. В качестве такого рода участников ассоциативного теста в работе выступают словарные данные.

Относительно прошлого мы не можем провести живой эксперимент, поэтому воспользуемся словарями, которые изданы в разное время разными людьми – с учетом этих входных данных, что делает эксперимент вполне корректным.

Одной из первых ассоциаций с правом, доступной нам благодаря историческому словарю, является слово-понятие *doom*:

1) правовое: *a statute*; *an ordinance*[1] (по данным ОИС) и *law*, *judgement* (по данным *Brewer's*, *2000*);

2) судебно-правовое – *a judgement*, *a sentence*. Именно это значение слова сохраняется в английском подъязыке суда в Шотландии, например, выражение ***to false a doom*** означает *to protest against a sentence*[2];

3) производная номинация ***Doom-tree*** означает виселицу. Повешение было частым методом наказания преступников, его страшились и боялись. Неслучайно смерть на виселице вызывала негативные ассоциации, которые будило в сознании слово *doom*. Таким образом, по отдельным ассоциациям отрицательной окраски и мысли, и чувства, у которых много общего, выстраиваются в сознании полный комплекс представлений, связанных со словом *doom*;

4) общеупотребительное – мнение, точка зрения: *private judgement*, *opinion*[3];

---

[1] Статут, указ (англ.).

[2] Опротестовать приговор (англ.).

[3] Частное мнение (англ.).

5) бытовое – *the last remedy*, *the last resort*[1], сохраняется в часто употребляемом речевом обороте: *the crack of doom – the last trump*, *the signal for the last judgement*[2], после чего предполагаются последующие ожидаемые действия: *no need to continue*/*no need to struggle*, *the time came for surrender*[3]. У слова *doom* широкое концептуальное, вбирающее комплекс безрадостных ассоциаций, значение: *fate*, *lot*, *destiny*;

6) широкий судебно-бытийный комплекс – *justice*, *equity*, *righteousness*[4], отмеченный в XVI в. Именно такое значение присутствует у слова в Священном Писании, что позволило его квалифицировать как «судебно-правовой комплекс», который возникает благодаря библейским мотивам, знакомым с детства.

Понятие «Судный день» имеет несколько обозначений в английском языке, в двух из которых используется данное слово, а в третьем – его более поздний (французское заимствование) перифраз: *day of judgement*, *Day of Doom* < *doomsday*. У северных народов (*Norse people*) Европы слово *doom* также связано в сознании с судом: *doom-ring – a ring of stones delimiting the old Norse courts of judgement*[5].

Судебное значение имеет глагол *to doom – to pronounce judgement or sentence upon*[6]. В американском варианте у глагола появилось новое значение: *to judge and assess the tax payable by a person who has made no returns* (XIX век)[7], и соответствующее производное существительное *doomage – assessment in default*[8].

Основа *doom-* давно используется в наименованиях правовых артефактов. У сложного слова *doombook* (*dom-bok* – форма в *OE*) – *book of dooms*[9] в значении: *a book or code of laws*[10].

---

[1] Последнее средство (англ.).

[2] Последнее предупреждение (англ.).

[3] Нет смысла сопротивляться (англ.).

[4] Справедливость, равенство (англ.).

[5] Каменное кольцо, очерчивающее контуры древнего суда у Северных народов (англ.).

[6] Произносить приговор (англ.).

[7] Назначать налог на лицо, чье хозяйство не принесло доход (англ.).

[8] Учет дефолта (англ.).

[9] Книга законов (англ.).

[10] Свод или кодекс законов (англ.).

Поскольку первым примером и воплощением свода законов были законы библейские, то слово обозначало *a book or code of Old Testament laws*[1]; в других исторических контекстах –*King Alfred's Laws*[2] как признание многотрудной работы короля над законами, которые впервые в Англии стали приобретать системность в годы правления короля Альфреда Великого (конец IX в.).

Дериваты слова *doom* также обозначают важные артефакты права и суда, например, производные *doomer*, *doomsman*, *doomster* и такие варианты, как *demester*, *dempster*, *deemster* обозначают судью. Более точно в английском подъязыке суда слово *dempster* означает судебного служащего с его особыми функциями: *the officer of a court who pronounced doom or sentence definitively as directed by the clerk or judge*[3].

Deemster – производное от близкого глагола *to deem* (общегерманское слово; *daemon*, *deman* – в *OE*). Глагол *to deem* означает *to pronounce judgement*[4], то есть *to administer law*[5] (XVI в.). У него есть мощный содержательный смысл: *the ordinary common sense*[6], что интерпретируем как *common sense of an ordinary man who is physically and mentally healthy*[7].

Таким образом, терминология такого обособленного специального вида деятельности человека, как суд, малодоступна и малопонятна простым людям по двум основным причинам: из-за понятийной сложности и наличия определенной эмоционально окрашенной настороженности, переходящей в опасение перед всем тем, что у простого человека связано с данным институтом власти, что с точки зрения общечеловеческой (социальной) психики неслучайно. С момента обособления суд все дальше и дальше отходил от народа, становился все более и более отчужденным (вспомним первый народный этап суда – «соседский суд», понятный и близкий народу). В результате менялось отношение народа: оно становилось негативным, а не позитивным,

[1] Свод законов в Старом Завете (англ.).
[2] Законы короля Альфреда (англ.).
[3] Служащий суда, который зачитывал приговор суда (англ.).
[4] Произносить решение суда (англ.).
[5] Оглашать закон (англ.).
[6] Здравый смысл (англ.).
[7] Здравый смысл физически и умственно здорового человека (англ.).

как отношение к такой сфере активности человека, где все сложно, непонятно и опасно. Особенно это заметно усилилось с приходом норманнов, при которых язык суда был сначала латинский, а с ростом общего господства завоевателей в покоренной стране – норманнско-французским/французским. Неслучайно, что в записанных народных сказках и народных балладах образ судьи всегда отрицательный.

Общегерманское слово *to deem* когда-то широко употреблялось в значении *to think*, *or to judge*, *to hope*[1].

Производное существительное *deem* некогда обозначало деятеля, основную фигуру суда – судью, но под влиянием французского успело перейти в архаизм или историзм. Реально слово продолжало употребляться в том же значении лишь на острове Мэн, где и сохраняет свое когда-то общеанглийское значение: *a judge*, но уже в узком региональном использовании в препарированном значении: *the title of each of the two judges of the Isle of Man*[2], как отражение специфики суда на острове. То, что старое значение сохраняется активным на этом достаточно изолированном острове, представляется вполне понятным: местное население долгое время было лишено мобильности по множеству причин и в основном оставалось достаточно изолированным, автономным, в отличие от населения крупных центров индустрии, торговли, развлечений. Именно это социолингвистическое обстоятельство способствовало сохранению в английском языке уникального названия законодательного органа острова *Keys – the elective branch of the Legislature*[3] (полное название – *The House of Keys*[4]). Кстати, составители ОИС недоумевают, чем объяснить такое название.

Грандиозное начало кампании переписи вполне соответствовало не менее грандиозному окончанию.

Отчет представлял три солидных тома: первый том содержит 382 страницы, второй – 480; все записи сделаны на латинском

[1] Думать, считать, надеяться (англ.).

[2] Название каждого из двух судей на острове Мэн (англ.).

[3] Выборная часть законодательного собрания этого уникального острова (англ.).

[4] Ключевая Палата (англ.).

языке. Раньше он хранился в министерстве финансов, а теперь – в Центральном архиве страны. Оба тома содержат основные итоги переписи, за исключением четырех графств: *Northumberland*, *Cumberland*, *Westmoreland*, *Durham* – из северной части страны.

В самостоятельный том ***Exon Domesday*** выделены данные по графствам *Wiltshire*, *Dorset*, *Somerset*, *Devon*, *Cornwall*, сохранившиеся среди древних документов *в Exeter Cathedral*. Вся полученная информация приводится в сопоставительном плане, позволяя сравнить данные на время английского короля Эдуарда Исповедника и на время проведения учета. По месту начального длительного хранения части отчета видно, что он изрядно использовался налоговиками по своему прямому предназначению, а также разными министерствами как надежный справочный материал.

Лишь сто лет спустя, в 1183 г., удалось сделать опись имущества епископата в графстве *Durham* (с его особым статусом). Перепись имущества получила название *Boldon Book*.

Причина отсутствия информации по северным графствам заключалась в том, что в свое время они восстали против норманнов, и в порядке наказания их экономически просто стерли с лица земли – переписывать было практически нечего.

Отчет метафорически называется не только как ***Domesday-Book***, но и как ***The King's Book*** и ***The Winchester Book***[1] (какое-то время он хранился в Уинчестере).

Личность Вильгельма I как существенный фактор феодального преобразования Англии

О выдающейся роли Вильгельма Завоевателя в английской истории говорят его названия. Он – единственный король, который вошел в историю под именем-названием ***The King*** с заглавной буквы. Второе его название – ***The Conqueror***, которое также индивидуально и навечно закреплено за Вильгельмом Завоевателем. Это дополнительные факты о его личности и имидже в исторической памяти Англии. Они дают полное основание видеть в реальных делах отражение его исключительных личностных

[1] Книга Короля и Уинчестерская Книга (англ.).

качеств, что подтверждает принятый в работе широкий общечеловеческий подход к раскрытию заявленной темы: с одной стороны, каждый закон и право в целом – плод творения человека, в нем отражаются характерные черты человека-творца законов и права; с другой – черты человеческой личности проецируются в законе и праве сложными и уникальными путями и оседают в уникальной природе закона и права как особые препарированные качества опять же *снятые* с конкретного «индивида-человека общественного».

Предложенный принцип важен и в том отношении, без учета которого рассмотрение закона в историческом или в сущностном отношении будет иметь лишь преходящее значение, а именно: законодатель как индивид и как коллективный орган должен помнить, что в каждом новом законе должны читаться/присутствовать эти человеческие качества. Объемная человеческая природа в законе может читаться или имплицитно, между строчками, или эксплицитно, открыто – таков диапазон человеческого измерения и оценки каждого нового закона. Это свойство является точным показателем качества закона: если закон – в интересах народа, то он качественный, и наоборот, если закон ущемляет права человека, то нет...

Грандиозная хозяйственная перепись всего населения и имущества уникальная по масштабу, скорости проведения, эффективности для казны произошла в течение 1086 г., всего лишь за год до смерти Вильгельма I. Закономерно возникает вопрос: почему сие событие происходит так поздно, через двадцать лет после военной победы 1066 г.?

Ответ уже прозвучал в нашей работе: начальные устремления короля заключались в том, чтобы наладить внутренний мир в стране, завоевать расположение местного населения, изгнать сам дух неприятия победителей, который источало местное население. В большей степени это была давно ожидаемая, но задержавшаяся акция его неукротимой и несмирившейся воли. После стольких лет дипломатии и показной толерантности королю требовалась брутальная психологическая разрядка: одним ударом прервать годы притворства и заигрывания, поставить все и всех на свои должные места, а именно: есть народ-победитель, господин, и есть народ побежденный, вассал. Это классическая форму-

ла феодального уклада жизни. Как сложная и своевольная натура, король поставил перед собой довольно амбициозную цель: улучшить экономическое положение страны не столько ради ее дальнейшего процветания, сколько, чтобы навести порядок в неустойчивой Нормандии.

Процедура проведения переписи была четко спланирована, укомплектованы группы инспекторов, представляющих широкий спектр общества того времени: от богатых и бедных до людей властных и бесправных – из шерифов и простых фрименов, у которых было право и обязанность посещения судов сотни (*the free men who attended the hundred courts*), священников (*priests*), ривов (*the reeves*) и даже по шесть вилланов (*villains*) от каждой деревни (*village***)** с четкой целью проинспектировать каждую сотню (*hundred*), каждый манор норманнских баронов (*the Norman barons*), их вассалов (*vassals*). Все намеченные для опроса лица должны были под присягой как гарантии честности и точности, дать следующую информацию:

– как называется землевладение (*manor*)?

– кто его держал (*hold*) в эпоху английского короля Эдварда Исповедника?

– кому оно принадлежит (*to be held*) сейчас?

– сколько в нем гайдов земли (*hides*), сколько плугов (*ploughs*) в основном хозяйстве (*demesne*)?

– сколько в нем мужчин (*men*)?

– сколько вилланов (*villeins*)?

– сколько котеров (*cotters*), крепостных (*serfs*)?

– сколько фрименов (*freemen*), сокменов (*sokemen*)?

– сколько зарыбленных прудов (*fish-ponds*)?

– сколько пастбищ (*pastures*), лесов (*woods*), мельниц (*mills*)?

– что выросло? и в каком количестве?

– что на сколько уменьшилось?

– сколько все это стоило вместе взятое раньше? и сколько стоит сейчас?

– сколько чего имел(ет) каждый фримен (*freeman*) и сокмен (*soakman*) в прошлом и сейчас?

Из конкретного анализа формулировок вопросов однозначно следует, что достаточно тщеславного и амбициозного Вильгельма I все время тяготила мысль: кто лучше – король англосаксов Эдуард

Исповедник или Он? Запрашиваемая информация несколькими замкнутыми кругами вращается вокруг двух фокусных точек: как было при Эдуарде Исповеднике и как стало при Вильгельме I. Его постоянно одолевали чувство соперничества, огромное желание оказаться лучше не ради удовлетворения внутренней гордыни (этого было бы недостаточно), а чтобы все увидели, что он – лучше. Для Вильгельма I было очень важным получить ответы, ибо он все время пытался понять, почему его, сильного и удачливого, в стране не любили, в отличие от слабого Эдуарда Исповедника[1].

История для того и существует, чтобы извлекать все новые и новые уроки, все новые и новые ответы на старые вопросы. Реконструкция истории английского народа и английского права (что неразделимо для нас) – XI в. в силу сложившихся исторических событий во многом оказалась привязанной к неординарной личности Вильгельма Завоевателя. Каждая освещенная страница истории таит огромный образовательный и воспитательный потенциал.

О непрекращающемся интересе историков к фигуре Вильгельма Завоевателя говорит поистине огромное количество литературы, посвященной ему как королю и личности. Во многих сочинениях он наделен исключительными личными качествами, благодаря которым стал знаменитым полководцем и королем. По общепринятому мнению, он действительно обладал незаурядными качествами и являлся сильной исторической личностью.

Как всякая великая личность, Вильгельм I соткан из противоречивых черт. С одной стороны, это человек глубоко, до фанатизма верующий, но при этом не терпел вмешательства клерикалов в свои планы и дела. При проявлении непослушания сводного брата епископа Одо, храбро сражавшегося с ним на поле брани под Гастингсом, он поступил сурово, но принципиально: заточил в тюрьму до конца его дней.

[1] О любви народа убедительно говорит факт канонизации последнего. Правда, это произойдет позже, но никому не пришло в голову канонизировать победителя: ни тогда, ни позже.

Чувство сострадания было неведомо Вильгельму I: он не пощадил англосаксонские знатные семьи в северных ширах, которые участвовали в мятеже против завоевателей. Его сильная власть была властью безжалостного иностранного завоевателя, которого ненавидели как низы, так и верхи побежденного народа. Отлично понимая это, он шел на неординарные меры, одной из которых стало принятие присяги верности со стороны практически каждого арендатора земли. Это событие вошло в историю страны под названием «клятва Солсбери» (*oath of Salisbury*).

Продолжая публично демонстрировать политику преемственности и уважения к своему предшественнику Эдуарду Исповеднику, проявляя недюжинный талант гипнотизера и психолога, он заставил каждого владельца земли прилюдно поклясться в верности королю. Некоторые историки в этом сеансе массового гипноза видят основное отличие английского феодализма от феодализма континентального. Если в Европе крупный барон, недовольный политикой короля, мог призвать своих вассалов под свои замена и выступить против короля, то в Англии это стало практически невозможно: главной обязанностью вассала стало подчиняться своему королю, а не местному лорду. Таким образом была выбита почва из-под ног недовольных лордов.

ГЛАВА VIII. ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АНГЛИЙСКОГО ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

8.1. Правопорядок как образ мира, тишины и созидания

Наиболее часто понятие «правопорядок» в Древней Англии передается словом ***frith*** – *peace, security, or protection*[1].

Основа *frith-* выражает самые сокровенные и глубинные понятия для живущего, действующего, созидающего и чувствующего человека. Содержание данного широкого жизнеутверждающего смысла закономерно используется в создании ключевых производных смыслов, поэтому эта активная основа встречается в многочисленных сложных словах и словообразовательных производных, а как слово оно является членом многих сочетаний:

frithborg (*frank-pledge*);

frithbote (*a satisfaction or fine*, *for a breach of the peace*)[2]; его синоним – ***frithgilda***.

У слова *frith* есть и второе значение: *guildhall*, *a company or fraternity for the maintenance of peace and security*[3]. Член такого братства или объединения называется ***frithman***. ***Frith breache*** (*the breaking of the peace*); ***frith gar*** (*a meeting for peace and friendship*)[4].

О существовании глубинного понятия «мир» и всего положительного, что с ним связано, свидетельствует сложное слово ***frithsocne*** – *jurisdiction of the peace*[5] (вариант – ***frithsoken***).

Понятия мира и тишины, защиты в *OE* передавались и словом *grith* – *peace*, *protection*[6]. Семантическая парадигма данного слова-понятия совпадает с парадигмой *-frith-*. Как большая цен-

[1] Мир, безопасность, защита (англ.).
[2] Штраф за нарушение правопорядка (англ.).
[3] Организация по поддержанию миропорядка (англ.).
[4] Нарушение мира (англ.).
[5] Юрисдикция мира (англ.).
[6] Мир, защита (англ.).

ность, понятие мира подвергалось нападениям, нарушениям. Отсюда следуют равнозначные производные смыслы: *frith-brechen*/*frithbreach*; *grithbrech*[1].

Уникальным достижением человеческого разума является мечта, представление о месте, в котором невозможно нанести вред человеку. В реализации этого образа-представления участвуют оба слова:

rith – frith stool, *frithsplot*;

grith – grithstole – "*the stool of peace*" *placed in a church or cathedral as the symdol of peace and place of sanctuary*[2].

О глубине понятия «правопорядок» свидетельствует факт его ментальной связки с понятием «тишина» как идеала для физического и нравственного развития человека, мира и тишины как условий для его развития.

В одном ряду с ними стоит онтологически важное понятие, которое могло возникнуть только в сознании человека как уникального высокоорганизованного существа, наделенного исключительными качествами, отсутствующими у других высокоорганизованных млекопитающих, – «убежище, приют, дающее человеку право неприкосновенности».

Эта особенность человеческого мышления проявилась рано, что окончательно выделило его из остального мира и определило и детерминировало его особое *осознанное* мироощущение и мировосприятие и предопределило строительство его новой среды обитания (*habitat*) – человеческого общества. Оно появилось в результате первоначального социального опыта, который показал, что в жизни возможны ошибки, а установление истины сопряжено с большими сложностями, свидетельствующими, что безошибочно вынести вердикт «виновен – невиновен» бывает трудно, поэтому при вынесении решения о вине не следует торопиться.

В понятии «правопорядок» раскрываются торжество человеческого разума, способность человека корректировать свое поведение под влиянием других во имя торжества справедливости.

---

[1] Нарушения мира (англ.).

[2] «Стул мира», который ставился в церкви или соборе как символ мира (англ.).

О том, что «мир» – древнее понятие, свидетельствует следующее: оно существовало еще на начальной ступени *homo publicus*, которую мы называем в контексте работы первой социальной ступенью.

В нашей рабочей хронологизации – это *OE* период, когда зарегистрировано слово ***frithsplot*** – *a spot or plot of land, encircling some stone or tree*, *or well*, *considered sacred*, *and therefore affording sanctuary to criminals*[1].

Дефиниция слова *frithplot* безошибочно позволяет отнести его к периоду язычества с такими отличительными признаками, как выдающееся место в данной местности, как определенный объект, который играет важную сакральную роль в жизненном цикле человека. Например, о важной роли колодца (*well*) в ежедневной жизни человека много говорить не приходится, ибо его польза для сообщества очевидна: лишение его чревато как минимум неудобствами для всех, что разумное сообщество не допускает.

Камень и дерево у разных народов наделяются особыми качествами, являются предметами особого к ним отношения: поклонение, святость и неприкосновенность, способные распространяться и на человека. О том, что понятие «неприкосновенность» востребовано сообществом, говорит наличие в сознании и языке другого наименования с тем же значением. Срабатывает характерная для человеческого общества закономерность: есть потребность – человек изыскивает пути и средства ее удовлетворения. Так возникает слово ***fredstole*** с широким правовым толкованием *a stool for a free man* с прозрачным толковательным смыслом: *a man is free* (*sitting on this stool*)[2].

При наличии закона синонимической аттракции верно утверждение, что важные объекты, темы для человека получают несколько языковых обозначений. Это подтверждает наличие длинных синонимических рядов-названий многочисленных артефактов права.

---

[1] «Место мира» на земле вокруг камня, дерева или колодца, которые почитаются святынями и потому являются убежищем для преступника (англ.).

[2] Человек свободен (сидя на этом стуле) (англ.).

Наивна и одновременно логична деривация смысла «нарушение норм права» через образ волка. В Древней Англии считали, что у преступника – голова волка (*caput lupinum*/*wolf's head*). В народе преступник всегда вызывал отрицательные ассоциации, поэтому неслучайно был связан с образом волка, сильного хищника, причинявшего большой урон хозяйству крестьян, составлявших практически большую часть населения. Если преступника задерживали, то его доставляли к королю. Если он оказывал сопротивление, то его разрешалось убить и в качестве доказательства поимки принести королю голову волка, как протообраз преступника.

На более продвинутом этапе социализации этот правовой смысл проецируется в других словах, например, *sanctuary*. Это уже полновесный юридический термин, как мы его понимаем: правовой смысл облечен в сложную языковую упаковку (*a consecrated place which had certain privileges annexed to it*, *and to which offenders were accustomed to resort for refuge*, *because they could not be arrested there*, *nor the laws be executed*[1]).

В современном юридическом словаре приведенная дефиниция термина *sanctuary* сопровождается ссылками следующего содержания:

1) утверждается его существование еще в *OE* период;

2) рассматривается как следствие глубоко укоренившегося в сознании даже современного человека убеждения, что особые качества вещей и человека наделены некой *святостью*, в том числе и в такой специфической сфере, как право: ***any holy or sacred place***; ***refuge***[2].

Концептосфера правопорядка – широкое и глубокое понятие, которое вербализуется многими языковыми средствами, среди которых когда-то доминировало слово *frith*. В дальнейшем оно уступило первенство слову *peace*, которое является смысловой опорой во многих сочетаниях:

peace, ***peace and order***;

---

[1] Священное место, с которым связаны определенные привилегии, к которому прибегали нарушители правопорядка как убежищу, где их нельзя было ни арестовать, ни исполнить закон (англ.).

[2] Некое святое или священное место или убежище (англ.).

public peace, ***public order***, ***serenity***, ***tranquility***, ***quiet***, ***quietude***, ***King'speace***, ***God'speace***, ***stillness***[1].

В обществе, расколотом на богатых и бедных, у власти оказываются богатые – еще одна из закономерностей земной культуры, воздействующая на законы и право.

В базе ключевых понятий, без которых невозможно объективно рассмотреть правовые вопросы, среди прочих присутствуют «класс», «интерес» не как абстрактные спекулятивные построения, а как реальная сила в обществе, где произошло слияние класса с интересами: в большом обществе господствуют классовые интересы. В *OE* это значение передает слово *folc*(*ge*) как с ожидаемым значением *people*, так и с тем, которое является подзабытым для сознания нашего времени, – *army*. Оно не только деривативно связано с народом на глубинном уровне, но и наполнено большим прагматическим смыслом.

У слова *army* вполне определенное содержательное наполнение: *a body of men armed for war*, *and organized in divisions and regiments under officers*[2], с четко сложившимися в сознании народа отрицательными ассоциациями войны: *war – confusion*, *discord*, *strife*; *the employment of armed forces against a foreign power or against an opposing party in the state*[3].

Народ осознает себя силой, противостоящей власти: *folk – an aggregation of people in relation to a superior*[4].

В классовом обществе творцами права выступают оба противостоящих класса, роль каждого из которых определяется силой и степенью власти. Народ активно участвовал в проектировании власти, о чем свидетельствует его величество язык через следующие языковые единицы: *folk-belief*, *folk-custom*, *folk-laws*[5].

---

[1] Правопорядок; общественный порядок, общественный мир/мир в обществе, тишина и спокойствие, социальный порядок, королевский мир/мир, установленный королем, божий мир/мир от бога, мир и тишина (англ.).

[2] Мужчины, вооруженные для войны и организованные в дивизии и полки под руководством офицеров (англ.).

[3] Война – это шум и грохот, распри и споры, использование вооруженных формирований против чужого государства (англ.).

[4] Народ – объединение людей по отношению к вышестоящим (англ.).

[5] Народные верования, народные обычаи, народное право (англ.).

То, что народные обычаи являются одним из источников права, является аксиоматичным. О перерастании понятия «обычай» в «закон» свидетельствует дефиниция термина *custom*: *a usage which by continuance has acquired the force of* ***a law or right***[1] (ОИС). Данное определение весьма полезно, так как раскрывает *сам* механизм трансформации обычая в закон: законом становится обычай, соблюдаемый ежедневно, или, как говорит дефиниция, ***by continuance***.

В *OE* было синонимичное слово *sidu*, означавшее не только обычай, но и образ жизни. Между этими двумя значениями устанавливается логическая связь: из соблюдения обычаев складывался определенный образ жизни, единообразно понимаемый расширительно как *way of life* в следующем конкретном наполнении, где присутствуют все составляющие закона или права: *the behaviour*, *habits*, *customs*, *etc.*, *that are typical of some particular society*, *interests that are so important that they affect everything they do*[2].

Выявляя роль и значение концептуальной схемы антитезы в сфере права, отмечаем, что еще в *OE* существовала антонимичная языковая единица, обозначающая противоположное явление. Ее языковая и смысловая формы классические – они построены по принципу антитезы или оппозиции: приставка *un-*, меняющая значение производного на противоположное, + основа *-sidu*: *unsidu* («дурной обычай, порок с выводом, что так жить нельзя»). Именно данная приставка меняет значения производных на противоположные во многих дериватах, обозначающих доминантные понятия в сфере «право»:

daed, *ded* («дело», «действие») – ***un****daed* («злодеяние», «преступление»);

lagu («закон») – ***un****lagu* («жестокий закон»);

riht («право», «справедливый», «закон») – ***un****riht* («несправедливый»).

---

[1] Обычаи, которые благодаря длительному использованию приобрели силу закона или права (англ.).

[2] Поведение, привычки, обычаи и другое, которыми живет конкретное общество; интересы, которые настолько важны, что они преобразуют определенным образом все, чем это общество живет (англ.).

Таким образом, приведенные смыслы/антисмыслы соотносятся через понятие антитезы или контрастности. У языка есть типовой механизм их обозначения: словообразование, в приведенных случаях – через приставку *ин-*.

Мы выделяем три среды (три реальности) важные для человека: экзистенциальная, или его деятельностная жизнь в обществе; мыслительная и речевая деятельность.

Человек противоречив. Он строит жизнь по закону и вопреки ему. Каждая (образная) дорога предполагает определенный образ жизни, о котором человек судит безошибочно: жизнь по закону, значит, соблюдать его требования. Такой человек не подвергается гонениям и наказаниям, живет в ладу и согласии с соседями и властями, и наоборот, жизнь вопреки законам означает гонения и наказания, вероятные конфликты с соседями и властями. Каждый образ жизни отражается на человеке, формируясь благодаря соблюдению законов (правовой образ жизни) или через их нарушение (преступный образ жизни). Контрарные отношения являются характерными и устойчивыми как в ментальной области права, так и в правовой терминологии, поэтому, характеризуя знаниевую область права, мы пользуемся понятиями «антитеза», «оппозиция», «антиномия»; характеризуя юридическую терминологию, отмечаем в ней развитую антонимию.

Описывая позднедревнеанглийскую и раннесреднеанглийскую правовую реальность, как она раскрывается через судебно-правовую терминологию, мы отдаем отчет о всей сложности этого намерения. Прошедшая тысяча лет, с одной стороны, сместила многие ценности с высокого пьедестала того времени; с другой, погружаясь в житейско-смысловое и правовое поле того времени и преодолевая расхождения с нашим временем, мы не можем не ощущать принадлежность к одной ценностной культуре.

Мир во всей своей полноте при объективном подходе не может быть представлен односторонне: как мир правовой – неправовой. Правда – где-то посередине. Это – смесь первого и второго; в обществе все время идет борьба между силами добра и зла. Сложившаяся результирующая сила – это матрица, как реальный уклад жизни, в которой отливаются конкретные форма и содержание общественной жизни, будь то экономика, право, культура или мораль.

Так как результаты борьбы сил зла и добра могут быть разными (полный триумф добра над злом, частичная победа на короткое время, временная победа зла), то и формы общественных отношений весьма разнообразны.

В рассматриваемый нами исторический период сложилась односторонняя закономерность: активной силой общества оказался класс богатых, что определило конкретные формы и содержание, прежде всего, земельных отношений. Это торжество происходило в условиях сопротивления и в определенной степени непринятия его форм и содержания господствующих типов землевладения со стороны противоположного класса. Для доказательства, казалось бы, этого очевидного положения вещей с высоты нашего времени попробуем представить семантику общественных (практически, классовых) отношений рассматриваемого нами времени.

Слова *class* с политико-экономическим значением в это время еще не существовало: по данным ОИС оно было заимствовано лишь в XVII в., но близкое понятие, естественно, уже имело место. Его наиболее вероятно обозначали следующие слова: *estate*, *order*.

Еще *Servius Tullius* в интересах налогообложения делил римлян на шесть групп. Наиболее близкими понятиями служат также слова *status* (1772), *rank* (*highrank*), *caste* (1845).

При попытке приподнять ткань английского общества XI в. мы обнаруживаем характерную особенность английского языка, которая проявляется в том, что последующие заимствования (например, из французского языка) обозначают настолько органичные понятия современного менталитета и настолько они естественно, ожидаемо обозначаются этими заимствованиями, что сами носители английского языка (в данном случае, составители словарей) пользуются именно этими словами, «забывая», что *в то* время (в XI в.) еще не было. Получается оригинальный языковой продукт (текст): реальность XI в. описана языком более позднего периода – XX в.

Обращаясь к разным словарям и тем самым экспериментально нащупывая общее или в большой степени совпадающее значение у слов *status*, *estate*, *caste*, *order*, *rank*, *class*, проецируем понятие «класс» на тот период: *a number of individuals possessing*

common attributes and grouped together under a general or class name; *a kind*, *sort*, *division*, *rank*[1].

Как ни странно, широкого родового значения, объединяющего все классы или разряды людей в единый народ, у английского слова *people* нет, о чем свидетельствует данная его дефиниция: *men or women indefinitely*, *persons*, *folk*[2].

Из-за своей древности и «народности» привлекает слово *folk* как древнескандинавское заимствование, но и у него отсутствует значение единого народа-нации: *men*, *people*[3]. В противовес отсутствующему объединяющему семантическому признаку у слов *people* и *folk* присутствует разъединяющий, дезинтегрирующий признак: *the commonalty*, *as distinct from the nobility or ruling or official classes*[4]. В этот реставрированный исторический контекст мы введем понятие *class* и отношение к нему в современном английском обществе: *Class – a social group whose members have the same political*, *social*, *and economic position and rank*[5] (*Longman*, *1993*). Двойное/повторное употребление определения-признака *social* явно неудачное.

Другое определение из словаря конца XIX в.: *class – a rank or order of persons*[6] (*Chambers's*, *1886*), которое подтверждает синонимичность слов-понятий *rank*, *class*, *order*. Наличие слов-понятий *rank*, *order* в дефиниции, по-видимому, неизбежно, так как они обозначают искомое понятие до заимствования слова *class*.

Анализ представленных определений показал, что, несмотря на ожидаемое расхождение (специфику) менталитетов разных эпох, между ними существуют определенная связь и взаимопонимание. Если менталитет каждой эпохи есть своеобразно сложившаяся пресуппозиция или когнитивное поле, то его отдель-

---

[1] Некое количество индивидов, которые наделены общими признаками и группируются под общим широким названием класса, вида, типа (англ.).

[2] Широкое понятие мужчин и женщин, индивидов (англ.).

[3] Мужчины, люди (англ.).

[4] Простой люд в отличие от благородного сословия или правящего класса (англ.).

[5] Класс – социальная группа, чьи члены имеют одно и то же политическое, социальное и экономическое положение (англ.).

[6] Класс – совокупность персон (англ.).

ные компоненты сохраняются в памяти народа надолго и служат основой понимания давно канувших эпох. Об этом хорошо сказал А. Эйнштейн: "*To get in touch with one another across frontiers*" [1].

Релевантность классового подхода к изучению социальных явлений (а право, несомненно, социально значимо) утверждена не в российском первоисточнике, что можно было бы объяснить ностальгией по советским временам, а в авторитетном английском словаре *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Классовый подход, по мнению его авторов, предполагает бесстрастный, схоластический взгляд на конкретное общество, помогает представить его в совокупности его качественных признаков, в частности, не только общих для членов общества, но и разъединяющих их. В словаре справедливо отмечено: если вы хотите составить объективное мнение об английском обществе, то должны знать его классовую структуру. Установление классового состава общества является научно состоятельным исследовательским приемом при его изучении, а классовость обществ является его устойчивым признаком, параметром.

Авторы словаря заверяют, что англичане хорошо знают и понимают важность классового измерения английского общества: они с момента рождения имеют представление, к какому классу принадлежат они и их знакомые. Это проявляется в жизненном цикле, а именно: в какой садик и какую школу будет ходить ребенок, какое будущее его ожидает, и представляет собой вполне предсказуемый образ жизни, изменить который позже практически невозможно. После привилегированной частной школы наиболее вероятно будет Оксбридж (Оксфорд и Кембридж), что дает карт-бланш на успешную карьеру, профессиональный успех и материальное благополучие, в отличие от ребенка из средней семьи со средним детским садиком, средней (по уровню качества преподавания и выбору предлагаемых предметов) школы с уклоном на освоение рабочей профессии.

Образовательный маршрут с вехами «хороший детский садик» – «хорошая школа» – «хороший университет» у одних и от-

[1] Понимать друг друга через границы (англ.). Под границами мы понимаем не только и не столько территорию, но и *время* (англ.). *Einstein A*. The Life and Times. Ronald W. Clark. Avon. 1984. P. 824.

сутствие таковых у других обрекают каждого на конкретный образ жизни, показателями которого будут уровень владения английским языком, одежда, интересы, профессия, хобби.

В многофункциональном обществе человеческие признаки и качества переносят на право по очевидной причине: оно порождает человека как индивида и члена конкретного социума. Сознательно человек не может желать такие правила общежития, которые его не устраивают, но необходимо учитывать, что люди разные, со своими представлениями, что хорошо и что плохо. Следовательно, предлагаемые нормы общежития заведомо противоречивые. Принятие и утверждение одних неизбежно предполагает отклонение и непринятие других, поэтому в области права идет постоянная борьба между разными людьми с разными правовыми идеями и их реализацией, то есть закон противоположностей работает на полную мощность, в том числе и в области права.

В таком контексте понятие *class* становится устойчивым признаком общества, который невозможно игнорировать, наоборот, он – объективный показатель его качества или сути.

Social – новое качество человека и общества, буквально означающее: *of human society*, *its organization*, *or quality of life*; ***social class*** *– a group of people who have the same economic and social position in society*[1]. Так тесно переплетаются понятия ***class***, ***social***, ***society***: ***society*** *– people in general, considered with regard to one another*[2].

В этом определении для нас существенно, что такое понимание общества (а любое другое трудно принять) органично включает понятие права, закона (англ. слово *law* имеет оба значения).

Важен и признак *economic*, полное значение которого раскрыл К. Маркс: без экономики любое изучение общества было бы прекраснодушным мечтанием[3].

---

[1] Социальный, принадлежащий человеческому обществу; социальный класс – группа людей с одними и теми же экономическими и социальными признаками (англ.).

[2] «Класс, социальное общество, социальный» – люди в широком понимании этого слова (англ.).

[3] См.: Архив Маркса и Энгельса: в 15 т. Т. 8. Конспект работы Джона Ричарда Грина «История английского народа» (т. 1, 2). ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1946. С. 360.

Мы далеки от вульгарного вывода, что в классовом обществе право непременно имеет классовый характер. Связь между классами и системой права в классовом обществе более глубокая и скрытая. Это не есть предмет нашей работы, его рассмотрение требует более специального исследования. Здесь же важно отметить, что не каждый закон отражает интересы всего народа. Наиболее ожидаемо он отражает интересы определенного класса с его конкретным отношением – среди многого другого – к средствам производства.

В Новое время классовая стратификация общества приобрела некоторые особенности, например, многослойность и, следовательно, наличие многочисленных специфических интересов, достижение которых предполагает усложнение отношений между стратами.

Очередным парадоксом существования человека является то, что исторический опыт однозначно показывает, что несмотря на контрастную поляризацию общества можно говорить о единой нации с достаточно общими интересами на международной арене. Есть общие интересы и внутри страны, одним из проявлений которых есть понимание необходимости выработки единых норм поведения.

Степень инициативности и креативности в разработке таких правовых мер со стороны каждого класса детерминирована многими фактами, среди которых уровни материальных, культурных, образовательных, гражданских условий обитания каждого класса. Все это также усложняет само понятие современного права и принцип его работы, а поскольку классы не вчерашнее изобретение, то право было сложно всегда.

Пользуясь понятием «народ» в английском языке, мы отдаем предпочтение слову *folk* как его наиболее древнему обозначению. Это слово древнескандинавского происхождения с максимально сохраненной формой (*folc*) в *OE* в результате раннего заимствования.

Восстановленное древнегерманское слово близко по форме и значению. Семантически слово изначально было осложнено: с одной стороны, оно обозначало *people*, *nation*, *race*, *tribe* как явное единство, единение всех; с другой – присутствует и другое значение – назовем его «часть народа», а именно: *the vulgar*,

an aggregation of people in relation to a superior (*e. g.*, *king*, *priest*)[1]. Из такой дефиниции следует, что слово обозначает лишь часть народа – «простой народ», противопоставленный королю, священникам, которые в понятие *folk* как бы не входили. Мудрость языка зафиксировала эту семантическую развилку: в английском языке по меньшей мере два слова «народ»: включающее все сословия, и самостоятельное, означающее «простой народ».

В народе существуют понятия обычая или закона, предусматривающие определенные нормы поведения. Вполне естественно и ожидаемо они передаются исходными языковыми средствами: *folk*, *right* как единое деривативное понятие в виде вторичного языкового наименования (сложного слова) с его формой *folcriht* в *OE* и пониманием как *common law*, *public right*[2].

Следует отметить, что данная свернутая формула воспринимается народом не как результат абстрактной схемы сознания, а как конкретный продукт очевидного жизненного опыта и зрелого, окрашенного прагматикой размышления и умозаключения: *the understood compact by which every free man enjoys his rights as a freeman*[3].

Из многочисленных гипотез и теорий происхождения и функций права одной из самых привлекательных по-прежнему остается теория договора, связанная с именами Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо. Приведенное выше понимание закона народом в Древней Англии может рассматриваться одной из предтеч такого его будущего толкования.

В нашем понимании, народное право – это идеи простых людей об устройстве жизни в своей среде, которые по большому счету содержатся в пословицах и поговорках, древних песнях, мифах, всего того, что принято называть *народным творчеством*, в обычаях и традициях, в совокупности ставших одним из реальных источников права. В *OE* период оно принимало конкретные формы и выраженности. Существуют такие понятия, как *folk-*

[1] Простые люди, совокупность людей по отношению к избранным (королю, священникам) (англ.).

[2] Общее право, публичное право (англ.).

[3] Осознание того положения, что каждый индивид имеет права свободного человека (англ.).

belief, *folk-custom*, *folk-laws*, *folk-free*, в которых слово-определение *folk* задает основное понимание следующих за ним терминов в качестве единого смыслового камертона: *of*, *pertaining to*, *current or existent among*, *the people*[1] (например, *folk-free – having the rights of a freeman*[2]).

В русле широкого культурологического направления в изучении языка стали обычными понятия «первосмысл/протосмысл», «первослово», слова как маркеры культуры. Мы предполагаем, что сам факт выделения такой лексики и придание ей исключительного значения вызваны здравым смыслом, трезвой логикой. Они позволяют прикоснуться к началам человека.

Что касается правовых первосмыслов, то никто не станет возражать, что это также важно и заманчиво. Единственное уточнение, которое надо сделать, что самые древние первоисточники, которыми можно воспользоваться, относятся в лучшем случае (подтверждено наукой) к VI–VII вв. Даже в таком случае ощущается зияние огромной временно́й дыры. Правда, говоря об истории английского права, изначально мы имеем ввиду V–VI вв., то есть время прихода германских племен на Британские острова[3].

Во все времена человек осознавал, что основу гражданской свободы, в частности, высоко ценимую свободу передвижения, составляла экономическая свобода, под которой он понимал право трудиться, создавать одни потребительские ценности, продавать/обменивать их на другие и тем самым обеспечивать свое естественное право на жизнь. В этом отношении *OE* право представляло собой действенную силу: оно предусматривало несколько форм, например, аренды земли как основного экономического источника проживания отдельного человека, семьи и страны в целом. Существующий в Древней Англии термин *folkland*[4] означает *designating land held by a certain kind of tenure*[5].

---

[1] Относящийся к роду человеческому (англ.).

[2] Имеющий права свободного человека (англ.).

[3] Такова датировка одними учеными. Другие называют более позднее время, например, P. D. James, описывая единственную сохранившуюся англо-кельтскую церковь на востоке Англии, приводит 635 г. (VII в.). См.: *James P. D.* Original Sin. NewYork. 1995. P. 245.

[4] Народная земля (англ.).

[5] Обозначает держание земли определенным видом аренды (англ.).

Понятие *folk-land* маркировано как *OE law*, то есть древнеанглийское право.

Подразумеваемые разновидности аренды становятся более конкретными при их противопоставлении другой форме – *book-land*[1]. Так ментальный инструмент противопоставления, или, как свидетельствует дефиниция этого термина, антитеза использовалась человеком издавна: *folk-land – a term of OE law*, *designating land held by a certain kind of tenure* ***opposite to*** *bookland*[2] (полужирный курсив наш. – **Авт.**).

Приведем значение последнего термина: *bookland – land taken from the* ***folcland*** *or common land, and granted by* ***bok*** *or charter to a private owner*[3].

Первая основа *book-* означает *a written charter or deed*[4] со смысловым расширением последнего термина: *deed* (также слово *OE* слоя) – *daed*, *ded* (*OE*) с древнегерманской протоформой *daediz*, *daedo* со специальным юридическим значением: *an instrument in writing*, *purpoting to effect some legal disposition*, *and sealed and delivered by the disposing party or parties*[5].

В *OE* зафиксировано сложное слово *landboc* в предсказуемом значении: *a charter or deed by which lands or tenements were given or held*[6].

Равнозначные дефиниции слов *book*, *charter*, *deed* (*definiens*) позволяют установить равнозначные[7] отношения между самими определяемыми (*definiendum*).

---

[1] Земля по решению суда (англ.).

[2] «Народная земля» – термин из древнеанглийского права, который означает конкретную форму аренды земли в отличие от получения земли через суд (англ.).

[3] Земля по выписке из решения суда о предоставлении земли частному владельцу (англ.).

[4] Письменная хартия или решение (англ.).

[5] Писаный документ, содержащий определенное решение о законной выдаче земли, за печатью (англ.).

[6] Грамота и (или) решение о выдаче земли (англ.).

[7] Понятие «равнозначность» мы принимаем в понимании Конституции Российской Федерации (Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: официальный текст. Москва, 1999. С. 4). В области языка отношения равнозначности нами рассматриваются в качестве критерия синонимичности.

В конечном счете формируется парадигматический ряд с общим значением «разрешающий документ»: *charter*, *boc* (*book*), *carta* (*esp. in OE*), *liberty*, *deed*, *title*, *privilege*, *law* и др.

При явно недемократическом порядке вещей, каким мы традиционно считаем феодальный строй, многие жизненно острые проблемы и ситуации имеют несколько вариантов решения. Это делает феодальное право достаточно гибким и динамичным. Об этом красноречиво говорят многочисленные условия аренды земли. Они предоставляют выбор (по принятой человеком оценочной шкале) из достаточно хороших (в экономических терминах – «приемлемых», «выгодных», «соответствующих чьим-то интересам») условий и плохих (с экономической точки зрения – «неприемлемых», «невыгодных», «не вызывающих интереса»). У человека появляются альтернатива и определенная свобода действий, о чем он всегда мечтает и пытается реализовать.

В *OE* присутствует понимание, что работник на земле должен проявлять тщательность, радение и прямую заботу о земле. Все это изначально свойственно человеку. Такие человеческие качества, как разумность, забота, рачительность и благодарность земле, которая в прямом смысле кормит человека, проецируются, реконструируются в семантике слова ***care*** (*OHG*): *serious mental attention*; *concern*; *caution, pains*[1]. Данное, казалось бы, абстрактное понятие получило конкретное физическое измерение. Различают и приводят четкие определения нескольких степеней внимания и тщательности:

1) *slight care* – внимание и забота, проявляемые *by persons of ordinary prudence who usually exercise about their own affairs of slight importance*;

2) *ordinary care – reasonable care*;

3) *great care – exercised by the most competent*, *prudent*, *and careful persons*[2].

---

[1] Забота: большое осознанное внимание; обеспокоенность; тщательность (англ.).

[2] 1) небольшое внимание – внимание и забота, проявляемые людьми обычной разумности, проявляемой в делах малой важности;

2) обычная, благоразумная забота;

3) огромная забота, проявляемая наиболее понимающими, благоразумными и заботливыми людьми (англ.).

Folc-land*/*folk-land – по саксонскому праву это земля народа, общества. Она могла использоваться всеми вместе или каждым (*inseveralty*). В последнем случае она могла быть выделена и закреплена за кем-то поименно, но только после решения народного собрания (*folc-gemote*) или местного суда. Поскольку фримены должны были посещать заседания суда, то оба органа становились гарантией того, что для передачи земли получено согласие всех фрименов. Даже в случае такого решения земля юридически продолжала принадлежать всему сообществу и не могла перейти в чьи-то руки, как предписывал закон: бессрочно (*in perpetuity, for ever*, *for an unlimited time*). Такая временна́я оговорка была очень существенной: она закрепляла всенародную принадлежность общинной земли, буквально означая *the quality or condition of being inalienable perpetually*, *or for a period beyond certain limits fixed by the general law*[1]. По истечении установленного срока такой аренды землю возвращали сообществу, и она могла быть сдана снова подобным образом.

Необходимо отметить многообразие терминов, которые используют в разных документах для названия английского права: *folk-law*, *bokland*, *general law*, *common law*, *English law*[2]. Перед нами еще один многочленный номинативный ряд, скрепленный отношениями синонимии между его членами.

Все понятия связаны логикой жизни: земля едина, и лишь условно она получает от человека разный правовой статус: *bokland* – это часть *folc-land*, откуда ее выделяют и получают на особых условиях в пользование. Поскольку для получения земли требуется грамота (*book*, *charter*, *licence*; зафиксированы и иные слова в этом же значении, появившиеся в другие времена), то ее удобно назвать «законная земля» (***charterland***), в частности, еще и тем, что форм держания земли много, и такой устойчивый признак, как наличие подтверждающего документа, значительно облегчает задачу их дифференциации/классификации. Приведем яркий пример, подтверждающий практическую пользу такого

[1] Никогда неотчуждаемая земля или же на короткий период в согласии с общим правом (англ.).

[2] Народное право, письменное право, общее право, английское право (англ.).

наименования: арендатор получает землю – большую или малую по площади, не имеет значения – от хозяина земли. Условия аренды самые разные и иногда довольно неожиданные, например, с правом ее передачи наследникам, но не бесконечно, а на оговоренное количество лет (на два или три поколения). Такие правила-условия пользования землей получили название ***laenland***.

Две формы держания земли: *folk-land* и *bookland*, различались по своему статусу. Первая приравнивается специалистами к государственной, ею могли распоряжаться король или уитан (*witan*). Земля могла передаваться кому-то пожизненно, но без права ее наследования. *Bookland* (*bokland*) поступала в чье-то пользование в случае выдачи грамоты или другого правоустанавливающего документа (*charter or deed*).

Существует и другое толкование: общинная земля могла передаваться потомкам по правилам народного права или права общинного, в то время как земля, дарованная на основании грамоты, легко могла отчуждаться.

Для нас в такой практике землеоборота присутствует несколько важных моментов:

1) народ, община играли важную роль в землепользовании в распоряжении землей;

2) как качественный показатель роли народа в распоряжении землей выступает фактор времени пользования ею. В случае получения земли от общины срок ее использования был больше, нежели время пользования землей на основании земельной грамоты. Несомненно, в первом случае пользоваться земли было выгоднее.

Принципиально важно то, что общинная земля как земля общего пользования существует всегда.

Высшим органом местной власти было собрание всех жителей: ***folc-gemote***, ***folk-mote*** с известными значениями основ. Вторая основа могла иметь несколько форм в силу малограмотности пользователей языком: *folcmote*, *folk-mote/folk-gemote* с общим значением *people's assembly*[1].

По саксонскому закону у такого собрания (ассамблеи) были ограниченные судебные полномочия, но с реализацией некото-

[1] Народный сход (англ.).

рых реальных управленческих функций. В целом ассамблея являлась местным органом власти, который управлял общинными землями, реализуя практически право всех (***folcright***)[1] или общинное право (***jus commune***), которое упоминается среди законов короля Эдварда Старшего (*King Edward the Elder* (899–924)). Этот закон декларировал равные права для всех жителей.

Создается полное впечатление, что в Древней Англии законы существовали всегда. Действительно, разные германские племена привезли с континента свои законы. Существует слово *laga*, которое *Black's* позиционирует как позднелатинское, образованное от саксонского *lag – law* (мн. ч. *lage* (*laws*): *Danelage*, *Mercenlage*, еще более мелкие *WestSaxonlage*; ед. ч. *lagu*: *Denalagu*, *Mercenalagu*). Таким образом, это слово обозначало не только территориальные разновидности закона, но и сами территории, которые управлялись с помощью этих законов.

О том, что данное слово-понятие удерживало прочное место в менталитете жителей, можно судить по существованию многих производных от данной словоформы:

lageday[2] – в *OE* период назывался день, в который заседал суд; производное слово такого же состава, но с другими формами слова «закон» – ***lah***/***lagh*** с тем же производным значением **сложное слово *lahda***[3];

lage-man – «человек, который соблюдал законы»; из среды таких людей формировалось жюри присяжных заседателей.

О том, что *OE* общество было расколото на несколько классов, прежде всего, из-за их разного отношения к земле, основному средству производства того времени, свидетельствуют языковые средства. Наиболее контрастные два класса – землевладельцев и арендаторов-фрименов.

Поскольку общество имело более сложную структуру, то нельзя не отметить существование и других страт, которые были в меньшем количестве и менее значимыми в социуме хотя бы по той причине, что, например, безземельные не могли быть избранными ни в какие местные органы власти; не могли быть свидете-

[1] Народное право (англ.).

[2] Букв.: день закона (англ.).

[3] День заседания суда (англ.).

лями в суде; не могли стать членами жюри присяжных. Это были социальные изгои, которых терпели из христианского сострадания, человеческого сочувствия и жалости. К ним относились побежденные в многочисленных войнах и конфликтах, пленные, должники (*debt is the worst kind of poverty*[1] – известная английская поговорка морализующего значения).

Приведем номинативный ряд, члены которого обозначают арендодателей со следующим их восприятием в сознании того времени: *a proprietor of land, lord of the soil* – ***landhlaford***/***landlord***, ***landefricus***, ***langeman*** (специфическая форма мн. ч. – *langemanni*), многовариантное название ***landagende***/***landhlaford***/***landrica***, ***lannsmanus***, ***lessor***, в сопоставлении с номинативным рядом с общим значением «арендатор»: ***landtenant***, ***lessee***, ***vassal***, ***retainer***, ***landegandman***, ***terre-tenant***, ***terrarius*** (*OE* – ***land-holder***).

Представленная нами практика землепользования с ее активными участниками с их противоположными интересами не только работала, но и была достаточно эффективной: каждый участник процесса знал свои права и обязанности, соблюдал существующие законы и учитывал собственные интересы.

Существует четкое понимание предмета разговора. Земля обозначается двояко: в обычном языке – словом *land*; в производственном значении – *lands* (в рамках общего права). Как главная ценность и средство производства, что для простого человека обозначало основное средство поддержания его жизни и членов семьи, земля заслуживала повышенного внимания.

Как объект недвижимости земля получила техническое название *lands*, *tenements*, *and hereditaments*[2] в противовес частной собственности – *good and chattels*[3]. В Древней Англии термин *lands* относился к той земле, которой пользовались фригольдеры.

В более старых первоисточниках для обозначения земли пользовались латинизмами, среди которых превалируют слова с основой *terra*- со значением *soil*, *arableland*:

terra, *terra affirmata* (*land lettofarm*);

---

[1] Долг – худший вид бедности (англ.).

[2] Наиболее полное описание земельной недвижимости в Средние века.

[3] Термин *land* («земля») употреблялся как синоним *property* («собственность»).

terra culta (*cultivated land*);

terra excultabilis (*land which may be plowed*)[1].

У этих значений отмечено главное достоинство такой земли, понятное крестьянину: ее можно обрабатывать, сеять и снимать урожай в отличие от других земель: *terra boscalis* (*woodyland*), *terra debilis* (*weak or barrenland*)[2]. Земля, не ухоженная человеком, получает название дикая земля (*wildland*).

Существование огромного природного, или естественного поля требует от человека обдумывания методов и путей его практического использования для своего блага. Каждое новое поколение оказывается перед следующими фактами:

а) есть *governing class – ruling class – landed class*[3];

б) земля уже кому-то принадлежит;

в) надо ее арендовать.

Возникает огромное ментальное метафорическое поле, или концептосфера «земля» как сосредоточие мыслей, идеалов и планов человека. В разработке этой понятийной сферы участвуют оба класса с их противоположными интересами, что не может не породить как взаимоисключающие, так и взаимоприемлемые мысли и идеалы. Именно такие столкновения противоположных креативны сил стали причиной постоянного развития концептосферы, ее динамики, отмирания одних идей и появления новых.

Человек рождается в конкретном природном окружении, включая землю. Часть ее пригодна для культивации, что подлежит учету. Организуется регистрация сельскохозяйственных земель.

От латинской основы *ter*(*r*)- и германского окончания *-er* образовано производное *terrier*, обозначающее *a land roll or survey of lands*[4]. По английскому праву в такой реестр работники при казначействе вносили размеры земельных владений, имена арендаторов со всего королевства. По церковному праву в каждом

---

[1] Обрабатываемая земля;
культивируемая земля;
распаханная земля.

[2] Заросшая лесом земля, неплодородная земля (англ.).

[3] Правящий класс, землевладельцы (англ.).

[4] Регистр/перепись земли (англ.).

епископате также вели аналогичный реестр всех церковных земель с уточнением: сколько земель обрабатывали монастыри, а сколько церковных земель было сдано мирским арендаторам.

Возделывание земли начиналось с установления точных границ земельного участка. Всякая ценность может вызвать обостренный и нездоровый интерес со стороны тех, у кого ее нет, но желает ее иметь, поэтому границы земельного владения начали детально определять очень рано. Это подтверждают несколько языковых средств, обозначающих земельные границы:

– *buttals*/*abuttals – the bounding lines of land at the ends*[1], где основа *but-* обозначает *a measure of land*[2];

– парные синонимы с аллитерацией – *butted and bounded, butts and bounds*, где основа *but-* обозначает *a measure of land*[3], в то время как *bound – a limit or boundary, or a line in closing or marking off a tract of land*[4].

Употребленное в дефиниции близкое по значению слово «граница» (*boundar*) отличается тем, что называет *a visible mark (landmark) which in dicates the limit*[5]. Логично, что границами (*boundaries)* могут быть заметные природные объекты. Они составляют подразряд *natural boundaries*[6], хотя для обозначения приметного дерева в конце надела употребляется – как одно из нескольких – словосочетание *bounded tree*; все остальные – *private boundaries*[7].

О важности границ между владениями свидетельствует тот факт, что их уничтожение считалось правонарушением и каралось наказанием с незапамятных времен.

Разделение общества на два контрастных слоя, класса демонстрировал тот факт, что одни сдавали землю и получали компенсацию как доход, а другие арендовали землю, вкладывали в нее труд и платили хозяину за право пользования землей. Эти два

---

[1] Земля на границах наделов (англ.).

[2] Единица измерения земли (англ.).

[3] Мера земли (англ.).

[4] Соприлегающие участки неровной конфигурации, соседские границы (англ.).

[5] Видимая веха, которая четко указывает границу надела (англ.).

[6] Природные границы (англ.).

[7] Хозяйские границы (англ.).

противопоставленных класса были связаны особыми отношениями, которые нельзя было разорвать без правовых последствий для каждого класса. Их суть заключалась в наличии *a lease/ agreement of lands for a term of years*, *from year to year*, *for life*, *or at will which creates the relation*[1]. Это был как четко оговоренный и однозначно понимаемый всеми участниками земельного оборота факт, императивно требующий выработки особых правил, законов, соблюдение которых способно не допустить открытого противостояния, социального взрыва.

Таким образом, практически с момента социально-экономического разделения общества в нем присутствовало осознание такой императивности.

В большой степени роль сдерживающего фактора, нормирующего отношения, выполняли законы и право. То, что феодальный строй как особый механизм был и выполнял свою основную функцию, а именно: устанавливал/провозглашал и поддерживал особые отношения между всеми слоями общества, свидетельствует факт его существования на протяжении многих веков. Несмотря на присутствие постоянного противоречия (различия в интересах у разных социальных слоев), он оказался устойчивым: социальные взрывы как открытые манифестации таких противоречий и недовольств были достаточно редки.

В английском языке имеется парадигматический ряд языковых средств, материализующих основные законы феодализма, излагающих принципы отношений между основными классами (например, *master and servant relationship*, *landlord and tenant relationship*[2]), то есть отношения складываются как минимум между парой понятий, каждое из которых требует собственного определения.

Слово *landlord* в *OE* имело форму *landhlaford*/*hlafweard.* В правовом смысле его понимают как *a person who grants a lease or tenancy*[3]. При этом он может не быть прямым собственником сдаваемых площадей, а лишь арендодателем второй степени.

---

[1] Арендные соглашения на разные сроки пользования землей (англ.).

[2] Отношения между хозяином и слугой, работодателем и работником и др. (англ.).

[3] Человек, который сдает в аренду (англ.).

Отношения «арендодатель – арендатор» существуют тысячи лет. Накоплен огромный правовой опыт не только в области землепользования[1].

Способность думать, предусматривать определенные ситуации во имя сохранения плодородия земли англосакс активно претворял в жизнь. В Древней Англии была должность ***land-reeve***, функции которой очевидны из значения данного сложного слова: *a person whose business it was to overlook* (*control*) *certain parts of a far more state*[2]. Он контролировал состояние не только земли, но и ограждений, дорог и (самое главное) не допускал простоя хорошей земли, требовал использования всего участка. Собранную информацию он направлял лендлорду или его управляющему (стьюарду)[3].

К сложному понятию «системность» человек шел опытным путем. Установив взаимообусловленность и взаимозависимость явлений в природе, он открыл системность в природе и обществе. Присматриваясь к системной природе, он перенес это понятие на свою жизнь по простой и очевидной причине: в системном мире может успешно выжить только системный человек. Человек системно мыслит и системно действует. Язык как отражение жизни человека, также системен. В качестве примера системности в средневековом земельном праве возьмем его маленький элемент под названием жезл (*rod*), или (*fistula*).

В Древней Англии существовала красочная процедура передачи земли новому пользователю – ***landcop***. Если первый смыс-

---

[1] В новых российских деловых отношениях, к сожалению, не учитывается мировой, в частности, английский опыт выстраивания таких отношений, например, имя арендодателя должно быть известно арендатору. Это способствует своевременной и законной оплате аренды, не позволяет скрывать денежные средства путем их перевода в иностранные банки и тем самым утаивать свой доход и уходить от оплаты налогов. Согласно английскому законодательству, в случае смены арендодателя новый владелец должен стать известным не позже двух месяцев после смены или после первого срока оплаты аренды.

[2] Лицо, которое контролировало определенные земли (англ.).

[3] При нынешней статистике по России, согласно которой огромные площади сельскохозяйственных земель заброшены и заросли кустарником, выбыли из сельскохозяйственного оборота, это очень полезная информация для размышления.

ловой признак (*land* – «земля») прозрачный, то этого не скажешь о втором, который, по всей вероятности, означает *smth to be disposed of*[1].

Сделка считалась завершенной только после символической передачи земли из рук в руки. Поскольку передать землю в прямом смысле слова невозможно, то, как дань памяти и обычаю давно прошедших времен, использовали некий субститут, который на латыни назывался ***festuca***, а на английском – ***rod***, ***staff***, ***stick*** (разные номинации в разных первоисточниках). Таков был обычай германских племен, особенно у франков. Этому акту придавали большое значение и смысл: в соответствии с франкскими законами на символический знак-жезл наносили таинственные руны, в которых выражалась вера в добросовестность и добропорядочность нового владельца как залог и гарантия успешного использования земли. Позже появились письменные документы, подтверждающие законность акции.

О том, что церемония передачи жезла из рук старого владельца или арендодателя в руки нового арендодателя не была простой экзотикой, а содержала большой правонаполненный смысл, говорят следующие факты:

а) символизировала передачу земли от старого хозяина новому;

б) имела прилюдный характер: изначально ее проводили на открытой поляне, где могло поместиться все население рода; в дальнейшем – в помещении суда, где присутствовали все арендаторы в невольной роли многочисленных свидетелей этого делового акта;

в) жезл передавали через должностное лицо, сначала – через рива (*reeve*) как официального лица как еще одно подтверждение законности акта передачи и смены владельца земли.

Некоторые исследователи высказывают предположение, что такая достаточно тщательно обставленная церемония в лучших традициях народного права (*folk-right*) имела еще одну цель: факт публичного обнародования нового владельца исключал все посягательства возможных соперников на землю, что предотвращало возможные конфликты с нежелательными последствиями

[1] Нечто, подлежащее передаче в другие руки (англ.).

(судебные тяжбы, простой земли, потери урожая – *Black's Law Dictionary*).

Описание давно прошедших времен не дает возможность и способность реконструировать всю жизнь далекого прошлого (это практически невозможно), но обязывает как минимум охарактеризовать закономерности земельных отношений, в которых жил и действовал человек. Символический знак-жезл, передававшийся от прежнего владельца земли новому, являлся не просто физическим предметом, а был своеобразной культурной эстафетой от дальних предков к новому поколению германцев. В этом своеобразном церемониале мы видим и кросскультурную ценность: народы континентальной Европы принадлежали к единой культуре, что проявлялось в схожести подобных церемоний, несмотря на разный уровень культуры, например, у римлян, создавших мощную империю, и германцев, у которых еще отсутствовало собственное устойчивое государство.

Понятие «культура» оказывается системным: все элементы взаимосвязаны, дополняют и расширяют друг друга. Культура земли – одна из самых важных и тщательно разработанных человеком видов культуры.

«Образ жизни» – большое понятие, к которому мы лишь слегка прикоснулись. В данном контексте нам необходимо предложить еще одно его существенное измерение. Человек и государство – это не столько соотношение «один – много» в количественном понимании, но и два самостоятельных качественных понятия. Едва ли государство есть результат только количественного превращения одного во много. Государство – это еще и огромные качественные приращения, одним из которых является понятие «государственное право».

Возникает вопрос: сколько примет давно ушедшего образа жизни должно быть восстановлено, чтобы возникли основания для констатации, что такой образ жизни реконструирован и, более того, назван правовым? В экономике, связанной с землей, важно увидеть манифестации, проявления мыслей и действий такого юридического лица, которое определяет и направляет правила землепользования, а в случае их нарушения в состоянии принять меры для их восстановления. Такое лицо/институт требует определенных средств для своего существования и дееспособности.

Как показывает опыт, власть может пользоваться двумя видами воздействия: моральным, или нравственным, и физическим.

Люди становятся главной производственной силой, выступающей самой активной частью производственных отношений. В процессе производственных отношений складываются определенные нравственные отношения. Все это есть необходимые и достаточные предпосылки существования государства. Государство возникает как организованный аппарат, который целенаправленно формирует и время от времени (а точнее – постоянно) модифицирует их.

Изучение первоисточников убеждает, что в Древней Англии существовало государство не только со своими производительными силами и производственными отношениями. На фоне реалий древнеанглийского государства некоторые ценности человечества высвечиваются в истинном непреходящем свете, прежде всего, участие человека в труде, защита Родины, право на существование идеологии.

Мы исходим из очевидных фактов: древнеанглийское государство прошло длительный путь развития, типичный для развития земной цивилизации. Она просуществовала не менее 500 лет: от племенного уровня, родо-племенного строя и зарождения элементов феодальных отношений через раздробленное государство до образования единого раннефеодального государства, которое не было завершено к моменту нормандского завоевания.

Воспользовавшись оценочным определением «типичный», мы лишь обращаем внимание читателя, что открытые закономерности развития данного государства не являются исключительными, а, оставаясь типичными или типовыми, они способны подчеркнуть их важность и состоятельность, а также стать полезной базой сравнения с соответствующими реальностями нашего времени.

Язык как система включает лексику как средство называния всего, что окружает человека (реализация номинативной системы); материализацию мыслей человека (система материализации сознания); общение (как единица речи). Нет ни одной единицы языка, которая не являлась бы частью языковой системы.

В слове содержится много видов информации о всем многообразии мира вне человека; о внутреннем мире человека (мысли,

чувства); о мире языка, который может репрезентировать первые два мира толькотогда, если сам системен. Став второй сигнальной системой, он настоятельно требует своего изучения, что мы и делаем. В определенной степени мир языка становится субститутом/репрезентантом мира реального и мира мыслей и чувств.

Можно ли утверждать, что Древняя Англия была государством в совокупности всех признаков? Для этого надо установить эти признаки.

State – the government or political organization of a country[1] (*Longman*, *1993*); *the power or authority represented by a body of people politically organized under one government*, *especially an independent government, within a territory/territories having definite boundaries*[2] (*Webster*, *1992*). Приведенные определения позволяют выделить следующие признаки понятия «государство»:

1) *a permanent population*;

2) *a permanent territory*;

3) *an effective government*[3].

Каждый из признаков требует огромных усилий для своей реализации: население надо кормить, защищать; границы – устанавливать, договариваясь с соседями; согласованные границы – защищать; правительство – формировать из таких министров, которые могут организовать эффективную работу всего народа. Все это признаки достаточно как высокого абстрактного уровня, так и земного практического.

Правила и нормы проживания людей с разными интересами в рамках единого государства излагаются и обеспечиваются правом. Возникает потребность в органах власти для поддержания внутреннего порядка и защиты страны от внешних угроз, то есть система как внутреннего, так и внешнего правопорядка.

На уровне меньшей абстракции все понимают, что в обществе есть асоциальные элементы, которые не хотят трудиться, а

---

[1] Управление и политическая организация страны (англ.).

[2] Определенная сила или власть, представленная народом под руководством единого и независимого правительства, действующего на определенной территории с определенными границами (англ.).

[3] 1) постоянное население;

2) постоянная территория;

3) эффективное управление (англ.).

жаждут жить за счет других, прибегая к насилию, поэтому нужны суды и полиция. Отсюда возникают многочисленные обязанности правительства как управляющего страной коллективного органа. Все начинается с той идеологии и первейших целей и задач, которые ставит государство.

В истории английского права, теории и практики английского государства существуют основополагающие документы, заложившие фундамент его правовой системы. Они в большей или меньшей степени определили развитие английского государства. Выше мы назвали лишь несколько, признанных нами особо важными в рамках нашего исследования: земельное право, зарождение трех ветвей власти, становление и начальное развитие правоохранительной службы, гражданское право и (в меньшей степени) зачатки уголовного права, развитие прецедентного права с достаточно большим акцентом на судебной власти, которая всегда считалась наиболее прямой и действенной реализацией центральной (королевской) власти. Все эти вопросы рассмотрены нами с онтологической точки зрения, а также как реализация основной способности человека мыслить и с очевидной закономерностью, что крупные проблемы могут успешно решаться при условии эффективного разрешения большой совокупности деривативных вопросов.

Важным принципом работы является учет общечеловеческих черт и качеств, их отражение на функциях конкретных видов власти должностных лиц. Мы попытались погрузить читателя в те обстоятельства реальной жизни, правовые аспекты которой стали предметом описания и анализа.

Исходя из изложенного выше, важным документом являлся так называемый Первый Уэстминстерский статут 1275 г. Для нас этот документ примечателен тем, что по его структуре – он состоит из 51 главы – можно судить о тех многочисленных проблемах, которые стояли перед центральной властью.

Прошло 60 лет после подписания королем Великой хартии вольностей, но ее обещания не выполнялись, в частности, главное завоевание документа – запрет чрезмерных налогов, о чем свидетельствует статут. Многообразие форм аренды земли способствовало размыванию (а то и прямому нарушению!) веками оговоренных условий тех форм аренды, которые были наиболее вы-

годны для арендаторов. Каждое крестьянское хозяйство – это достаточно четко отлаженный хозяйственный организм. В условиях отработки, которая не могла не рассматриваться вассалами как тяжкая и безрадостная повинность, мешавшая им работать на своем поле, нужны были строгий досмотр и контроль со стороны главы поместья.

Наибольшие нарушения и сбои система давала в критические моменты, например, смерть арендодателя или арендатора, особенно если у последнего отсутствовал взрослый сын.

Власти не могли не желать стабильности в земледелии, в котором было занято большинство населения и которое кормило его, поэтому особое внимание проявлялось к экономически неустойчивым хозяйствам. Об этом свидетельствует употреблявшийся в таких контекстах латинский термин ***gremium*** – *safeguard*, *protection*[1]. Для слабых хозяйств стала использоваться фраза *in gremio legis – in the protection or keeping of the law*[2]: королевская власть оказывает им поддержку, помогая остаться на плаву[3].

Можно ли считать Англию данного переходного периода государством? Какие признаки государства имеются в наличии?

В документе упоминаются такого рода нарушения землепользования, как ***abuses of tenures***[4], что проявлялось во время брака наследников, сопряженного с большими расходами и, следовательно, поборами, а также в виде дополнительных налогов и выплат, назначаемых руководством городов, особенно пользующихся определенными льготами (имевших высокий статус города с самоуправлением – *boroughs*). Это, по мнению авторов статута, давало им свободу действий для взимания дополнительных налогов с целью поддержания своего особого статуса.

---

[1] Гарантия, защита (англ.).

[2] Под защитой закона (англ.).

[3] Данная позиция и реальные шаги центральной власти того далекого времени по поддержке слабых экономически, как сейчас говорят, сельскохозяйственных производителей, интересны и заслуживают внимания в контексте современных российских дебатов относительно того, должно ли правительство помогать сельскохозяйственным производителям. Два разных времени: XIII и XXI века. Зачем существует история, если ее не изучать и не извлекать полезных уроков.

[4] Нарушения условий аренды земли (англ.).

В уголовном праве (например, за изнасилование) были введены более жесткие меры наказания.

Закономерность развития человеческого общества однозначно свидетельствует, что повышенное внимание к определенному преступлению и ужесточение мер наказания за него происходит тогда, когда в обществе отмечается всплеск подобного рода преступлений. Правовое внимание к данному виду преступления дает основание предположить, что в описываемое нами время наблюдался рост данного вида преступлений. Изнасилование квалифицировали как *grievous* (*very seriously harmful*, *hard to bear*, *offensive*[1]), но ранее оно не каралось смертным приговором. В определенной степени ему находили оправдание: в военизированном обществе (каковым феодальное общество было всегда) прежде всего ценились мужчины-воины, а женщины игнорировались. Этот принцип нашел отражение и в законе о вергельде: денежная компенсация за убийство мужчины была гораздо выше нежели за женщину. Так, идеология общества прямо отразилась в праве.

Однокоренные слова *wera*/*were*, *weregeld*/*wergild* имеют основу *wer*-, которая, по всей вероятности, обозначает человека мужского пола. В древнегерманском и древнеанглийском законах эти слова обозначали *the price set up on a man*[2]. Общество уже было структурировано: мужчины делились на несколько классов, поэтому и компенсация выплачивалась в разном размере: разовая (*angild*/*angylde*), двойная (*twigild*), тройная (*trigild*) и так далее, в зависимости от статуса погибшего.

В Древней Англии существовал Рит (*Writ*), направленный против людей, отказавшихся работать и создавать определенные, востребованные потребительские ценности. Он назывался естественно и логично – *laborariis* (с латинской основой *labor*- – «работа», «труд»). Наказывались люди, у которых не было своих средств к существованию из-за собственной лени и нежелания трудиться. Значимость такого закона огромна: он во многом формировал образ жизни людей того времени. Это устойчивый маркер правовой культуры не только *OE* периода; его практиче-

[1] Очень серьезное, трудно переносимое правонарушение (англ.).

[2] Цена, назначенная за мужчину (англ.).

ская правовая и общекультурная ценность сохраняются до нашего времени, одна из тех исконных правовых и культурно значимых языковых единиц, которая является скрепой английского правового менталитета.

Writ – полностью сохранившаяся форма *OE* слова *writ* (*writan*):

1) *smth written, or recorded in writing*[1];

2) со специализацией значения в области права: *a written command*, *precept*, *or formal order issued by a court*, *directing or enjoining the peson*(*s*) *to whom it is addressed to do or refrain from doing some act*[2].

Человек обладал определенным статусом, который в правовом отношении понимался как *the legal relation of individual to rest of the community*[3]. Таких контрастных статусов было два.

1. ***Status de manerio*** – *the assembly of the tenants in the court of the lord to do their customary suit*[4]. В английском подъязыке суда и права можно говорить о нескольких словах-омонимах с данной графической формой:

suit 1 – *action in court as proceeding by one person against another in a court of law*;

suit 2 (яркий маркер *OE* суда) – *attendance by tenants of the court of the manor*[5]. Это была форма отработки своему господину и манифестация положительного статуса человека в поместье.

2. ***Status Crime*** – рабы, бродяги и нищие, которые не могли присутствовать на заседаниях судов, более того, становились большей частью социальными изгоями.

Статус человека в сообществе был важным общественно значимым параметром. Выделялся особый разряд, или класс преступлений, – *a class of crime which consists not in proscribed action or inaction but in the accused's having a certain personal condition*,

---

[1] Что-то написанное (англ.).

[2] Письменное предписание, приказ, команда кому-то что-то сделать или воздержаться (англ.).

[3] Правовые отношения индивида с остальным обществом (англ.).

[4] Сход арендаторов в суде своего господина для решения своих дел (англ.).

[5] 1) иск в суде, где один индивид предъявляет иск другому;
2) обязательное присутствие арендаторов в суде манора (англ.).

or being a person of a specified character[1]. В отношении к таким людям просматриваются два подхода, имеющие правовое и общечеловеческое последствия:

– учитывая особенности их психики, допускается определенная толерантность в применении к ним определенных санкций;

– *OE* закон проявлял определенное великодушие, предоставляя им возможность стать такими же, как господствующая часть населения, применяя к ним положение так называемого ***status of irremovability***[2] как шанс адаптироваться и стать полноправными гражданами:

"*OE law stipulates that the paupers have the right after one year's residence in any parish not to be removed there from*"[3].

Таким образом, была предложена программа социальной и гражданской реабилитации с конкретными требованиями, которые необходимо выполнять:

1) изменение кочевого образа жизни на оседлость;

2) конкретное время – в течение одного года;

3) отсутствие ограничения места оседлости.

За долгую историю человечеством был накоплен опыт выполнения трудовых операций двух основных видов: индивидуальный и коллективный. Этот процесс обозначается несколькими словами: *work*, *toil*, *service*, *mental and physical exertion*[4]. Жизни как трудовой среде близки слова *employment*, *job*, *station*, *position*[5], которые называют работу в следующем ее понимании: *work for wages as opposed to work for profit*[6] (еще один пример дефиниции слова через антитезу).

В дефиниции «работа» уже содержится основная антитеза: работодатели *vs* работники. Работа, производство с их участни-

---

[1] Место человека в обществе определялось не его запрещенными поступками, а его заранее предписанными чертами (англ.).

[2] Право на оседлость (англ.).

[3] Древнеанглийский закон предусматривает, что у нищих есть право после проживания в течение года в определенном приходе не подвергаться выселению из него (англ.).

[4] Работа, труд, услуга, умственное и физическое усилие (англ.).

[5] Место работы, работа, должность, служба (англ.).

[6] Работа ради зарплаты, а не прибыли (англ.).

ками – это, собственно, и есть часть общества, устойчивость и благополучие которого напрямую зависят от отношений между ними.

Согласно положениям теории и практики классовой борьбы, основная форма взаимоотношений в классовом обществе является антагонистической, которые не способны укрепить его, а лишь изменить радикальным образом, как правило, вооруженной борьбы, что влечет смерть и потери. Собственники удивительным образом оказались правящим классом и потери своего доминирующего положения в обществе со своей стороны допускать были не намерены. При помощи разума, политической хитрости и изворотливости они стремились затушить социальный конфликт в начальной стадии.

Осознание истинной расстановки социальных сил в обществе относится к раннему историческому периоду времени. Когда один класс владеет всем (и что поражает, как правило, он менее многочисленный, чем класс неимущих), а второй класс лишен всего, то возникает потребность в объяснении такого положения вещей.

В *OE* и феодальном праве используется идея римского права, центром которой является понятие ***servitium*** – *a tenant was bound to render obedience and performance to his lord*[1] по причине держания его земли.

Узаконивается деривативное понятие ***servitus*** – *slavery*, *bondage*[2], согласно которому все люди делятся на два класса: класс господ (имущих) и класс рабов (неимущих), при этом вторые служат первым.

Появляются зачатки обычного международного права со стержневым положением: *one person is subjected to the dominion of another*[3] с оговоркой, что оно противоречит естественному праву. Остается один логический шаг до появления экономического понятия ***gainful employment***[4], где ***gain***, ***gain****ery*, ***gain****age* –

[1] Слуга/работник – арендатор должен проявлять послушание и работать на господина (англ.).

[2] Рабство, крепостной (англ.).

[3] Один человек подчиняется другому (англ.).

[4] Прибыльный труд (англ.).

profit of tilled or planted land, *raised by cultivating it*[1]. Так аспект несправедливости гасится привлекательной идеей дохода.

Идеологически важным моментом феодального общества стало желание и умение властей придать законное обоснование существующему порядку вещей: кто-то (меньшинство) имеет землю, а большинство – нет. Этот исторический факт может (и должен!) быть истолкован как наиболее яркий пример демонстрации продуманности (ума, интеллекта), знания жизни и психологии правящим классом в своих интересах.

Владелец земли получал документ (*land-certificate*), наличие которого гарантирует принадлежность земли. Таким образом, в *OE* обществе определенная часть владельцев земли имела документы, подтверждающие право владения землей (*book*/*bok*; *bookland*/*boкland*), который являлся гарантией со стороны правителей *an obligation of government entitling owner to secure designated quantity of land by following the requirements of law*[2]. Главной гарантией со стороны государства являлось то, что информацию, указанную в документах на землю, названных выше, оно принимало как ***prima facie*** *evidence of the truth of the matters therein set forth*[3]. Все споры по земле решались в местном суде (*court of the manor* > *court baron*), где судьей был глава манора и он же арендодатель как главный распорядитель земли, а крестьяне поместья – обязательные участники судебных заседаний. Это способствовало разрешению земельных тяжб (*land damages*)[4].

Причиной судебных разбирательств часто становилась проблема выдачи права проезда по чужой земле *lad locked parcels or plots of land*: *a piece of land belonging to one person and surrounded by land belonging to other persons*[5].

---

[1] Прибыль – доход с обрабатываемой земли (англ.).

[2] Правительство позволяет законному владельцу земли распоряжаться согласованной площадью земли, соблюдая требования закона (англ.).

[3] Добросовестное доказательство истины вещей (англ.).

[4] В других странах (например, в США) существуют специальные земельные суды – *land courts*. На Британских островах в силу особенностей исторического развития отсутствовала необходимость в таких специальных судах, но, например, у северного соседа, Шотландии, суд земельной юрисдикции существует под тем же названием и сегодня.

[5] По земле, оказавшейся внутри границ другого землевладения (англ.).

Требовалась добрая воля хозяина транзитной земли *easement – a right of use over the property of another*[1]. Для урегулирования и предупреждения возможных конфликтов заключались соглашения о праве прохода/проезда телеги (*careta way*: *careta*/*carreta*/*carecta – a cart, cartload*), кареты (*cariagium way*: *cariagium – in old English law*, *carriage*, с хозяйственным расширением *the carrying of goods or other things for the king*[2]).

Споры велись по частоте проезда, величине и весу груза (от этого зависела глубина колеи), размерам колес[3], что рассматривалось как *land damage*[4]. Необходимость оплаты становится семантически прозрачной: *duty or toll paid for vehicles passing over certain ground*[5].

Каждое владение – маленькое замкнутое хозяйство, где всякие издержки должны быть компенсированы, иначе оно разорится. За разрушение почвы, а, следовательно, снижение урожайности надо платить, поэтому была назначена выплата (***wheelage***, основа *wheel-* совпадает со словом *wheel* – «колесо»), то есть плата взималась в соответствии с шириной колес, весом самого экипажа с грузом или пассажирами.

Участие государства в разрешении конфликтов и в гарантии мира также требовало денег. Для поддержания бюджета назначались и исправно собирались многочисленные штрафы, в том числе и связанные с землей, например, *land cheap – an ancient - customary fine* (*in OE law*)[6].

История данного штрафа повторяет и отражает общекультурную историю государства: сначала его вносили натурой (преимущественно скотом), потом его заменили на деньги.

---

[1] Право пользования своей собственностью внутри другого владения (англ.).

[2] Для провоза грузов для короля (англ.).

[3] Полное представление о предмете разговора можно получить, зная о разнообразии колес экипажей, кибиток, телег (существует длинный номинативный ряд названий экипажей), что упорядочивало и облегчало решение проблемы транзита через соседние земли и владения.

[4] Вред для земли (англ.).

[5] Для проезда по определенным участкам требовалась оплата (англ.).

[6] Привычный штраф с древних времен (древнеанглийское право) (англ.).

Для разрешения случаев банкротства была учреждена особая юрисдикция. Такие специальные суды носили разное название – *landed estates courts*[1]. Их существования и порой исчезновения с судебного поля достаточно точно отражает положение дел в земельном обороте и сельском производстве в целом, например, в Ирландии, исторически самой отсталой и, соответственно, одной из самых бедных частей королевств, возникли суды – *the Incumbered Estates Courts*[2] – как трибуналы для распродажи обанкротившихся хозяйств.

Значения глаголов ***to incumber*** – *to hold back*; *to hinder*[3]; ***to hamper*** – «мешать», «препятствовать»; «не способствовать продвижению, прогрессу». Такие суды специализируются на разрешении дел разорившихся или разоряющихся земельных владений. О большом количестве подобных хозяйств свидетельствует сам факт учреждения суда с подобной юрисдикцией.

Важная сфера интересов государства – урегулирование отношений между арендодателями и арендаторами. Длинный парадигматический ряд, состоявший из названий законов, упорядочивающих правовые отношения, с одной стороны, лендлордов и работодателей (в сфере землепользования) и, с другой – вассалов, арендаторов, оказывается весьма информативным.

Для построения внутригосударственных отношений, а значит, отношений между руководством государства и его гражданами, уже недостаточно силы и власти государственных органов – необходимо активное сотрудничество со стороны граждан с государственными органами.

Права и обязанности государственной власти были упомянуты нами выше. Рассмотрим, как обстояли дела с обязанностями граждан.

По саксонскому праву все, кто владел, пользовался и распоряжался землей должны были нести определенные повинности, то есть обязанности. Самые крупные и важные входили в *trinoda necessitas*:

1) *pontis reparatio* (*repair of bridges*);

---

[1] Суды по земельным спорам (англ.).

[2] Суды по земельным спорам (англ.).

[3] Мешать, препятствовать (англ.).

2) *arcisconstructio* (*the building of castles*);

3) *expedition contra hostem* (*military service against the enemy*)[1].

Существовали другие повинности, в частности, по приведению в порядок и укреплению берегов, отводу скопившейся воды на дорогах (особенно после весенних паводков, сильных дождей); возведение объездных путей. За них глава семьи наказывался штрафом – ***bi-scot***, где ***scot*** в *OE* праве – *a tax*, *a tribute*[2].

Патриотическое понимание налога подтверждается в семантике *OE* обычая-закона ***scot and lot***[3] и может служить объяснением такого отношения к налогам: его конкретная величина зависела от состояния хозяйства плательщика, и часто налогоплательщик вносил столько, сколько мог себе позволить. Такой гуманный принцип налогообложения заслуживает внимания.

Налог вносили все. От данной основы образован глагол *scottare* с очевидным производным значением – *to pay scot*, *tax*, *or customary dues*[4]. Налоги и штрафы имеют одну общую черту: это отток денег, средств, капитала из хозяйства. На всех этапах развития государства существует огромное количество их видов и названий. Оно настолько большое, что общую государственно-денежную культуру в стране следует считать основанной на налогах и штрафах. Эти два вида платежей в казну органично взаимосвязаны: неуплата налога влечет штрафы, например, все жители наиболее крупного мини-королевства (*Wessex*) для поддержания армии должны были платить соответствующий налог – *heregeld*. Вторая основа слова *-geld* у саксов означает *money*, o*r tribute*[5] (с понятным смысловым расширением – *mulct*, *compensation*, *value*, *price*[6]). Значение слова оказалось очень востребованным. У него много производных значений и со-значений: *an**geld*** (*an- – one*)[7]; *twi**geld***” (*twi- – two*)[8] и так далее.

---

[1] Три обязательных налога:

1) ремонт мостов; 2) строительство замков; 3) защита родины (англ.).

[2] Взнос или участие вместе с другими (англ.).

[3] Посильный взнос каждого жителя (англ.).

[4] Уплатить налоги и сборы (англ.).

[5] Деньги, взнос (англ.).

[6] Налоги (англ.).

[7] Цена вещи (англ.).

[8] Двойная цена (англ.).

С *OE* периода в английском языке существует слово-понятие *weregeld*[1], то есть, состоящее (как минимум) из двух основ, каждая из которых в списке таких ярких маркеров:

– *were-/wer-/wera- – the estimation of price of a man, especially of one slain*[2] (согласно уголовному закону англосаксов жизнь каждого человека имеет свою цену, или по латыни *capitis aestimatio*);

– *-geld – money*, *tribute*[3].

В истории средневековой Англии не проходило ни одного года, когда не было военных столкновений. О глубине понятия ***peace***[4], его экзистенциально-государственных смыслах говорит тот факт, что задолго до начала формирования централизованного английского государства оно широко использовалось в местных приходах. Об этом свидетельствует существование родственных понятий ***parish peace***, ***parish peace of ficer***[5]. Идея мира, тишины, или того, что потом назовут правопорядком, всегда жила в народе и ассоциировалась с хорошей жизнью, успехом и процветанием, приобретала разные, но вполне определенные положительные содержательные и организационные формы.

Полный смысл понятия ***King's peace***[6] заключается в том, что порядок в стране гарантировал король, который не бросает слов на ветер, так как у него достаточно сил и средств для выполнения обязательств обеспечить мирную жизнь своих вассалов, но в случае непослушания он способен принимать решительные меры. Всякое нарушение порядка в стране означало дискредитацию короля, и за это можно было поплатиться жизнью. Так зарождалась господствующая идеология нового, более сильного королевства. В сознании жителей укоренялась идея единого сильного короля (в отличие от идеологии, уходившей в невозвратное прошлое, когда каждый глава одного из нескольких разрозненных мини-королевств лишь мнил себя всесильным, но сделать жизнь безопасной не мог).

---

[1] Вергельд – денежное наказание за убийство свободного человека (англ.).

[2] Расчет цены-наказания за убийство человека (англ.).

[3] Золото, деньги (англ.).

[4] Мир (англ.).

[5] Правопорядок в приходе; лицо, отвечающее за поддержание правопорядка в приходе (англ.).

[6] Королевский мир; мир, установленный королем (англ.).

Со становлением государства меняются ключевые принципы правосудия. Если раньше каждый лорд говорил о себе, что ***I'm a law unto myself***[1], что фактически означало *to take no notice of the law*, *to ignore the law and other rules of behaviour*, *and do what one wishes*[2], и ***take the law in to one's own hands***[3], что в жизни означает *to take no notice of society's rules and act alone*, *usually by* ***force***[4], то с усилением королевской власти роль местного правителя уходит в прошлое.

Peace с его основным значением *fredom from*, *or cessation of war or hostilities*[5] как противочлен к антитезе ***war vs peace*** – заимствование из французского языка раннего средневекового периода.

Периодизация истории Европы у разных авторов довольно значительно разнится в терминах конкретного времени. На стыке разных периодов сложно изъять и отнести определенный год (или даже нескольких лет) к одному периоду.

Одно и то же эпохальное событие может стать четкой границей в одних сферах страны, но в других оно не может быть принято таковой, например, битва при Гастингсе (1066), итоги которой разделили историю Англии на два четких периода: «до» (англосаксонская Англия со своими королями, языком и правом) и «после» (новая династия королей, новое состояние языка и права). В поддержку значимости этого исторического факта уместно напомнить, что задолго до завоевания Англии норманнами между двумя странами существовали довольно тесные отношения: межнациональные браки (например, брак короля Англии Эдуарда Исповедника); торговые связи; наличие собственности в Англии у норманнов задолго до ее завоевания; транзитная роль Нормандии (кратчайший путь в Европу лежал исключительно через Нормандию). Это не могло не способствовать заимствованиям в таких областях жизни, как язык и право (например, торговля

[1] Я – сам закон (англ.).

[2] Не обращай внимания на закон (англ.).

[3] Возьми закон в свои руки (англ.).

[4] Не обращай внимания на законы общества, полагайся на себя, используй силу (англ.).

[5] Прекращение войны, военных действий (англ.).

между граничащими странами предполагает активное языковое и правовое взаимодействие).

Взаимодействие, онтологически понимаемое как пользование общими ценностями, шло и мотивировалось единой верой. Народы по обе стороны Ла-Манша, исповедовавшие принципы Римской католической церкви, в церквах совершали один и тот же церемониал: *the ceremony of kissing the* ***pax***[1], где латинское слово *pax* означает *peace*. Положительные ассоциации этих слов входили в сознание людей не только во время службы, но и в ежедневной жизни, где латинская фраза становилась более понятной – *kissing the peace*[2].

Церковный протосмысл выражения таков: *pax – a tablet with a projecting handle behind, bearing a representation of the Crucifixion*[3]. Первым к образу прикладывался священник, который проводил службу, потом – все прихожане. Готовность пожертвовать собой ради спасения других – высшая добродетель человека: такого человека не только чтят, но и поклоняются ему. Так Бог стал символом любви к людям у обоих народов, что не могло их не сближать.

Примером идеализации и символизации мира со многими его позитивными признаками в ежедневной жизни стали молодые люди, ученики привилегированных школ, где латинский язык изучался как учебная дисциплина и обязательно была своя часовня. Наиболее впечатлительные молодые люди в силу своего возраста, часто погружаясь в атмосферу Библии, питающей среды церковной службы, своих друзей также называли *pax*, а за пределами школ широко употреблялось выражение *to be good pax = to be good friends*[4].

У каждого народа складывается неповторимая история, но столь же очевидно и другое: у группы народов, веками живущих рядом и в силу этой географической близости интенсивно общающихся, складывается общие образность, банк общих ассоциа-

[1] Букв.: целование мира (англ.).

[2] Целование мира (англ.).

[3] Христос, распятый на кресте, как символ самопожертвования во имя других (англ.) – некое подобие распятия.

[4] Быть добрыми друзьями (англ.).

ций, символы как добра, так и зла. Без должного учета таких контрастных сторон невозможно корректно представить любой аспект культуры конкретного народа.

Из латиноязычной истории понятия *PaxDei*, *PaxEcclesie*, *PaxRegis*[1] пришли на Британские острова, которые в то время были скорее географическим понятием нежели государственно-политическим. Здесь существовали разные государства, и константой, связующей времена, были народы, населявшие их. Идеи мира были понятны и дороги им – от идей Церкви (*the peace of God*, *the Church*[2]) до окружающего их мира – все это связывалось прежде всего с идеей сильного единого для всех короля (*the King's peace*). Насколько глубоко эта идея вошла в менталитет народа, покажет время колониальных захватов, спровоцированных гипертрофированной идеей исключительности и вседозволенности.

В Риме существовало понятие *PaxRomana – the peace within the Roman Empire*[3]. Казалось бы, что однотипное сочетание *PaxBritannica* должно иметь аналогичное значение, но здесь злую шутку сыграл человеческий фактор, и составной термин означает несколько иное: *the peace imposed by the British Rule*[4] как принцип доминации и господства Англии.

Фундамент колониальной политики Англии закладывался довольно долго: многочисленные военные походы на Ирландию, в конечном счете признавшей верховенство Англии и по общему признанию ставшей первой колонией[5].

---

[1] Божий мир (лат.).

[2] Мир Бога, мир Церкви (англ.).

[3] Мир (тишина и порядок) в Римской империи (англ.).

[4] Порядок, навязанный британской властью (англ.).

[5] Последующая безжалостная роль Англии в колониальных захватах на Африканском и Азиатском материках, что задержало их экономическое, образовательное, правовое развитие на десятилетия, доказательно показана в книге *Ph. Gregory* The Respectable Trade. Harper, 2010.

У истории свой суд и приговор: события 2015–2016 г., наводнение беженцами Западной Европы в целом – это предъявленный просроченный счет обездоленных и разоренных народов Азии и Африки к европейским колонизаторам. Подтверждается всеобщий закон жизни: за все надо платить. При этом валюта оплаты разная: для одних – это деньги, золото; для других – любовь, признательность; для третьих – ненависть. У истории долгая память.

В западной историографии стало устоявшейся традицией: экскурсы в раннюю историю человека (в частности, его культуры, языка, этики, психологии) обязательно совершаются с привлечением материалов, собранных в экзотических племенах далеких континентов. Бесспорно, это прекрасный и доказательный материал с яркими контрастами, остающимися в памяти надолго, но с научной точки зрения, когда сравниваются контрастные, более того, противоположные культуры (например, европейская и, скажем, африканская) нельзя не усмотреть элемент подмены понятий. Об этом прекрасно сказал Геродот на примере обычаев: «Если какому-то народу предложить прекрасные обычаи другого народа, то он наверняка ответит: не надо нам чужих обычаев, нам дороги наши»[1]. Нашей единственной целью было посмотреть, как развивались конкретные аспекты культуры (язык и право) в конкретной стране (Англии) в конкретное время (в XI в. после 1066 г.) в конкретном социуме (еще не сложившемся, но уже в предопределенном ракурсе развивающемся английском обществе этого времени). Культура народа-победителя всегда оказывается господствующей, трансформирующей прежний облик побежденного народа.

У слова *peace* выделяют три основные значения:

1. *Freedom from, or cessation of*, *war or hostilities*; *the condition of a nation in which it is not at war with another*. Если *war – hostile contention by means of armed forces*, *carried on between nations*, *states*, *or rulers*, *or between parties in the same country*, то *peace* его антитеза, или античлен[2].

2. Результат переосмысления военных действий: ***a state of concord and amity***; ***freedom from social commotion***; ***public order and security***; ***freedom from disturbance or perturbation***; ***quiet***, ***tranquility***[3]. Мы можем предположить, что подобное значение было

[1] Collins National Encyclopedia. Collins: London and Glasgo. 1966. P. 190.

[2] Отсутствие войны, прекращение военных действий, жизнь в стране, когда она не ведет военных действий с другими странами. Если война – враждебное соперничество силами военных, то мир – его антитеза, или античлен (англ.);

[3] Состояние согласия и дружбы; отсутствие социальных беспорядков; порядок и безопасноть в обществе, в стране нет недовольства и беспокойства, тишина и спокойствие (англ.).

связано со старинным английским обычаем при встрече: ***kiss of peace*** = *a kiss given in sign of friendship*[1]. В условиях конфронтации это стало приобретать намерение отказаться от поединка или вражды и означать исконный народный знак доброго отношения к соседу.

Церковь использует этот положительный посыл, закрепляет и продолжает данный обычай.

После принятия христианства в 699 г. на большой мессе верующие использовали выражение *kiss of peace* в значении ***a kiss of greeting given in token of Christian love at religious services***[2] – так сливаются общенародный и церковный смыслы этой традиции в единый большой смысл мира общественного и доброго расположения к Другому.

Из исходного понятия «мир» с течением времени логично следует вторичный смысл, ежедневно востребованный каждым человеком: добрые отношения между людьми, взаимовыручка и взаимопомощь, желание и умение решать споры через диалог, не прибегая к оружию. Это особое состояние, которое понимается как *securing freedom from perpetual litigation* – ***Bill of Peace*** *a bill brought by a person to establish a right, with the object of securing freedom from perpetual litigation*[3].

3. Новое значение не столько противопоставляется первому значению-понятию *war*, сколько окончательно закрепляется новая информация за сочетанием ***king's peace***: сначала – *the protection secured to certain persons by the king*[4], например, преференции торговым людям, которые на дорогах королевства получали особую защиту короля для безопасной доставки необходимых товаров. С усилением королевской власти эта милость стала нормой: у сильного короля дороги стали безопасными абсолютно для всех.

В дальнейшем появляется выражение с глубоким правонаполненным смыслом: *the general peace of the kingdom under the*

[1] Поцелуй – знак дружбы (англ.).

[2] Приветственный поцелуй в знак христианской любви во время церковной службы (англ.).

[3] Защитить свободу от судебных разбирательств (англ.).

[4] Сначала – безопасность, гарантированная королем определенным людям (англ.).

king's authority[1], которое настолько прочно укореняется в сознании, что определение *king's* опускается, и уже становится вполне достаточно слова *peace*, что означает тоже самое: *the king's peace in its wider sense*[2]. Это находит воплощение в следующих сочетаниях:

to keep the peace; ***breach of the peace***; ***to swear the peace against*** *smb – to swear that one is in bodily fear of another*, *so that he may be bound over to keep the peace*;

commission of the peace; ***justice of the peace***; ***officer of the peace***[3].

Человек единый и неразрывный существует в своей целостности. То, что он таков, а не другой – результат воздействия на него разных сил, положительных и отрицательных. Формирующее влияние на него оказывала религия.

Идеями мира, порядка, тишины и спокойствия – внешнего и внутреннего – наполнена Библия. Здесь неоднократно встречается фраза ***God's peace*** *– God's requirement of peace and good order*[4]. Для верующего человека это равносильно завету как предписанному правилу, которому необходимо следовать.

Насколько сильно трансформировалось значение слова *peace* – от антонима, античлена к слову-понятию *war* до нового значения «мир-порядок» – свидетельствуют представленные ниже мини-контексты:

to keep the peace *= to refrain*, *or prevent others*, *from disturbing the public peace*, *not to be at strife or variance, to be quiet, peaceful*;

peace-breaker *– one who breaks or violates public order*; *one who commits a breach of the peace*;

peace-officer *– a civil officer appointed to preserve the public peace*, *e. g. as a constable*, *preserver or conservator of the peace*;

peaceable *– disposed to*, *or making for*, *peace*;

peaceful *– friendly*, *pacific*[5].

---

[1] Общая безопасность в королевстве благодаря усилиям короля (англ.).

[2] Что и королевский мир, но гораздо шире (англ.).

[3] Обеспечить мир, надежность и привлекательность мира, нарушение мира, пожаловаться на угрозы, мировой судья, полицейский (англ.).

[4] Мир от Бога – требование Господа мира и правопорядка (англ.).

[5] Поддерживать мир; правонарушитель; полицейский; миролюбивый; дружеский (англ.).

4. *Silent*, *quiet in the meaning* "*not quarrelsome*, *troublesome*, *or pugnacious*"[1].

Во многих сочетаниях сохраняется историческое или первичное значение *peace* как антоним к слову *war*. Оба со-значения уживаются в выражениях, четко демаркируясь благодаря определенности контекстов:

at peace:

а) *not in the state of war*, *hostilities*;

б) *not at strife*, *or variance*; *quiet*, *peaceful*;

to make peace:

а) *to conclude peace with a nationat the close of a war* (в ранних ситуациях);

б) *to enforce public order*[2].

Широкое бытовое или экзистенциальное значение слова ***peace*** – *to be silent*, *not to be noisy*/*not to make noise*; *to keep silence*; *quiet*, *tranquility*, *serenity*[3] – квинтэссенция развития данного мирного значения в ежедневном жизненном цикле. Оно укрепляет и поддерживает новое значение «ежедневный порядок, соблюдение добрососедства и взаимопомощи», что позволяет говорить о правоохранительном значении этого слова.

Наиболее весомым и потому доказательным аргументом проникновения в сознание человека всей глубины понятий *peace* в значении *law* является их осознанное употребление в мирном, невоенном контексте простыми людьми, а не военными.

Рассмотрим типичную экзистенциальную ситуацию. Простой фермер спрашивает другого о том, как он живет, и слышит в ответ: "*Weve in peace*, *and in law*, *and in sins*, – поясняя, – *no conflicts with the neigh bours*, *nodisputablelands*. *We see each other often*, *they are my best guests*"[4].

---

[1] Молчаливый, тихий в значении «дружеский».

[2] Жить в мире: без войны, жить спокойно, без социальных взрывов; заключить мир: заключить мир по окончании войны; установить правопорядок (англ.).

[3] Тишина, мир и порядок, отсутствие напряженности в обществе (англ.).

[4] Живем в мир, чтим законы, грешим, с соседями не конфликтуем, спорных земель у нас нет. Часто встречаемся, они наши лучшие гости. (Фраза приведена с грамматической особенностью речи героя.) (англ.).

В *OE* особое место занимает общегерманское слово *frith*[1] с формой в *OE frithu*, *friothu*, *freothu*, которое обозначает *peace*, *freedom from molestation*; *security*[2]. В Средние века его полностью вытеснило латинско-французское заимствование *peace*.

8.2. Беспорядок, нарушение закона как образ разрушения, войны и беспорядка в обществе

Понятия «правопорядок» и «беспорядок» связаны со степенью эффективности управления страной.

С древнейших времен в целях оперативного управления Англия была поделена на ряд административных районов – *shires*. Проходили столетия, менялись короли (и свои и заморские), но понятие *shire* оставалось неизменным, выполняя функцию своеобразной эстафеты от века к веку, оставаясь символом стабильности.

Слово ***shire*** (*OE – scir*(*e*)) имеет древнегерманское происхождение, всегда обозначавшее *a province or district under the rule of a governor*[3]. Сам факт долголетнего сохранения как названия, так и реальных границ между ширами свидетельствует об удачности того и другого.

С принятием христианства границы широв совпадали с границами церковных округов (***see of a bishop***). Это было удобно для светской и церковной власти, порождало постоянство и преемственность.

Во главе графства стоял английские граф (***earl***), ему помогал ***sheriff***. Высшим органом власти в шире являлся ***shire-moot***[4], возглавляемый шерифом.

Слово ***moot*** (*OE – mot*) означает *meeting – an assembly of people*, *esp one forming a court of judicature*[5].

Графство делилось на мелкие территории, названия которых с течением времени изменялось. В южной и средней частях стра-

---

[1] Мир (англ.).

[2] Мир без преследований, безопасность (англ.).

[3] Провинция или область, управляемая губернатором (англ.).

[4] Местный суд шерифа (англ.).

[5] Народный сход, народное собрание в роли суда (англ.).

ны это было слово ***hundred***[1]; в северной и восточной – ***wapentake***[2]. Во главе сотни стоял сотский, что обозначалось несколькими словами с одной основой, но с разными словообразовательными суффиксами: ***hundredar***, ***hundredor***, ***hundredary***, ***hundredarius***. Примечательно последнее гибридное наименование, состоящее из англосаксонской основы и латинского суффикса.

В разных частях англосаксонской Англии издавна существовали местные названия административных территорий, например, ***wick*** *(OE – wic/wick|wich),* возможно, не без влияния близкого по форме и значению латинского слова ***vicus*** *– row of houses*[3], что является готовой дефиницией понятия «населенный пункт»: *an administratrive division of aborough or city*[4] со специфическим значением «часть города». Данный формат еще встречается в производных номинациях ***bailiffwick***/***bailiwick***/***sheriffwick***, но с другим значением: *office*, *function of an official*[5].

Следующим названием административных территорий является слово ***ward***: *an administrative division of a borough or city*[6].

Если представить власть в виде вертикальной линии с ее верхней позицией *maximum* через среднюю точку *intermediate* и нижней точкой *minimum*, то по ее насыщенности можно судить о тщательности и степени проработанности иерархии власти.

В Древней Англии была высокая плотность власти. Сотским помогали десятские. Разбивка сотни на десять десятков с десятским во главе каждого десятка, несомненно, свидетельствовала о тщательно продуманной системе управления и контроля за каждым жителем.

Рассмотрим производные от слова *tithe* (*OE – teotha*[7]): ***tither***; ***tithingman*** *– the chief man of a ti*(*y*)*thing*, *or* ***headborough***[8].

Англосаксонское общество было строго структурировано, о чем свидетельствуют следующие низовые должности: служа-

---

[1] Сотня (англ.).
[2] Округ (англ.).
[3] Ряд, линия домовых строений (англ.).
[4] Административное подразделение города (англ.).
[5] Офис судебного исполнителя, шерифа (англ.).
[6] Административная часть города (англ.).
[7] Десяток (англ.).
[8] Сборщик налогов с каждого члена десятка; десятский (англ.).

щий церковного прихода (***parish petty officer***), приходский полицейский/охранник (***a parish peace-officer***), констебль (***costable***), младший констебль (***petty constable***).

В *OE* существуют близкие формы-заимствования из латыни – *cunestable*, *conestable* (*constable*), где *comesstabuli – count of the stable*[1], практически конюшенный, отвечавший за содержание лошадей господина, как и слово *marshal – to tend horses as a farrier*[2], где *farrier – one who shoes horses*[3].

Определение *petty* – французское слово, означающее *of small importance, trivial*[4]. Таким образом, нижнюю часть социально-административной лестницы составляли члены следующего парадигматического ряда: *constable*, *reeve*, *parish officer*, *peace officer*, *marshal*, *tither*, *tithingman*, *headborough*[5].

На верху иерархической лестницы стояли ***lords***, ***aldermen***, ***thanes***, ***earls-counts*** (с важной оговоркой: более древние и потому более именитые – *earls*, отмеченные высоким статусом со времен англосаксонских королей, в то время как *counts* – это выдвиженцы более поздней эпохи, выскочки).

Промежуточное положение занимали ***esquire***, звание скорее почетное, но не дававшее реальной власти. На вершине пирамиды находились маркизы (***marquises***), герцоги (***dukes***), члены королевской семьи, получившие высокие должности.

В управлении народом также практиковалось более крупное понятие «две сотни» и редко – «три сотни».

Из списка властных фигур английского общества видно, что в наведении порядка активно участвовала Церковь.

Церковный термин ***parish*** в начале употребления означал *a township or cluster of townships having its own church and clergyman*[6], в дальнейшем – административный район: *a district often identical with an original parish*, *constituted for purposes of* ***civil***

---

[1] Начальник конюшни (англ.).

[2] Ухаживать за лошадьми (англ.).

[3] Кузнец, подковывающий лошадей (англ.).

[4] Мелкий (англ.).

[5] Констебль, рив – предшественник шерифа, приходский полицейский/охранник, маршал, десятский (англ.).

[6] Церковный приход – населенный пункт с церковью и священником (англ.).

government[1], поэтому вполне состоятельно как сочетание ***civil parish***[2], так и ***church parish***[3]. Отсюда логична и должность лица, которое отвечало за соблюдение порядка в данном населенном пункте, – ***parish officer***[4].

О начале правоохранительной службы как подвижнической деятельности активных жителей, потом официальных лиц ривов (напомним, что *reeves* – предшественники шерифов), шерифов, констеблей мы уже упоминали (формирование полиции – значительно более позднее событие). Привлечение общественности к охране общественного порядка – дело огромной важности, но требовались профессионалы: увеличивалось население, а вместе с ним и преступность.

Несмотря на существование в обществе плотной административно-управленческой сетки общественный порядок все равно нарушался. Это обозначали разные слова, например, смута (***trouble***), беспорядки (***disquiet***), волнения (***disquietude***).

История показывает, что противоречие – реальность любого общества. Оно состоит из людей, которым свойственны разные политические взгляды, точки зрения по вопросам, важным для общества в целом.

Противоречие – это «положение, при котором одно (высказывание, мысль, поступок) исключает другое, не совместимое с ним; противоположность интересов»[5].

В философии противоречие рассматривается как «взаимодействие противопоставленных и взаимосвязанных сущностей»[6].

В логике противоречие рассматривается как «источник самодвижения и развития»[7].

В англоязычной культуре противоречить – ***to contradict*** (от лат. *contradicere – to speak against* и *to oppose*[8] (ОИС)). Закон

---

[1] Городской район совпадал с церковным (англ.).

[2] Светский приход (англ.).

[3] Приходский/церковный приход (англ.).

[4] Администратор прихода (англ.).

[5] *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва, 2010.

[6] *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. Москва, 1975. С. 487.

[7] *Кириллов В. И.* Логика. Москва, 1967. С. 49.

[8] Говорить против, противоречить (англ.).

противоречий в логике понимается как *the principle* (*or law*) *of contradiction*: *a thing cannot be and not be at the same time*[1] или в другой формулировке: *nothing can have at the same time and at the same place contradictory and inconsistent qualities*[2]. В понимании Т. Гоббса, *both parts of a contradiction cannot possibly be true* (*at the same time*)[3].

Анализ англоязычных словарей как юридических, так и общих, показывает, что инвариантное понимание права (*law*): *the body of rules* (1) *whether formally enacted* (2) *or customary* (3), *which a state* (4) *or community* (5) *recognized as binding* (6) *on its members or subjects* (7)[4]. Это определение права из ОИС взято как наиболее полное. В нем легко выделяют семь признаков, которые повторяются в разных словарях и юридических энциклопедиях как хранителях народной мудрости и профессиональных знаний, но отсутствует еще один признак, который, например, имеется в определении этого термина в юридических словарях Martin (2003), Curzon, а именно: *enforceable* (8)[5].

Любой из этих восьми признаков (кроме первого, который лишь констатирует, что в государстве много правил, то есть имеется их совокупность, предполагающая определенную систему законов, составляющих право) может быть оспорен: кто должен принимать законы – государство (правящий аппарат) или общество (народ)? законы принимает парламент, или в качестве закона остаются обычаи? обязательны ли законы или нет? – и другие противоположные мнения и соображения, стоящие за ними. Так формируется антипонятие права, или антиправо. Если оспаривается общепринятое понятие права, то ниспровергается и его цель – правосудие как средство восстановления попранной справедливости.

---

[1] Вещь не может быть и не быть одновременно (англ.).

[2] Ничто не может в одно и то же время и в одном и том же месте иметь противоречащие и несогласующиеся черты (англ.).

[3] Обе части противоречия не могут быть истинными (англ.).

[4] Право – свод правил (1) или принятые официально (2), или по обычаю (3), которые государство (4), или общество (5) признает обязательными (6) для членов (общества) или подданных (7) (англ.).

[5] (8) Могущий быть принудительно осуществленным в судебном порядке (англ.).

В рамках когнитивной лингвистики появляется термин «концепт» и его антипод «антиконцепт»[1]. Перекраивая цивилизационно и культурно ключевые понятия: *анти*культура, *анти*политика, *анти*миры, приставка анти- вдруг становится очень активной. По-видимому, такие противоположные понятия отражают разочарование людей во многих многообещающих понятиях, которые так и остались недостигнутыми. Это одна причина их появления. Другая состоит в том, что человек мыслящий всегда находится в поиске, и на современном высоком уровне развития и – как бы он ни сомневался – огромных достижений во всех областях знания и деятельности он способен не модифицировать, достраивать собственные идеалы, а, повторяем, с высоты своих достижений, способен перекраивать и перестраивать мир более радикально.

Судебно-правовая концептосфера может быть представлена схематически следующим образом: истец – ответчик – правоохранительные органы – следствие – арест – изоляция от общества – содержание в СИЗО – прокурор – правовая защита – судья – жюри присяжных – правовая база – судебное заседание и др. Все это крупные правовые концепты, каждый из которых достаточно сложное понятие, состоящее из конкретных правовых признаков, например, арест производится правоохранительными органами, которые должны соблюдать определенные условия: безотлагательно предъявить определенные обвинения, объяснить права задержанного, включающие право на телефонный звонок, право на квалифицированную юридическую помощь и др.

Идея мира как синонима общественного порядка, тишины, залога соблюдения общепринятых норм поведения в быту и в производственной сфере у разных членов общества находит в реальной жизни разное воплощение. Право каждого человека иметь свое мнение и представление о порядке в обществе находит реализацию в концепте правопорядка, чьи составные части предполагают вариантность.

---

[1] См.: *Степанов Ю. С.* «Понятие», «концепт», «антиконцепт». Векторные явления в семантике. // Концептуальгный анализ языка: сборник научных трудов. Москва, 2007. С. 19–20.

Мы были вынуждены ввести ключевые понятия, заимствованные из многих областей знания, без которых невозможно прийти к единому пониманию правопорядка. Даже краткий обзор исторического пути и предпосылок создания концепта правопорядка показывает сложный и порою драматический путь, проделанный Англией к достижению справедливости. Большим достижением стало осознание необходимости создания судебной системы как единообразного механизма и аппарата в рамках всей страны, поэтому суд является живой практикой права. Длительная эпоха феодализма –сложная часть исторического пути страны к реализации справедливости в деревнях, городах, микрокоролевствах по-разному. В городах как крупных скоплениях людей были свои понимания справедливости и средств ее достижения.

Потребность в единых судах как органах, которые могли разрешить сугубо человеческую проблему справедливости, возникла рано. Напомним, что все местные правители всегда совмещали свои функции руководителя с обязанностями судьи. В жизни сталкивались интересы разных людей, поэтому возникла острая потребность в мудрых и обязательно справедливых судьях. В городах, которые волею истории оказались центрами экономического и социального развития (например, портовые; с запасами сырья (железо, уголь); удобно расположенные на торговых путях, привлекавшие купцов и потому ставшие крупными торговыми и рыночными центрами, куда приезжали не только из других, мелких городов, но и из чужих стран), возникли первые торговые и ярмарочные суды для разрешения больших и малых конфликтов. Этому способствовало и то, что на рынках и ярмарках крупных городов появлялись воры и мошенники, которых притягивало большое количество малознакомых людей.

В городах и графствах существовали разные суды как по названиям, так и по юрисдикциям. Одним из самых первых английских судов был ***Court of Piepoudre***/***Pipowder***, ***PiePowder***, ***PyPowder***, ***Piedpoudre*** (были и другие варианты написания и произношения). Многократно искаженное французское слово *poudre* означает «пыль». Это ярмарочный или рыночный суд, скорый на проведение заседаний и принятие решений – «пока еще не осела пыль на ногах заявителя». Его юрисдикция – принятие и рассмотрение жалоб купцов или торговых людей. Суд

возглавлялся стьюардом, чьи решения могли быть обжалованы в одном из судов Уэстминстера. Это был суд с письменным протоколом, что позволяло подавать апелляции.

Территориальная юрисдикция судов устанавливалась произвольно, например, в суде Уэстминстера (*Court of Palace at Westminster*) рассматривались дела истцов, проживавших в радиусе 12 милей от центра.

Суды классифицировались по простой житейской логике:

– центральные (***Court of King's or Queen's Bench***; ***courts of Westminster***);

– периферийные или провинциальные (***county courts***, ***curia comitatus***);

– светские и церковные (***the ecclesiastical court/curia christianitas***).

Высший суд, или Верховный суд, существовал всегда, что вполне ожидаемо и логично для среднего человека. Его первым названием был ***Curia Regis*** – *The King's Court*, где ***aula***, как и ***curia*** (в *OE*) – зал или дворец, в котором проходили заседания судов: *courtbaron* (*curia baronis/baronum*), *manor court*, *steward's court*, *a lord's court* (*curia domini*).

Aula regis – первый английский суд при норманнах, учрежден Вильгельмом Завоевателем, и состоял из его доверенных лиц, проживавших при дворце и сопровождавших короля при разъездах по стране.

Высшим судом был суд парламента (***The Great Court***, ***Curia Magnum***). Как видим, все суды сначала имели латинские названия, а потом входили в языковой и правовой оборот английские названия.

Рассмотрим местные суды, чья юрисдикция была обусловлена местными причинами:

1) ***court of passage***[1] занимался делами, возникавшими в самоуправляющемся городе Ливерпуле. Хоть он и считался крупным портом, но не вошел в первую пятерку наиболее привилегированных портов. В дальнейшем их количество увеличилось до 32, и в них возникали разные проблемы, в частности, с разрешением/запретом на выход в море или заход судов в порт;

[1] Суд в Ливерпуле (англ.).

2) ***court of stannaries***[1], чья территориальная юрисдикция распространялась лишь на Девоншир и Корнуолл. Англия была бедна минеральными ресурсами, но в этих местах издавна существовали оловянные копи.

Труд шахтеров считался смертельно опасным, а условия труда и жизни ужасными. Едва ли существование местного суда стало определенной льготой для данной местности и местных жителей. Это скорее напоминало хитрый план, рассчитанный на то, чтобы не отрывать шахтеров от работы и тем самым не терять прибыль: в случае судебных споров у них отсутствовала необходимость покидать работу на долгое время, чтобы обратиться в дальние суды. Это был суд с ведением письменного протокола, что позволяло обжаловать решения в более высокой судебной инстанции.

Запасы олова постепенно иссякали, как и интерес властей к данному региону и суду – последний был закрыт, а дела перешли в суд соответствующего графства.

Судебное поле в стране всегда отличалось особенностями. Необычность ему придали суды в так называемых палатинных/дворцовых графствах (***Court of the Counties Palatine of Lancaster and Durham***)[2], имевших большие льготы, например, *Court of the Duchy of Lancaster*[3], где председателем был канцлер герцогства или его заместитель. Суд решал вопросы имущественного права, включая земельные споры.

Кроме земельных было несколько лесных, речных, рыбных судов. Будучи морской державой, Англия строила корабли, выходила на океанский простор. Во все времена постройка судов – дело сложное и ответственное, поэтому суды морской юрисдикции (***Court of the Lord High Admiral***)[4] появились довольно рано. Сначала это было несколько адмиралов и несколько судов адмиралтейства, которые в дальнейшем стали единым Высоким судом адмиралтейства (***High Court of Admiralty***)[5].

---

[1] Суд горняков (англ.).

[2] Высокий суд данных территорий (англ.).

[3] Высокий суд графства Ланкастера (англ.).

[4] Высокий суд высокочтимого лорда адмирала (англ.).

[5] Суд по морским делам (англ.).

Общеанглийский концепт «суд» весьма сложный, имеет много признаков. Напомним, что основной причиной учреждения суда является потребность общества в разрешении назревших проблем. С появлением частной собственности, когда большая часть публичных ресурсов (земля, леса, лес как строительный материал, ягоды и дичь, реки, рыба в реке и многое другое) стали достоянием ограниченной группы лиц, а большинство было лишено права пользования этими природными богатствами. Потребность в суде возникала у всех: богатые хотели защитить свои владения от «посягательств» бедноты, а последние – вернуть право пользования тем, что в равной мере принадлежит им. Тут возникают ключевые вопросы: кто судьи? и какими законами руководствуется суд?

Суды – важная часть существующей государственной системы. В государстве, где власть принадлежит богатым, «странным» образом получается, что судьи – тоже состоятельные люди, чье пребывание в этой должности и дальнейшее продвижение по профессиональной и социальной лестнице зависят от богатых людей у власти. Так история английского суда и история английского государства оказываются тесно связанными. Их истинные взаимоотношения и отношение власти и судей, в частности, к простому народу, реалистично показывает паремия.

Пословицы и поговорки, являясь народным творчеством, раскрывают суть законов, их антинародный характер, срывают маску с судей, которые далеки от народа и не готовы защищать его интересы. Народ всегда понимал, что у богатых есть возможность использовать закон в свою пользу: *a law is just like a wax*: *the rich men can twist it as they wish*[1].

В народных балладах, как в стихотворных нарративах о жизни простых людей, ненавистными врагами народа являются судьи как воплощение судебной власти и шерифы как олицетворение правоохранительной власти. В адрес короля звучат ирония и сарказм, что и понятно: простому человеку с ним не договориться, в то время как государственная машина прославляет и идеализирует его.

[1] Закон, что воск, в руках богача: из него можно лепить, что он хочет (англ.).

Какими принципами справедливости руководствовались суды в Средние века, вынося правосудные решения? Современное государство Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – многонациональная и многокультурная страна. Присоединение Уэльса на западе Англии, Ирландии (вначале как целого островного государства, а потом потеряв большую часть и сохранив лишь шесть графств под названием Северная Ирландия)[1] и Шотландии на севере происходило в результате многочисленных жесточайших войн, которые длились веками.

В отношениях с северными (Шотландией) и западными соседями (Ирландией) применялся принцип ***first be hanged***, ***then be given justice***[2]. Если нормативный юридический термин ***justice*** всеми понимается как ***the quality of being* (*morally*) *just or righteous***, ***the principle of just dealing***; ***just conduct; integrity***, ***rectitude***[3], то такой принцип не имеет никакого отношения к достижению или восстановлению попранной справедливости через английский суд.

На юге Шотландии и севере собственно Англии населенные пункты становились опорными, к захвату которых армии обеих сторон готовились основательно.

В случае военной операции страдали мирные жители, но и в перерывах между военными действиями они также с обеих сторон подвергались нападению мародеров и разбойников: выжигались созревающие поля, угонялся скот, ради выкупа брались заложники. Местные власти принимали жесткие меры против грабителей, что навсегда сохранилось в семантике выражений *Jedwood justice*, *Jeddart justice*, *Jetburgh justice* и сочетаний *Jedwood law*, *Jeddart law*, *Jetburgh law*[4]. Это перевернутая справедливость, или правосудие наоборот, это – антизакон и антиправо. Это – имена собственные: названия ничем непримечательных пограничных селений, которые по обе стороны границы назывались по-разному, а при очередном захвате они получали

[1] По оценке английских историков и политиков в Ирландии отрабатывалась будущая колониальная политика Великобритании, набирали силу и масштаб безжалостная тактика и стратегия заморских военных кампаний.

[2] Сначала надо повесить, а потом разбираться (англ.).

[3] Правосудие – это моральная справедливость (англ.).

[4] Название городка, где было нарушено правосудие (англ.).

от победителей другие названия, но прославились безжалостными и жестокими судами, в которых невозможно было добиться правосудия и справедливости.

В ярмарочных городах и городках скапливалось огромное количество людей, незнакомых с местными порядками и обычаями. Они оказывались один на один с проходимцами, обманщиками и мародерами. Процветали воровство товара, обман покупателей. Местные власти, пытаясь навести порядок, принимали порою жесткие меры без должного предварительного следствия, пытаясь сохранить свою деловую репутацию и привлекательность для приезжих купцов.

История зафиксировала вынесение смертных приговоров нескольким бродягам, которые потом оказались невиновным в совершении преступлений. Выражение *Ledford justice* осталось своеобразным напоминаем об этих трудных, неустойчивых в правовом отношении временах: в городке с таким названием местные власти карали преступников без суда и следствия.

В Корнуолле из-за нечеловеческих условий в шахтах бастовали шахтеры. К подавлению стачек были привлечены войска (***regulation by force***[1]), которые безжалостно расправлялись с восставшими. Действовал закон военного времени (***the law of the army***[2]), цель которого как можно быстрее подавить социальный взрыв, пока известие о нем не достигло Лондона. В этих условиях родилась крылатая «правовая» формула: *hang in the morning*, *and try in the evening*[3].

Человек является вместилищем всего – доброго и злого, справедливого и несправедливого; он сострадателен, и он жесток; он милосерден, и он безжалостен. Было бы неправильным видеть в нем сочетание лишь положительных добрых черт – это не только не соответствует реальности, но и создает превратное мнение и знание.

Есть что-то, что заставляет человека забывать о собственных добрых качествах, и он становится жестоким и безжалостным. Это – осознание себя собственником, владельцем имущест-

[1] Решать социальные проблемы военной силой (англ.).

[2] Военные законы (англ.).

[3] Повесь утром – разберемся вечером (англ.).

венных и материальных ценностей в разнообразных видах и формах[1].

Если положительные понятия «право», «закон», «справедливость», «правосудие» и «правопорядок» не придумал, а буквально выстрадал человек, то он же в прямом смысле слова выстрадал понятия «беззаконие», «насилие» и «беспорядок». С полным основанием мы можем пользоваться отрицательными понятиями «антиправо», «антизакон» и «беспорядок» как производными образованиями с одинаковыми основами, но с противоположными по значению приставками.

Если положительные понятия сохраняют и увеличивают продолжительность жизни, укрепляют человека, делают его лучше, умнее и добрее, то отрицательные лишают его жизни, сокращают ее, делают его хуже, грубее. В рассматриваемый нами период времени человек лишь смог обобщить весь свой положительный опыт жизни в обществе в слове *PEACE*, и весь свой отрицательный опыт – в слове *WAR*.

Война, помимо всего прочего, имеет звуковое существование: шум, грохот, а человек не выносит этой какофонии. Он привык работать, творить, созидать в тишине, что и воплощено в слове *peace*[2]. Какие языковые средства обозначают беспорядок, волнения в обществе в английском языке выбранного нами периода?

В обществе концептосфера «непорядок, беспорядок» отображается многими языковыми средствами, среди которых ***trouble***,

---

[1] Из всех социально-политических течений только учение Маркса – Энгельса честно и неподкупно называет именно эту причину. В этой честности с ними солидарны великие писатели разных стран. Из английских назовем Джона Голсуорси. В трилогии «Человек – собственник» герой, который искаженно относится к народу, искаженно любит и искаженно понимает справедливость сквозь призму собственности. Писатель как выходец из родовитой и состоятельной семьи, лауреат Нобелевской премии по литературе был весьма далек от марксизма-ленинизма, но правдиво отразил жизнь со всеми ее проблемами.

[2] Именно данный смысл – мир и согласие в обществе – выражает слово *tranquility*, которое употребили основатели США в преамбуле Конституции 1787 г., определяя цели создания Союза. Именно в таком значении употреблялось синонимичное слово *stillness* во времена Шекспира.

disquiet, ***disquietude***, ***disorder*** во множестве языковых единиц, обозначающих антиправо, сочетание ***Club law*** занимает видное место. Это *the use of the club as symbol and tool of physical force as contrasted with argument*; *law of the physically stronger*[1]. Из этой дефиниции следует, что одними из смысловых компонентов истинного права являются аргументация, убеждение и убежденность, что виновный *is* ***guilty beyond a reasonable doubt***[2]. Это еще одна раскрытая правовая формула, согласно которой человеку свойственно колебаться, сомневаться.

Перед принятием судебного решения человек-судья должен убедиться в виновности подозреваемого; такому пониманию права и суда как средства достижения справедливости противостоит другое, основанное на физической силе.

Человек, имеющий жизненный опыт и обладающий разумом, под арестом – дознанием – судом в первую очередь понимает физическую силу как принуждение задержанного к признанию под давлением силы, а не восстановление истинного хода происшествия, его результата как торжество истины и правосудия.

Рассмотрим словосочетание ***club law***.

Слово *club* означает *a heavy staff for use as a weapon*, *thin at one end for the hand, and thicker at the other*[3]. Это специально изготовленное орудие/оружие для нанесения болевых ударов с целью получения (выколачивания) нужных полиции признаний или самообвинения. Это же силовое значение сохраняется в производных образованиях:

clubman (*a man armed with a club*);

to club (*to beat smb up with a club*);

clubber (*the man using a club as weapon*)[4].

Основное предназначение дубинки – нанести боль человеку; человек знает и чувствует, что такое боль. Один из бесконечных парадоксов состоит в том, что есть две стороны, два типа

---

[1] Кулачное право – использование дубинок как символа физической силы и бессилия закона (англ.).

[2] Без сомнения, виновен (англ.).

[3] Дубинка – это тяжелая бита с одного конца тоньше, с другого толще, для нанесения ударов (англ.).

[4] Человек, вооруженный дубинкой; избивать дубинкой; человек, пользующийся дубинкой (англ.).

человека: один имеет дубинку и наносит удар, у второго ее нет. Этот парадокс сохраняется, потому что та часть людей, что у власти, не хочет ее уступать. Этот социальный закон породил парадигматический ряд под общим названием «дубинка»: 1) *club*, 2) *baton*, 3) *bludgeon*, 4) *instrumen*, 5) *safety tool*, 6) *nightstick*, 7) *staff*, 8) *cudgeol*, 10) *police protection control device*, 11) *Violent Subject Limb and Torso Dysfunction Officer Safety Tool*, 12) *Survival Apparatus*[1].

Первым естественным средством как защиты, так и нападения человека были его руки и ноги – *as extensions of his body*[2]. Таким образом, онтологически естественно, что любой предмет со следующими характеристиками: вес (камень) и длина (палка), стали сначала случайно подобранными, а потом специально изготовленными орудиями для добычи пищи и самозащиты или нападения.

В дальнейшем человек искал и изготавливал острые предметы нужной формы и лишь несколько веков спустя изготовил холодное и огнестрельное оружие, что многократно удлиняло его руки, по сравнению с первым орудием труда или оружием. На всех ступенях человеческого развития эти предметы и действия с ними становились средством устрашения и принуждения в руках правоохранительных органов, поэтому список средств, применяемых человеком в нарушение законов, которые принимал сам человек, бесконечен.

Русское слово «беззаконие» имеет несколько соответствий в английском языке:

1) однословные: *illegality*, *lawlessness*, *unlawfulness*, *transgression*, *infringement*;

2) сочетания: *breach of law*, *breaking of the law*, *violation of the law*, *infringement of the law*.

Антиномия «действия законные – антиправные действия» существует у каждого народа, что следует из нами приведенных названий этого феномена.

---

[1] Данный номинативный ряд включает 12 названий дубинки полицейского: от первоначальной палки через биту к специально изготовленным орудиям «для наведения порядка».

[2] Средство для удлинения руки, тела, корпуса (англ.).

Рассмотрим некоторые вербальные средства материализации понятия «беззаконие», которыми сейчас пользуются англоговорящие:

первое название ***illegality*** – производное латинского заимствования *legality* с добавлением приставки, заимствованной из французского языка ***il-***;

второе и третье *lawlessness* и *unlawfulness* – производные слова со скандинавским заимствованием ***law*** в качестве основы, германской приставки ***un-*** и трех суффиксов германского происхождения: ***-ful***, ***-ness***, ***-less***;

четвертое и пятое *transgression* и *infringement* – заимствования из французского языка с явными следами латинского;

составные наименования шесть и семь образованы в лоне английского языка как производные от древнеанглийского глагола ***brecan*** с его очевидным негативным значением: *to do violence to*, *to fail to keep sacred or intact*[1] с примерами: *The laws have been shamefully broken*; *to break the Sabbath*; *to break the King's peace*; *to break contract*, *oath*[2]. Оба существительных (*breach*, *breaking*) обозначают негативный результат: *the breaking of any legal or moral bond or obligation; infraction, violation*[3]. Последняя для данного контекста интересна и содержательна тем, что это пример синонимической дефиниции: мы можем расширить наш номинативный ряд с общим значением «беззаконие» за счет слов данной дефиниции: ***violence***, ***sin***, ***transgression***, ***infraction***[4].

В силу ограниченного объема работы предложим промежуточное обобщение: как и у первого члена антитезы «закон – - беззаконие», у второго понятия также много (больше одного) названий. По-видимому, это объясняется прежде всего способностью человека различать больше чем одно проявление особого феномена, которому человек дал общее название «беззаконие». Это сложное понятие, которое связано с применением закона, но понимается особо: оно противостоит понятию «соблюдение зако-

[1] Не смочь сохранить святость (англ.).

[2] Законы бесстыдно нарушались, нарушать священный день отдохновения (англ.).

[3] Нарушение законного или морального долга, обязанности/обязательства (англ.).

[4] Насилие, грех, нарушение (англ.).

на, сохранение правопорядка». Мы предполагаем, что человеческому разуму давно была под силу мнемоническая схема «противопоставление, оппозиция, фигура контраста».

Каждое из противоположных понятий (или их частных признаков) сопровождается набором более простых (и потому более понятных) качеств-признаков, и человек как существо разумное, имеющее большой жизненный опыт, оказывается в состоянии их различить, более того, оценить и выработать к каждому свое отношение. Он воспринимает данные два понятия как противоположные (уровень понимания, осознания), именно так он к ним относится (уровень оценочного отношения, или уровень их оценки: положительно – к первому, отрицательно – ко второму). Как существо разумное и с большим опытом проживания в обществе – генным родовым и личным индивидуальным, он дает такому их восприятию объяснение: положительно все, что способствует сохранению и удлинению счастливой и обеспеченной жизни человека, и негативно, что дает противоположный результат, а именно: лишает человека жизни, сокращает ее, отнимает счастье и обеспеченность.

Обладая естественными правами по факту своего рождения, человек изучает себя, выводит много закономерностей своего существования в рамках природы, общества и сознания. Одна из них состоит в том, что помимо разных предметов и явлений есть похожие предметы и явления, которые отличаются друг от друга степенью наличия/отсутствия в них определенного качества. Так открывается категория интенсивности в понятийных терминах степени (*degrees*), градуальности (*grades/grading*), иерархичности (*intensity*), ранжирования (*ranking*) в следующем их понимании по принципу аппроксимации: ***a degree*** *is a point on an imaginary line used for measuring or comparing qualities*, *feelings*, *abilities*, *etc.*[1] (*Longman*).

Преступления могут различаться по степени тяжести, так как наносят вред, повреждения, урон разной степени. Человек понимает, что степень наказания не может не зависеть от степени причиненного вреда.

---

[1] Степень – точка на воображаемой прямой линии для измерения определенных качеств и свойств (англ.).

Существует составной термин ***graded offense*** – *one where an offender is subject to different penalties for various* ***degrees of the offense***[1]. Практически его перифразом становится составной термин – *degrees of crime*. *Degree* и *grade* – равновеличные понятия.

Человек не только противоречивое существо, но и загадочное в роли пользователя языка: одни важные вещи в его жизни он называет лишь одним именем, другие, не менее важные, – многими. Наиболее вероятное объяснение этому факту предложил С. Ульман: самые важные артефакты жизни человек называет максимально вариативно, но сама категоризация предметов на важные/неважные для человека не выдерживает строгой критики[2].

Концептосфера «нарушение общественного порядка» предстает как следующее множество языковых средств, составляющих номинативный ряд, члены которого позволяют точно и гибко именовать несколько разновидностей одного феномена, например, в номинативном ряде с общим названием «беспорядок» более 20 членов: (1) *disorder*, (2) *disquiet*, (3) *disquietude*, (4) *disunion*, (5) *discord*, (6) *confusion*, (7) *mess*, (8) *chaos*, (9) *turmoil*, (10) *trouble*, (11) *disturbance*, (12) *perturbation*, (13) *turbulence*, (14) *tumult*, (15) *pandemonium*, (16) *row*, (17) *uproar*, (18) *riot*, (19) *fracas*, (20) *out of joint*; (21) *strife*[3]. Отнесение всех данных слов к одной концептосфере возможно при одинаковом значении каждого. Какое же оно? Для объективного ответа на этот ключевой вопрос посмотрим на дефиницию каждого слова.

До обращения к словарям простое наблюдение за словами данного номинативного ряда в речи позволяет сгруппировать их вполне определенным образом. Первой основой их классификации или рубрикации являются их форма, или внешний вид, повторяемость некоторых их элементов или составных частей. Это очевидно в процессе и результате изучения состава слова, подключения словообразовательного анализа. Первые пять слов

---

[1] Классификация преступлений в США по принятой шкале (англ.).

[2] *Ullmann* St. Semantics. Oxford. 1972. P. 59.

[3] Данный номинативный ряд под общим названием «беспорядок» содержит 21 название, что можно принять за свидетельство частого обращения к данному широкому понятию в современном обществе.

(*disorder*, *disquiet*, *disquietude*, *disunion*, *discord*) объединяет явно выделяемая приставка *dis*-, значение которой *to mean* (*smth*) *opposite to the meaning of the base*, что позволяет представить несколько пар оппозиций:

1***) order vs disorder***. ***Order*** (*the maintenance and observance of law or constituted authority*; *law abiding state*; *absence of insurrection*, *riot*, *turbulence*, *or crimes or tumult*; *social or political tranquility*; *absence of disturbance or tumult*; *social or political tranquility*; *absence of noise*; *calmness*, *stillness*) – ***disorder*** (*disturbance*, *commotion*, *tumult*, *irregularity*);

2***) quiet vs disquiet***. ***Quiet*** (*absence of disturbance*, *or tumult*; *social or political tranquility*; *absence of noise or commotion*, *rest*, *repose*; *freedom from molestation and noise*; *calmness*, *stillness*) – ***disquiet*** (*the reverse of quiet*(*ness*); *disturbance*);

3) ***quietude vs disquietude***. ***Quietude*** (*quietness*, *rest*, *calm*, *tranquility*) – ***disquietude*** (*restlessness*, *disturbance*);

4) ***union vs disunion***. ***Union*** (*the uniting together of the different sections*, *parties*, *or individuals*, *a nation or other body so as to produce general agreement or concord*) – ***disunion*** (*separation*, *disjunction*, *dissension*, *absence of the union*);

5) ***cord/accord vs discord***. ***Cord***/***accord*** (*harmony*, *conformity*, *reconciliation*, *agreement*) – ***discord*** (*absence of accord*, *or harmony*, *disagreement*, *dissention*, *e. g.*, *the age of discord and continual strife*)[1].

Семантико-правовой анализ дефиниций обоих членов оппозиций позволяет сделать следующие заключения:

а) левые и правые члены оппозиции составляют синонимические подмножества под названиями «общественный порядок» и «общественный беспорядок»;

б) в определениях обоих концептов встречаются одни и те же языковые единицы настолько ожидаемо;

в) контрастность, или антиномичность становятся яркой характеристикой, объединяющей их в языковых терминах в анто-

[1] 1) порядок – беспорядок;
2) тишина – шум;
3) спокойствие – напряженность;
4) объединение в союз – распад союза;
5) согласие/соглашение – несогласие (англ.).

нимические пары в лингвистических терминах и в антиномию – в логических терминах.

Для простоты дальнейшего исследования примем данные пять пар терминов доминантными в каждом синонимическом подмножестве. Почему все пять? Даже из представленной в работе 21 номинативной единицы, каждая из которых называет беспорядок; пять допустимо считать вполне репрезентативным количеством, позволяющим делать обобщения. Оперирование исходным материалом исследования позволяет констатировать, что их гораздо больше, достаточно обратиться к *Roget's Thesaurus* последних изданий. В английском языке концепт «правопорядок, соблюдение законности» обозначен следующими наиболее частотными языковыми средствами: *order*, *public order*; *maintenance and observance of law*[1]. Среди них:

а) однословные наименования (одна морфема в морфологическом анализе и основа в словообразовательном анализе): *order*, *rest*, *repose*, *quiet*;

б) классические деривативы: *quietude*, *quietness*, *calmness*, *stillness*, *tranquility*;

в) сочетания или составные наименования: *maintenance*, *observance of law*; *constituted authority*; *law-abiding state*.

Среди составных наименований есть такие, часть которых повторяется, превращаясь в формулу, предрешающую содержание/значение полного составного наименования:

1) ***absence of*** (*disturbance*, *riot*, *tumult*, *insurrection*, *crimes*, *noise*);

2) ***the reverse of*** (*quet*, *quietude*, *quietness*).

Полная дефиниция такова: *order – absence of riot*[2]; *disorder – the reverse of quiet*[3]. Схематически ее можно представить тремя элементами:

А. Первая дефиниция:

1-й элемент: положительное явление «правопорядок» – 2-й элемент: *absence of/the reverse from* – 3-й элемент: отрицательное явление «беспорядок»;

---

[1] Центральное слово номинативного ряда «порядок» (англ.).

[2] Порядок (есть) отсутствие беспорядка, мятежей (англ.).

[3] Беспорядок – обратное тишине (англ.).

Б. Вторая дефиниция:

1-й элемент: отрицательное явление (*disorder*) – 2-й элемент: *absence of*/*the reverse from* – 3-й элемент: положительное явление «порядок».

Из таких кратких определений делаем два вывода: однозначно велика роль (как мы ее назвали) формулы контраста с тремя элементами; поскольку одна и та же формула в дефинициях используется для определения как положительного, так и отрицательного явления, то существенно соотношение не на уровне слов, а на более высоком уровне всего комплекса. Это отношение контраста, или противопоставления, устанавливается/регулируется формантом *absence of*/*there verse from*, который функционально выступает в роли переключателя смысла. Из факта употребления слов как положительного, так и отрицательного семантико-правового смысла в дефинициях языковых средств, с помощью которых англоговорящие обозначают/называют эти противоположные понятия, следует, что данные противоречивые, или противоположные, смыслы в сознании человека связаны мыслительной схемой, которая в языке проявляется при помощи указанного выше способа.

Таким образом, мир права и правопорядка не только сложен, но и противоречив, практически накладывается на всю жизнь человека, сливается с ним. Любое слово и поступок человека правозначимы. Так к многочисленным функциям языка добавляется еще одна: он предупреждает человека о возможной опасности. Практически это функция *спасения человека*.

В жизни уживаются добро и зло, мир и война, правопорядок и беспорядок. Знание языка и жизненный опыт позволяют утверждать, что понятия добра и зла сосуществуют вместе как антиподы в рамках единого противоречивого целого (большой мыслительной схемы антитезы), или они разграничены в бесконечном функциональном пространстве мозга (малые члены и античлены антитезы).

Концептосферы права и правопорядка, с одной стороны, беспорядка и бесправия – с другой, и их языковые материализации связаны противительной связью и составляют некое противоречивое, антиномическое единство, о чем свидетельствует их дефиниция в словарях/энциклопедиях. Возможна интерпретация

каждого понятия через обращение к противоположному посредством представленной языковой формулы. По-видимому, такая особая парность понятий, которую можно назвать по-разному: антиномия, антитеза, оппозиция, контрастность, способствует тому, что человек помнит о противоречивости мира природы, социума и мысли – и это его великое открытие. Оно способствует более объективному суждению о мире, где рядом с добром уживается зло, где есть не только справедливость, но и несправедливость. Более того, каждое из положительных понятий возможно представить во всей полноте, только прибегая к его антиподу – еще один закон человеческого мышления.

Из приведенных языковых названий-характеристик понятия «правопорядок» выделяем группу слов с общим значением «тишина»: *quiet*, *quietude*, *quietness*, *stillness*, *tranquility*, *calmness*, *rest*, *repose* как сугубо человеческую доминанту правопорядка.

Доминантное слово ***quiet*** – латинское заимствование, буквально означающее *to become silent*[1].

Still (общегерманское слово) – *to be fixed*, *to stand, motionless*, *stationary*;

silent, *free from* ***commotion*** (*public disturbance*, *tumult*, *sedition), e. g., the still voice of law and reason was seldom heard or obeyed*[2].

Значение тишины доминирует в наречии ***still***: *without noise or commotion*, *at rest*[3].

У остальных слов:

1) ***tranquility*** – *free from agitation*, *or disturbance*;

calm, *serene*, *placid*, *peaceful*[4], где ***calm*** – *stillness*, *tranquility*, *serenity*; *freedom from agitation*, *or disturtance*; ***calmness*** – *the state or quality of being calm*; *stillness*; *tranquility*; *quietness*[5];

2) ***rest*** (также общегерманское слово) – *the natural repose or relief from daily activity*; *freedom from molestation or aggression*; *absence of motion*[6];

---

[1] Шум затихает (англ.).

[2] Отсутствие шума, грохота (англ.).

[3] Нет шума, грохота (англ.).

[4] Тихий, безмятежный, спокойный (англ.).

[5] Тишина, спокойствие (англ.).

[6] Отсутствие агрессивности (англ.).

3) ***repose*** *– temporary rest or cessation from activity*; *relief or respite from exercise*, *toil*, *trouble*; *a state of quiet or peaceful inaction or of freedom from disturbance*; *quiet*, *calm*, *or calmness*, *tranquility*[1].

Peace :

a) *freedom from, or cessation of, war or hostilities; that condition of a nation or community in which it is not at war with another*;

b) *freedom from civil commotion; public order and security, freedom from disturbance, perturbation; quiet, tranquility*[2].

Базовые значения слова *peace* в английском языке (диссемия) демонстрируют свою смысловую преемственность: от отсутствия боевых действий с применением оружия на поле боя до заключения мира. Это слово – активный член сочетаний: *peace and quiet*[3], с результатом эмфатического усиления идеи мира и правопорядка, тишины и комфорта.

Peace – слово раннего Средневековья, заимствованное из французского, с влиянием латинского, употребляется христианами для обозначения отсутствия разногласий, несогласия и шума в ежедневной личной и общественной жизни значении:

kiss of peace *– a kiss given in sign of friendliness* (как пожелание мира после окончания военных действий и мира как состояния покоя и порядка в обществе с соблюдением законов);

the king's peace, ***the peace*** (в абсолютном смысле с определенным артиклем) *– the protection secured to certain persons by the king*, *as those travelling on the king's highways*;

to keep the peace; ***breach of the peace***; ***to swear the peace against*** *– to swear that one is in bodily fear of another*, *so that he may be bound over to keep the peace*;

commission/***justice***/***officer of the peace***, ***God's peace*** *– God's requirement of peace and good order*;

the Roman peace (***PaxRomana***); ***the British peace*** (***paxBritannica***); ***to keep the peace*** *– to refrain or prevent others*, *from disturbing* ***the public peace***;

at peace *– not at strife or variance*;

---

[1] Спокойствие, тишина (англ.).

[2] Общественный порядок и тишина (англ.).

[3] Мир и порядок (англ.).

to make peace *– to effect a reconciliation between parties at varience*;

to enforce public order; ***to make one's or a person's peace*** *– to come, or bring some one into friendly relations*[1];

peace-breaker *– one who* ***commits a breach of the peace***[2];

a justice of the peace; ***peace officer*** (*as a constable*); ***peace-warrant*** *– a warrant for arrest*[3];

производные слова: ***peaceless***, ***peacelessness***; ***peaceable***, ***peaceful*** *– free from strife*, *untroubled*, *tranquil*, *quiet*[4];

сложные слова: ***peacemaker***, ***peace offering***[5].

Расширение дефиниции емкого слова-понятия *peace* происходит за счет обращения к наиболее онтологичным понятиям тишины, покоя, высокоценимых человеком. Большая частотность его употребления в соответствующих контекстах позволяет констатировать, что оно является вершиной данного подмножества.

Проведенный анализ позволяет вывести наиболее ключевые, частотные и житейски востребованные ассоциации, связанные с концептами «правопорядок» и «социальный/общественный беспорядок». В первом случае это глубинные житейские понятия мира, тишины и покоя, жизни и созидания; для второго – ассоциации войны, шума и разрушения и смерти.

[1] Попросить или заставить кого-либо вести себя дружески (англ.).

[2] Нарушитель общественного порядка (англ.).

[3] Мировой судья, полицейский, ордер на арест (англ.).

[4] Агрессивный, враждебно настроенный. Букв.: человек без идеи мира (англ.).

[5] Миротворец, мирное предложение (англ.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юридическая терминология – это те языковые средства, которые называют концепты и артефакты юриспруденции. В работе это понятие конкретизируется как слова и словосочетания, которые обозначают концепты и артефакты трех ветвей власти, земельное право, полицию, муниципальное право. Предметом внимания стали ключевые термины этих отраслей права, которые являются маркерами или маяками в англоязычной юридической терминологии.

Причинами появления юридических терминов и последующего их развития стали потребности человека. В процессе добывания средств для своего успешного существования – физического и ментально-эмоционального – человек вступил в практические/производственные контакты и отношения с другими людьми. Потребовались взаимопонимание, возможность производить совместные действия. Это становилось возможным – и сам человек это увидел и стал поступать подобным образом – после достижения определенных целевых соглашений и договоренностей между ними. Обладая органами речи, способностью думать и принимать практические решения и пользуясь ими практически, человек развивал и совершенствовал эти способности. От несовершенных первых звуков и слов, многократно повторяя их и наращивая их число и качество (членораздельность, ударение, закрепляемое одним и тем же звуковым комплексом за одним и тем же артефактом), человек сам создавал язык как оптимальное средство общения.

Общение в области права и правоохранительной деятельности – органическая часть общечеловеческого общения, которое происходит по универсальным законам и закономерностям.

Мы разделили два понятия: «исток» и «источник языка». Говоря о происхождение языка вообще и в нашей работе о формировании юридической терминологии в частности, корректно пользоваться понятием «исток». При этом источник – конкретный языковой материал, который используется в работе. Такими источниками стали многочисленные тексты, часть которых вне-

сена в литературу. Истоками юриспруденции и юридической терминологии являются как жизненный опыт человека, формирующий его конкретные потребности, так и его исконная способность мыслить и корректно оценивать жизненные ситуации.

На всех известных этапах существования германских племен – на европейском континенте и в ходе переселения и поселения на Британских островах – англы, саксы, юты вступали в контакты с другими народами. Германские племена получили нелестное название «варвары» не только в современном значении «дикий, невежа и невежда», но и в значении «другой, неизвестный». Да, они разрушили Рим с его высокой культурой, но при этом успев позаимствовать из него много нового и ценного, в том числе и в области государственного и городского строительства и юриспруденции. Об этом свидетельствуют многочисленные заимствования из латинского и других языков в силу особых условий межъязыкового контактирования: из скандинавских языков – как следствие неоднократных набегов скандинавов на северо-западные земли Англии; из французского (его варианта в Нормандии) – после поражения англосаксов в битве при Гастингсе. Важным фактором заимствований из скандинавских языков была их близость к германским языкам.

Нами было введено новое понятие номинативных или синонимических рядов как таких объединений слов и словосочетаний, которые употребляются в разные временные периоды для номинации одного и того же концепта/артефакта юриспруденции. Это понятие используется как полезный инструмент анализа благодаря двум своим параметрам: длине и конкретному составу (из какого языка они заимствованы). Оба параметра и лингвистически и юридически значимы и познавательно ценны. Количество членов конкретного номинативного ряда выступает свидетельством той важности, которую носители языка придавали тому или иному правовому концепту/артефакту. Разные люди в разное время выделяли различные свойства, признаки у одних и тех же концептов/артефактов. Новое время, новые условия проживания, новый уровень глубины знания и новые потребности – все это способствовало их новому восприятию и оценке. Каждый номинативный ряд практически демонстрирует зарождение, развитие и функционирование каждого концепта, что имеет большую позна-

вательную ценность. Такой путь познания характерен для человека. Их глубокий и комплексный анализ составляет одну из перспектив будущего исследования.

Мы сравнили два этапа жизни английского государства, а именно: до 1066 г. и после. На первом этапе успешно функционировали органы власти, или ветви власти; исправно работала налоговая практика; все органы власти возглавляли сограждане с одним и тем же менталитетом и языком, что и простые граждане. Это высоко оценил такой крупный государственник, как Вильгельм Завоеватель. Данная общность сближала власть и народ, способствовала патриотическому настрою, своевременному и качественному исполнению законов.

После 1066 г. картина другая: все властные органы были в руках победителей, которые говорили на чужом языке. В стране установилось двуязычие; низы не понимали верхи и наоборот. Такое положение вещей не способствовало взаимопониманию между властью и народом. Особенностями психологии победителей стали жестокость и чрезмерная гордыня, высокомерие и неуступчивость. Сложна и психология побежденного патриота: нежелание признать себя побежденным, отказ идти на компромисс, антипатия и непослушание. Таким оказалось реальное положение дел, которое разрешалось через обострение в виде волнений, локальных восстаний, которые жестко подавлялись, поэтому в стране долгое время поддерживалась конфликтная ситуация. Как следствие, понятия конфликта в жизни, мыслительной схемы антитезы явились прямыми проявлениями враждебного противостояния победителей и побежденных.

Конфликтные умонастроения и действия передают сохранившиеся документы. Эти умонастроения, чувства и эмоции четко делятся на два противоположных концепта: концепт «Мир» *vs* антиконцепт «Война», каждый – как самостоятельный комплекс определенных признаков и свойств. В мирное время они трансформируются в понятия «Правопорядок» и «Беспорядок» со своими признаками и свойствами, унаследованными от концептов мира и войны. Противоположные качества каждого понятия обрекают результирующие концепты «Порядок» и «Беспорядок» на вечное противостояние, что в языке традиционно называется антонимией, поэтому и состояние общества, и состояние языка об-

щества полно и корректно можно описать/охарактеризовать через синонимы и антонимы, что и предпринято в работе. В языке использованных источников в области юриспруденции отмечаем очень развитую синонимию и антонимию.

Мы не решаем проблему «язык и мышление». Человек познает мир, соприкасаясь с артефактами физически или через их описание. В нашем обществе обучение преимущественно построено на текстах (первоисточниках), поэтому все обучение, которое мы называем целенаправленным и ускоренным процессом познания, в целом является текстоцентричным.

Изучая тексты, мы познаем не только конкретные объекты и предметы и абстрактные понятия, но и сам процесс, технологию познания. В этом мы видим одну из ключевых функций языка: сохранять знания с невольной демонстрацией самого процесса познания. Такой подход позволил нам представить описание части правовой терминологии в тесной связи с жизнью (отсюда – заголовочное слово «онтология») и с умственной способностью человека реального (на этом основании – заголовочное слово «концепт»).

ЛИТЕРАТУРА

На иностранном языке

1. **Anderson, M.** Old English Handbook / M. Anderson, B. C.Williams. – Boston : Houghton Mifflin, 1935. – Text : Direct.

2. **Arendt, H.** The Human Condition / H. Arendt. – Chicago, 1958. – 332 pp. – Text : Direct.

3. **Ball, T.** Transforming Political Discourse: political theory and critical conceptual history / T. Ball. – New York : Blackwell ; Oxford [Oxfordshire], 1988. – 199 pp. – Text : Direct.

4. **Blackstone, W.** The Commentaries on the Laws of England. In Four Volumes. Vol.1 / W. Blackstone. – NJ : Lawbook Exchange, 2007. – 569 pp. – Text : Direct.

5. **Brackenberry, G. H.** Studies in English Idiom / G. H. Brackenberry. – London : Macmillan and Co, 1926. – 203 pp. – Text : Direct.

6. Brewes Concise Dictionary of Phrase and Fable : English language – Dictionaries / edited by B. Kirkpatrick. – Oxford : Helicon, 2000. – 1118 pp. – Text : Direct.

7. **Cicero** Murder Trials. In Defence of Sextus Roscius of Ameria. In defence of Aulus Clientus Habitus… / Cicero. – London : Penguin books, 1990. – 367 pp. – (Penguin classics). – Text : Direct.

8. Collins National Encyclopedia. London : Glasgow. William Collins Sons & Co. Ltd., 1966. – 468 pp. – Text : Direct.

9. **Dahl, R.** The Concept of Power / R. Dahl. – Text : Direct // Behavioral Science. – 1957. – № 2. – P. 201–215.

10. **Hobbs, T.** Leviathan / T. Hobbs. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1991. – 519 pp. – (Cambridge texts in the history of polit. thought). – Text : Direct.

11. **James, P. D.** Original Sin / P. D. James. – NewYork, 1995. – 416 pp. – Text : Direct.

12. Lans Acts // The Oxford Companion to British History / ed-d by John Cannon. Oxford University Press. 1997. – 1013 pp. – Text : Direct.

13. **Lasswell, D.** Power of Society. A Framework for Political Inquiry / D. Lasswell, A. Kaplan. – New Haven : Yale University Press, 1950. – 333 pp. – Text : Direct.

14. **Lukes, S.** Power. A Radical View / S. Lukes. – London : Published in association with the British Sociological Association, 1988. – 192 pp. – Text : Direct.

15. **Moss, P.** Town Life through the Ages / P. Moss. – London : Harrap, 1972. – 248 pp. – Text : Direct.

16. **Prall, S. E.** A History of England / S. E. Prall, D. H.Willson. – Holt, Rinehart and Winston, INC. 1991. – 702 pp. – Text : Direct.

17. **Riley, A.** English for Law / A. Riley. – London : Macmillan Publishers, 1991. – 256 pp. – Text : Direct.

18. **Sartre, J.-P.** The Words / J.-P. Sartre. – Minnesota : Fawcett Publications, 1964. – 453 pp. – (A Fawcett Crest Book). – Text : Direct.

19. **Shearman, H. C.** Matriculation History of England. Part 1. Part 11 / H. C. Shearman, H. Plaskit. – London : University Tutorial Press LD, 1937. – 235 pp. – Text : Direct.

20. **Trevelyan, G. M.** Illustrated English Social History. In 4 volumes. Vol. 1. Chaucer's England and the early Tudors; Vol. 2. The Age of Shakespeare and the Stuart Period / G. M. Trevelyan. – Harmondsworth, Middlesex, Eng. : Penguin Books LTD. 1968.

21. **Ullmann, St.** Semantics / St. Ullmann. – Oxford : Oxford University Press, 1972. – 278 pp. – Text : Direct.

22. **Warner, G. T.** The Groundwork of British History. In 2 volumes / G. T. Warner, C. H. K. Marten. – London : Blackie & Son, 1929.– Text : Direct.

23. **Weber, M.** Economy and Society / M. Weber. – New York : Bedminster Press, 1968. – 1469 pp. – Text : Direct.

24. **Willcox, W. B.** The Age of Aristocracy, 1688–1830 / W. B. Willcox. – 2-nd edition. – Lexington, Mass.1971. – 245 pp. – Text : Direct.

На русском языке

25. **Алексеева, Л. С.** Древнеанглийский язык : учебное пособие для институтов и факультета иностранного языка и филологического факультета государственных университетов / Л. С. Алексеева. – Москва : Высшая школа, 1971. – 297 с. – Текст : непосредственный.

26. **Ананьев, Б. Г.** Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Ленинград : Ленинградский университет, 1968. – 339 с. – Текст : непосредственный.

27. **Арендт, Х.** Жизнь ума / Х. Арендт. – Санкт-Петербург : Наука, 2013. – 519 с. – Текст : непосредственный.

28. **Аристотель** Сочинение. В 4 томах / Аристотель. – Москва : Мысль, 1978–1984. – Текст : непосредственный.

29. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. В 15 томах. – ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1933–1952. – Текст : непосредственный.

30. **Балашов, Л. Е.** Реалистическая теория бессмертия / Л. Е. Балашов. – Текст : непосредственный // Вестник Российского философского общества. – 2003. – № 1 (25). – С. 129–135.

31. **Барт, Р.** Лингвистика текста / Р. Барт. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Выпуск VIII. – С. 442–450.

32. **Бахтин, М. М.** К философии поступка / М. М. Бахтин. – Москва : [б. и.], 1986. – 161 с. – Текст : непосредственный.

33. **Бердяев, Н. А.** О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Терра-Книжный клуб ; Республика, 1998. – 382 с. – Текст : непосредственный.

34. **Бердяев, Н. А.** Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва : Советский писатель, 1990. – 346 с. – Текст : непосредственный.

36. **Брунер, Дж.** Психология познания: за пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – Москва : Прогресс, 1977. – 412 с. – Текст : непосредственный.

37. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с. – Текст : непосредственный.

38. **Вернан, Ж.-П.** Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан. – Москва : Прогресс, 1988. – 221 с. – Текст : непосредственный.

39. **Вятр, Е.** Социология политических отношений / Е. Вятр. – Москва : Прогресс, 1979. – 463 с. – Текст : непосредственный.

40. **Гегель, Г. Ф. В.** Феноменология духа / Г. Ф. В. Гегель. – Москва : Искусство, 1968. – 494 с. – Текст : непосредственный.

41. **Гоббс, Т.** Сочинения. В 2 томах / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 1991. – Текст : непосредственный.

42. **Гончаров, В. П.** Геном и клонирование человека. Философский аспект / В. П. Гончаров. – Москва : Современные тетради, 2003. – 102 с. – Текст : непосредственный.

43. **Гроцкий, Г.** О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также

принципы публичного права / Г. Гроцкий. – Репринт с издания 1956 г. – Москва : Ладомир. 1994. – 867 с. – Текст : непосредственный.

44. **Гуссерль, Э.** Собрание сочинений. В 4 томах Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссель. – Москва : Логос : Гнозис, 1994. – 162 с. – Текст : непосредственный.

45. **Декарт, Р.** Начала философии / Р. Декарт. – Москва, 1947. – Текст : непосредственный.

46. **Дубровский, Д. И.** Гносеология субъективной реальности (к постановке проблемы) / Д. И. Дубровский. – Текст : непосредственный // Сознание, мозг, искусственный интеллект : сборник статей / Д. И. Дубровский. – Москва : Стратегия-Центр, 2007. – С 31–54.

47. **Захаренко, Е. Н.** Новый словарь иностранных слов (свыше 25 000 слов и словосочетаний: толкование, этимология, примеры употребления) / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Азбуковник, 2008. – 1037 с. – Текст : непосредственный.

48. **Иванов, А. В.** Университетские лекции по метафизике / А. В. Иванов, В. В. Миронов. – Москва : Современные тетради, 2004. – 647 с. – (Научная библиотека «Современных тетрадей». Философия). – Текст : непосредственный.

49. **Ильенков, Э. В.** Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – Москва : Наука. 1975. – 318 с. – (Из истории логики XX века). – Текст : непосредственный.

50. **Ильин, И. А.** Постструктурализм. Деконструктурализм. Постмодернизм / И. А. Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 253 с. – Текст : непосредственный.

51. **Кант, И.** Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 1. Критика практического разума / И. Кант. – Москва, 1965. – 542 с. – (Философское наследие). – Текст : непосредственный.

52. **Кацнельсон, С. Д.** Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 1972. – 216 с. – Текст : непосредственный.

53. **Кириллов, В. И.** Логика : учебник для вузов / В. И. Кириллов, П. Г. Зыков, А. А. Старченко. – Москва : Высшая школа, 1967. – 260 с. – Текст : непосредственный.

54. **Книгин, А. Н.** Философские проблемы сознания / А. Н. Книгин. – Томск : Томский университет, 1999. – 335 с. – Текст : непосредственный.

55. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке : материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37. – Текст : непосредственный.

56. **Конт, О.** Курс положительной философии : в 6 томах. Т. 1 / О. Конт. – Санкт-Петербург : Книжный магазин Т-ва Посредник, 1900. – 302 с. – (Библиотека положительных наук, издаваемая З. К. Гартье и Ко.). – Текст : непосредственный.

57. **Коплстон, Ф. Ч.** История древневековой философии / Ф. Ч. Коплстон. – Москва : Энигма, 1997. – 500 с. – (История духовной культуры). – Текст : непосредственный.

58. **Кропоткин, П. А.** Современные науки и монархия / П. А. Кропоткин. – Текст : непосредственный // Избранные произведения / П. А. Кропоткин. – Москва, 1969. – С. 275–280.

59. **Кубрякова, Е. С.** Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

60. **Кубрякова, Е. С.** Теория номинации и словообразование. Языковая номинация. Виды наименований / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1977. – 83 с. – Текст : непосредственный.

61. **Кьеркегор, С.** Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Мимически-патетически-диалектическая компиляция. Экзистенциальный вклад Йоханнеса Климакуса / С. Кьеркегор. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2005. – 613 с. – (Профессорская библиотека). – Текст : непосредственный.

62. **Лонгинов, Н. М.** Новиков и московские мартинисты / Н. М. Лонгинов. – Москва : тип. Грачева и К°, 1867. – 568 с. – Текст : непосредственный.

63. **Лосев, А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1976. – 367 с. – Текст : непосредственный.

64. **Макиавелли, Н.** Государь / Н. Макиавелли. – Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. – 653 с. – (Антология мысли). – Текст : непосредственный.

65. **Маркс, К.** Критика готской программы / К. Маркс. – Текст непосредственный // Сочинения : в 30 томах. Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 19–20.

66. **Нерсесянц, В. С.** Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – Москва : Норма, 2005. – 656 с. – Текст : непосредственный.

67. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82 000 слов и фразеологических выражений) / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1164 с. – Текст : непосредственный.

68. О Русь, волшебница суровая : сборник / П. Я. Чаадаев [и др.]. – Нижний Новгород : Волго-Вятской книжное издательство, 1991. – 252 с. – Текст : непосредственный.

69. **Павиленис, Р. И.** Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – Москва : Мысль, 1983. – 286 с. – Текст : непосредственный.

70. **Панфилов, В. З.** Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке / В. З. Панфилов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 3–19.

71. **Печатнов, В. О.** Гамильтон и Джефферсон / В. О. Печатнов. – Москва : Международные отношения, 1984. – 335 с. – Текст : непосредственный.

72. **Пиаже, Ж.** Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – Москва ; Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 191 с. – (Психология-классика). – Текст : непосредственный.

73. **Платон** Собрание сочинений. В 4 томах / Платон. – Москва : Мысль, 1994. – Текст : непосредственный.

74. **Рист, Дж. М.** Плотин: путь к реальности / М. Дж. Рист. – Санкт-Петербург : Олег Абышко, 2005. – 318 с. – (Plotiniana). – Текст : непосредственный.

75. **Роднов, Л. Н.** Философия. Краткий курс : учебное пособие / Л. Н. Роднов. – Кострома : Костромской государственный технологический университет, 2001. – 167 с. – Текст : непосредственный.

76. **Рубинштейн, С. Л.** Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира /

С. Л. Рубинштейн. – Москва : Академия наук СССР, 1957. – 328 с. – Текст : непосредственный.

77. **Руссо, Ж.-Ж.** Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : Наука, 1969. – 703 с. – Текст : непосредственный.

78. **Соловьев, В. С.** Право и нравственность / В. С. Соловьев. – Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2001. – 190 с. – Текст : непосредственный.

79. **Степанов, Ю. С.** «Понятие», «концепт», «антиконцепт». Векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка : сборник научных трудов. – Москва : Эйдос, 2007. – С. 19–26.

80. **Фихте, И. Г.** О назначении ученого / И. Г. Фихте. – Москва : Соцэкгиз, 1935. – 138 с. – Текст : непосредственный.

81. **Фуко, М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Москва : Прогресс, 1977. – 488 с. – (Для научных библиотек). – Текст : непосредственный.

82. **Хабермас, Ю.** Избранное / Ю. Хабермас. – Москва : Весь мир, 2013. – 144 с. – Текст : непосредственный.

83. **Хайдеггер, М.** Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 451 с. – Текст : непосредственный.

84. **Цицерон, М. Т.** Диалоги / М. Т. Цицерон. – Москва : Ладомир : Наука, 1994. – 220 с. – (Литературные памятники). – Текст : непосредственный.

85. **Шаран, П.** Сравнительная политология / П. Шаран. – Москва, 1992. – 226 с. – Текст : непосредственный.

86. **Шварценберг, Р.-Ж.** Политическая социология / Р.-Ж. Шварценберг. – Москва, 1968. – Текст : непосредственный.

87. **Щедровицкий, П. Г.** Введение в философскую и педагогическую антропологию. Работы 1981–1996 / П. Г. Щедровицкий. – Москва : Политическая энциклопедия, 2018. – 350 с. – Текст : непосредственный.

88. **Юлов, В. Ф.** Мышление в контексте сознания / В. Ф. Юлов. – Москва : Академический проект : Киров : Дом печати – Вятка, 2005. – 493 с. – (Философские технологии / Вятский государственный гуманитарный университет). – Текст : непосредственный.

Научное издание

Ильин Юрий Васильевич,
Смирнова Ирина Юрьевна

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Монография

Редактор *Н. А. Елизарова*
Компьютерная верстка *А. Е. Горячковой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Подписано в печать 31.10.2022. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 20,88.
Тираж 40. Заказ 257.

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России